

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТРА ЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПРИАРАЛЬЕ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

Самарканд – 2013

Приаралье на перекрестке культур. — Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2013. — 196 стр.

Сборник, предлагаемый вниманию научной общественности, составлен в основном из научных докладов Международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур», проходившего 2–4 октября 2007 г. в городах Нукусе и Бустане.

Издание адресуется историкам, археологам, этнографам, а также специалистам в области геоморфологии палеогеографии.

Авторы несут ответственность за выбор и предоставление фактов и мнений, содержащихся в этом издании и не выражающих идеи ЮНЕСКО. Обозначения и материалы, предоставленные в книге, не включают в себе мнения ЮНЕСКО относительно легального статуса какой-либо страны, территории, города или зоны влияния, границ.

ISBN _____

© IICAS, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
Болелов С. Б.	
Ранний этап становления ремесленного производства на территории Хорезма (вторая половина I тыс. до н. э.)	5
Бороффка Н., Оберхэнсли Х.	
Заселение Приаралья и изменение уровня Аральского моря (новые данные к проблеме Узбоя)	20
Искандерова А. Д.	
Растительные и геометрические орнаменты на поливной керамике средневекового Хорезма IX–XIV вв.	29
Калменов М.	
Золотоордынские караван-сарай Мангистау	47
Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш.	
Хорезмско-джучидская культура в трудах С. П. Толстова	55
Ковалева Н. А.	
Работы реставраторов отдела монументальной живописи ВЦНИЛКР-ВНИИР в Хорезме. Исследования, консервация и реставрация фрагментов монументального декора	59
Курбанова З. И.	
Этнографические отряды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции	73
Мамбетгулаев М. М.	
О формировании и развитии городской культуры в Хорезме (VII–II вв. до н. э.).	81
Ртвеладзе Э. В.	
Хорезмский царь Фарасман и древнегрузинское племя колхов	85
Смагулов Е. А.	
Курильницы Южного Казахстана	88
Хожаниязов Г. Х.	
Фортификация городища Акшахан-Кала	109
Haddon Rosalind Wade.	
Golden Horde <i>Kashi</i> Wares in Collections outside the <i>Ulus</i> Jochi	129
Ягодин В. Н.	
Типолого-хронологическая систематизация средневековой керамики Арало-Каспия	135

ОТ РЕДАКТОРА

Сборник, предлагаемый вниманию научной общественности, составлен в значительной степени из научных докладов Международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур», проходившего 2–4 октября 2007 г. в городах Нукусе и Бустане, и посвященного 100-летию со дня рождения выдающегося ученого, этнолога, археолога, востоковеда Сергея Павловича Толстова.

С. П. Толстов вошел в историю науки как первооткрыватель цивилизации древнего Хорезма. Как ученый, который отличался широким подходом к постановке и разработке проблем исторической науки, использованием мультидисциплинарных методов исследования, органически сочетавших археологию и этнографию, историю и языкознание, геоморфологию и палеогеографию. Блестящий пример такого подхода — монография «Древний Хорезм», опубликованная в 1948 г. и являвшаяся в отечественной и мировой науке того времени фундаментальным трудом, подводившим итоги всех достижений в археологии и древней истории Средней Азии в целом.

С. П. Толстов известен и как талантливый организатор науки, создавший крупнейшую для своего времени Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию, способствовавшую не только разработке научных проблем, но и активной подготовке научных кадров, формированию новых научных центров в области археологии и этнографии на местах проведения исследований. На основе трудов С. П. Толстова и его сотрудников были предприняты первые опыты создания обобщающих трудов по истории народов Узбекистана и Каракалпакстана.

С. П. Толстовым оставлено богатейшее идейное наследие. Проблемы, поставленные им, продолжают разрабатываться его учениками и последователями, как в самой Хорезмской экспедиции, так и в новых научных центрах в республиках бывшего СССР, возникших под непосредственным влиянием трудов С. П. Толстова и его учеников. Идейное наследие С. П. Толстова в настоящее время стало объектом разработки мировой науки. Об этом свидетельствует тематика докладов в программе симпозиума и статьи представителей научных центров России, Узбекистана, Каракалпакстана, Казахстана, Великобритании и Германии, вошедшие в настоящий сборник.

Даже при таком широком круге авторов, принявших участие в симпозиуме и настоящем сборнике, представленные доклады и статьи далеко не полно отразили все грани научного наследия С. П. Толстова. Однако проведение симпозиума и публикация настоящего сборника позволяют надеяться на активизацию исследований в области археологии Приаралья и всей Центральной Азии.

Профессор В. Н. Ягодин

РАННИЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ХОРЕЗМА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА III ТЫС. ДО Н. Э.)

Возникновение в низовьях Амударьи раннего государственного образования, будь то сатрапия в составе державы Ахеменидов в середине I тыс. до н. э. или самостоятельное государство, возникшее на территории Южного Приаралья не позднее конца V – начала IV в. до н. э. [Балахванцев, 2006. С. 365–375], тесно связано со становлением ремесленного производства на этой территории. Каждый период древнейшей истории Хорезма характеризуется не только развитием старых и появлением новых технологий в ремесленном производстве, но и развитием и усложнением различных форм организации ремесла.

Наиболее ранние остатки специализированного ремесленного производства на территории Хорезма датируются не позднее VIII в. до н. э. На поселении Амирабадской культуры Якке-Парсан 2 раскопана полуземлянка (дом № 8, «дом литейщика»), где были найдены 4 каменные (сланцевые) двухстворчатые формы для отливки бронзовых орудий и фрагменты глиняного сосуда (тигля) с капельками медного сплава на дне. Три из упомянутых форм служили для отливки наконечников стрел, одна — для отливки серпа [Итина, 1963. С. 122].

На территории Южного Приаралья достоверно не зафиксировано остатков костровых или очажных конструкций для обжига керамики. Вместе с тем, существование таких конструкций предполагалось. Основным аргументом в пользу предположения является то, что на поселениях Амирабадской культуры помимо керамики кострового обжига (черепок с черным недожженным слоем в середине и тонкими красными прослойками по краям) встречаются сосуды с черепком серого однородного цвета, что, безусловно, является свидетельством восстановительного режима обжига [Ягодин, 1963. С. 133]. По мнению исследователя, такой обжиг мог осуществляться только в специальных обжиговых устройствах и при более высоких температурах. Однако, как свидетельствуют этнографические данные, равномерный восстановительный обжиг мог производиться и на открытых площадках. Это было возможно в том случае, когда сосуд был поставлен в центр подготовленной для обжига партии посуды и сверху хорошо перекрыт слоем топлива (сухой навоз), которое своевременно подкладывалось [Пещерева, 1959. С. 40–43].

На территории распространения культур степной бронзы известны специальные устройства (скорее всего очажного типа — Б. С.) для обжига керамики. Так, на поселении Атасу (центральный Казахстан) в одном из помещений обнаружена округлая в плане «западина» диаметром 7 м и глубиной 20 см. В центре этого углубления была расчищена разрушенная куполообразная постройка диаметром 1,45 м, дно ее выстлано двумя каменными плитами, на которых было глиняное возвышение-столлик округлой формы. На поверхности столика зафиксирован раздавленный горшок. Внутри и вокруг этой конструкции выявлены следы мощного прокала. Еще в одном помещении этого же поселения обнаружена конструкция, которую можно было бы связать с обжигом посуды, — это «грунтовая яма, обмазанная огнеупорной глиной и покрытая каменными плитами» [Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 151–152]. Судя по описанию, на поселении Атасу открыты примитивные теплотехнические устройства для обжига керамики. В первом случае это, скорее

всего, однокамерная печь с постоянным верхним перекрытием, во втором — очажное устройство с постоянными ограничительными стенками по периметру площадки [Бобринский, 1991. С. 94]. На территории Южного Приаралья подобных конструкций пока не обнаружено.

Скорее всего, обжиг керамики в Амирабадских поселениях, который, судя по виду черепка, был костровым, также производился специалистами-ремесленниками. Во время раскопок стоянок эпохи бронзы, в пределах южной Акчадарьинской дельты Амударьи в правобережном Хорезме обнаружены остатки конструкций, которые гипотетически можно интерпретировать как площадки для кострового обжига керамики. Это сравнительно большие по площади возвышения, обычно овальные в плане. Длина по оси более 20 м, ширина 10–15 м, высота 0,4 м. Они практически целиком состоят из некрупных камней, многие из которых имеют явные следы воздействия огня. Во время раскопок такой площадки на стоянке Каунды 16 кроме камней часто попадались куски сильно обожженной глины. Наибольшее скопление обожженной глины, древесных угольков и золы было отмечено в центральной части возвышения. Видимо, аналогичная площадка зафиксирована на стоянке Кокча 16 [Андрианов, 1969. С. 109, рис. 30]. Вполне возможно, что это остатки платформы из камней, обмазанных глиной, на которой обжигалась керамика открытым способом. Косвенным подтверждением этого предположения являются этнографические материалы. Так, в горных районах Таджикистана, где было распространено женское гончарство вплоть до 30–40-х гг. XX столетия, обжиг сосудов производился на открытых площадках, выложенных камнями. В качестве топлива использовался уложенный слоями кизяк [Воеводский, 1930. С. 68; Пещерева, 1959. С. 42–43].

Примечательно, что на каждом поселении отмечена только одна площадка, и располагалась она обычно на краю поселка. Учитывая это обстоятельство, весьма заманчиво провести параллель со значительно более ранним памятником, а именно с поселением эпохи неолита Джейтун, где также на краю поселения забутованные остатки жилого дома (платформа «А») были использованы с производственными целями. Судя по остаткам керамических шлаков, это был обжиг керамики [Масон В. М., 1964. С. 31; его же, 1971. С. 97; его же, 1976. С. 62].

Все известные на территории Южного Приаралья ремесленные производства эпохи поздней бронзы размещались компактно на краю поселения или в отдельном жилище.

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что в данном случае речь может идти об общинном ремесленном производстве, когда среди жителей поселения или общины выделяется специалист-ремесленник, обслуживающий их и работавший на заказ.

Несколько больше сведений о ремесленном производстве в Хорезме в эпоху раннего железного века — архаического периода.

Следы ремесленного гончарного производства обнаружены на Хумбуз-тепа — керамическом производственном центре, расположенном в южном левобережном Хорезме, в 18 км от Хазараспа. Первый строительный горизонт Хумбуз-тепа (комплексы ХТ-1а и ХТ-1б) датируются в пределах конца VII–VI в. до н. э. Здесь раскопан двухъярусный керамический обжигательный горн с прямой вертикальной тягой, который можно датировать не позднее конца VI в. до н. э. (Болелов, 1999; его же; 2004. С. 48–53). По конструктивным характеристикам этот горн находит прямые аналогии с горнами середины I тыс. до н. э. на территории Маргианы (Учдепе, Чурнок). Рядом с горном раскопана часть мастерской, где формовалась посуда. В раскопанной части производственного помещения найден крупный выпукло-вогнутый подкладной диск, несколько вкопанных в пол хумчей с остатками пластичной глины и однолезвийный железный нож с невыделенной, овальной в сечении, массивной ручкой.

Неподалеку от мастерской раскопано несколько помещений, которые также, по всей видимости, были производственными. В них были найдены многочисленные фрагменты вогнуто-выпуклых подкладных дисков. Сохранившиеся детали интерьера и характер заполнения не позволяют считать их жилыми.

Отдельно расположенные керамические обжигательные горны, датирующиеся серединой I тыс. до н. э., зафиксированы и в других районах Хорезма. Развал горна с материалом архаического типа найден в окрестностях городища Кюзели-гыр [Вайнберг, 1991. С. 18], три горна, датированные серединой V в. до н. э., обнаружены в пределах урочища Дингильдже, неподалеку от усадьбы, раскопанной М. Г. Воробьевой [Воробьева, 1973. С. 212].

Значительно меньше сведений о металлообрабатывающем производстве в это время. На поселении Кююсай 2 (VII в. до н. э.) в левобережном Хорезме повсеместно встречаются слитки меди и изделия из медных сплавов, при этом бракованные, так, например, найдена часть бракованного удила [Вайнберг, 1975. С. 45]. Следы медного литья отмечены в восточной части поселения. Достаточно широко представлены изделия из железа, фрагменты железных криц и куски ошлакованного металла, что может свидетельствовать о кузнечном производстве. Однако, судя по количеству находок, этот вид ремесленного производства был не так широко распространен. Помимо этого, здесь же отмечены следы обработки поделочных камней, в частности бирюзы [Вайнберг, 1979. С. 24].

Остатки бронзолитейного и железодельного производства обнаружены на городище Кюзели-гыр [Древнейшие Государства..., 1985. С. 319], которое на раннем этапе существования (самый конец VII – начало VI в. до н. э.), возможно, было синхронно Кююсайскому поселению.

В урочище Дингильдже обнаружена конструкция явно производственного назначения, которую М. Г. Воробьева квалифицирует как металлургический горн. Удалось расчистить только его основание. Оно состояло из вытянутой с востока на запад, приподнятой над поверхностью такыра овальной в плане внутренней площадки (2 x 1,1 м), повышающейся и расширяющейся к востоку. Площадка была сложена из сырцового кирпича и обожжена до красного цвета. Основание стенок печи состояло из двух колец кладки: внутреннее (ширина 27 см) сложено из пахсы, наружное (ширина 20 см) — из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. С западной стороны возвышения зафиксированы остатки (по всей видимости, воздуходувного — Б. С.) канала шириной 42 см и длиной 60 см. Дно его опалено и ограничено сырцовыми кирпичами. В восточной части основания у длинных сторон были несколько смещенные относительно друг друга, выделенные швами полукружья диаметром 40 см (следы фурм) [Воробьева, 1973. С. 211].

Видимо также с металлургическим или кузнечным производством связана конструкция, раскопанная на поселении Хумбуз-тепа, — двухкамерная одноярусная в плане печь. По мнению исследователей памятника, одна камера была топочной, другая обжигательной (?). Печь работала на принудительной тяге — в заполнении как «топочной», так и «обжигательной» камеры найдены сопла, при помощи которых в печь нагнетался воздух. Пол и стенки печи оплавлены до зеленого цвета [Баратов, Матрасулов, 2003. С. 41–42].

Анализ приведенных выше данных дает возможность сделать некоторые предположения о формах организации ремесленного производства на территории Хорезма в эпоху раннего железного века. Среди упомянутых выше объектов явно выделяется производственный центр Хумбуз-тепа.

В археологической и исторической литературе уже не раз достаточно аргументировано высказывалось мнение о том, что зарождение в низовьях Амударьи высокоразвитого ирригационного земледелия и урбанистической культуры связано, в первую очередь, с культурным импульсом

из южных древнеземледельческих областей Средней Азии, прежде всего Маргианы, возможно, в меньшей степени Бактрии [Воробьева, 1979. С. 38–41; Рапопорт, 1998. С. 30; Болелов, 2004. С. 48–55]. Одним из основных компонентов урбанистической культуры является высокоразвитое товарное ремесленное производство, которое в южных областях было сосредоточено в крупных городских центрах.

Хумбуз-тепа, наиболее раннее и крупное из известных на сегодня керамических производств на территории Хорезма середины I тыс. до н. э., можно квалифицировать как гончарный производственный центр, где, помимо гончарного, функционировало и металлообрабатывающее производство. Поселение было основано на раннем этапе становления урбанистической культуры в низовьях Амударьи профессионалами-ремесленниками, выходцами из южных областей, вероятнее всего из Маргианы, учитывая сходство конструкции горна Хумбуз-тепа с горнами, раскопанными в низовьях Мургаба. В связи с этим привлекает внимание одно обстоятельство, а именно — в культурных слоях архаического периода найдены фрагменты нижних частей крупных цилиндроконических сосудов, у которых на днищах были оттиснуты тамгообразные знаки. Принимая во внимание тот факт, что все цилиндроконические сосуды изготавливались с применением выпукло-вогнутого подкладного диска, клеймо на днище сосуда являлось отпечатком знака, вырезанного на диске. Обнаруженные на Хумбуз-тепа тамгообразные знаки весьма разнообразны, что, возможно, свидетельствует о том, что они являлись индивидуальными знаками-клеймами первых мастеров-керамистов или их учеников [Яценко, 2001. С. 95]. Примечательно, что в более поздних слоях Хумбуз-тепа (комплекс ХТ-III, IV–III вв. до н. э.), впрочем, как и на других памятниках этого времени, оттиски клейм на сосудах не встречаются, в то же время появляются знаки, нанесенные до обжига на сосуд острым предметом.

Хумбуз-тепа расположено недалеко от крупного городского центра городища Хазарасп, нижние слои которого, как можно предполагать, синхронны нижним слоям керамического центра [Баратов, 2004. С. 46]. Хумбуз-тепа могло быть тем центром, откуда впоследствии навыки высокотехнологического ремесленного гончарного производства, прежде всего использование двухъярусного обжигательного горна и двухдискового гончарного круга, распространились по всей территории Хорезма. Во всяком случае, все известные на сегодня горны архаического периода датируются более поздним временем.

Подобная модель распространения профессионального гончарного производства, по всей вероятности, наблюдается и в Согде. Здесь в 8 км от Афрасиаба был открыт керамический производственный центр Сары-тепа, расположенный по обоим берегам бокового ответвления древнего русла Даргома. Производственный центр занимает площадь около 3 га. Здесь обнаружены остатки не менее 20 обжигательных керамических горнов и более 80 ям с производственными и хозяйственными отвалами. Никаких следов капитальных жилых построек не обнаружено. Горны были двухъярусными. Топочные блоки заглублены в материк. Обжигательные камеры практически не сохранились. Усматривается прямая параллель между Хумбуз-тепа и Сары-тепа: и в том, и в другом случае крупные керамические центры возникают около крупных городских центров. Примечательно также, что в обеих историко-культурных областях более ранних обжигательных горнов периода РЖВ пока не обнаружено.

Надо полагать, в становлении профессионального гончарного ремесла в Согде определенную роль сыграли ремесленники, выходцы из северной Бактрии. Во всяком случае, один тип горнов Сары-тепа (второй вариант), у которого обжигательная камера немного смещена относительно топочного блока в противоположную от топочного канала сторону, находит полные аналогии

с горнами эпохи поздней бронзы на территории Северной Бактрии [Рахманов, 1979. С. 35–43; Виноградова, 2005. С. 249–253].

Представляется, что Хумбуз-тепа, как и Сары-тепа, являлся производственным центром, где ремесленники производили продукцию на рынок, который ограничивался пределами крупного земледельческого оазиса. Безусловно, речь не может идти о товарно-денежных отношениях, скорее всего, посуда обменивалась на сельскохозяйственную продукцию. Примечательно, что время возникновения в Хорезме и центральном Согде крупных производственных центров совпадает с третьим этапом урбанизации Средней Азии [Масон, 1974. С. 3–10].

В тот же период, в Хорезме наряду с еще слабо развитым товарным производством существовало и общинное ремесло. Характерным примером может служить Дингильджинский оазис, в котором проживала, по всей видимости, сельскохозяйственная община. В пределах оазиса зафиксировано три отдельно стоящих керамических обжигательных горна и остатки металлургического горна.

Можно предположить, что отдельно стоящие обжигательные горны соответствовали небольшим гончарным мастерским, в которых работали ремесленники, являвшиеся членами общины. Вероятно, они изготавливали посуду на заказ для членов общины и обменивали ее на сельскохозяйственную продукцию.

Видимо, то же самое можно сказать и о ремесленнике, занимавшемся выплавкой или обработкой металла. Металлургическое производство в Хорезме даже в небольших размерах в этот период времени кажется маловероятным. В низовьях Амударьи и сопредельных областях не отмечено сколько-нибудь значимых месторождений железной руды. Однако, как показали исследования значительно более поздних памятников (окрестности раннесредневекового городища Большая Кырк-Кыз-кала), металлургическое производство в небольших размерах могло существовать в Хорезме. Около крепостных стен городища, к востоку от него, было открыто несколько ремесленных мастерских и, в том числе, остатки металлургического горна. Сырьевой базой для этого производства могли быть лимонитовые руды железистых песчаников, которые в большом количестве прослаивают меловые толщи Султан-Уиздага. Использование этих руд, содержащих небольшой процент железа, но, в то же время, не требовавших специальных горных разработок, было вполне удобно для мелкого производства. Для деревенских кузнецов и мастеров-плавильщиков при незначительных масштабах производства местная руда была, надо думать, вполне достаточна [Неразик, 1966. С. 103]. Не исключено, что хорезмийские сельские металлурги середины I тыс. до н. э. также могли использовать природный ресурс Султан-Уиздага. Продукция сельских металлургов вряд ли могла полностью обеспечить рынок.

В то же время при раскопках памятников, как поселений, так и могильников, датированных второй третью — серединой I тыс. н. э., найдено большое количество орудий труда и предметов вооружения из железа, чуть ли не больше, чем во всей Средней Азии. Видимо, в данном случае речь может идти об импорте уже готовых железных изделий или полуфабрикатов. Весьма вероятно, что посредниками в обмене между Хорезмом и ближайшими металлургическими центрами на южном Урале и в центральном Казахстане были сакские племена. Не случайно именно при раскопках сакских могильников Уйгарак, Южный Тагискен, Сакар-Чага найдено наибольшее количество предметов из железа.

По всей видимости, мелкие мастерские, в которых работали профессионалы-ремесленники, обеспечивали потребности небольших сельских поселений. Такая форма ремесленной деятельности в более позднее время зафиксирована по письменным источникам на территории Малой Азии. В эпоху эллинизма в сельских общинах Малой Азии посуда и другие гончарные изделия

производились на месте. Каждая деревня имела своих доморожденных мастеров, работающих на внутренний рынок. Кроме того, в этих же селениях жили не принадлежавшие общине и не являвшиеся её членами лица, трудившиеся за плату. В селе имелись мастерские, в которых они работали [Голубцова, 1972]. В государстве Крорайна (Восточный Туркестан, первые века н. э.), ремесленники не составляли отдельного от крестьян сословия. Они также имели участки земли и платили налоги [Воробьева-Десятковская, 1992. С. 105; Восточный Туркестан..., 1995. С. 22].

Среди других видов ремесленного производства можно отметить обработку поделочных полудрагоценных камней. Как уже отмечалось, следы этого производства зафиксированы на Кюсайском поселении, а также в одном из помещений усадьбы Дингильдже. И в том, и в другом случае это были домашние мастерские, в которых обрабатывали бирюзу [Вайнберг, 1979. С. 24; Воробьева, 1959. С. 74].

Несколько особняком стоит такой вид ремесленной деятельности, как обтесывание камня. Собственно для раннего железного века известен один, но достаточно убедительный факт, свидетельствующий о существовании в Хорезме этого вида ремесленной деятельности. Речь идет о находке в горах Султан-Уиздаг недоделанной каменной капители в виде фантастического животного — человеческий лик с рогами барана. На ней, скорее всего, изображен Фарн — общеиранское олицетворение удачи и царственности. Большинство исследователей находят аналогии этой капители в интерьере царского дворца в Персеполе, на основании чего относят время ее изготовления к периоду вхождения Хорезма в состав ахеменидской державы [Рапопорт, Неразик, Левина, 2000. С. 31].

Учитывая тему данной статьи, имеет значение сам факт знакомства хорезмийцев с каменотесным ремеслом. Безусловно, ремесленники-каменотесы могли быть и не хорезмийцами. По источникам известна практика ахеменидской администрации, которая перемещала ремесленников из одной сатрапии в другую в пределах империи. Достаточно вспомнить о плотнике-хорезмийце Драгомане, работавшем на корабельных верфях в Мемфисе, и хорезмийцах, несших военную службу на острове Элефантина в верхнем Египте [Рапопорт, Неразик, Левина, 2000. С. 29; История..., 2004. С. 654–655]. Даже если в каменоломнях Султан-Уиздага работали ремесленники нехорезмийцы, то подручными у них, вероятнее всего, были местные жители. В данном случае можно говорить о своеобразном «государственном заказе», который выполняли государственные ремесленники, о существовании которых в ахеменидской державе известно по письменным источникам [Дандамаев, Луконин, 1980. С. 185]. О достаточно высоком уровне каменотесного ремесла в Хорезме свидетельствуют найденные при раскопках городища Калалы-гыр 1 каменные трехступенчатые квадратные в плане базы колонн с «горшковидным» тором. База и тор были изготовлены отдельно из монолитных глыб красноватого полимиктового песчаника. В археологической литературе превалирует точка зрения, что этот тип базы был позаимствован с территории Двуречья а затем много веков господствовал в Хорезме [Рапопорт, Неразик, Левина, 2000. С. 32] и является прототипом средневековых и современных среднеазиатских колонн с шаровидным элементом «кузаги» [Рапопорт, Лапилов-Скобло, 1963. С. 146–147].

Таким образом, в эпоху раннего железного века (вторая треть–середина I тыс. до н. э.) на территории Хорезма фиксируется несколько форм организации ремесленного производства. Безусловно, преобладало общинное ремесло (керамическое производство и обработка металла), существовавшее в сельских соседских общинах. Наряду с домашними мастерскими (обработка поделочных полудрагоценных камней, в первую очередь бирюзы) возникает гончарное производство, поставлявшее продукцию на рынок, где работали ремесленники-профессионалы

(Хумбуз-тепа). Кроме того, можно, вероятно, говорить о том, что на территории Хорезма, по крайней мере, в период вхождения области в ахеменидскую державу, работали государственные ремесленники.

Последующий, древнехорезмийский, период развития ремесленного производства на территории Хорезма связан с возникновением в низовьях Амударьи самостоятельного государственного образования, видимо, в первой половине IV в. до н. э. Во всяком случае, в конце IV в. до н. э. Хорезм был уже независимым государством, о чем красноречиво свидетельствуют письменные источники [История., 2004. С. 757–760].

Ремесленное производство в этот период характеризуется, прежде всего, появлением гончарных производственных центров, обычно не более 10–12 обжигательных горнов. На территории Хорезма полностью раскопано 13 горнов, датированных IV–II вв. до н. э. Все они были двухъярусные, с прямой вертикальной тягой и радиальным расположением жаропроводящих каналов. На конце каждого канала был один продух. Вход топочного канала устраивался в нижней части топочной камеры. Площадь обжигательной камеры равна площади топочного блока или немного превышает ее топочного блока [Болелов, 2002. С. 92–93].

Один из производственных центров, возникший на развалинах городища Кюзели-Гыр не ранее конца IV в. до н. э., почти полностью раскопан М. Г. Воробьевой. Комплекс включал в себя восемь горнов, в большинстве случаев располагавшихся попарно. Рядом с горнами расчищены прилегающие к ним рабочие площадки — вымостки из сырцового кирпича, ямы с выбросами бракованной продукции и отходов производства. Здесь же расчищены остатки производственного помещения, рядом с которым зафиксированы остатки нескольких очагов и открыты ямы с пережженным гипсом [Воробьева, 1959 а. С. 200–202].

Несколько производственных центров этого же времени, в которых было от 5 до 8 обжигательных горнов, зафиксировано на территории правобережного Хорезма, в ирригационном районе, орошавшемся древним каналом Кельтеминар, неподалеку от Кой-Крылган-калы. Особенностью является то, что все эти производства расположены вне жилой зоны, обычно на некотором расстоянии от поселения, чаще всего на берегу канала, но в пределах ирригационной зоны. Кроме того, рядом с ними не обнаружено капитальных жилых построек. В пределах некоторых из этих производств зафиксированы постройки, которые с полным основанием можно считать производственными помещениями. Отсутствие капитальных жилых построек рядом с мастерскими дает основание предполагать, что это были сезонные производства, которые работали на заказ, в течение определенного времени и обслуживали население одного ирригационного района [Болелов, 2006. С. 122].

Сезонный характер гончарного производства — явление достаточно распространенное и универсальное. Следы временных гончарных мастерских зафиксированы в Поднепровье, на поселениях Черняховской культуры [Бобринский, 1991. С. 86, 87]. Кроме того, в одном из папирусов Оксинирха гончар, подтверждая получение платы за 1224 кувшина, обязуется поставить (читай изготовить) их в установленный срок, к сбору винограда [Фихман, 1965. С. 90].

Безусловно, в конце I тыс. до н. э. на территории Хорезма существовало товарное ремесленное производство, которое было отделено от земледелия. Наличие производственных центров, расположенных изолированно, позволяет предполагать существование крупных ремесленных мастерских на территории области в это время.

Особенности формовки и отделки некоторых бытовых сосудов IV–II вв. до н. э. предполагают разделение всего производственного цикла на мелкие операции, которые, возможно, выполнялись разными людьми. Речь идет о крупных кувшинах и горшковидных сосудах. По всей видимости,

то же самое можно сказать о флягах с рельефами и кувшинах с львиноголовыми ручками. Эти наблюдения могут служить основанием для предположения о существовании в крупных мастерских разделения труда и, следовательно, производственного коллектива, состоящего из мастера, подмастерьев и учеников.

Дополнительным аргументом в пользу этого предположения может служить тот факт, что в этот период практически полностью исчезают клейма на днищах сосудов, являвшихся, как уже говорилось выше, индивидуальными знаками отдельных мастеров. В то же время широко распространяются простейшие знаки на керамике, нанесенные острым предметом до обжига. Многие из них находят себе аналогии среди знаков, нанесившихся на сырцовые кирпичи во время их изготовления. Учитывая это, вполне правомерно провести параллель между ними. Как и на кирпичах, знаки на керамике подразделяются на две группы: «простой — усложненный». Как вполне аргументировано показал А. Н. Гертман, это свидетельствует о том, что партии кирпича изготавливались артелями, которые использовали знаки для учета количества изготовленных кирпичей [Гертман, 1991. С. 277–285; его же, 1998. С. 136–150]. Принимая во внимание это заключение, вполне правомерно предположить, что знаки на керамике являлись инструментом учета произведенной продукции. Весьма вероятно, что каждый подмастерье в определенной мастерской метил каждый пятый или каждый десятый сосуд определенным знаком. Возможна и другая интерпретация. Если партия посуды изготавливалась на заказ, то знаками могли метиться сосуды, предназначенные для определенного заказчика. В любом случае наличие знаков на керамике, как представляется, свидетельствует о том, что в гончарных мастерских работал коллектив ремесленников и подмастерьев, поставлявших продукцию на рынок. О существовании единого рынка в пределах древнехорезмийского государства весьма красноречиво свидетельствует высокая стандартизация гончарной продукции в это время [Болелов, 1999. С. 20–21; его же: 2000. С. 26–33]. Количество работников в мастерской могло быть довольно значительным. Например, на стенах гробницы Бени-Гассан в Египте (II тыс. до н. э.) изображена керамическая мастерская, что позволяет представить весь цикл изготовления сосуда от формовки до обжига. В этом процессе участвуют 9 человек, среди которых явно выделяется мастер, формующий сосуд на ручном гончарном круге. В мастерской, как это видно на изображении, работало два горна. По уровню организации и разделения труда они могли напоминать керамические мастерские в античной Греции, где работало несколько человек и каждый выполнял свои функции [Кошеленко, 1983. С. 226–227]. В греческой мастерской, изображенной на сосуде-гидрии из Мюнхенского музея (середина I тыс. до н. э.), работали 7 человек, один из них — мастер.

В крупных мастерских Самарканда второй половины XII в., в которых было от 4 до 8 обжигательных горнов, рабочие и подсобные помещения, по расчетам Ш. С. Ташходжаева, работали не менее 20 человек [Ташходжаев, 1975. С. 64–65]. По предполагаемому объему производства такие мастерские вполне сопоставимы со специализированными производствами в Хорезме конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э.

Особенностью организации гончарного ремесленного производства Хорезма в последней трети I тыс. до н. э. является размещение производственных центров и небольших мастерских в сельской местности, другими словами производство размещалось в непосредственной близости к потребителю. Это объясняется еще и тем, что в эпоху становления самостоятельного Хорезмийского государства при большом количестве крепостей, собственно городов, которые являлись социально-экономическими центрами округа [Масон, 1977. С. 5–7], было мало, и основная часть населения проживала в сельской местности [Неразик, 2005. С. 551].

На этом фоне исключением является керамическое производство на городище Хазарасп, где в раскопе VIII на уровне нижнего строительного горизонта обнаружены развалы двух обжигательных горнов, датированных IV в. до н. э. Рядом с горнами зафиксирована кладка из квадратного сырцового кирпича — рабочая площадка и вкопанный в грунт хум [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963. С. 168–170]. Это пока единственный случай в Хорезме, когда гончарное производство зафиксировано в пределах городских стен. Однако условия его существования далеко не ясны. Весьма вероятно, что производство было устроено на временно заброшенном городище, как это было, например, на городище Кюзели-гыр или Базар-кала, где обжигательные горны были построены или на развалинах более ранних построек, или на площади, окруженной крепостными стенами, но по каким-то причинам оставшейся незастроенной [Калалы-гыр 2, 2004. С. 238; Неразик, 2005. С. 544]. В отличие от Хорезма в южных областях Средней Азии ремесленное производство, прежде всего, гончарное было сосредоточено в городах.

Некоторые исследователи считают существование корпораций ремесленников в Средней Азии вполне вероятным уже в первые века н. э., подчеркивая при этом, что степень их «оформленности» была ниже, чем, например, в Индии [Литвинский, Седов, 1983. С. 135]. Здесь организации ремесленников, состоявшие из людей разного социального и имущественного статуса, но занимавшихся определенным производством, существовали в середине I тыс. до н. э. Эти профессиональные корпорации назывались ШРЕНИ. Их созданию способствовали локализация ремесел и существование наследственных профессий, передававшихся из поколения в поколение [Бонгард-Левин, Ильин, 1985. С. 287]. В Артахаштре, в частности, прямо говорится о цехах ремесленников и мастеровых [Косамби, 1968. С. 158–161].

Археологические данные, полученные в результате раскопок крупных городов в южных областях Средней Азии, казалось бы, косвенно свидетельствуют в пользу того, что в них существовали какие-то ремесленные организации. На многих городищах выявлены ремесленные кварталы, где достаточно компактно были расположены мастерские ремесленников, рядом с которыми находились жилые помещения. Например, на городище Саксанохур в южном Таджикистане вскрыты два жилищно-производственных комплекса (IV–II вв. до н. э.), а рядом с ними раскопаны керамические обжигательные горны [Литвинский, Мухитдинов, 1969. С. 161]. Квартал керамистов раскопан на Дальверзин-тепа, здесь же располагалось квартальное святилище [Пугаченкова, 1978. С. 203]. На территории Ер-Кургана во время раскопок выявлено два жилищно-производственных комплекса, обнесенных общей стеной, здесь же раскопаны обжигательные горны [Исаметдинов, Раимкулов, 1991]. В связи с этими фактами необходимо подчеркнуть, что в Индии, по письменным источникам, разные группы населения, в том числе ремесленники, селились в городе в строго определенных районах, причем жилище служило им мастерской [Литвинский, Седов, 1983. С. 132].

В Хорезме, как уже отмечалось выше, в изучаемый период на городищах не отмечено обособленных ремесленных кварталов. Функции же гончарных кварталов в хозяйственной системе этой историко-культурной области, возможно, выполняли производственные центры, где работали коллективы ремесленников.

В качестве гипотезы, на основе изложенных выше археологических данных, можно предполагать существование каких-то, может быть, недолговременных объединений людей по профессиональному признаку — артелей, которые занимались производством керамики в специализированных производствах [Болелов, 2002 а. С. 17].

Несколько особняком стоит производственный центр на городище Кюзели-Гыр, который расположен в 7 км от культового центра того же времени Калалы-Гыр 2. Так как поселений IV–II вв.

до н. э. поблизости Кюзели-гыр не обнаружено, можно предполагать, что гончарный производственный центр на заброшенном городище был организован для обслуживания этого храмового центра. По всей видимости, аналогичные функции, но в более позднее время, выполнял небольшой производственный центр, расположенный в 150 м к северо-востоку от буддийского комплекса Каратепа в Старом Термезе [Пидаев, Като Кюдзо, 2003. С. 133].

Наряду с производственными центрами, которые по объему изготавливавшейся продукции можно сравнить с небольшими гончарными кварталами в городах южных областей Средней Азии, на территории Хорезма зафиксированы и одиночные обжигательные горны, располагавшиеся в пределах поселений. Эти горны почти всегда располагались рядом с жилыми постройками, в которых, надо полагать, жили гончары. Одно такое производство, датированное IV–II вв. до н. э. обнаружено на поселении у мыса Тарым-Кая в левобережном Хорезме, где неподалеку от одного из жилых домов зафиксировано два обжигательных горна, расположенных, как можно предполагать, в пределах усадьбы [Вайнберг, 1991. С. 44; рис. 13]. Как представляется, их можно идентифицировать как небольшие гончарные производства, обслуживающие жителей данного поселения.

Следов металлообрабатывающего и бронзолитейного производства древнехорезмийского периода зафиксировано немного. На Кой-Крылган-кале открыт производственный комплекс, который, по мнению исследователей памятника, был связан с металлургией [Кой-Крылган-кала, 1967. С. 16].

Небольшое бронзолитейное производство открыто на Калалы-Гыр 2. Здесь, неподалеку от входа в культовый центр, на уровне материка расчищено два очага. Один — в виде округлого в плане углубления диаметром 40 см и глубиной не более 30 см. Стенки очага сильно обожжены, а на некоторых участках прокалены. В центре этого очага было еще одно небольшое углубление, но меньшего диаметра. Второй очаг сохранился хуже и зафиксирован в виде пятна сильно прокаленной поверхности диаметром 40 см. Не исключено, что второй очаг имел глиняные стенки. Об этом косвенно свидетельствует большое количество печины и кусков обожженной глины в культурном слое. Рядом с очагами расчищено несколько ям глубиной не более 30–40 см, где найдено много фрагментов тиглей, которые были изготовлены из пористой глины с большим количеством органики, толщина стенок 3–4 см. На некоторых фрагментах зафиксированы небольшие литки меди. В одной из ям найден небольшой слиток меди овальной формы с рваными краями. Его максимальный диаметр 3,5–4 см, толщина чуть меньше 1 см. Как можно предполагать, тигли представляли собой цилиндр высотой 30–35 см и диаметром 15–20 см. Они закрывались выпуклыми крышками, которые имели небольшое отверстие в центре или сбоку (Калалы-гыр 2, 2004. С. 148–151). Надо полагать, в небольшой медеплавильне на Калалы-Гыр 2 осуществлялась тигельная плавка окисленной меди, когда медный сплав собирался на дне тигля, стоящего в очаге. Такая плавка осуществляется довольно легко при температуре 450° [Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 50]. Другими словами, бронзолитейное производство работало на полуфабрикатах — штейнах, которые выплавлялись в другом месте. Тигельная плавка могла вестись при естественном дутье притоком воздуха. Подобный способ плавки полуфабриката известен по материалам более ранних памятников. Так, например, на стоянках срубной культуры в Донском бассейне медная руда выплавлялась в небольших, сложенных из плиток песчаника, кольцевидных в плане выкладках, с округлым углублением в центре, в которое устанавливались тигли. Плавильни полностью заполнялись углем. Верх был открытым и через него по мере прогорания подсыпались новые порции угля. После завершения плавки горшки-тигли разбивались и из них извлекались слитки меди [Татаринов, 1983. С. 33–36].

На Калалы-гыр 2 кроме бронзолитейного обнаружены следы, надо полагать, кузнечного производства. Около круглого храма раскопан ряд больших материковых ям-полуземлянок

глубиной до 1 м, где зафиксированы нижние части двух «печек» вертикальной конструкции. Удалось расчистить нижние части округлых в плане, вертикальных глиняных продухов, идущих от нижней части землянки наверх, вглубь несохранившейся конструкции. Рядом с одной из конструкций найдены фрагменты глиняных сопл. Следы интенсивного горения и сильно обгоревшая поверхность были на уровне верха полуземлянки, где образовывали нечто подобное поду «печи», куда и вели вертикальные продухи. По всей видимости, это остатки конструкции кузнечного горна с принудительной вертикальной подачей воздуха. В верхней — «огненной» части разогревали железные крицы, из которых изготавливались изделия. Фрагменты крицы губчатого железа в большом количестве найдены в заполнении материковых ям. По всей видимости, мастер находился у горна на поверхности, а подмастерье, раздувавший меха, — в полуземлянке. Около каждой такой конструкции, на уровне древней дневной поверхности, зафиксирован вкопанный в материковый грунт хум, впоследствии срубленный, который, возможно, был заполнен водой, где изделия закаливались [Калалы-Гыр 2, 2004. С. 148]. Привлекает внимание тот факт, что все производственные комплексы на Калалы-гыр 2 были перекрыты ранними полами помещений, другими словами они функционировали в период строительства. После его завершения печи были срублены, а полуземлянки засыпаны строительным и производственным мусором.

Остатков других ремесленных производств, относящихся к древнехорезмийскому периоду, в процессе раскопок на территории Хорезма пока не обнаружено. Вместе с тем, предметы, найденные на таких памятниках, как Кой-Крылган-кала, Калалы-гыр 2, Гяур-кала 3, свидетельствуют о достаточно высоком уровне технологий в это время. Так, во время раскопок Калалы-гыр 2 была получена немногочисленная, но довольно представительная коллекция деревянных предметов. Значительную часть ее составляют сосуды, среди которых представлены как импортные пиксиды из самшита, так и сосуды, изготовленные из местных пород дерева. В результате изучения коллекции удалось установить, что при изготовлении посуды использовался токарный станок разных скоростей, а другие деревянные предметы (веретена, черпаки, ложки) вырезались из целых кусков дерева [Болелов, Двуреченская, 2002. С. 142–143]. Эти факты, безусловно, свидетельствуют о высоком уровне деревообработки в Древнем Хорезме. При этом следует заметить, что если резные предметы могли изготавливаться в домашних мастерских, то точение дерева на токарном станке могло производиться только в ремесленных мастерских. Еще одним свидетельством использования токарного станка в это время является наличие в древнехорезмийских археологических комплексах миниатюрных тарелочек и плакеток из мрамора и мергелистого известняка. Форма и качество этих предметов, безусловно, свидетельствуют о том, что они изготавливались с использованием токарного станка быстрого вращения.

Приведенные выше археологические данные, как представляется, вполне красноречиво свидетельствуют о существовании в Хорезме в последней трети I тыс. до н. э. высокоразвитого ремесленного производства. Развитие его было обусловлено бурным подъемом экономики в период становления самостоятельного Хорезмийского государства и, как следствие этого, формированием единого рынка в пределах одной историко-культурной области (низовья Амударьи).

Анализ археологических данных, приведенных выше далеко не в полном объеме, дает все основания считать, что в период становления ранней государственности на территории Хорезма наряду с высоко развитыми организационными формами ремесленного производства, к которым можно отнести крупные и средние гончарные производства, несомненно, работавшие на рынок, существовало и общинное ремесло, обслуживающее жителей одного или нескольких близкорас-

положенных поселений. При этом следует заметить, что товарное ремесленное производство, судя по археологическим данным, существовало только в гончарном ремесле, тогда как в остальных отраслях производства фиксируется общинное ремесло.

На основании археологических данных ранний период становления и развития ремесленного производства на территории Хорезма можно разделить на несколько этапов. Это касается не только развития технологии производства, но и, в большей степени, развития форм организации производства.

Наиболее ранний этап относится к периоду **эпохи поздней бронзы** и начальному этапу **эпохи раннего железа** (Куюсайская культура). В это время фиксируется только общинное ремесло и достаточно примитивная технология. Но на этом этапе, безусловно, ремесло выделяется в самостоятельный вид трудовой деятельности.

На втором этапе — **архаический период** — происходит резкий подъем практически во всех отраслях производства, прежде всего, в гончарном производстве, строительстве, ирригации. На территории Хорезма появляются крупные гончарные центры, в которых работают профессионалы-ремесленники, а современные технологии распространяются по всей территории области. Именно в этот период начинает формироваться единый внутренний рынок. В этот период еще, безусловно, господствует общинное ремесло, а производственный центр, по всей видимости, является местом, где работали небольшие мастерские во главе с мастером-ремесленником.

На третьем этапе — **древнехорезмийский период** — окончательно формируется единый внутренний рынок в пределах государственного образования. В этот период появляются производственные гончарные центры, в которых работали коллективы ремесленников, поставлявшие продукцию на рынок. Параллельно на сельских поселениях продолжают работать общинные ремесленники. Характерной особенностью организации ремесла в этот период является размещение как ремесленного товарного, так и общинного производства в сельской местности. Именно на этом этапе окончательно формируется организационная структура ремесленного производства Хорезма, которая практически без изменения функционировала вплоть до эпохи развитого средневековья. Она характеризуется сосуществованием, подчас на территории одного ирригационного района, различных форм ремесла, начиная от домашних промыслов и заканчивая высокоразвитым ремесленным товарным производством. Кроме того, особенностью ремесла Хорезма во все периоды его развития является размещение производства в сельской местности, в непосредственной близости от основного потребителя продукции.

Литература

- Андрианов, 1969** — Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М.
- Балахванцев, 2006** — Балахванцев А. С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО: НС. Т. II (XXVII). Санкт-Петербург.
- Баратов, 2004** — Баратов С. Археологические работы в южном Хорезме // Археологические исследования в Узбекистане. 2003 г. Ташкент.
- Баратов, Матрасулов, 2003** — Баратов С., Матрасулов Ш. Археологические работы в южном Хорезме // Археологические работы в Узбекистане. 2002 г. Ташкент.
- Бобринский, 1991** — Бобринский А. А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М.
- Болелов, 1999** — Болелов С. Б. Некоторые итоги археологических работ на Хумбузтепа // ОНУ. № 9–10. Ташкент.

Болелов, 1999 а — Болелов С. Б. К вопросу о стандартизации среднеазиатской керамики в древности (по материалам Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме) // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. ТД. М.

Болелов, 2000 — Болелов С. Б. К вопросу о соотношении типов и орнаментов в керамике (по материалам Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме) // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М.

Болелов, 2002 — Болелов С. Б. Керамические обжигательные горны на территории южного и юго-восточного Приаралья (вторая половина I тыс. до н. э. — первые века н. э.) // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент.

Болелов, 2004 — Болелов С. Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // Transoxiana. История и культура. Ташкент.

Болелов, 2006 — Болелов С. Б. Гончарные производства Средней Азии во второй половине I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. // РА. № 3. М.

Болелов, Двуреченская, 2002 — Болелов С. Б., Двуреченская Н. Д. Комплекс деревянных предметов из раскопок культового центра Калалы-Гыр 2 // РА. № 3. М.

Бонгард-Левин, Ильин, 1985 — Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М.

Вайнберг, 1975 — Вайнберг Б. И. Куюсайская культура раннего железного века в Присаракамышской дельте Амударьи // УСА. Вып. 3. Ленинград.

Вайнберг, 1979 — Вайнберг Б. И. Памятники Куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ. Т. XI. М.

Вайнберг, 1991 — Вайнберг Б. И. Изучение памятников Присаракамышской дельты Амударьи в 1970-х–1980-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. Вып. I. М.

Виноградова, 2005 — Виноградова Н. М. Поселение Кангурттут — земледельческий памятник эпохи поздней бронзы в юго-западном Таджикистане // Центральная Азия. Источники. История. Культура. М.

Воеводский, 1930 — Воеводский М. В. К истории гончарной техники народов СССР // Этнография. Книга XII, № 4.

Воробьева, 1959 — Воробьева М. Г. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже // МХЭ. Вып. 1. М.

Воробьева, 1959 а — Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. Труды ХАЭЭ. Т. IV. М.

Воробьева, 1973 — Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба середины I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М.

Воробьева, 1979 — Воробьева М. Г. Проблема «Большого Хорезма» и археология // Этнография и археология Средней Азии. М.

Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963 — Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // МХЭ. Вып. 6. Часть I. М.

Воробьева-Десятковская, 1984 — Воробьева-Десятковская М. И. Индийцы в Восточном Туркестане (некоторые социологические аспекты) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.

Восточный Туркестан..., 1995 — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство. Материальная культура / Под ред. Б. А. Литвинского. М.

Гертман, 1991 — Гертман А. Н. Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса // Древности южного Хорезма. Труды ХАЭЭ. Т. XVI. М.

- Гертман, 1998** — Гертман А. Н. Знаки на кирпичах и некоторые вопросы организации древневосточного строительства (по материалам Древнего Хорезма) // Приаралье в древности и средневековье. М.
- Голубцова, 1972** — Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. М.
- Дандамаев, Луконин, 1980** — Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М.
- Исамиддинов, Раимкулов, 1991** — Исамиддинов М. Х., Раимкулов А. А. Квартал керамистов на Еркургане VI–VII вв. н. э. (Р. — 20) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент.
- История..., 2004** — История Древнего Востока. От ранних государственных образований до первых империй / Под ред. А. В. Седова. М.
- Итина, 1963** — Итина М. А. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958–1959 гг.) // МХЭ. Вып. 6. М.
- Древнейшие государства..., 1985** — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Калалы-гыр 2, 2004** — Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме. М.
- Кой-Крылган-кала, 1967** — Кой-Крылган-кала — памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н. э. –IV в. н. э. ТХАЭЭ. Том V. М.
- Косамби, 1968** — Косамби Д. Культура и цивилизация Древней Индии. М.
- Кошеленко, 1983** — Кошеленко Г. А. Полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Становление и развитие полиса. М.
- Кузнецова, Тепловодская, 1994** — Кузнецова Э. Ф., Тепловодская Т. М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы.
- Литвинский, Мухитдинов, 1969** — Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) // СА. № 2. М.
- Литвинский, Седов, 1983** — Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепай-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.
- Массон, 1964** — Массон В. М. Средняя Азия и древний Восток. М. — Л.
- Массон, 1971** — Массон В. М. Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики // МИА № 180. Ленинград.
- Массон, 1974** — Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники северной Бактрии // Древняя Бактрия. Ленинград.
- Массон, 1976** — Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград.
- Массон, 1977** — Массон В. М. Типология древних городов и исторический процесс // Древние города. ТД. Ленинград.
- Неразик, 1966** — Неразик Е. Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма. М.
- Неразик, 2005** — Неразик Е. Е. Древние города Хорезма и пути их развития // Центральная Азия. Источники. История. Культура. М.
- Пидаев, Като Кюдзо, 2003** — Пидаев Ш. Р., Като Кюдзо. Археологические исследования Узбекистано-Японской экспедиции на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане. 2002 г. Ташкент.
- Пещерева, 1959** — Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XLII. М.
- Пугаченкова, 1978** — Пугаченкова Г. А. Кварталы ремесленников и их мастерство // Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.
- Рапопорт, 1998** — Рапопорт Ю. А. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. М.

Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963 — Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-Гыр 1 в 1958 г. // МХЭ. Вып. 6. Часть I. М.

Рапопорт, Неразик, Левина, 2000 — Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М.

Рахманов, 1979 — Рахманов У. Раскопки керамических горнов культуры Сапалли на Бустане 4 // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент.

Татаринов, 1983 — Татаринов С. Н. Металлургия бронзы у племен срубной культуры восточной Украины // СА. № 4.

Ташходжаев, 1975 — Ташходжаев Ш. С. Керамическое производство Афрасиаба и вопросы организации труда ремесленников X – начала XIII в. // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент.

Фихман, 1965 — Фихман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV–VII вв. М.

Ягодин, 1963 — Ягодин В. Н. Поселение Амирабадской культуры Кават 2 // МХЭ. Вып. 6. М.

Яценко, 2001 — Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.

ЗАСЕЛЕНИЕ ПРИАРАЛЬЯ И ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ АРАЛЬСКОГО МОРЯ (НОВЫЕ ДАННЫЕ К ПРОБЛЕМЕ УЗБОЯ)

С. П. Толстов был первым, кто начал подлинно научное исследование одного из важнейших в Центральной Азии историко-географического региона, хотя, надо заметить, интерес археологов, историков и вообще востоковедов к бассейну Аральского моря проявился уже в XIX в. [Лерх, 1870; Верещагин, 1874; Мейендорф, 1975. Рис. 45; Michell, 1868. Рис. 445, 448; Каллаур, 1901; 1903]. Хорезмская комплексная экспедиция, основанная и возглавляемая С. П. Толстовым, начиная с 30-х гг. прошлого века, не только осуществила научные изыскания, касающиеся древней истории региона, но и впервые разработала и применила в широком масштабе новейшие для того времени методы [Материалы Хорезмской Экспедиции; Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; Толстов, 1948; 1962; Левина, 1998]. В экспедиции принимали участие представители различных научных направлений, в том числе связанных с изучением строения Земли, таких как геология и геоморфология [Толстов, Кесь, 1960; Виноградов, Мамедов, 1975; Gerasimov, 1978; Виноградов, Мамедов, 1991; Мамедов, 1991]. Таким образом, задолго до того, как появилось современное понятие «геоархеология», были предприняты первые шаги в этом направлении. Данные, накопленные Хорезмской экспедицией в ходе многолетних исследований, содержат бесценную информацию и до сих пор удачно используются для достижения новых результатов в изучении древнейшей истории Хорезма и всей Центральной Азии.

Современная регрессия Аральского моря, начавшаяся в конце 1960-х гг., привлекла к себе огромное внимание, и круг проблем (спад воды, загрязнение окружающей среды, здоровье населения), связанных с чрезмерным использованием водных ресурсов, известен довольно хорошо [Аральский кризис, 1991; Létolle & Mainguet, 1996; Micklin & Williams, 1996; Ferguson, 2003; Nihoul et al., 2004]. В связи с этим возникает вопрос о взаимосвязи экологии и климата бассейна Арала в древности и степени воздействия человека на них, если таковое действительно имело место.

Вследствие континентального состояния климата, в основном полупустынного, западная часть Центральной Азии потенциально относится к территории с минимальными изменениями окружающей среды. Сейчас, как и в прошлом, ресурсы пресной воды ограничены узкими поймами и руслами Сырдарьи, Амударьи и побережьем самого Аральского моря. Данная ситуация сохранялась на протяжении почти всей истории края, хотя древнейшие русла Сырдарьи и Амударьи довольно часто менялись (к примеру, Кувандарья, Жаныдарья), а Амударья иногда вообще проходила в стороне от Аральского моря, осуществляя сток вод по Узбою в Каспийское море [Толстов, Кесь, 1960; Толстов, 1962; О проблеме Узбоя см. также: Кесь, 1939; Létolle, 2000].

Для исследования колебаний климата в прошлом и жизнедеятельности человека в зависимости от изменения уровня Арала был предпринят проект INTAS под названием «Климатические изменения в голоцене и эволюция расселения человека в бассейне Аральского моря». Некоторые итоги двух археолого-геоморфологических экспедиций (2002–2003) и результаты бурения озерных осадочных пород в ходе еще одной экспедиции (2002) уже опубликованы (рис. 1, 1) [Nourgaliev et al., 2003; Boroffka et al., 2004; 2005; 2006; Sorrel, 2006; 2006; 2007a; 2007b; Oberhänsli et al., 2007]. Анализ полученных буровых материалов еще продолжается, однако уже имеются данные, которые необходимо принять

во внимание и которые помогут лучше понять последовательность климатических изменений, а также степень воздействия или влияния человеческого фактора на водный баланс региона.

Изменения русел рек и, соответственно, водных ресурсов отчетливо видны уже по расположению поселений на картах, опубликованных Хорезмской экспедицией под руководством С. П. Толстова [Толстов, Кесь, 1960; Виноградов, Мамедов, 1975; 1991]. Система размещения археологических объектов была проанализирована совместно со специалистами-геоморфологами, и в результате стало ясно, что Амударья и ее протока Акчадарья в неолите не впадали в Аральское море, поскольку поселений этого периода нет ни в дельте Амударьи, ни в северной дельте Акчадарьи (рис. 1, 2). Напротив, большое количество поселений, сконцентрированных в Хорезмском оазисе и по руслу Узбоя, свидетельствует о том, что данные территории располагали немалыми ресурсами пресной воды и, соответственно, активно обживались. Уровень воды в Аральском море, вероятно всего, был очень низким, или даже Аральское море вообще не существовало, поскольку главный источник — река Амударья вообще не принимала участие в его водоснабжении. В то же время во Внутренних Кызылкумах большое число неолитических поселений группируется по берегам озерных впадин [Виноградов, Мамедов, 1975; Виноградов, 1981], так что климат, надо полагать, в то время был намного более влажный, чем сегодня.

В начале эпохи бронзы ситуация кардинально переменялась (рис. 1, 3): жизненная активность по Узбою стремительно уменьшилась и, в конце концов, вообще прекратилась. Тогда же северное русло Акчадарьи и ее дельта начали активно заселяться, здесь возникают также первые небольшие ирригационные системы [Толстов, Кесь, 1960; Андрианов, 1969; Итина, 1977], а несколько севернее происходило заселение долины Жаныдарьи. Таким образом, смена водостока Амударьи — от русла Узбоя к руслу Акчадарьи — произошла, наиболее вероятно, около 2000 г. до н. э.

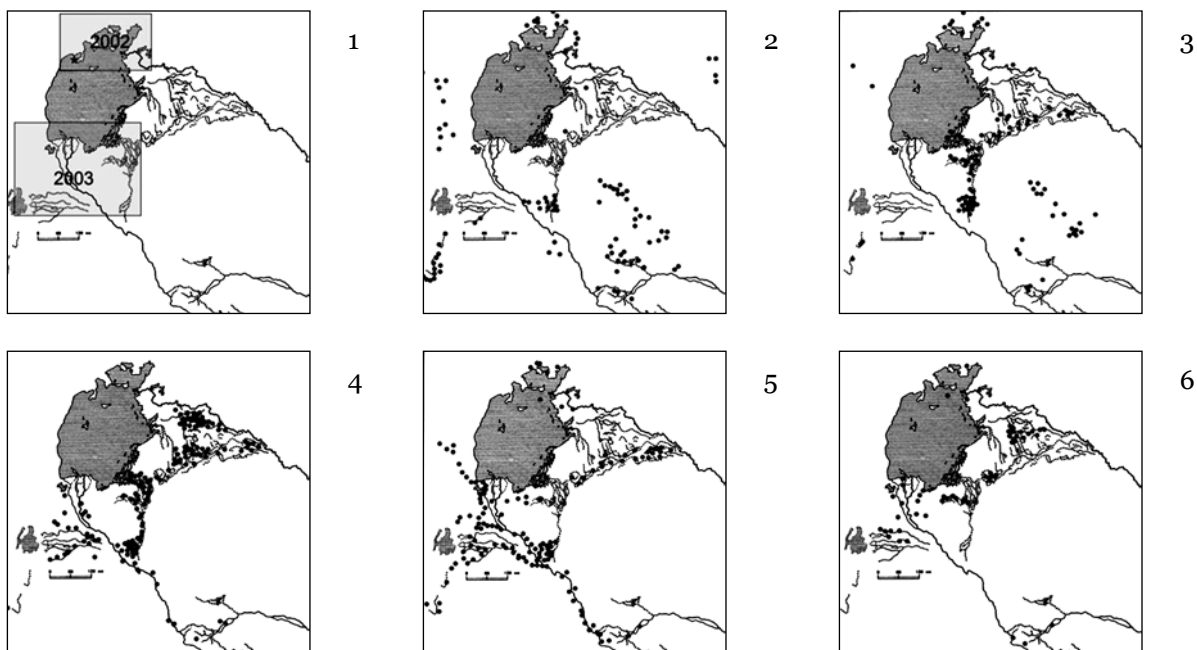

Рис. 1, 1 — районы изысканий экспедиций CLIMAN и место бурения в заливе Чернышева (обозначено звездочкой); 1, 2 — поселения эпохи неолита; 1, 3 — поселения эпохи бронзы; 1, 4 — античные поселения (IV в. до н. э. — IV в. н. э.); 1, 5 — средневековые памятники; 1, 6 — позднесредневековые памятники (с XVI в.).

В ходе работ экспедиции CLIMAN в юго-восточной части Аральского моря были выявлены новые памятники эпохи бронзы и раннего железа, когда-то скрытые водой и потому не обнаруженные Хорезмской экспедицией [Boroffka et al., 2005; 2006]. Данный факт является свидетельством невысокого уровня воды в Арале (вероятно, всего 45–48 м выше уровня моря) даже в этот относительно поздний период. Это объясняется тем, что заполнение водой бассейна Арала происходило медленно, в то время Амударья только начала нести свои воды (по Акчадарье) в Аральское море; в сложении принципиально нового водного баланса не исключено также значение русла Жаныдарьи. Причины столь радикальной перемены речных русел пока не вполне ясны, однако вряд ли эти изменения были обусловлены человеческим фактором, поскольку ирригационные системы того времени были незначительны и потому никак не могли повлиять на водный режим [Андрианов, 1969; Итина, 1977]. Объяснение следует искать в природных факторах, среди которых наиболее вероятными могут быть следующие: накопление речных отложений, перекрывших прежнее русло; климатически обусловленное уменьшение стока вод или землетрясение, последствия которого заблокировали или, наоборот, открыли новые русла [Oberhänsli et al., 2007]. Коль скоро интенсивность обживания в Кызылкумах также уменьшилась, общая аридизация климата также, разумеется, относится к ряду вышеперечисленных естественных причин.

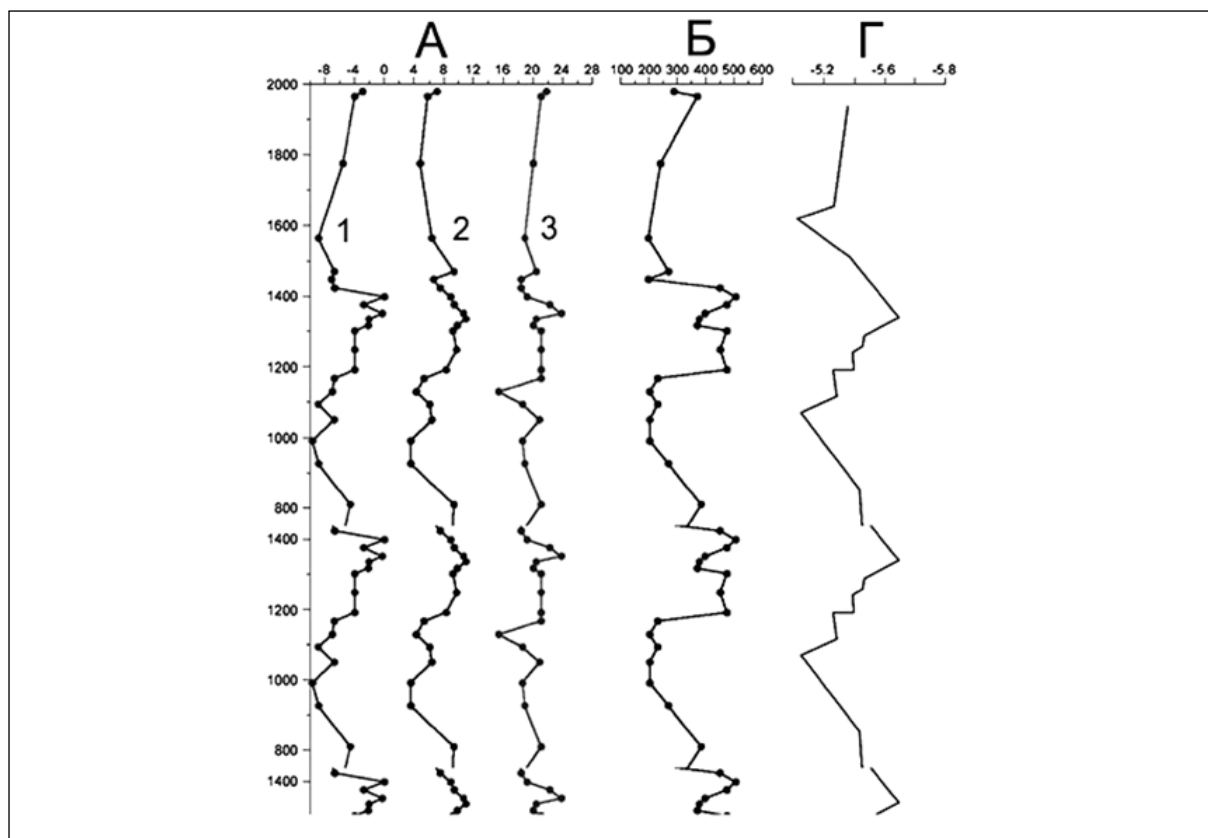

Рис. 2. Вариации климата в Центральной Азии (А, Б) (по Sorrel et al., 2007 а) в сравнении с Ближним Востоком (Г — $\delta^{18}\text{O}$ величины из пещеры Сорек в Израиле (Schilman et al., 2002). А 1 = средняя температура самого холодного месяца ($^{\circ}\text{C}$); А 2 = средняя годовая температура ($^{\circ}\text{C}$); А 3 = средняя температура самого теплого месяца ($^{\circ}\text{C}$); Б = среднегодовая норма осадков в бассейне Аральского моря; Г = $\delta^{18}\text{O}$ величины из пещеры Сорек в Израиле (Schilman et al., 2002).

На протяжении эпохи железа, особенно с усилением персидского влияния в Хорезме, и в период античности удельный вес ирригации неуклонно нарастал и, несомненно, стал существенным фактором воздействия на водный режим Аральского моря [Гулямов, 1957; Толстов, Кесь, 1960; Андрианов, 1969; 1991]. Наблюдается интенсивное обживание Хорезмского оазиса, долины и дельты Акчадарьи и даже Сарыкамьшской впадины, Жаныдарьи и Кувандарьи (рис. 1, 4). Отчасти столь широкое освоение земель стало возможным благодаря созданию и использованию оросительных систем, но не следует забывать, что и в этом случае реки должны нести достаточное для нужд ирригации количество воды. Необходимо учитывать тот факт, что климат становился все более сухим, например, бывшие поселения в пустыне Кызылкумы были уже окончательно заброшены (рис. 1, 4). Уровень воды Арала в это время мог достигать 52 м над уровнем моря, тогда как памятники, обнаруженные Хорезмской экспедицией в 30-е — 60-е гг. XX в., расположены выше по берегу и никаких новых памятников этого периода на открывшемся, ныне сухом дне Аральского моря выявлено не было. Четким индикатором указанного уровня воды в Арале для этого времени является находка материалов IV–V вв. н. э. в нижней части городища Пулжай [Boroffka et al., 2005]. Непременно следует подчеркнуть, что, в отличие от некоторых утверждений, имеющих в ряде публикаций, экспедиция CLIMAN в 2003 г. посещала городище Пулжай, но **не открыла** его. Городище Пулжай впервые было обнаружено Хорезмской экспедицией, и тогда здесь были проведены раскопки под руководством В. Н. Ягодина. Хотя результаты работ не опубликованы, их общие итоги были включены в сводные труды Хорезмской экспедиции и другие печатные работы [Толстов, 1962; Маньолов, 1978; Ягодин, Мадияров, 1985. С. 72–73; Ягодин, 1986; Âgodin, 2002; Yagodin, 2005].

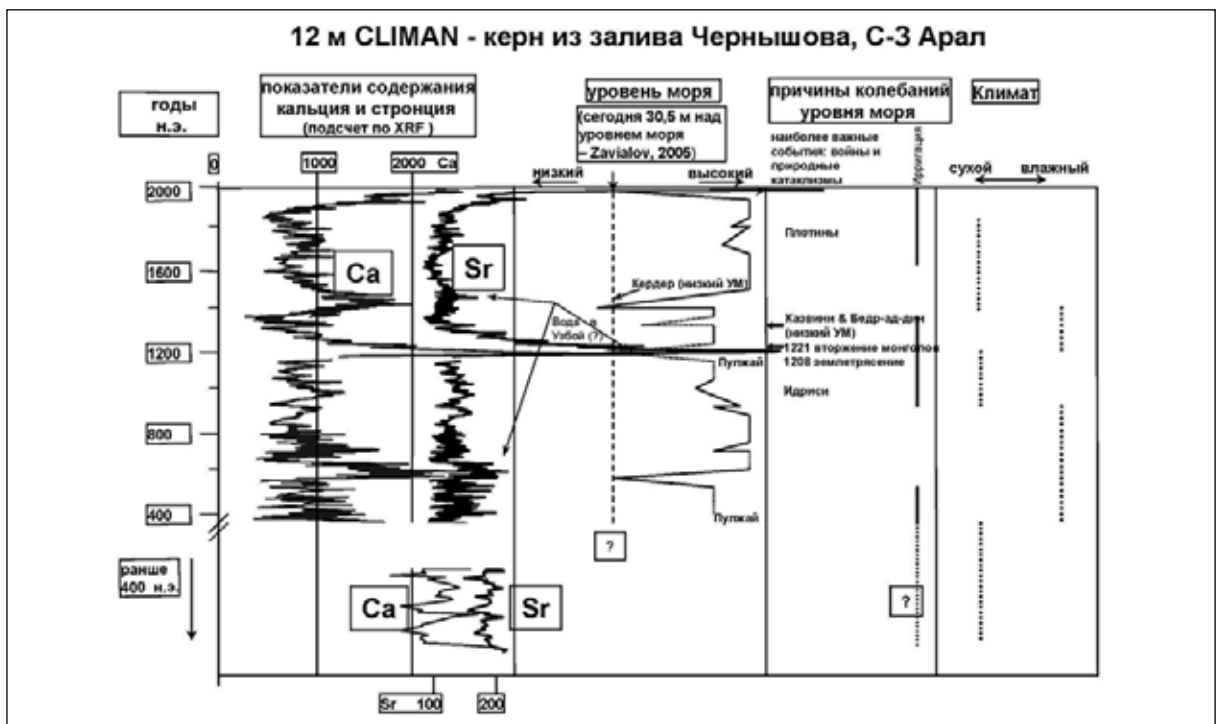

Рис. 3. Керн, полученный экспедицией CLIMAN при бурении донных отложений в заливе Чернышева. Величина содержания кальция (Ca) означает соленость, тогда как содержание стронция (Sr) указывает на то, что воды реки достигали Аральского моря. Для сравнения включены данные по изменению климата в сопоставлении с данными археологии и письменных источников.

В средневековый период ситуация вновь меняется (рис. 1, 5). Долина Акчадарья и ее дельта к северу от Хорезма больше не обживается, поселения по Жаныдарье и Кувандарье уменьшаются или совсем прекращают свое существование. В то же время заселяется современная дельта Амударьи, еще больше активизируется жизнь в Сарыкамышской впадине, и вновь появляются поселения по Узбою. Следовательно, Акчадарья превращается в сухое русло, Амударья теперь обеспечивает водой район современной дельты, Сарыкамыш и, возможно, русло Узбая. С данным периодом, собственно, связаны новейшие исследования по проекту CLIMAN, и результаты их сейчас уже могут быть представлены.

Помимо археолого-геоморфологических изысканий, экспедиция, как указывалось выше, провела бурение донных морских отложений. Наиболее полный керн, длиной 12 м, был взят по методу Усингера (Ussinger piston) (<http://www.uwitec.at>) в северо-западной части Аральского моря, в заливе Чернышева (рис. 1, 1). Хронология отложений базируется на калиброванных датах (по AMS ^{14}C) образцов зеленой alga (*Vaucheria* sp.) [Nourgaliev et al., 2003; Sorrel et al., 2006]. Литология, количественное распределение, динофлагеллаты и диатомеи из керна уже известны по предыдущим публикациям [Sorrel, 2006; Sorrel et al., 2006; 2007 a–b]. Повышенное содержание кальция, в основном, гипса, отражает степень снижения уровня воды. Гипс ($\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$) образуется, когда содержание соли в воде достигает отметки выше критической, отчего является классическим индикатором нарастающей засоленности. В Аральском море стадия для образования гипса вновь была достигнута в начале 60-х гг. XX в., когда соленость воды превысила 26–28 ‰ [Бортник, Чистяева, 1990]. Для предыдущих 2000 лет результаты бурения экспедиции CLIMAN (рис. 2–3) показывают изменение показаний солености воды: периоды высокой концентрации соли (= низкий уровень воды) — 600 г. н. э., 1220 г. н. э. и 1500 г. н. э. Небольшое снижение солености наблюдается около 750 г. н. э., 1000 г. н. э. и 1800 г. н. э. Для раннего периода, 0–300 (?) г. н. э., отмечается нарастание значений, подобных тем, что были в 600 г. н. э. Динофлагеллаты [Sorrel et al., 2006] также свидетельствуют о высокой степени засоленности в 1600–1650 гг. н. э., а некоторые из образцов полностью подтверждают результаты предыдущих исследований, которыми установлены засушливые периоды, относящиеся приблизительно к 350–450 гг. н. э. и 1550–1650 гг. н. э. [Рубанов и др., 1987; Маев и др., 1991; Маев, Карпушев, 1999]. Археологические данные, в свою очередь, отчасти подтверждают выводы геоморфологов. Так, позднеантичное городище Пулжай было затоплено и обживалось вновь уже только в X–XIV вв. н. э. Некоторое время спустя город опять оказался под водой и был скрыт донными отложениями, включающими типичных для фауны Аральского моря моллюсков (*Cerastoderma* sp., *Dreissena* sp.). Подобным образом раскопки городища Кердер в Казахстане позволили установить, что уровень воды в XIII–XIV вв. н. э. был очень низким, всего 31 м над уровнем моря [Смагулов, 2001]. Корреляция полученных данных с результатами исследований других памятников, в частности, по величинам $\delta^{18}\text{O}$ из образцов слоев пещеры Сорек в Израиле (рис. 2) [Schilman et al., 2002; Величины выше $\delta^{18}\text{O}$ указывают на низкий уровень осадков], дает основание полагать, что указанные изменения не носили локальный характер, а, вероятнее всего, являлись глобальным климатическим феноменом. О сокращении количества воды в реках свидетельствуют данные изучения годовых колец деревьев из Тянь-Шаня и гор северо-западного Каракорума [Esper et al., 2002], а также обширные поймы рек Амударья и Сырдарья. Повлиять на водный баланс могли землетрясения, одно из которых, довольно мощное, свыше 6 баллов, произошло в 1208 г. н. э. Однако самая значительная регрессия, в XIII в., наступила, прежде всего, вследствие монгольского

нашествия 1221 г. [Voroffka et al., 2005; Yagodin, 2005; Voroffka et al., 2006]. В письменных источниках ясно указано, что Амударья в это время поменяла свое течение из-за разрушения дамб и всей ирригационной системы [Бартольд, 1902]. Обсуждение данного вопроса неоднократно возобновлялось, однако к единому мнению исследователи так и не пришли [Жесь, 1939; Létolle, 2000 и след.]. С. П. Толстов признавал факт интенсивного заселения по руслу Узбоя в средневековье, но оставлял окончательное решение вопроса геологам, геофизикам и почвоведом, хотя, разумеется, не отрицал возможности стока воды (на отдельных этапах) по Узбою [Толстов, 1962].

Для реконструкции стока вод в Аральское море экспедиция проекта CLIMAN исследовала содержание стронция в буровых пробах из залива Чернышева (рис. 3). Благодаря специфическому составу скального грунта исследуемой территории только Сырдарья несет в Аральское море стронций, и этот элемент может служить для определения различия воды Сырдарьи и воды Амударьи. В керне, полученном экспедицией CLIMAN, содержание стронция в 6–8 раз выше нормы для периода вскоре после 1200 г. н. э. Небольшие повышения уровня стронция датируются около 600 г. н. э., 1400 г. н. э. и с 1970 г. Соответственно, в указанное время Амударья имела относительно меньшее по сравнению с Сырдарьей значение для водного баланса Аральского моря. Показатели содержания стронция указывают на то, что тогда Амударья только иногда достигала Арала или не впадала в него вообще. Таким образом, науки о земле сейчас смогли подтвердить сообщения письменных источников относительно событий начала XIII в., когда, как и в V–VI вв., и в XVI в., Амударья не являлась источником воды для Аральского моря. Воды реки в эти периоды могли поступать или в Сарыкамышскую впадину или стекать по руслу Узбоя. Однозначное решение этого вопроса будет найдено лишь после новых научных изысканий в Приаралье. В любом случае, следует принимать во внимание тот факт, что период обживания земель вдоль русла Узбоя в XIII в. был крайне непродолжительным, как то следует из анализа керна на стронций из залива Чернышева.

Возвращаясь к данным, полученным Хорезмской экспедицией, в позднесредневековый период (с XVI в.) Хорезмский оазис и Узбой на какое-то время вновь обезлюдели (рис. 1, 6), как и большая часть земель по Жаныдарье, которые были полностью лишены доступа воды из Сырдарьи, по крайней мере, в 1815–1816 гг. [Murchison, Khanikoff, 1844; Wood, 1875; Мейендорф, 1975]. Район Джетыясар обеспечивался водой до тех пор, пока Кувандарья не была перекрыта в середине XIX в. [Butakoff, 1853; Michell, 1868; Wood, 1875]. Тогда Амударьинская дельта и Сарыкамышская впадина продолжали оставаться заселенными, а область к югу от гор Бельтау обеспечивалась водой с запада [Wood, 1875. См. на карте озеро «Dowkara»]. В общих чертах ситуация сохранилась до наших дней и приблизительно напоминает то, что мы можем видеть сегодня.

В заключение следует сказать, что широкомасштабное картирование археологических памятников при детальном обследовании всей территории позволяет проследить все сколько-нибудь значимые изменения в системе освоения, заселения и организации человеком окружающей среды. Данные прежних исследований крайне полезны для работ подобного рода, их непременно следует принимать во внимание. Последующие изыскания, особенно в недоступных прежде местах (например, на открывшемся сейчас дне Аральского моря), в сочетании с новыми, междисциплинарными методами исследования и анализом (как в случае с содержанием стронция), несомненно, принесут в будущем важные научные результаты, необходимые и для исторических наук, и для наук о земле.

Литература

Андрианов, 1969 — Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М.

Аральский кризис, 1991 — Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.

Бартольд, 1902 — Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // Известия Туркестанского Отдела Императорского Русского Географического Общества, 4. Научные результаты Аральской экспедиции, снаряженной Туркестанским Отделом Императорского Русского Географического Общества, 11. Ташкент.

Бортнык, Чистяева, 1990 — Бортнык В. Н., Чистяева С. П. Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. VII: Аральское море. Ленинград.

Верещагин, 1874 — Верещагин В. В. От Оренбурга до Ташкента (1867–1868 гг.) // Всемирный путешественник, 5. СПб.

Виноградов, 1981 — Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, 13. М.

Виноградов, Мамедов, 1975 — Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. Материалы Хорезмской экспедиции, 10. М.

Виноградов, Мамедов, 1991 — Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Изменения климата и ландшафтов междуречья Амударьи и Сырдарьи (по археологическим и палеогеографическим данным) // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.

Гулямов, 1957 — Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент.

Итина, 1977 — Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.). ТХАЭЭ. Т. X. М.

Каллаур, 1901 — Каллаур В. А. Древние города, крепости и курганы на р. Сыр-Дарье, в восточной части Перовского уезда // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 6. Ташкент.

Каллаур, 1903 — Каллаур В. А. Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде, в долине р. Сыр-Дарьи и Яны-Дарьи // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 8. Ташкент.

Кесь, 1939 — Кесь А. С. Русло Узбой и его генезис. Труды Института географии, 30. М. —Л.

Левина, 1998 — Левина Л. М. К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.

Лерх, 1870 — Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб.

Маев и др., 1991 — Маев Е. Г., Маев С. А., Карпычев Ю. А. Аральское море в голоцене (по материалам изучения разрезов донных отложений) // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.

Мамедов, 1991 — Мамедов Э. Д. Археологические данные об истории Арала // История озер Севан, Иссык-Куль, Балхаш, Зайсан и Арал. История озер СССР, 5. Л.

Маньлов, 1978 — Маньлов Ю. П. Глава 4. Средневековые хорезмийские памятники восточного Чинка // Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент.

Мейендорф, 1975 — Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века. М. (Übersetzung von E. Betgep der französischen Ausgabe: Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820, à travers les stéppes qui s'étendent à l'est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Jaxartes. Rédigé par M. le baron G. de Meyendorff et revu par M. le chevalier Amédée Jaubert, Paris 1826).

Рубанов и др., 1987 — Рубанов И. В., Ишниязов Д. П., Баскакова М. А., Чистяков П. А. Геология Аральского моря. Ташкент.

Смагулов, 2001 — Смагулов Е. А. Находка и исследование мазара на дне Аральского моря // Отан тарихы. № 4.

Толстов, 1948 — Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.

Толстов, 1962 — Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Толстов, Кесь, 1960 — Толстов С. П., Кесь А. С. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. Материалы Хорезмской экспедиции, 3. М.

Ягодин, Мадияров, 1985 — Ягодин В. Н., Мадияров С. М. Материалы к своду памятников истории и культуры Каракалпакской АССР. Выпуск I. Нукус.

Ягодин, 1986 — Ягодин В. Н. Некоторые вопросы исторической географии приаральской дельты Амударьи в VII–XIV вв. // Археология Приаралья, 3. М.

Âgodin, 2002 — V. N. Âgodin, Contribution à la géographie historique du delta de l'Amou Darya du VIIe au XIVe siècles. In: Karakalpak et autres gens de L'Aral: entre rivages et déserts. Cahiers d'Asie Centrale 10 (Tachkent, Aix-en-Provence).

Boroffka and other, 2003–2004 — N. G. O. Boroffka, K. M. Bajpakov, G. A. Achatov, A. Eržanova, D. A. Lobas, T. V. Savel'eva, unter Mitarbeit von J. Boelscher, A. Hörnig and B. Wünnemann, mit Beiträgen von J. Adam, E. Pernicka, N. Benecke, R. Neef, Prospektionen am nördlichen Aral-See, Kazachstan. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 35–36.

Boroffka and other, 2005 — N. G. O. Boroffka, Ph. Sorrel, K. Alimov, S. Baratov, K. Rachimov, N. Saparov, T. Širinov, Ch. Reinhardt, B. Wünnemann, Prospektionen am südlichen Aralsee, Uzbekistan. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 37.

Boroffka and other, 2006 — N. G. O. Boroffka, H. Oberhänsli, Ph. Sorrel, F. Demory, Ch. Reinhardt, B. Wünnemann, K. Alimov, S. Baratov, K. Rakhimov, N. Saparov, T. Shirinov, S. K. Krivonogov, U. Röhl, Archaeology and Climate: Settlement and Lake-Level Changes at the Aral Sea. Geoarchaeology 21.7.

Butakoff, 1853 — A. Butakoff, Survey of the Aral Sea. Journal of the Royal Geographical Society of London 23. (The map is also accessible under: www.lib.utexas.edu/maps/historical/aran_1853.jpg)

Esper and other, 2002 — J. Esper, F. H. Schweingruber, M. Winiger, 1300 years of climate history for western Central Asia inferred from tree-rings. Holocene 12.

Ferguson, 2003 — R. W. Ferguson, The devil and the disappearing Sea (Vancouver).

Gerasimov, 1978 — I. P. Gerasimov, Ancient rivers in the deserts of Soviet Central Asia. In: W. C. Brice (ed.), The environmental history of the Near and Middle East since the Last Ice Age (London, New York, San Francisco).

Létolle, 1996 — René Létolle, Histoire de l'Ouzboï, cours fossile de l'Amou Darya: Synthèse et éléments nouveaux. Studia Iranica (Paris) 29. 2, 2000, 195–240.

36. R. Létolle & M. Mainguet, Der Aralsee. Eine ökologische Katastrophe (Berlin, Heidelberg, New York).

Maev, Karpychev, 1999 — E. G. Maev & Y. A. Karpychev, Radiocarbon dating of bottom sediments in the Aral Sea: age deposits and sea level fluctuations. Water Resources (Водные ресурсы) 26.

Michell, 1868 — R. Michell, The Jaxartes or Syr-Daria, from Russian sources. Journal of the Royal Geographical Society of London 38.

Micklin, Williams, 1996 — P. P. Micklin & W. D. Williams (eds.), The Aral Sea Basin. NATO Advanced Science Institute Series, Partnership Sub-Series 2, Environment 12 (Berlin).

Murchison, Khanikoff, 1844 — R. I. Murchison & M. N. de Khanikoff, On the desiccation of the Tanghi-Daria, a branch of the Jaxartes. *Journal of the Royal Geographical Society of London* 14.

Nihoul, Zavialov, Micklin, 2003–2004 — J. C. J. Nihoul, P. O. Zavialov, Ph. P. Micklin (eds.), Dying and dead seas: climatic versus anthropic causes. *Proceedings of the NATO Advanced Research Workshop, Liège, Belgium (7–10 May 2003)*. NATO Science Series IV: Earth and Environmental Sciences 36 (Dordrecht 2004).

Nourgaliev & other, 2003 — D. K. Nourgaliev, F. Heller, A. S. Borisov, I. Hajdas, G. Bonani, P. G. Iassonov & H. Oberhänsli, Very high resolution paleosecular variation record for the last — 1200 years from the Aral Sea. *Geophysical Research Letters* 30. 17, 1914, doi: 10.1029/2003GLO18145.

Oberhänsli & other, 2007 — H. Oberhänsli, N. Boroffka, P. Sorrel & S. Krivonogov, Climate variability during the past 2000 years and past economic and irrigation activities in the Aral Sea basin. *Irrigation and Drainage Systems* 21, No 3–4. DOI 10.1007/s10795-007-9031-5.

Schilman & other, 2002 — B. Schilman, A. Ayalon, M. Bar-Matthews, E. J. Kagan & A. Almogi-Labin, Sea-land palaeoclimate correlation in the Eastern Mediterranean region during the Late Holocene. *Israel Journal of Earth Sciences* 51.3–4 (Special issue: Y. Mart, J. Ganor, and A. Starinsky (eds.), Honoring Eytan Sass and Amitai Katz on the Occasion of their 70th Birthdays).

Sorrel, 2006 — Ph. Sorrel, The Aral Sea: a palaeoclimate archive. Dissertation Potsdam & Lyon.

Sorrel & other, 2006 — P. Sorrel, S. — M. Popescu, M. J. Head, J. P. Suc, S. Klotz & H. Oberhänsli, Hydrographic development of the Aral Sea during the last 2000 years based on a quantitative analysis of dinoflagellate cysts. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology* 234.

Sorrel & other, 2007 — Ph. Sorrel a, S. — M. Popescu, S. Klotz, J. — P. Suc & H. Oberhänsli, Climate variability in the Aral Sea basin (Central Asia) during the late Holocene based on vegetation changes. *Quaternary Research* 67.

Sorrel and other, 2007 — Ph. Sorrel b, H. Oberhänsli, N. Boroffka, D. Nourgaliev, P. Dulski & U. Röhl, Control of wind strength and frequency in the Aral Sea basin during the late Holocene. *Quaternary Research* 67.

Wood, 1875 — H. Wood, Notes on the Lower Amu-darya, Syr-darya and Lake Aral, in 1874. *Journal of the Royal Geographical Society of London* 45.

Yagodin, 2006 — Vadim N. Yagodin, The Medieval Aral Sea Crisis. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 37, 2005.

Zavialov, 2005 — Zavialov, P. O., *Physical Oceanography of the Dying Aral Sea* (Chichester).

РАСТИТЕЛЬНЫЕ И ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ОРНАМЕНТЫ НА ПЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРЕЗМА IX–XIV ВВ.

Исследования, проведенные на территории средневекового Хорезма, позволили накопить богатейшие коллекции поливной керамики с разнообразными мотивами орнаментации, в числе которых наиболее распространенными и чаще всего применяемыми являлись растительный и геометрический орнаменты.

Широкое применение и распространение растительного орнамента, возможно, связано с мировоззрением земледельческих народов, их традициями, нашедшими отражение в поливной керамике средневекового Хорезма (рис. 1).

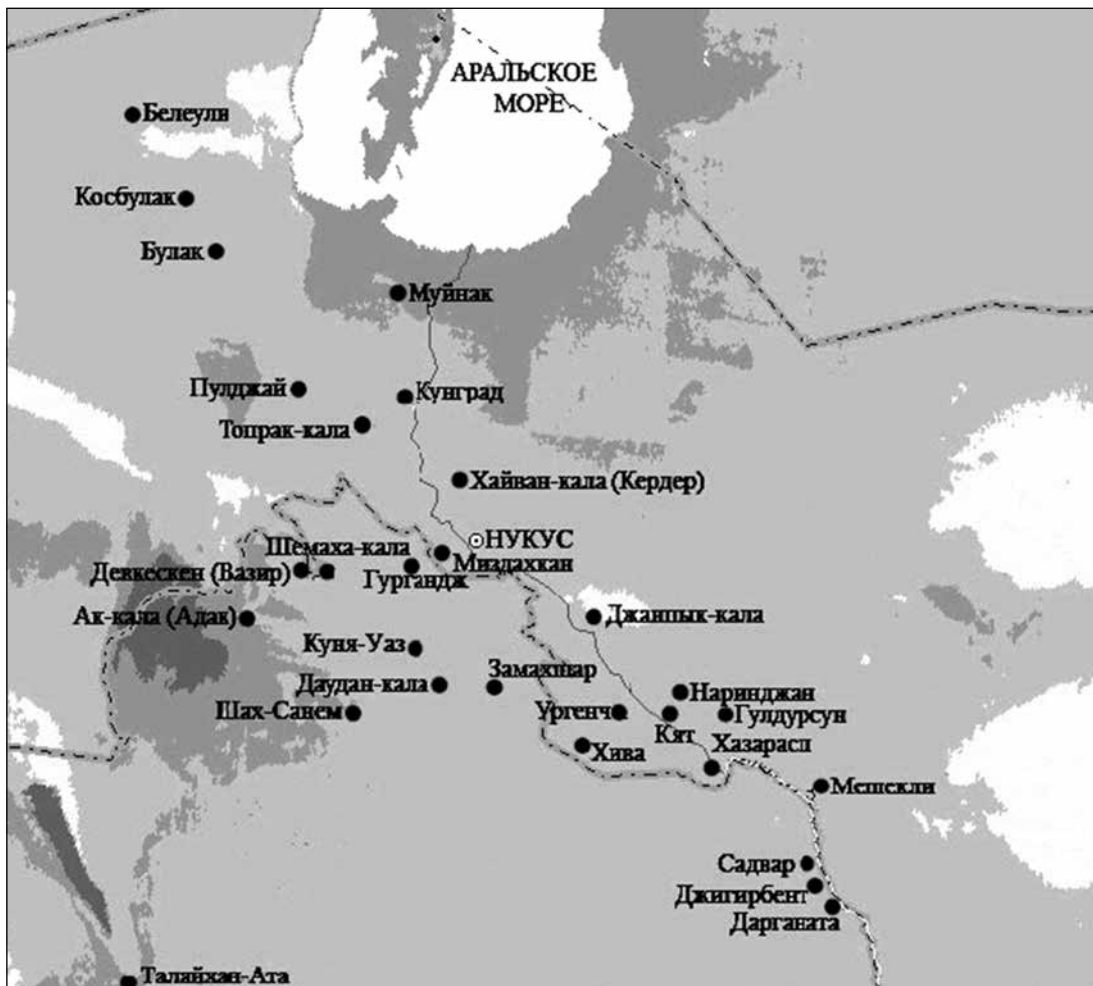

Рис. 1. Карта археологических памятников

В статье делается попытка анализа и описания по периодам некоторых видов растительных и геометрических орнаментов на поливной керамике, относящейся к IX–XIV вв.

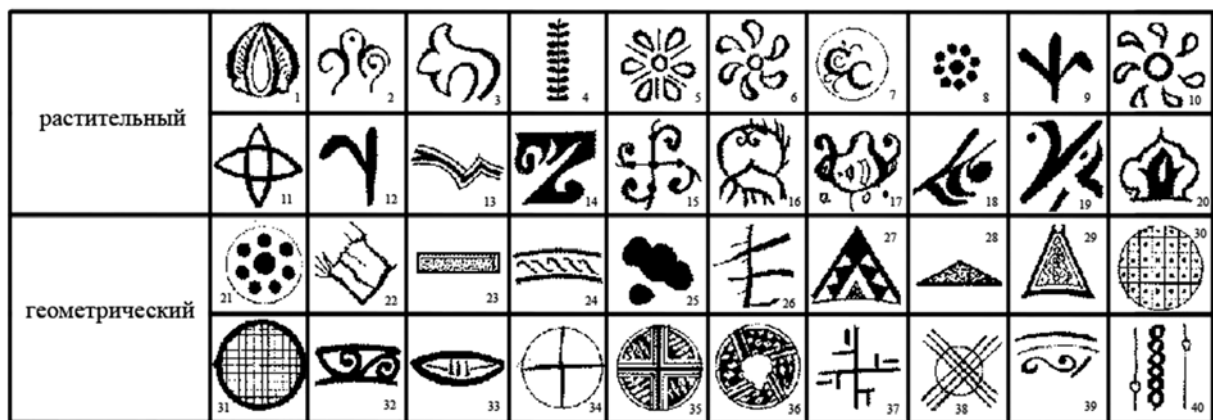
Растительные и геометрические орнаменты IX–XI вв.

Растительные орнаменты. Анализ орнаментальных мотивов IX–XI вв. показывает, что в Хорезме ранние поливные изделия, облицованные поташной мутно-белой поливой, ограничивались в основном росписью на безангобной поверхности, но применялась также роспись по ангобированной. Роспись по безангобной поверхности на ранней поливной керамике IX – начала X в. наносилась в основном трехцветная — желтая, зеленая, иногда черная. Роспись же по ангобированной поверхности наносилась как одноцветная, так и полихромная. Полива (по безангобной) наносилась непосредственно на черепок без ангоба, из-за чего глазурированный слой на поверхности сосуда распределялся неравномерно и растекался струившимися подтеками и крупными пятнами неопределенных очертаний. Такова, например, роспись на чашах, происходящих из Куны-Уаза [Вактурская, 1959. Рис. 10, 1–2] и Хайван-калы (Кердер) [Фонд НГПИ, КАЭО-97, Р – V, пом. 3, стр. гор. /535; КАЭО-96, Р-3, кв. 8/11]. Установленные в кердерских чашах технические приемы изготовления глазурированной керамики и некоторых видов пятнистой декорировки стали новыми образцами орнаментальных композиций с характерными потеками в виде трилистников с веткой и абстрагированными геометрическими фигурами, расцвеченными крупными точками наподобие мазков (табл. I, 9, 12, 18–19; рис. 2, 1–4).

Встречаются стилизованно-растительные орнаменты с вариантами. Своеобразна по сочетанию элементов орнамента чаша из Замахшара (объект I, печь для обжига) с изображением цветков лотоса, сочетающихся со стилизованными куфическими надписями и геометрическими фигурами в виде колец с крупной точкой посередине (табл. I, 1). Растительный элемент в виде цветка лотоса украшен красным, коричневым и белым цветом [Вактурская, 1959, рис. 8, 1]. В росписях другой чаши из того же Замахшара стилизованный растительный орнамент в виде многолепесткового цветка изображает «вихревую розетку» в обводе крупных завитков, имеющих лепестковый силуэт [Вактурская, 1959. Рис. 11, 2–3; 14, 2–3].

Многие мотивы в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве средневековья являлись различными символами. Например, довольно широко был распространен мотив дерева, особенно

Табл. I. Растительный и геометрический орнаменты IX–XI вв.

в поливной керамике, который был связан с очень древним мотивом «древа жизни». Интересен растительный орнамент, обнаруженный в Замахшаре, в виде «пальмовой ветви» на прямом стволе (а не изогнутом), помещенной в овал, насыщенной мелкими деталями в виде завитков в треугольниках и сдвоенных линий [Вактурская, 1959. Рис. 12, 3, 5] (табл. I, 4). Мотив пальмового листа находит аналогии в керамике X в. из Самарканда [Ташходжаев, 1967. С. 62; Шишкина, 1979. С. 59] и Чача. Л. Г. Брусенко считает, что этот тип росписи Хорезма является подражанием лучшим образцам Самаркандского Согда и Чача. Действительно, согдийская и чачская керамика с пальмовой ветвью отличается более реалистическим изображением многолепестковой пальметты [Брусенко, 1986. Табл. 15, 1, 3–4].

Особое место в растительном орнаменте занимает мотив вихревой розетки. В Средней Азии (Бинкент-Ташкент) изображение вихревой розетки впервые встречено на керамике первой половины X в. [Брусенко, 1986. С. 27]. В Согд оно проникает в конце X – первой половине XI в. [Шишкина, 1979. С. 58]. Оно известно и по другим памятникам Средней Азии – Талас, Фергана, Тараз [Сенигова, 1972. С. 157; Анарбаев, Ильясова, 2000. Рис. 1, 2]. В Хорезме вихревая розетка как самостоятельный декор появляется в X–XI вв. Она часто изображалась густым темно-коричневым, реже ярко-зеленоватым цветом по черепку на дне полусферических чаш. Ранние варианты розеток не имеют обрамления в виде параллельных кругов. Позднее контуры лепестков вихревой розетки и их обрамление подчеркиваются процарапанной гравировкой в технике «граффито» (табл. I, 6, 10). На некоторых чашах вихревая розетка употреблялась в сочетании с элементами растительного орнамента (табл. I, 15). Таким образом, мотив вихревой розетки, как и в других областях Средней Азии, встречается в орнаментах поливной керамики Хорезма.

В целом в ранней поливной керамике Хорезма растительный орнамент скуден, часто встречаются стилизованные, абстрактные многолепестковые цветы и ветки (табл. I, 2–3; 8–9; 11–12; 14, 16, 18–19).

В комплексах керамики IX–XI вв. комбинированная роспись дополняется тонкой гравировкой (техника «граффито»). Среди находок из Замахшара имеется чаша, украшенная гравировкой. Парные тонкие линии-штрихи этой гравировки волнообразно отходят от центра узора, как бы образуя стилизованный бутон цветка [Вактурская, 1959. Рис. 7, 6]. Чаша покрыта светло-желтой глазурью, эффектно выделяются четкие гравированные линии в сочетании с зелено-коричневой росписью.

Геометрические орнаменты. На фрагментах чаши из Миздахкана стилизованный растительный гравированный узор дополнен подглазурной росписью зеленого, красного и коричневого цветов. Тонкостенная красноглиняная чаша из «южного поселения» Миздахкана имеет поливу бледно-салатного цвета, гравировку и полихромный растительный орнамент. Гравированный орнамент состоит из зигзагов восьмеркообразной формы, парных тонких линий, вертикальных штрихов, крупных красных точек, расплывчатых крапин зеленого цвета (рис. 3, 1–4) [Фонд КГУ, МО-2002, ЮП, п. 11/42–49].

В отличие от последующей хорезмшахской культуры, ранняя керамика Хорезма с орнаментом «граффито» имела не сложный характер. Происходящие из Замахшара несколько фрагментов керамики такого типа украшены лишь «тремя тонкими полосками», «сдвоенными дугами». В таких случаях поверхность сосуда, оставшаяся свободной от гравированного узора, расцвечена крупными расписными точками [Вактурская, 1959. С. 298]. Наряду с другими видами декора использовалась роспись в виде геометрических фигур: дуги, треугольники, шестиугольники, косые штрихи, сетки, расцвеченные крупными темно-коричневыми точками. Среди них в росписи сосудов на дне применялся круг с заполнением (центрическая композиция) (табл. I, 31) в форме прямой ажурной квадратной сетки. Иногда в сетчатых квадратах встречаются мотивы с мелкими

точками, выполненные белой краской (глазки) по темно-коричневому фону (табл. I, 30). Точки свободно наносились мазком кисти в виде круглых пятен в центре квадратной сетки, иногда они несколько смещены от центра клетки и напоминают глазное яблоко пернатых [Научный архив ОА ИИАЭ, 1962. Дело № 22. С. 64, 206; дело № 23. С. 10, 32] (рис. 4, 1, 4; 5, 2, 4).

По материалам Хорезма можно проследить эволюцию этого вида орнамента, зародившегося в IX в. и бытовавшего в последующие века. Если ранние точки были небольших размеров, то позднее встречаются «точки», создающие эффект объемной ажурной композиции, где значительные участки внутренней поверхности чаш заняты сеткой с точками. Возможно, эволюционным вариантом с точечной сеткой являются многочисленные серии стилизованных «птичек», нарисованных свободным движением кисти. Они часто встречаются в кашинной керамике Хорезма XIII–XIV вв. Таким орнаментом украшались внутренние поверхности глазурованных чаш и плечики кувшинов [Вактурская, 1959. Рис. 34, 1; Кдырниязов, 1989. Рис. 4, 1]. Эти разнообразные мотивы орнамента иногда сочетаются в изделиях. Так, одна из чаш IX–XI вв. из Замахшара украшена шестиугольной звездой, заполненной мелкими завитками и своеобразными розетками из кругов и крупных точек, помещенными между ее лучами. По бортам чаши проходит полоса стилизованной куфической надписи, край чаши орнаментирован фестонами. Следует отметить, что геометрический орнамент в виде шестиконечной звезды был широко распространен по всему мусульманскому Востоку. Этот орнамент, связанный с астральными представлениями, корнями уходит в глубокую древность. В условиях господствующего ислама такая популярность его, видимо, связана с допущением исламом почитания астральных светил. Астральный смысл шестиконечной звезды усиливается полосой непрерывного стилизованного куфического письма [Вактурская, 1959. Рис. 9, 1]. Мотив этого типа находит многочисленные аналогии в среднеазиатской керамике IX–XI вв. Шестилепестковая пальметта, цветок, розетка — самостоятельные основные элементы декора на чашах с секторными композициями с середины X по XI в. в Самарканде [Ташходжаев, 1967. С. 60, рис. 12; Шишкина, 1979. Табл. LVIII, 1; LXV, 4; LXXVI, 1–2], Чаче [Брусенко, 1986. С. 60, табл. 39, 1, 2], Фергане [Ильсоева, 1986. Илл. 5]. В них в центре чаши ленточным переплетением образована композиция в виде пятиконечной звезды: сложные узлы лепестков цветка оживлялись зеленой и коричневой красками.

В IX–XI вв. в декоре широко использовались фестоны, густая сетка, мазки (точки), зубчатый парапет (табл. I, 25, 27, 30–31). Последние три вида декора украшают чаши с пятнистой росписью из Замахшара [Вактурская, 1959. Рис. 7, 3].

Исследователи отмечают, что принцип графического декора в виде сетки, мелких мазков, зубчатого парапета появляется под влиянием металлических изделий. В поливной керамике эти декорировки появляются в сасанидский период [Pore, 1939. PP. 1446, 1505], в Китае в эпоху Танской династии [Hobson, 1948. P. 13]. В Средней Азии они известны по материалам Хорезма и Самарканда [Шишкина, 1979. С. 33, табл. XLII, 8].

Растительно-геометрические орнаменты XII–XIII вв.

Для чаш этого периода характерно несколько вариантов композиций. При изготовлении сосудов открытой формы основное внимание уделялось украшению центра, поэтому центрическая композиция являлась самой распространенной в Хорезме, начиная с XII–XIII вв. Типичной для этой группы является круг с сеткой, обрамленный параллельной полосой белого и коричневого цветов и образующий дисковидное пространство. Внутри круг окрашивался пятнышками-точками красной, коричневой и белой красками, после чего сосуд покрывался бесцветной глазурью. Аналогичная

орнаментальная сетка нам известна из Афрасиаба [Шишкина, 1979. Табл. XLI, 2–3], Эски-Ахси [Ильясова, 1986. Илл. 3] и Шаш-Илака [Буряков, 1961. Табл. IV, 9; Брусенко, 1986. Табл. 34, 15]. Исследователи относят зарождение этого сетчатого мотива к середине XI в. (Шаш) и XII–XIII вв. (Согд). На другом варианте сетчатый орнамент нанесен в виде гравированной сетки из комбинации простых линий и завитков. Край чаши, найденной в Наринджане в доме XII в., украшен двойными параллельными гравированными полосами, от которых спускаются заштрихованные треугольники (табл. II, 27, 30, 31). Обрамляющая зеленая полоса по венчику расцвечена крупными темно-зелеными точками. Не менее характерен сетчатый гравированный орнамент для чаши из Замахшара (табл. II, 26). На стенке сосуда нанесены гравированные орнаментальные полосы концентрической композиции. На первой орнаментальной полосе тонкой линией процарапаны сетчатые ромбики, вертикальными штрихами разделенные на секторы. На второй полосе на бордюре венчика вырезаны методом гравировки тонкие вертикальные линии радиального направления, которые также расцвечены точками зеленого, красного цветов [Вактурская, 1959. Рис. 27, 3, 6.]. Наиболее распространенными орнаментами являлись штрихи, зубчатые треугольники, плетеные ленты. Они часто встречаются на монохромных изделиях, украшенных гравировкой. Одно из блюд по бортику украшено гравировкой в виде парных горизонтальных линий, зигзагообразно сомкнутых треугольников. Она как бы создает эффект бегунка. Между зубчатых треугольников тонкой врезной линией нанесены косые гравированные штрихи. Другая нижняя полоса вертикальной врезной линией разделена на квадраты, в каждой ячейке которого чередуются узоры зеленого и желтого цветов. Сосуд покрыт двусторонней лимонно-желтой глазурью, четкие гравированные рисунки эффектно выделяются под прозрачной поливой [Фонд КГУ, МО-2002, ЮП, п. 12/34].

Для украшения этой чаши был использован стилизованный растительный орнамент, в который вписываются побеги, разрисованные белой росписью. На концах располагается трехлепестковая пальметта, выполненная коричневым цветом, между пальметтами расположены зеленые точки-крапины [Фонд КГУ, МО-2002, ЮП. п. 12/11]. Прототипы этого мотива с ветвью, с многолепестковой пальметтой на прямом стволе в овалах, встречаются в орнаментации хорезмской керамики X–IX вв. из Замахшара [Вактурская, 1959. Рис. 12, 3, 5]. В отличие от нее здесь не наблюдается преобладание лепестков, силуэтный узор с пальметтами упрощен, создается схематизированный растительный орнамент.

Интересной находкой является фрагмент блюда с гравированным узором. Выгравированный орнамент в виде «плетеной тесьмы» дополнен изображением косых штрихов на белом фоне.

Табл. II. Растительно-геометрические орнаменты XII–XIII вв.

растительный										
										
геометрический										
										

Куфическая надпись по краю блюда с наружной стороны, выполненная темно-коричневым (черным) цветом по белому фону, нанесена четко и изысканно, тем не менее, имеет стилизованный, псевдоэпиграфический характер. Здесь эпиграфический орнамент — двойные «алифы» — формируется в двулистники-бутоны между заглавными буквами арабского письма. Трансформация вертикальных «алифов» и других букв по материалам Согда [Шишкина, 1979. С. 54–55] и Чача [Брусенко, 1986. С. 54] происходила с XI в. Исследователь арабских надписей на поливной керамике Средней Азии О. Г. Большаков отмечает, что «в X–XII вв. стволы букв, которые ставятся друг к другу, переходя в эпиграфический орнамент, быть может, являются уже орнаментом» [Большаков, 1963. С. 82, рис. 10].

Гравировка тонкой линией, получившая название «граффито», относится к наиболее ранней технике в данном способе орнаментации. На чашах, блюдах IX–XII вв. очень тонкой беглой линией наносили растительно-геометрические рисунки, чаще всего с концентрической композицией. В XII–XIII вв. в керамике с орнаментом «граффито» появляются рисунки, выполненные толстой линией. Из раскопок последних лет в Миздахкане происходят фрагменты чаш и блюд, украшенные этим видом орнамента [Фонд КГУ, МО-2002, ЮП, п. 10/30–38]. Однако орнамент, выполненный толстой гравированной линией, был наиболее распространен в XIII–XIV вв. Анализ некоторых устойчивых геометрических орнаментов показывает, что среди них чаще всего использовались треугольники, ромбы, концентрические круги, точки, косые линии, сетчатые квадраты и радиальные полосы (табл. II, 21–29, 31). Все виды геометрического декора в той или иной степени связаны мотивами с тематикой декоративно-прикладного искусства Средней Азии, Закавказья и Дальнего Востока. Некоторые исследователи склонны утверждать, что появление «граффито» связано с подражанием гравировке по металлу, переданному в технике живописи для того, чтобы оттенить основной рисунок, нанесенный линейным контуром [Кверфельдт, 1947. С. 49; Шишкина, 1979. С. 56; Атагарриев, 1986. С. 124–125].

Одним из наиболее часто встречающихся элементов орнаментального декора в поливной посуде Хорезма XII–XIII вв. является растительный орнамент в различных вариантах. В центре для украшения чаши широко используется многолепестковая розетка, занимающая почти всю центральную часть сосуда. Своеобразная по своей орнаментальной композиции чаша, обнаружена в южном поселении Миздахкана (п. № 12), где свастикообразной формы орнаментальная розетка в круге образована коричневыми стеблями, концы которых скручены в виде вихревого движения завитков (рис. 6, 2). Свободное поле между стеблями занято крупными точками зеленого цвета. Построение рисунка — центрическое, одна сторона (конец) вытянуто-скручена вправо в виде четырехлистника, она как бы символизирует эффект бесконечного движения. Этот вид росписи как самостоятельный орнамент в поливной керамике появился в IX в. [Жураев, 1997. С. 162–167]. Аналогичные мотивы такой росписи в IX–XI вв. имеют широкое распространение по всей Средней Азии [Лунина, 1962. С. 270; Шишкина, 1979. С. 58; Брусенко, 1986. С. 56–57]. Известна была она как центрическая композиция и в хорезмской керамике X–XI вв. [Вактурская, 1959. С. 289, рис. 11, 2, 3]. Вихревая розетка изображена с высоким художественным мастерством. Она размещалась на светлом фоне в виде цветущего многолепесткового цветка, создавая зрительное восприятие бесконечного движения по кругу. В XII – начале XIII в. вихревая розетка, по нашим материалам, теряет былое очертание. Она представлена схематично, лепестки и стебли нанесены тщательно, их концы изогнуты в виде пальметтообразных завитков. Не менее стилизованы элементы растительного орнамента типа «ислими», побеги и листья.

Растительный орнамент данного варианта имеет узор в виде тонких побегов, от которых в разные стороны от центра отходят завитки узких стеблей. Они связаны в центре розеткой, напоминающей сердце. Между ними — композиция в виде луковичного медальона, сохраняющая симметрию относительно друг друга. Стиль этой росписи придает узору ориентацию «верх-низ». Внутренняя поверхность также украшена растительным побегом. Такая плоскодонная миска найдена на городище Миздахкан. Орнамент выполнен на подглазурном темно-желтом фоне (табл. II, 19–20, рис. 7, 1) [Фонд КГУ. МО-87, ВК-I, п. 39].

Среди орнаментальных мотивов глазурованной керамики очень часто встречается декор с концентрическим поясом узора. В центре имеется орнамент в виде розеток в овале или прямоугольнике. В поле сосуда — концентрический пояс, нанесенный темно-коричневой краской по светлому ангобу под прозрачной лимонно-желтой глазурью. Чаши из Миздахкана средних размеров (дв-18–22 см) с прямым или отогнутым наружу краем, с концентрическим поясом. Они украшались по стенкам параллельными линиями, пересеченными вертикальными и горизонтальными полосками с крапинами коричневого цвета. Зубчатая полоса с крупными точками также выполнена коричневой краской. На бортах другой чаши полусферической формы из Миздахкана проходит орнаментальный пояс, расписанный темно-коричневой и красной красками. Широкая полоса украшена узором в виде редко пересекающихся полос радиального направления и одиночных завитков-галочек. Венчик чаши, борта с наружной стороны расписаны красной краской с изображением полуovalов-фестонов.

Растительные и геометрические орнаменты XIII–XIV вв.

Растительные орнаменты. В это время господствует полихромная поливная керамика с богатой орнаментацией. Среди нее огромное количество образцов с элементами растительного орнамента, в изображениях и характере рисунка которых наблюдается большая пестрота.

1. Часто в центре помещается шести- или восьмилепестковая розетка, расчлененная радиусами на секторы, которые передаются лепестками (табл. III, 5, 13, 16, 18, 22). Иногда цветок окружают лепестки и узкие стебли [Вактурская, 1959. Рис. 30; 36. 119] (табл. III, 23).

2. Вариантом предыдущего является композиция, имеющая в центре описанный цветок с розеткой, вокруг которого такие же цветки в виде кругов с трапециевидными лепестками. Частью они расцвечены характерными для XIII–XIV вв. синими рельефными точками [Воробьева, 1963. Рис. 8, 11.] (рис. 8, 1). Этот растительный узор отличается от предыдущего сочетанием на поверхности сосуда рельефного эпиграфического орнамента. Подобный декор имеет прямые аналогии в Сарае [Федоров-Давыдов, 1976. Рис. 107–108].

3. Этот вариант от предыдущих отличается сочетанием геометрических и растительных орнаментов. Побег цветка в центре дна вписан в шестиугольник и окружен растительным и геометрическим орнаментом (табл. III, 6). Чаша с подобным орнаментом найдена в караван-сараяе Талайхан-ата в 1952 г. Орнаменты внутренних бортиков чаши разделены синими тройными полосами на секторы, заполненные рисунком, выполненным темно-зеленой краской. Чередуются три различных растительных рисунка: два стилизованных и один с точками-«ягодками», сгруппированными по четыре. Верхние края чаши орнаментированы поперечными зелеными полосами фиолетового и зеленого цветов. Внешняя сторона сосуда с высоким бортиком украшена орнаментным поясом, состоящим из геометрических фигур-колец, треугольников, ромбов [Вишневецкая, 1958. Рис. 7, 4]. Идентичный орнамент можно видеть на чашах из Миздахкана

в слоях XIII–XIV вв. (рис. 9, 4). Аналогичная целая чаша была опубликована М. -Ш. Кдырниязовым [Кдырниязов, 1989. Рис. 1, 2]. В обеих чашах краски местами растекались, т.е. нарочито оберегались от «порчи». Отличаются чаши только цветом красок. В первой чаше господствует зеленая краска, а в миздахканской — темно-синяя (кобальтовая) роспись. Немалый интерес представляет хорезмская чаша, найденная на Замахшаре, которая также украшена шестиугольной звездой, заполненной мелкими завитками и своеобразными розетками из кругов и точек между ее лучами [Атагарриев, 1974. С. 80].

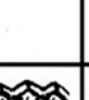

Все вышеописанное свидетельствует о том, что все эти чаши имеют одинаковую форму, орнаментальные мотивы выполнены в одной технике, между ними нет существенных различий. Это наводит на мысль о том, что большинство посуды из различных памятников Хорезма XIII–XIV вв. имеет стандартизованные формы.

4. Желтое поле сосуда изнутри богато украшено темно-коричневыми восьмилепестковыми цветками, кончики которых имеют очертания трехлопастной арки. Построение рисунка центрическое, растительный орнамент радиально расходится из центра дна. Внутри лепестков расположены более крупные трехлепестковые цветки, их фон местами украшен крупными точками. По верхнему поясу идут узкие сдвоенные полосы и «пальметки» — «трилистники», ограниченные узкой линией. Красноглиняная чаша с таким орнаментом происходит из помещения «Восточного квартала» Миздахкана (рис. 10, 1) [Фонд КГУ. МО-87, ВК-I, п. 31].

5. Гончары в росписях чаш применили стилизованный растительный узор. Орнамент преимущественно в виде крупных листьев или растительных колец. Из Джанпык-калы происходят фрагменты чаш и поддона сосуда с высокой бокалообразной формой. Одна из кашинных чаш имеет кольцевой поддон. В центре и по краю по белому ангобу неширокой линией нарисованы крупные концентрические круги. Но это не геометрический орнамент. Внутри и во внешнем круге «колец» дан схематический рисунок раскрывшегося бутона, выполненного бирюзовой, темно-зеленой краской. Изображение максимально упрощенно, но достаточно выразительно, благодаря несколько утрированной передаче основных деталей на белом кашинном фоне [Фонд ККГМИ. Дж-к-87, Р-7. Кп № 41082, инв. № 1013].

6. Из Миздахкана происходит отличающийся от других типов, пока единственный, красноглиняный сосуд на высокой ножке с сильно стилизованным орнаментом. Внутренняя сторона покрыта опаковой красно-желтой поливой с белой и зеленой надглазурной росписью. Орнамент расписан

Табл. III. Растительный и геометрический орнаменты XIII–XIV вв.

растительный										
										
										
геометрический										

крупными лепестками в виде цветков ромашки, радиально расположенными и вкрапленными зелеными пятнами (рис. 10, 3) [Фонд КГУ, МО-87, ВК-II, п. 61].

Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы. Исследование комплекса керамики XIII–XIV вв. и ее орнаментации указывает на то, что в основном керамика этого периода повторяла узоры предыдущей, хорезмшахской культуры. В материалах при сохранении основных форм сосудов изменения идут лишь по линии усложнения декора и большей изящности исполнения. Особенностью орнаментации этого времени является оформление ее насыщенными растительными мотивами. Внутренняя поверхность сосудов была в основном разделена на три орнаментальных пояса, из которых часто оформлялись два: центральная часть и боковые стенки, а верхний пояс, идущий по краю, сочетал растительные мотивы с геометрическими (линия, точка, косые насечки в виде ромба). Границы поясов отделялись обрамлением скругленной линией.

Богатая гамма красок (зеленая, коричневая, бирюзовая, кобальт, красная), придавала особую нарядность и красочность посуде. Полихромная поливная керамика часто имела цветочный букет с осевой симметрией, вырастающий из одного места в центральной части (рис. 11, 2; табл. III, 23) [Вактурская, 1959. Рис. 34, 2; Фонд КГУ, МО-87, ВК-I, п. 34]. На одной из тарелок, найденной в Миздахкане, в центре изображена шестилепестковая розетка, от которой разрастается цветок со стилизованными листьями, стеблями, побегами (рис. 12, 2; табл. III, 22) [Фонд КГУ. МО-97, СК-3]. Все это обведено кольцевой зоной из зигзагов со штриховкой. Тонкие лепестки не только стилизованы, они часто напоминают раскрывающийся «павлиний хвост». Такие же «павлиньи хвосты», но поменьше, расположены по фестончатому краю темуридской кашинной чаши из «Северного квартала» Миздахкана (рис. 12, 1). На некоторых чашах второй пояс по стенкам украшен в шахматном порядке мелкими четырехлепестковыми цветками (рис. 8, 2; табл. III, 10, 14). Существуют разные трактовки этого орнамента. Одни исследователи считают их «птичками» [Вактурская, 1959. Рис. 34, 1], другие склонны видеть в них «крестики», «скомпонованные точки» или «трехлепестковые бутоны-листья» [Якубовский, 1931. С. 37].

Сходный декор в золотоордынской керамике часто встречается в виде точек или трилистников. Вариантом этого растительного орнамента является узор «трилистников», украшающий внутреннюю поверхность чаш [Якубовский, 1931. Рис. 17–19; Булатов, 1968. С. 108, рис. 4, 1]. Однако, по реалистичности изображения, этот вид орнамента более характерен для Хорезма. В большинстве золотоордынских городищ керамика подобного типа немногочисленна. И, наоборот, в Хорезме поливная керамика с изображениями веток лотоса или лotosового куста менее известна. Этот элемент был очень широко распространен в искусстве Золотой Орды и сопредельных стран после монгольского нашествия (лотос как растение земноводное распространен в умеренных поясах Евразии, на Дальнем Востоке и в дельте Волги). Однако орнаментальный мотив с цветком лотоса известен в керамике Хорезма X–XI вв. [Вактурская, 1959. С. 290.]

Из других мотивов растительного орнамента часто встречаются тюльпаны и грибовидные одуванчики. Тюльпан связан с веткой, напоминающей стебель (табл. III, 21, 26; рис. 9, 3) [Вактурская, 1959. Рис. 34, 2]. Одуванчик, по очертанию напоминающий форму гриба, стеблем связан с кольцевидной полосой на дне чаши.

В целом растительный орнамент поливной керамики Хорезма XIII–XIV вв. наиболее разнообразен, и имеет некоторые сходства в технике нанесения орнаментов с Поволжьем — регионом, с которым Хорезм был связан политически. Одновременно Хорезм как часть Мавераннахра имеет аналогии в керамике с центрами Средней Азии.

Геометрические орнаменты в поливной керамике этого периода представлены следующими фигурами: треугольники, шестиугольники, восьмиугольники, вытянутые круги, арочки, точки, волнистая линия, полосы зигзагов, ряды запятых и другие.

1. Сложный вариант геометрического орнамента представлен чашей с шестиконечной звездой из «Восточного квартала II» в Миздахкане [Кдырниязов, 1993. С. 94, рис. 6, 2]. В центре на дне маленький шестиугольник с цветком, вокруг которого четыре шестиугольника. Последние, больших размеров, окружены округлой полосой. В целом орнамент образует розетку, вокруг которой — узкая полоса восьмиугольно-вертикальных зон, заполненных псевдоэпиграфическим орнаментом, рыбками, лепестками и точками. По краю чаши идет узкая кольцевая полоса. Внешняя поверхность этой чаши украшена также геометрическим орнаментом, образующим ромбовидные медальоны с заштрихованными носиками (рис. 9, 4).

2. Другой вид геометрического орнамента представляет собой округлую розетку с квадратами, разделенную белой ангобной полосой. В образованных таким образом малых квадратах, расположенных в шахматном порядке, квадраты с сетчатым орнаментом чередуются с белыми квадратиками с четырьмя синими точками [Фонд ГКМК, МО-90, КВ-3, п. 11] (табл. III, 31; рис. 9, 1). Аналогичный орнамент с четырьмя кобальтовыми точками на дне чаш присутствует на золотоордынской керамике Селитренного городища [Булатов, 1974. С. 139, рис. 1.2].

3. На другой чаше (также из Миздахкана) в центре круг с цветком, вокруг него — узкий пояс, образованный рельефной линией черного цвета. Переплетаясь, он образует шесть круглых зон, заполненных цветами коричневой росписью. Узкая черная полоса идет по краю чаши [Фонд КГУ, МО-90, КВ-3, п. 17]. Чаша с аналогичным орнаментом была найдена Г. А. Федоровым-Давыдовым в Селитренном, в гончарной мастерской в раскопе XI [Федоров-Давыдов, 1994. Рис. 14, 2]. Миздахканская чаша — красноглиняная, с подглазурным орнаментом.

4. Геометрические орнаменты представлены и другими видами. Среди них — линейно-геометрические узоры. В основном в XIII–XIV вв. был распространен мотив плетенки, штрихованной кривой сеткой кольцевых полос, радиальные полосы которой делят боковые поверхности чаши на треугольники, трапеции. На кашинной чаше из Шемаха-калы крайняя (верхняя) кольцевая зона из двух переплетающихся белых полос с синими точками занимает завершающее место в композиционном сюжете [Вактурская, 1959. С. 321, рис. 32, 3] (табл. III, 34). На другой чаше из Шемаха-калы край внутренней стороны имеет арочный орнамент и вертикальные столбики, упирающиеся наверху в узкий пояс по краю сосуда [Вактурская, 1959. Рис. 32, 4]. Эти орнаменты с растительными мотивами усиливают декор, нанесенный эффектной синей и черной росписью на белой кашинной основе.

5. Особо следует остановиться на орнаменте в виде медальона луковичной формы (табл. III, 28). На одной из красноглиняных чаш из Шемаха-калы с полихромной росписью на стенках, в круглой зоне расположены восемь луковичных медальонов, образованных переплетением двух желтых полос, причем медальоны встроены: большой, второй поменьше, а в нем третий — маленький. Здесь явное превосходство одного из видов линейно-геометрического орнамента — переплетения [Вактурская, 1959. Рис. 29, 5; 36, 96]. В центре медальонов — стилизованный цветок с точками, на заднем фоне — вертикальные штрихи. Вариант этой схемы представлен на другой чаше из Шемаха-калы, у которой в центре — растительный орнамент, а по стенкам девять луковичных медальонов (табл. III, 13). Здесь, в отличие от предыдущей чаши, фон заполнен маленькими точками, в которых помещены «галочки», их также девять [Вактурская, 1959. Рис. 32, 1; Рис. 36, 117]. Ранние образцы луковичных медальонов мы встречаем в художественной поливной керамике

Самарканда [Ташходжаев, 1967. Рис. 4 а], позже они встречаются в золотоордынской керамике Поволжья [Fedorov-Davidov, 1984. P. 23, 4].

6. В некоторых открытых чашах и блюдах после точечного бордюра (края), ниже по внутренней поверхности иногда проходит кольцевой пояс в виде падающей волны, часто нанесенный кобальтовой (темно-синей краской). Он выполнен в форме растительного побега с закрученными стеблями из двух ветвей с бесконечно повторяющимися линиями. Отдельные участки между стеблями украшены завитками. Весь рисунок выполнен кобальтовой поливой на белом фоне [Фонд КГУ, МО-99, СК-2, п. 32/7.] (рис. 11, 1).

Описанная геометрическая композиция в виде «падающей волны» встречается и на некоторых открытых сосудах из Шемаха-калы. Один из них опубликован Н. Н. Вактурской [Вактурская, 1959. Рис. 36, 118]. Судя по характеру росписи, в шемахакалинской кашинной чаше в точности повторяются орнаментальные сюжеты вышеописанной миздахканской. Кашинное белое тесто, полусферическая форма, идентичный орнамент — все это свидетельствует о том, что эти сосуды происходят из одного центра Хорезма. Орнамент в виде «падающей волны» встречается в керамике Самарканда XII в. [Ташходжаев, 1967. С. 59, рис. 11], Тункета [Буряков, 1961. Табл. IV, 9] и архитектурных сооружений других регионов Средней Азии [Литвинский, Соловьев, 1985. С. 91, рис. 32]. Орнамент «падающая волна», как и прежде, занимает небольшую часть сосуда, образуя бордюрную зону. Встречается в сочетании с растительными и эпиграфическими узорами. Для них применена одноцветная роспись, усиливающая простоту и строгость орнаментов. Однако в XIII–XIV вв. такая орнаментация усиливается, обогащаясь новыми элементами растительного узора.

В поливной керамике XIII–XIV вв. по-прежнему встречается керамика с орнаментом «граффито», выполненным тонкой линией. Этот орнамент относится, как мы описали выше, к наиболее ранней технике в данном способе орнаментации. На блюдах XIII–XIV вв. «граффито» растительно-геометрического характера, но чаще всего с концентрической композицией. Керамика с гравированным орнаментом встречается в двух видах: выполненные тонкой или толстой линией, разница зависит от ширины резца. Большая часть фрагментов керамики с орнаментом «граффито» относится к красноглиняным изделиям с зеленой поливой.

Ареал керамики с такой орнаментацией в домонгольский период широк. В Средней Азии он известен по материалам Термеза [Шишкин, 1945. С. 122, рис. 25, 1], Самарканда [Шишкина, 1986. Табл. LI, 1–2], памятников Уструшаны (Замин) [Грицина, 2001. С. 174, рис. 1, 1–2], Каваткалы, Даудана, Шах-Санема [Вактурская, 1959. С. 316]. Таким орнаментом в Хорезме продолжали пользоваться и в XIII–XIV вв. с разницей лишь в характере узоров. Для техники гравировки в золотоордынских городах свойственны, в основном, геометрические орнаменты («концентрические круги»).

Перечень геометрических узоров дополняется и другими элементами — заштрихованными треугольниками, знаками в виде «запятых» или стилизованных геометрических фигур (например, «аркады», «узел счастья»). Эти мотивы орнаментации часто встречаются в сочетании с другими видами или представлены в мелких фрагментах керамики.

Таким образом, анализируя глазурованную керамику Хорезма, следует отметить наличие локальных особенностей в художественных приемах оформления керамики. Что указывает на существование хорезмской школы керамистов и на то, что Хорезм изначально был центром керамического производства [Якубовский, 1931. С. 28–48]. По художественному оформлению изделия хорезмийских гончаров не уступают керамической продукции таких крупных ремесленных центров Средней Азии, как Самарканд, Чач, Мерв, и занимает достойное место в их ряду.

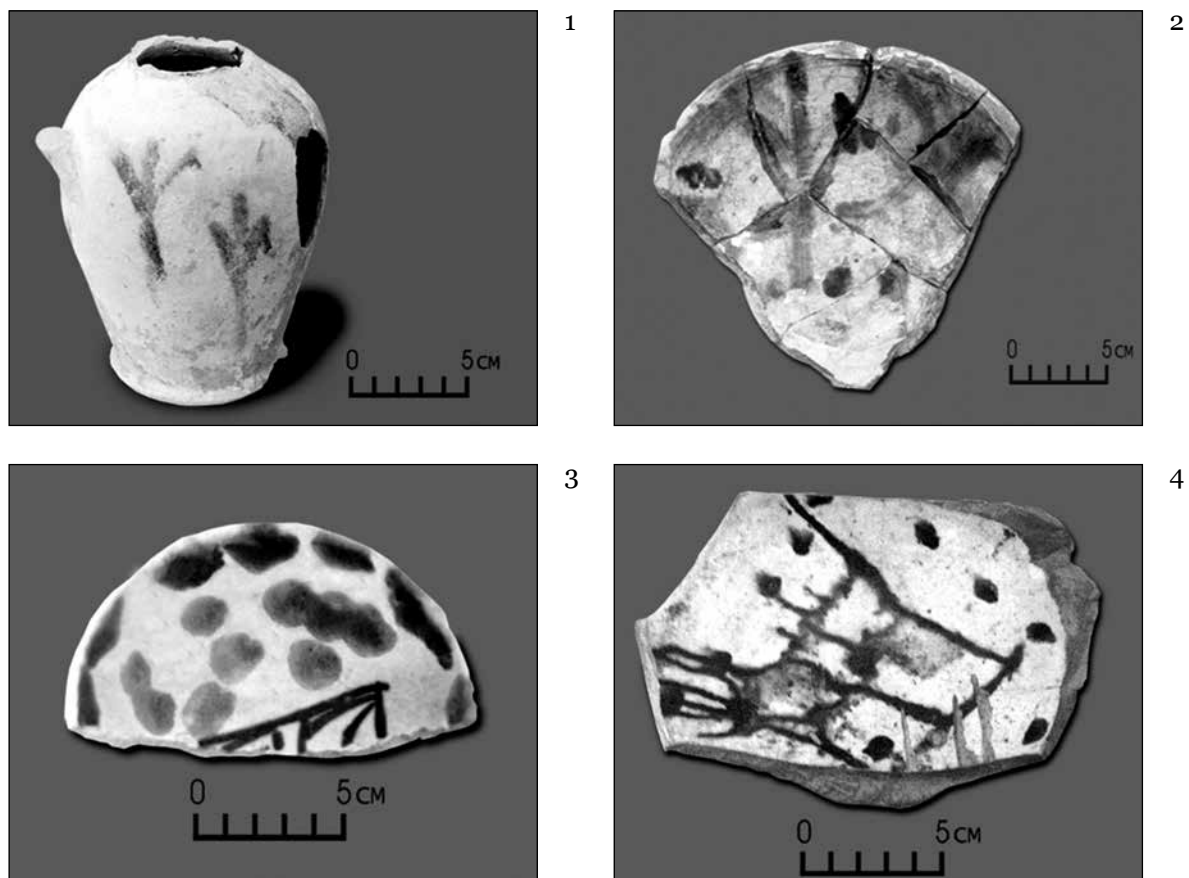

Рис. 2. Поливная керамика IX–XI вв., Хайван-кала (Кердер). Фонд Нукусского педагогического института им. Ажинияза.

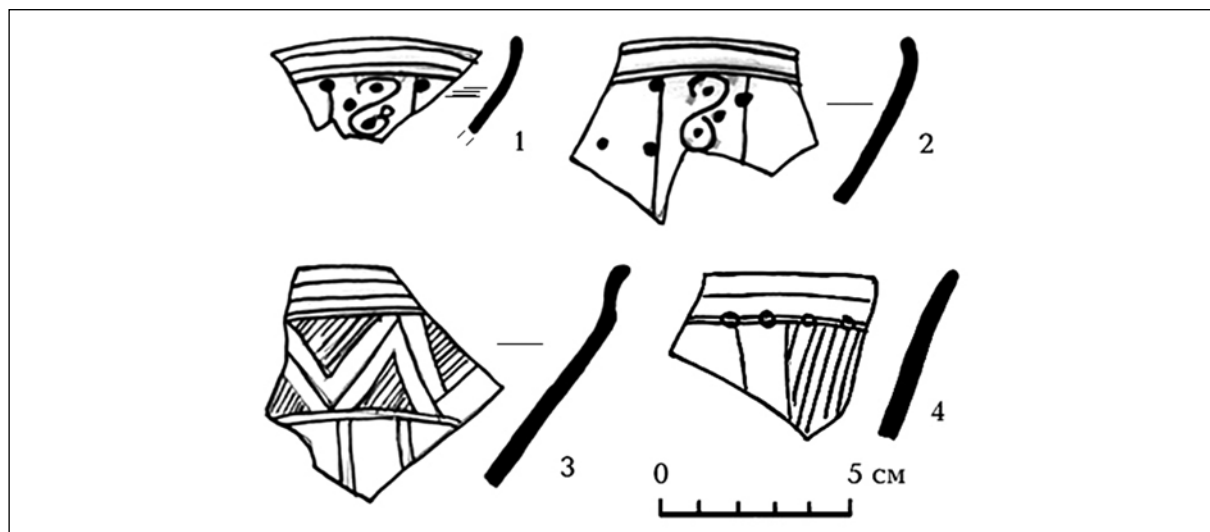

Рис. 3. Поливная керамика IX–XI вв., Миздахкан. Фонд Каракалпакского государственного университета им. Бердаха.

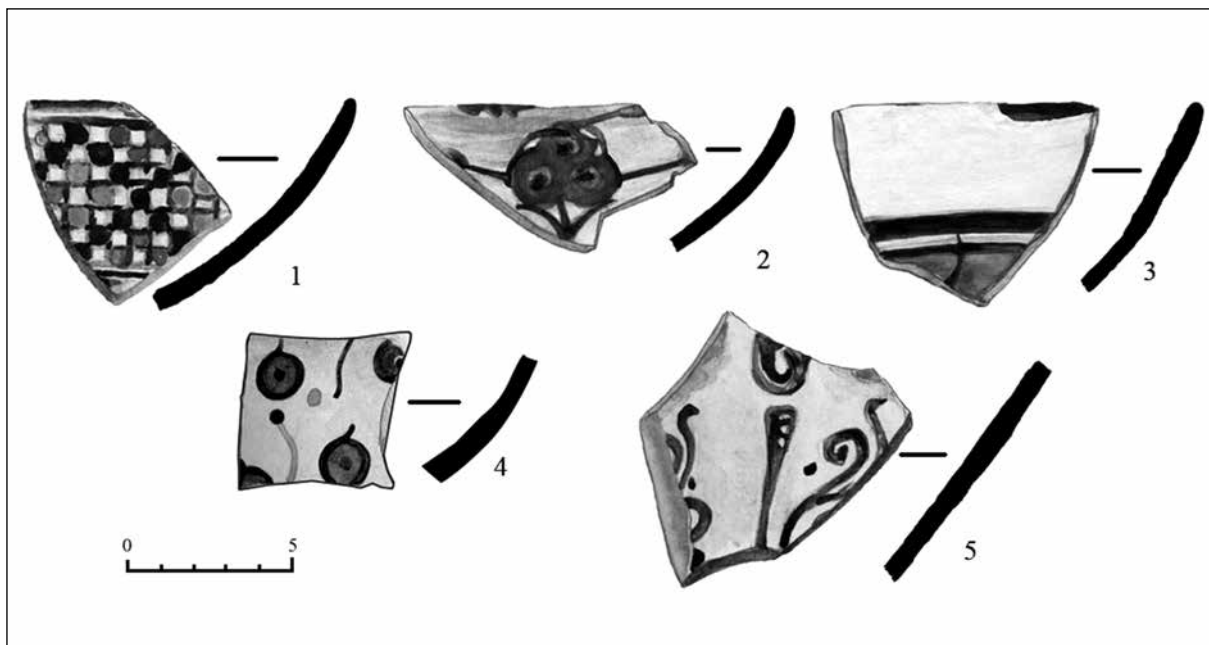

Рис. 4. Фрагменты поливной керамики, Гяур-кала Ходжелийская. Научный архив отдела археологии Института истории, археологии и этнографии, Гяур-кала. 1962.

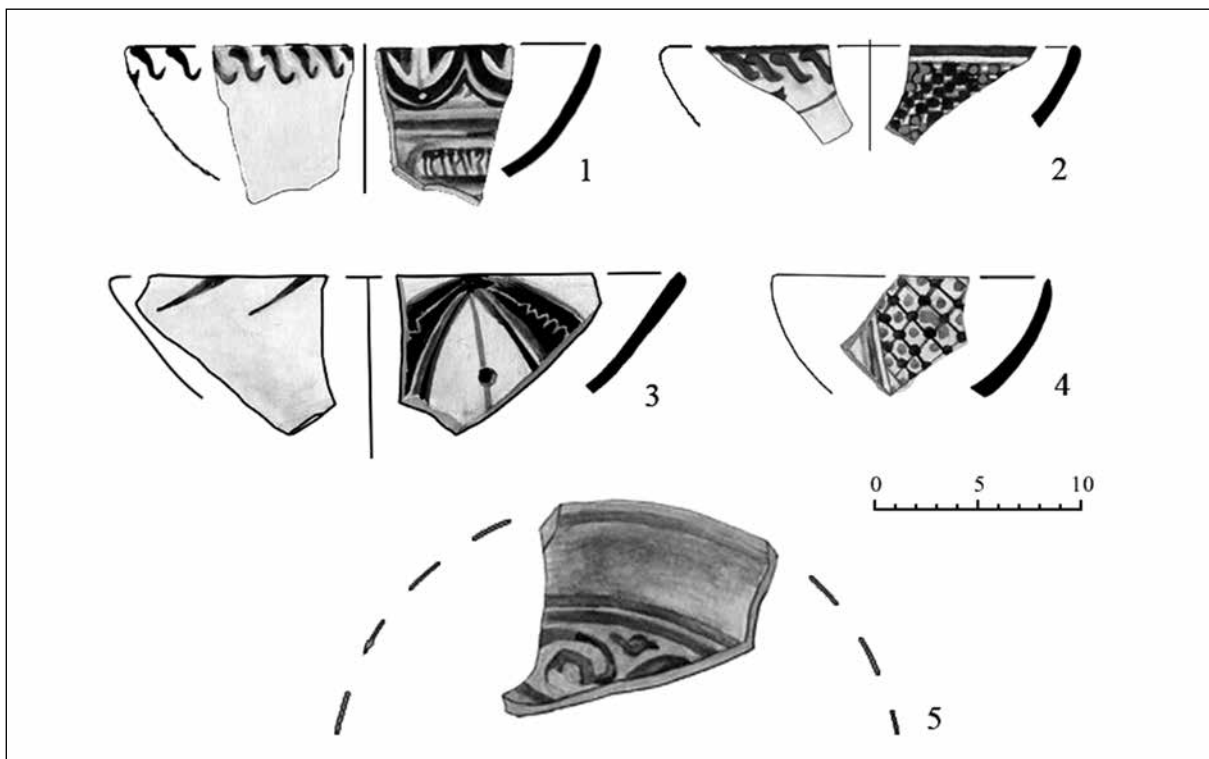

Рис. 5. Фрагменты поливной керамики, Гяур-кала Ходжелийская. Научный архив отдела археологии Института истории, археологии и этнографии, Гяур-кала. 1962

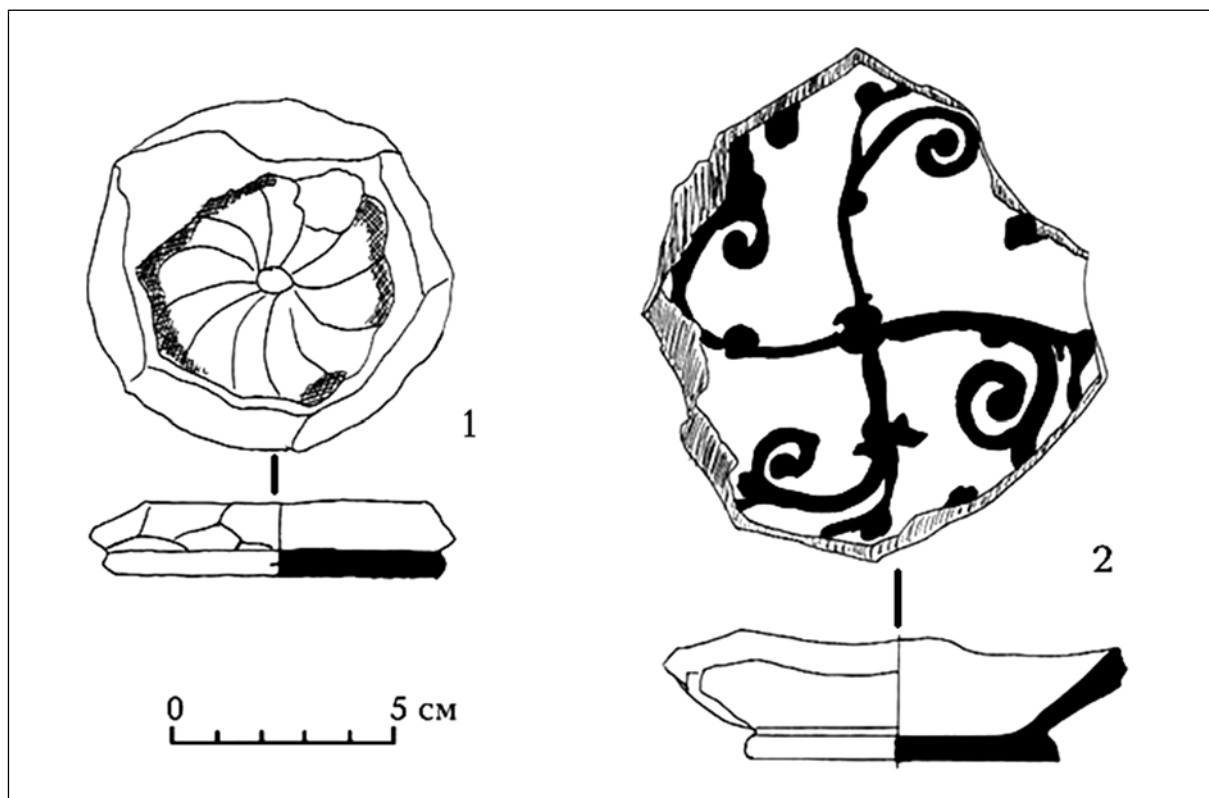

Рис. 6. Фрагменты поливной керамики XII–XIII вв., Миздахкан. Фонд Каракалпакского государственного университета им. Бердаха.

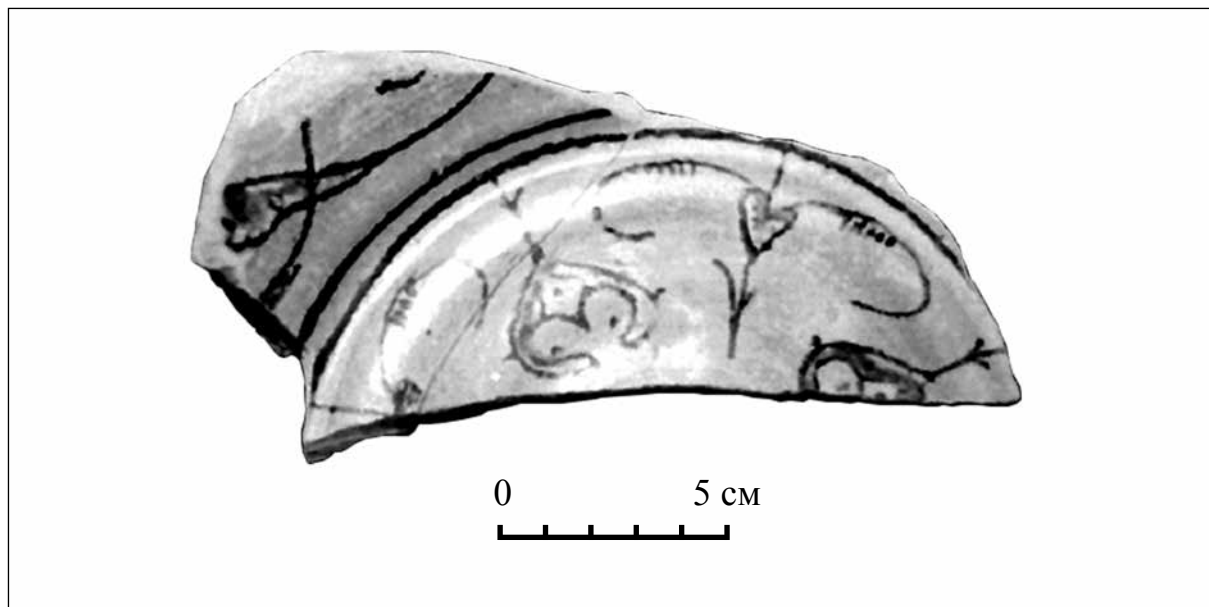

Рис. 7. Поливная керамика XII – начала XIII вв. Фрагменты днищ мисок, Миздахкан. Фонд Каракалпакского государственного университета им. Бердаха.

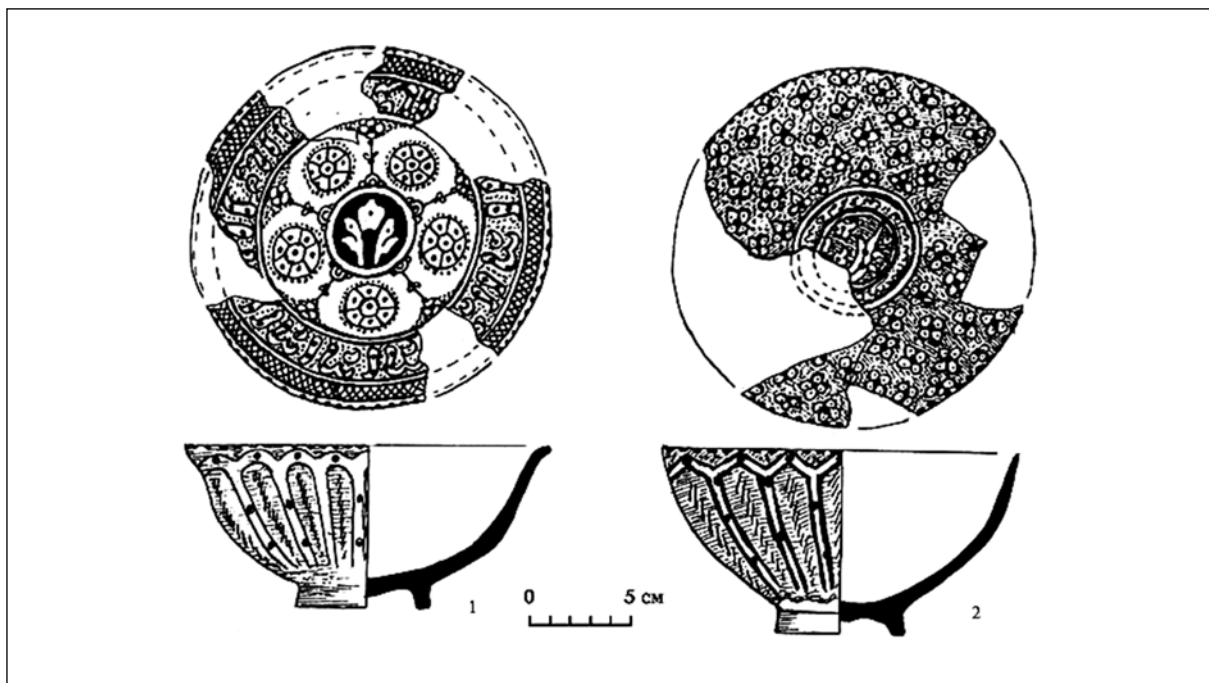

Рис. 8. Поливная керамика второй половины XIII–XIV вв., Джанпык-кала. Фонд Каракалпакского государственного музея искусств им. И. В. Савицкого.

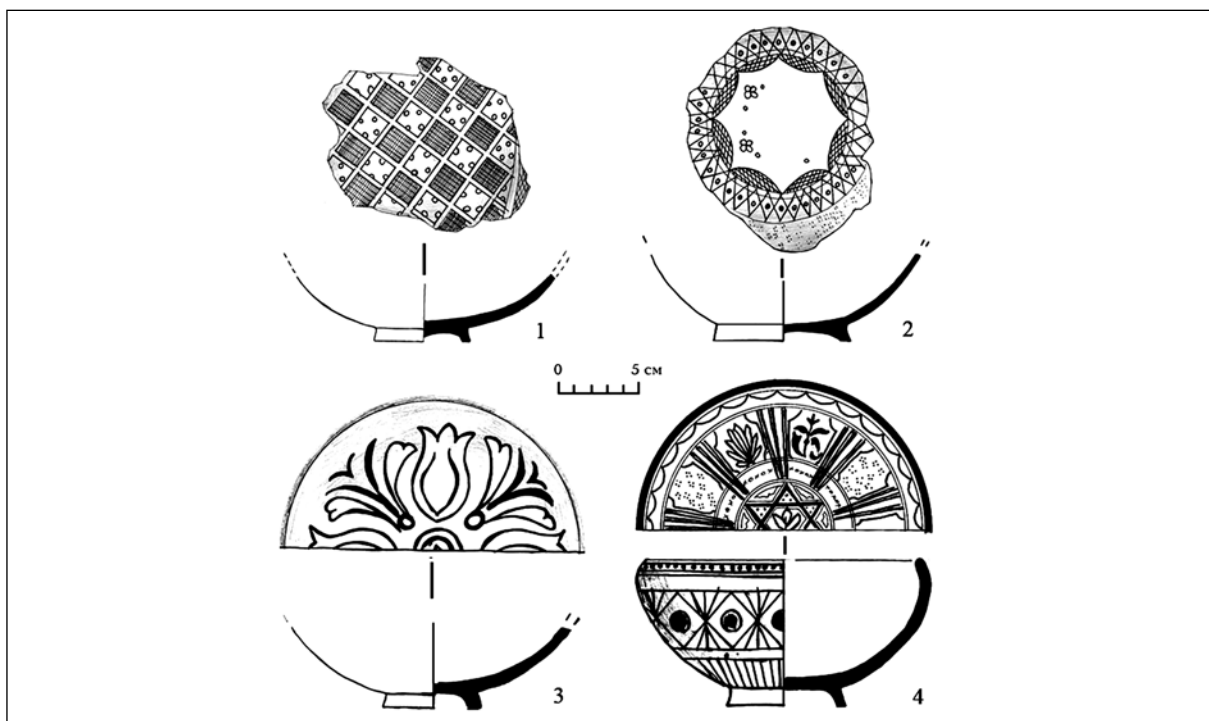

Рис. 9. Поливная керамика второй половины XIII–XIV вв., Миздахкан. Фонд Каракалпакского государственного университета им. Бердаха

Рис. 10. Поливная керамика второй половины XIII–XIV вв., Миздахкан. Фонд Каракалпакского государственного университета им. Бердаха.

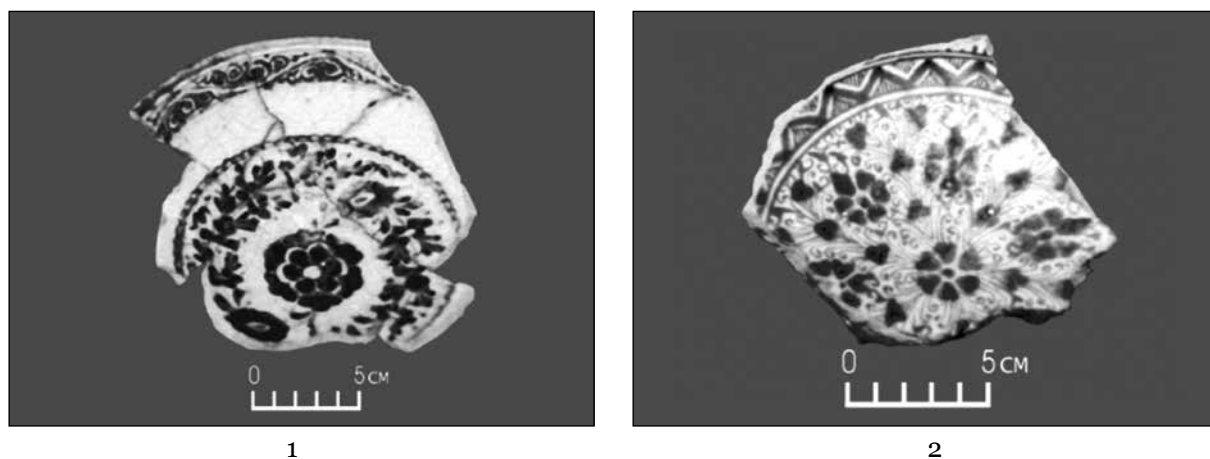

Рис. 11. Поливная керамика второй половины XIII–XIV вв., Миздахкан. Фонд Каракалпакского государственного университета им. Бердаха

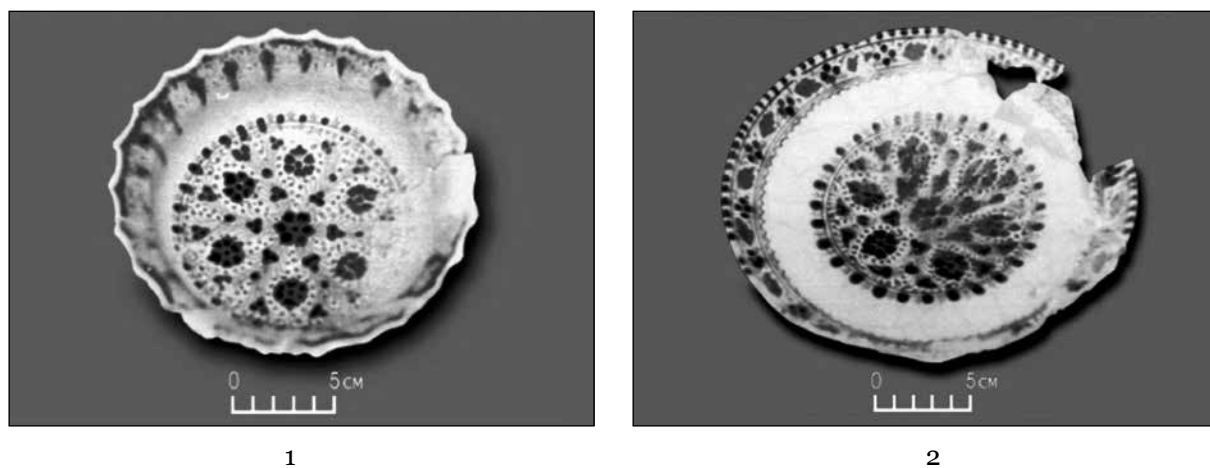

Рис. 12. Поливная керамика второй половины XIII–XIV вв., Миздахкан. Фонд Каракалпакского государственного университета им. Бердаха

Литература

- Анарбаев, Ильясова, 2001** — Анарбаев А. А., Ильясова С. Р. Глазурованная керамика Ферганы IX в. // ИМКУ. № 31.
- Атагаррыев, 1974** — Атагаррыев Е. Средневековое керамическое производство Туркменистана // Материальная культура Туркменистана. Вып. 2. Ашхабад.
- Атагаррыев, 1986** — Атагаррыев Е. Средневековый Дехистан. Л.
- Большаков, 1958, 1963, 1966, 1969** — Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. // ЭВ. 1958. № XII; 1963. № XV; 1963. № XVI; 1966. № XVII; 1969. № XIX.
- Брусенко, 1986** — Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII вв. Ташкент.
- Булатов, 1968** — Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. № 4.
- Булатов, 1974** — Булатов Н. М. Кобальт в керамике Золотой Орды // СА. № 4. М.
- Буряков, 1961** — Буряков Ю. Ф. Художественная керамика городища Тункет // Научные труды и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук. Книга II. Ташкент.
- Вактурская, 1959** — Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // ТХАЭЭ. Т. IV. М.
- Вишневская, 1958** — Вишневская О. А. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-Ата // ТХАЭЭ. Т. II. М.
- Воробьева и др., 1963** — Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // МХЭ. № 6. М.
- Грицина, 2001** — Грицина А. А. Гончарная продукция домонгольского Замина // ИМКУ. Вып. № 32. Самарканд.
- Жураев, 1997** — Жураев Ш. Бухоро вохаси IX–XI асрлар кулолчилиги «Чамбарак» накшлари хакида // ИМКУ. Вып. № 28. Самарканд.
- Ильясова, 1986** — Ильясова С. Глазурованная керамика из верхних слоев городища Эски-Ахси // ИМКУ. Вып. № 20. Ташкент.
- Кверфельдт, 1947** — Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л.
- Кдырниязов, 1989** — Кдырниязов М. -Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV вв. Нукус.
- Кдырниязов, 1993** — Кдырниязов М. -Ш. Золотая Орда и культура Южного Приаралья. Нукус.
- Литвинский, Соловьев, 1985** — Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М.
- Лунина, 1962** — Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. // Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад.
- Научный архив, 1962** — Научный архив ОА ИИАЭ, 1962. Дело № 22. С. 64, 206; дело № 23. С. 10, 32.
- Сенигова, 1972** — Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата.
- Ташходжаев, 1967** — Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент.
- Федоров-Давыдов, 1976** — Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов (Памятники древнего искусства). М.
- Федоров-Давыдов, 1994** — Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Фонд ГКМК** — Фонд ГКМК (Государственный краеведческий музей РК), МО-90, КВ-3, п. 11.

Фонд КГУ — Фонд КГУ (Каракалпакский государственный университет им. Бердаха), МО-87, ВК-II, п. 61; МО-87, ВК-I, п. 31; МО-90, КВ-3, п. 17; МО-97, СК-3; МО-99, СК-2, п. 32/7.

Фонд ККГМИ — Фонд ККГМИ (Каракалпакский государственный музей искусств им. И. В. Савицкого). Дж-к-87, Р-7. Кп № 41082, инв. № 1013.

Фонд НГПИ — Фонд НГПИ (Нукусский государственный педагогический институт им. Ажия-нияза), КАЭО-97, Р-V, пом. 3, стр. гор. /535; КАЭО-96, Р-3, кв. 8/11

Шишкин, 1945 — Шишкин А. В. Курган и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза // Труды АН Уз. ТАЭ. Т. II. Ташкент.

Шишкина, 1979 — Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начала XIII вв.). Ташкент.

Якубовский, 1931 — Якубовский А. Ю. Хорезм в керамике Сарая // ИГАИМК, т. VIII. Вып. 2–3. Л.

Fedorov-Davidov, 1984 — Fedorov-Davidov G. A. The culture of Golden Horde cities. Oxford.

Hobson, 1948 — Hobson R. L. Handbook of Far East. London.

Pope, 1939 — Pope A. The ceramic Art in Islamic Times // A The History, SPA, New York–London

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ КАРАВАН-САРАИ МАНГИСТАУ

В древности и средние века из государств Центральной Азии в Восточную Европу и Поволжье через Устюрт имелись два караванных пути. Первый из них шел от Ургенча на запад. Дорога поднималась на плато Устюрт по подъему Каскажол, шла южнее сора Барсакелмес на полуостров Мангышлак, откуда путь продолжался по Каспийскому морю на судах Нижней Волги. Вторая дорога шла от Ургенча на северо-запад, проходила через рабат Замджан, называемый в источниках Воротами тюрок, и селение Хабаб и затем поднималась на плато Устюрт по одному из наиболее удобных подъемов — Каракумбетскому [Гулямов, 1957. С. 173–174]. За Эмбой этот путь разветвлялся на две дороги: одна к хазарам, другая к булгарам [Бижанов, Лоховиц, 1970. С. 59–60].

Из средневековых авторов наиболее подробно описывает путь из Хорезма в Поволжье (к булгарам) Ибн Фадлан (921–922 гг.) [Маньолов, 1972. С. 175]. Интересно также описание пути из Хорезма (Ургенча) к печенегам через Устюрт, составленное Гардизи в XI в. [Бартольд, 1897. С. 35]. Отсутствие упоминаний о караван-сараях в записках Ибн Фадлана, Гардизи и других авторов дает основание полагать, что в X в. на торговом пути по Устюрту никаких сооружений еще не было [Бижанов, Лоховиц, 1970. С. 59–60].

В российской историографии первые сведения о развалинах этих памятников появились почти 250 лет назад. П. И. Рычков в обстоятельном труде упоминает при урочище Билюли (Белеули) двор с мечетью и колодцем [Топография Оренбургская.. 1762. С. 59–60].

К началу XIX в. относится краткое описание двух караван-сараяев — Белеули и Чурук, произведенное А. И. Левшиным [Левшин, 1832. С. 210].

Н. П. Иванов, исследуя данные экспедиции на Устюрт 1839–1940 гг. упоминает об уцелевших памятниках зодчества [Иванов, 1873. С. 72–74].

Описывая топографию северной части Устюрта, подпоручик Алексеев упоминает о памятниках в урочище Мынсуалмас: «... замечательны только два: один построен весьма давно, а другой не более 20 или 30 лет. Первый квадратной формы, выложенный диким камнем ½ аршинной величины, имеет фигуру правильного четырехугольника, каждая сторона которого простирается до 2 сажень, а высота 1 ½ сажений. Построение его должно быть современно построению разрушившегося здесь укрепления. Другой памятник выложен из жженого кирпича в виде четырехугольника, почти такой же величины». Алексеев пишет также о могиле Кок-там, построенной из жженого кирпича [Первые русские... 1963. С. 251–265].

П. И. Небольсин, анализируя состояние торговли с Россией в XIX в., останавливается на описании караванных путей через плато Устюрт и имеющих там развалинах [Небольсин, 1855. С. 109–111].

Описывая торговые пути через Устюрт в Хивинское ханство, В. В. Григорьев пишет о трех крепостях на северо-восточном чинке Устюрта, и почти повсеместно — в Ушкан-ата, Коскудуке, Куптаме, Саме и других местах отмечает развалины крупных зданий, приводит расстояние между отдельными колодцами и упоминает о Белеули [Григорьев, 1861. С. 9–12].

По мнению М. И. Иванина, развалины на Устюрте, вероятно, — бывшие караван-сарай, — «показывают, что это пустынная степь некогда процветала торговле... Развалины эти не

глиняные, состоят из остатков обожженного кирпича или тесаного камня» [Иванин, 1873. С. 31–33].

По сообщениям Гербера, проехавшего через Устюрт в начале XVIII в., от подъема на плато, где им отмечены развалины древнего города, «попадают еще старинные развалины в трех пунктах по пути к пескам Шам» [Григорьев, 1870. С. 46–47]. Не исключено, что они являются руинами караван-сарая или небольших поселений на торговом пути, пока еще не исследованных.

А. И. Левшин, описывая путь из Сарайчика в Ургенч, между подъемом на плато Устюрт и Чуруком упоминает о поселении «... Куптам, где находятся два колодца, обложенные кирпичом и около них до 30 разрушенных зданий» [Левшин, 1832. С. 210].

Первое подробное обследование караванного пути из Центральной Азии в Восточную Европу было сделано в 1946 г. сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции во главе с известным советским археологом С. П. Толстовым [ХАЭЭ, 1958. С. 16–19].

В 1975–1979 гг. сотрудниками отдела археологии ИИЯЛ КФ АН УзССР исследовались все караван-сарай Центрального Устюрта в пределах границ Каракалпакстана [Советская Археология, 1982. С. 175], а караван-сарай, расположенные на территории Казахстана, археологически еще не исследовались. Имеются сведения о развалинах Куптам в работе Т. К. Басенова. Он указывает что, развалины Куптам находятся в 10 км от песков Сам. В «центре находится одна, почти самая крупная постройка из кирпича и камня» [Басенов, 1947. С. 23–24]. О караван-сараях казахстанской части имеются сведения и у М. М. Мендикулова [Мендикулов, 1987. С. 10–36].

В июне 2005 г. сотрудники отдела археологии Мангистауского государственного историко-культурного заповедника производили разведывательные изыскания с целью проработки казахстанского отрезка караванной трассы Ургенч–Сарайчик в урочище Мынсуалмас.

В 20 км к северо-западу от населенного пункта Туруш расположен караван-сарай Белдеули (Коптам). Геопозиционная точка N – 45° 32', 735; E – 55° 42' 29.

Караван-сарай Белдеули (Коптам). Остатки караван-сарая располагаются в центре обширной котловины (рис. 1), на дне которой имеется 5 колодцев. Два из них засыпаны, три с водой. На

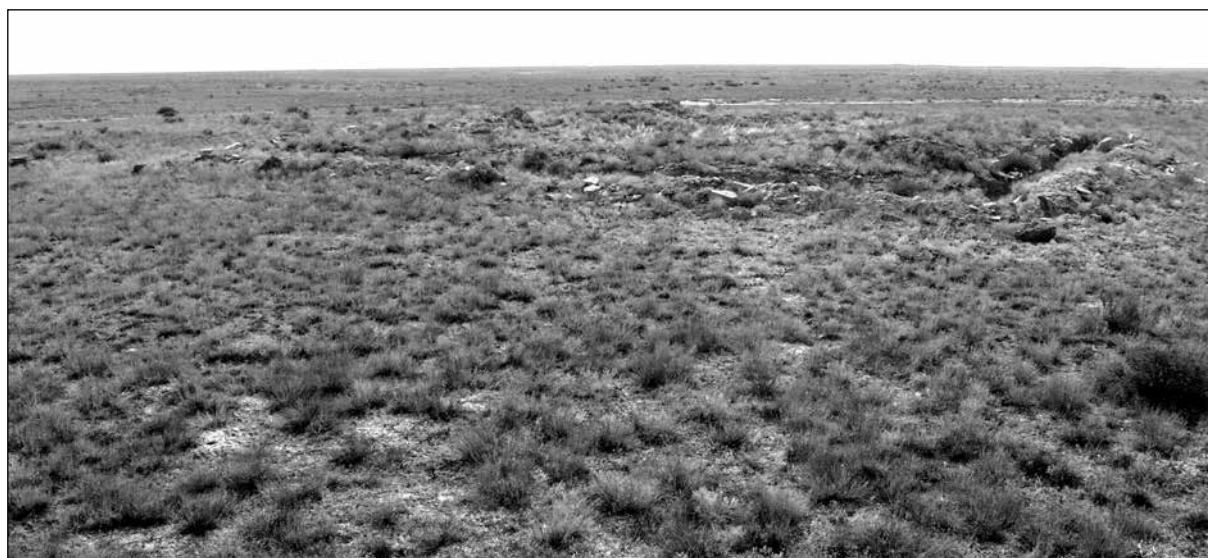

Рис. 1. Караван-сарай Белдеули (Коптам). Общий вид.

топографической карте местность и колодцы носят название Бескудук. На современной поверхности фундамент караван-сарая просматривается в виде грунтово-каменных валов, опоясанных по периметру узкой и неглубокой траншеей современного происхождения. Траншея местами проложена у внешнего основания фундамента сооружения, местами заходит во внутрисконное пространства, разрушая бутовое заполнение стены. В каменном бутовом заполнении стен местами используется обожженный кирпич 26 x 26 x 5 см. Максимально развалы стен возвышаются над современной поверхностью на 1,4 м. Участок фундамента караван-сарая на месте входа сильно разобран на камень. Однако сохранился участок упавших кладок одного пилона порталной ниши, сильно перекрытый грунтовыми наносами.

Выпавшие кладки прослеживаются на длину около 8 м от условного основания фундамента. Среди завала камней найден фрагмент резного тимпана, выполненного из пластичной обожженной глины кремового цвета.

На основе просматривающихся на поверхности фрагментов кладок стен и их развалов, а также небольшой зачистки осыпей бутового грунтово-каменного заполнения составлен точный план караван-сарая. Техника и приемы строительства аналогичны караван-сараяю Коскудук.

Караван-сарай Белдеули имеет правильную четырехугольную форму 27 x 24 м с ориентацией длинной оси по линии СЗ-ЮВ (рис. 2). Вход устроен в середине юго-восточной стены. Его предполагаемая высота около 3 м, а протяженность 7 м. Фундаменты пилонов порталной арки полностью разобраны, но, вероятно, сохранили свои очертания по бутовому заполнению.

Толщина внешних стен составляет 1,1 м, за исключением боковой юго-западной, имеющей толщину 0,9 м.

Фасадные углы караван-сарая оформлены башнями круглой в плане формы. Почти полностью сохранился фундамент северной башни, имевший диаметр 2 м. Наличие остальных башен подтверждается упавшими крупными облицовочными плитами с округлой обработкой лицевой стороны. У восточной башни упавшая облицовка просматривается на длину в 4 м. Помещения внутри башен отсутствуют.

Внутренняя планировка помещений караван-сарая местами прослежена по остаткам фундамента, местами воспроизведена зеркальным повторением согласно оси симметрии устройства всего сооружения. Справа и слева от входа располагаются по две комнаты размерами 5,1 x 4,2 м и 2,7 x 4,2 м. Между комнатами правого крыла, вероятно, была устроена каменная лестница шириной 1,25 м. Дверные проемы помещений, скорее всего, устраивались на углу со стороны главного входа.

Караван-сарай имеет обширный четырехугольный двор 17 x 14 м. Во двор выходят все дверные проемы бытовых и хозяйственных помещений. Современная поверхность двора имеет блюдцеобразное понижение.

Вдоль северо-восточной и юго-западной стен постройки устроены небольшие жилые помещения по 4 у каждой стены (рис. 3). Конструктивно стены помещений выполнены из массивных об-

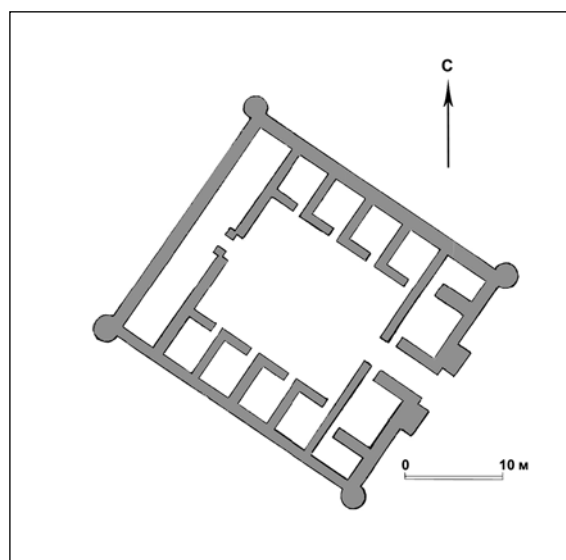

Рис. 2. Караван-сарай Белдеули (Коптам). План.

Рис. 3. Караван-сарай Белдеули (Коптам). Остатки юго-западных стен.

работанных плит известняка, установленных вертикально в два ряда, с бутовым заполнением. Ширина стены со стороны двора и перегородок составляет 0,8–0,9 м. Средние размеры помещений 4,3 x 3,2 м. Со стороны двора с востока по плоскости поперечных стен помещений устроены дверные проемы шириной 0,8–0,9 м.

Вдоль всей задней стены устроено помещение, вероятно, имевшее хозяйственное назначение. Это помещение отделено от двора стеной толщиной 1 м с одним центральным проходом шириной 1,25 м. Вход со стороны двора был оформлен, вероятно, утопленной аркой шириной 2,6 м, глубиной 0,7 м. С внутренней стороны проход оформлен двумя прямоугольными тропками 0,8 x 0,4 м. Внутренняя ширина помещения составляет 3,3 м.

В 50–60 м северо-восточнее караван-сарая на небольшом возвышении имеются 5 скопления бутового камня от небольших разобранных построек.

Как отмечалось выше, у Алексева, А. И. Левшина, В. В. Григорьева, а также у Т. К. Басенова фигурирует название Куптам (Коктам). Куптам переводится как «много домов». По периметру котловины, в котором находится караван-сарай Белдеули, просматриваются более 18 кургановидных насыпей от разобранных построек. На основании этих фактов мы однозначно можем сказать, что Белдеули это и есть Куптам.

В местности Есетбулак в 75 км к северо-западу от Белдеули располагаются руины караван-сарая Коскудук. Геопозиционная точка N — 45° 55, 433; E — 55° 19, 243. Здесь были произведены съемка генплана местоположения всех объектов, архитектурного плана и фотосъемка караван-сарая, сбор подъемного материала, прорисовка основных типов надгробий средневековой части кладбища Есетмола.

Караван-сарай Коскудук с хозяйственно-бытовыми постройками и синхронным кладбищем располагается на краю чинка плато Устюрт в северо-западной оконечности местности Мынсуалмас. Край чинка террасирован двумя невысокими уступами. Непосредственно под чинковым уступом на отдалении около 1,5 км на север от караван-сарая находится родник Есетбулак с ма-

лым дебитом воды. В районе родника встречаются фрагменты красноглиняной станковой керамики. Здание караван-сарая возведено почти на краю верхней террасы с небольшим понижением рельефа. Остатки сооружения хорошо просматриваются по каменно-грунтовым валам, образовавшимся при разборке стен на камень. Стены памятника возводились из крупных обработанных плит известняка толщиной 15–25 см, устанавливаемых вертикально в два ряда, с каменно-грунтовой забутовкой внутреннего пространства. Камень добывали из обнажения скальных террас. Часть строительного камня была взята на возведение надгробий казахской части кладбища Есетмола, но основная масса камня, вероятно, увезена отсюда в 30-х годах прошлого столетия в период активного строительства эпохи коллективизации. Высота сохранившихся фундаментов относительно уровня дневной поверхности составляет 1,4–2,5 м. Среди каменных завалов, образовавшихся от выборки камня и рухнувших перекрытий, хорошо прослеживаются очертания части внешних стен, башен и внутренних помещений. При небольшой дополнительной зачистке без проведения археологических раскопок удалось практически полностью воспроизвести масштабный архитектурный план всей постройки. План снимался при помощи рулетки и угломерных счислений, производимых с помощью ручной буссоли.

Сооружение имеет правильную четырехугольную форму 41,6 x 40,8 м с ориентацией плоскостей стен, близкой к сторонам света (смещение 11 градусов к западу) (рис. 4). Вход устроен в середине западной стены. Его ширина 3,8 м. С фасадной стороны сохранились фундаменты двух пилонов шириной 2,7 м, выступающих от плоскости стен на 1,2 м. Расстояние между пилонами 4,8 м, глубина порталной арки 2,5 м, длина прохода 7,2 м. С фасадной стороны напротив фундаментов пилонов располагается два широких каменных вала, в которых просматриваются ряды упавших каменных кладок протяженностью до 8 м. Эти валы следует расценивать как остатки упавшего П-образного оформления портала, достигавшего в высоту около 10 м. Толщина внешних стен составляет 1,5 м, за исключением задней, имеющей толщину 1,2 м. Планировка внутренних помещений караван-сарая практически полностью читается без проведения раскопочных работ (рис. 5). Справа и слева от входа зеркально располагаются по две большие квадратные в плане комнаты размерами 5,7 x 5,7 м. Стены этих помещений сохранились на наибольшую высоту до 2,5 м, благодаря чему хорошо прослеживается конструкция сводчатых перекрытий. На высоту 1,5–1,7 м от уровня полов (по исследованиям караван-сарая Коскудук, осуществленным ХАЭЭ АН СССР в 1950 г.) [ХАЭЭ, 1958] стены возводились из массивных вертикально установленных плит. Далее сводчатое перекрытие выполнялось обработанными в форме кирпичей плитками известняка средними размерами 20 x 20 x 5 см и 20 x 30 x 5 см.

В описываемых помещениях своды выводились при помощи трюпов — промежуточных опорных выступов в стенах, с которых выводилось полукружие углов помещения. Помещения, примыкавшие к входу, имели простенки в виде неглубоких ниш, оформленных стрельчатыми арками. Края ниш оформлены треугольными выступами, поддерживавшими по углам комнаты полусвод, вероят-

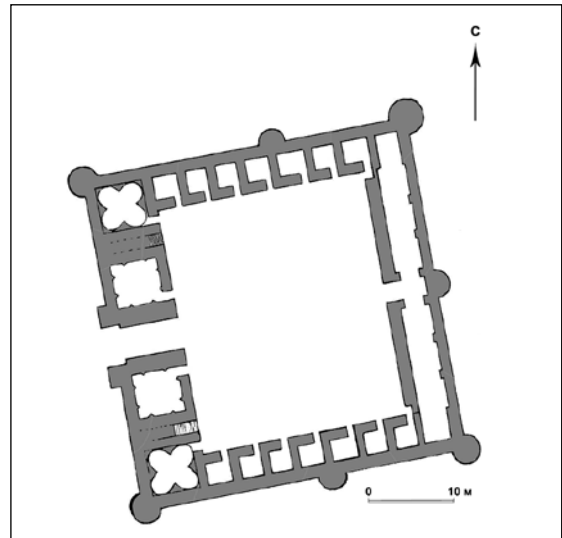

Рис. 4. Караван-сарай Коскудук. План.

Рис. 5. Караван-сарай Коскудук. Остатки помещения.

шириной 1,2–1,3 м, выходившие, вероятно, на уровень стрелковых площадок стен караван-сарая. Ступени правого крыла сохранились на высоту 2,4 м при средней ширине и высоте ступеней в верхней части 26 и 26 см соответственно. Это позволило предположить, что сохранившийся лестничный марш может содержать 9 или 10 ступеней, а с учетом его возможной длины количество ступеней могло составить 22–24 ступени. Из этого следует, что стрелковая площадка могла располагаться на высоте 5,5–6 м.

Фасадные углы караван-сарая оформлены башнями круглой в плане формы. Башни со стороны ворот и три промежуточные по периметру сооружения имеют диаметр 3,3 м, а две угловые башни с тыльной стороны — диаметр 4 м. Внутрибашенные помещения отсутствуют.

Караван-сарай имеет обширный четырехугольный двор 30,5 x 25,5 м. Во двор выходят все дверные проемы бытовых и хозяйственных помещений. Современная поверхность двора имеет блюдцеобразное понижение.

Вдоль северной и южной стен постройки устроены небольшие жилые помещения по 7 у каждой стены. Очертания помещений хорошо просматриваются ближе к углам караван-сарая. Очертания центральных помещений восстановлены относительно общей планировки караван-сарая. Конструктивно стены помещений выполнены из массивных обработанных плит известняка, установленных вертикально в два ряда, с бутовым заполнением на высоту 1,6–1,7 м. Ширина стены со стороны двора составляет 1,2 м, а ширина перегородок — 1 м. Средние размеры помещений 2,7 x 2,8–3 м. Помещения перекрывались сводами типа «балхи» из обработанных под кирпич плиток известняка. Со стороны двора с востока по плоскости поперечных стен помещений устроены дверные проемы шириной 0,9 м (рис. 6).

Вдоль восточной стены устроено помещение, вероятно, имевшее хозяйственное назначение. Это помещение отделено от двора стеной толщиной 1,6 м с одним центральным проходом шириной 2,5 м. Внутренняя ширина помещения 3,6 м. От входа помещение поделено парными прямоугольными tromпами (ширина 1 м, выступают на 0,5 м, ширина арки 2,8 м) для удержания арочного перекрытия на два симметричных крыла. Каждое крыло делится еще на четыре сектора, поделенных тоже арочными проемами (промежуточные по внешней стене караван-сарая также имели tromповые выступы (ширина

но, стрельчатых очертаний, с которых, в свою очередь, выводилось основное сводчатое перекрытие. Угловые комнаты имели немного иное перекрытие. Здесь tromпы сильно выступали из плоскости стены и располагались в ее средней части. До настоящего времени на поверхности развалин этих комнат хорошо сохранились крестовидные очертания кладок нижнего сечения выводимых полусводов, также когда-то удерживавших купольное перекрытие. Вероятно, все помещения постройки имели алебастровое оштукатуривание поверхностей.

Между комнатами каждого крыла были устроены каменные лестницы

0,5 м, выступают на 0,3 м, ширина арки 3,3 м). Подобная конструкция устройства стен позволяет высказать предположение о многокупольном перекрытии. Угловые помещения немного заужены 2,7 x 3,8–4 м. Они имели, вероятно, тоже широкий арочный проем и купольное перекрытие, которое прослеживается на поверхности в виде просевших кладок из обработанной известняковой плитки, располагающихся по полупериметру помещений.

Рис. 6. Караван-сарай Коскудук. Северо-восточная стена.

В 20 м напротив главного входа караван-сарая имеются остатки каменного фундамента многокомнатного помещения размерами 24 x 6 м. Помещение длинной осью ориентировано по линии СЮ.

Фундамент местами возвышается на 0,2 м от уровня современной поверхности, где сохранилась массивная вертикально установленная облицовочная плита. Вблизи северной стены караван-сарая на краю невысокой террасы располагается каменный фундамент второго помещения размером 12 x 9 м. Высота фундамента до 0,4 м от уровня дневной поверхности. Фундамент третьего двухкомнатного сооружения 11 x 6 м хорошо просматривается на удалении 30 м от северо-западной башни караван-сарая. Вблизи фундаментов этих построек отмечается наибольшая концентрация мелких обломков станковой керамики второй половины XIII–XIV вв. Эта же керамика встречается вокруг караван-сарая с разной плотностью концентрации на площади более 3 га.

В 126 м южнее юго-западной башни караван-сарая сохранился фундамент четвертой постройки, определенной как сигнальная башня. От этого сооружения сохранился фундамент 6 x 6 м, облицованный массивными вертикально установленными плитами обработанного известняка, просматривающимися на уровне современной поверхности на высоту до 0,3 м. Внутреннее пространство башни заполнено грунтом и обломками красного кирпича размерами 22 x 22 x 6 см. Грунтовое заполнение сохранилось в виде оплывшей насыпи высотой 1,2 м.

В 30 м северо-восточнее караван-сарая сохранилась каменно-грунтовая запруда, перегораживающая небольшое русловое понижение. Запруда имеет полукруглые очертания. Ее длина составляет около 35 м, ширина 2 м при высоте 1 м. Западная часть плотины смыта паводковыми водами.

Подъемный материал изобилует фрагментами красноглиняных станковых сосудов, мелкими обломками глазурованной керамики, а также фрагментами стенок штампованной сероглиняной керамики золотоордынского периода. Местами встречаются обломки стеклянных изделий. Около порталной части караван-сарая найдена бусина из стеклянной пасты.

В 100 м юго-западнее караван-сарая располагается большое кладбище, состоящее из средневекового комплекса надгробий и казахских захоронений XVIII–XIX вв. Комплексы надгробий не разграничены территориально, а устроены вперемешку.

К средневековым надгробиям следует отнести фундаменты 7 разобранных на камень мавзолеев и более 100 надгробий в виде одно-, двух- или трехступенчатого постамента и пирамидки с навершием в виде двухскатной крыши.

Как мы знаем, караван-сарай (на примере Устюрта) привязаны к котловинам с постоянными или сезонными источниками воды и наиболее благоприятным для обитания местами. Расстояния между исследованными караван-сараями Каракалпакстана колеблются от 25 до 54 км.

Расстояния между караван-сараями Белдеули и Коскудук составляет около 75–80 км, для торгового каравана по плато это слишком долгий путь. Мы предполагаем что, между Коскудуком и Белдеули должен быть минимум еще один пункт, вероятно, всего оно располагается в районе Кырккудук. В этой местности имеются колодцы с большим дебитом пресной воды.

Литература

- Басенов, 1947** — Басенов Т. К. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата.
- Бижанов, Лоховиц, 1970** — Бижанов Е., Лоховиц В. Устюртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье. ВКФ, № 2.
- Бартольд, 1897** — Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–94 гг. С. -Петербург.
- Григорьев, 1870** — Григорьев В. В. О путешествии Гербера в Хиву 1732 г. ИРГО. Т. 6. С. -Петербург.
- Григорьев, 1861** — Григорьев В. В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости. ЗРГО. Кн. 2.
- Гулямов, 1957** — Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент.
- Иванин, 1873** — Иванин М. И. Хива и река Амударья. С-Петербург.
- Иванов, 1873** — Иванов Н. П. Хивинская экспедиция 1839–1840 гг. С-Петербург.
- Левшин, 1832** — Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. С. -Петербург.
- Маньлов, 1972** — Маньлов Ю. О пути Ибн Фадлана из Хорезма через плато Устюрт. СА. № 2. М.
- Мендикулов, 1987** — Мендикулов М. М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата.
- Небольсин, 1855** — Небольсин П. И. Очерки торговли России со Средней Азией. ЗРГО. Кн. 10.
- Первые русские научные., 1963** — Первые русские научные исследования Устюрта. М.
- Советская Археология, 1982** — Советская Археология. № 1. М.
- Топография Оренбургская..., 1762** — Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное Петром Рычковым. Ч. 2. С. -Петербург.
- Труды Хорезмской., 1958** — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949–1953 гг. Т. II. М.

ХОРЕЗМСКО-ДЖУЧИДСКАЯ КУЛЬТУРА В ТРУДАХ С. П. ТОЛСТОВА

Выдающийся исследователь хорезмской цивилизации С. П. Толстов в конце 40-х гг. XX в. наряду с другими проблемами изучения хронологических периодов средневекового Хорезма особо выделял хорезмско-джучидскую культуру. Он подчеркивал, что Хорезмской экспедицией памятники этого периода «специально не исследовались» и ограничивался упоминанием его характерного памятника Куня-Ургенча. Впоследствии сотрудниками его экспедиции выявлены новые памятники XIII–XIV вв.: города (Шемаха кала, Шехрлик, Уйгарак), сельские поселения (в районе Дарьялык, Чермен яб и др.), караван-сарай, сардобы и архитектурные сооружения вдоль трансконтинентальной дороги Каракума и Устюрта. Предварительные результаты исследования памятников хорезмско-джучидской культуры обобщены в его капитальных трудах [Толстов, 1948 а. С. 34, 348; 1948 б. С. 308–312; 1962. С. 269–291]. В них С. П. Толстов показывал политическую роль Хорезма предмонгольского периода, катастрофу монгольского нашествия и культурный упадок в XIII в. Наряду с этим, опираясь на новые данные, он указывал на возникновение в конце XIII–XIV вв. в Западном Хорезме нового очага оседло-земледельческой, городской, хорезмско-джучидской культуры. С. П. Толстов так характеризовал причины, которые привели к этому культурному подъему: «Варвары правители этого государства (золотоордынского — М. -III. К.) были заинтересованы в использовании культурных традиций Хорезма в своих интересах. Нужно было строить новые города — столицы ордынских ханов на Волге: нужно было организовать производство товаров широкого потребления и предметов роскоши для бесчисленной, нажившейся в грабительских походах ордынской знати; нужны были, наконец, хлеб, фрукты и другие продукты земледелия» [Толстов, 1948 б. С. 309].

Идеи, высказанные С. П. Толстовым в исследованиях по хорезмско-джучидской культуре, развили его ученики и сотрудники Хорезмской археологической экспедиции: Н. Н. Вактурская в Шемаха кале [1952. С. 173–192], Куня-Ургенч [1959. С. 467–494], Ярбекир кале [1958. С. 41–47], Шехрлике [1963. С. 50–53], Е. Е. Неразик — на территории золотоордынских памятников вокруг Шехрлика, Куня Уаз I–II, Акча Гелин I–II, Дарьялыка [1976. С. 123–157], Б. И. Вайнберг [1960. С. 104–114; 1989. С. 138–150] и В. Н. Ягодин — в Бограхане, Пульжае, Мончаклы, Миздахкане [1963. С. 73–97]. Эти исследования открыли новые памятники хорезмско-джучидской культуры, помогли раскрыть роль Хорезма в урбанизационном процессе в условиях господства золотоордынских ханов.

В целом вторая половина XX в. явилась периодом накопления значительного количества материалов из археологических памятников Хорезма XIII–XIV вв., исследованных, наряду с Хорезмской экспедицией, археологическими отрядами Каракалпакского Отделения АН РУз, Каракалпакского Государственного университета и других научно-культурных учреждений. Помимо обследования археологических памятников путем разведки проведены стационарные исследования целого ряда городищ (Миздахкан, Джанпык кала), караван-сараяв (Белеули, Булак, Косбулак и др.), культово-монументальных построек (Джума мечеть Миздахкана и Бограхан) и могильников XIII–XIV вв. (некрополь Миздахкана и Устюрта). По мере накопления новых данных получили свое подтверждение роль Хорезма в культурной, экономической и политической жизни в городах

Золотой Орды на Волге. Это особенно проявляется по материалам раскопок Сараев и городов Хорезма золотоордынского периода.

Многолетние археологические работы Поволжской археологической экспедиции (1959–1990), возглавляемые Г. А. Федоровым-Давыдовым (1931–2000), выявили новые элементы Хорезма в синкретической культуре Золотой Орды. В частности, хорезмское влияние видно в строительстве и архитектуре городов и поливной керамике Джучиева улуса. Анализ строительных материалов золотоордынских городов показывает, что квадратно-удлиненные кирпичи, особенно вытянутой формы, размерами 18 x 18 x 3,5; 22 x 22 x 4 см, передавались из Хорезма в Золотую Орду путем заимствования [Егоров, 1970. С. 172–193]. Из Хорезма в Поволжье также проникают майолика и мозаика. Влияние Хорезма на материальную культуру Джучиева улуса особенно заметно в кашинной керамике. В XIII–XIV вв. в кашинной керамике Поволжья произошли изменения и в орнаментации изделий. Для Хорезма и большинства памятников Золотой Орды характерно обильное применение подглазурной зеленовато-черной или темно-бирюзовой росписи в виде полураскрывшихся трехлепестковых бутонов-листьев («летающая птичка»), параллельные ряды черных мазков, рельефный орнамент в виде «арочек», «точек» и стилизованных арабских букв. Это подтверждает ранние высказывания С. П. Толстова о том, что «Ургенч (т.е. Хорезм — *М. -III. К*), необходим золотоордынским ханам как основной источник..., вновь поднялся из пепла и стал крупным ремесленным и торговым центром» [Толстов, 1948 б. С. 309].

С. П. Толстов благодаря своей организаторской деятельности способствовал открытию новых памятников хорезмско-джучидской культуры на границах Хорезмского государства. Изысканиями ХАЭЭ культурные остатки золотоордынской эпохи выявлены в периферийной зоне урбанизации Хорезма: Дженте, Уйгараке, Кум кале, (Инкар кале Джанадарьинской), Пулжае, Белеули, Шемахе, Вазире и др. По результатам исследований этих памятников С. П. Толстов констатировал, что «населения городов (периферийных — *М. -III. К*) было хорезмийским... и многие типы изделий выполнены ремесленниками Хорезма по заказам кочевого и полукочевого населения окружающих степей, и они соответствовали вкусам степняков» [Толстов, 1962. С. 281].

Его предварительные выводы подтверждаются новыми археологическими изысканиями. В XIII–XIV вв. среди городского населения периферийной зоны Хорезма (Шехрлик, Уйгарак, Миздахкан, Джампык кала) появились литые бронзовые, золотые серьги в форме «вопроса» в верхней части и фигурным завершением нижней части, на которое надевались подвески из жемчужных бусин [Вактурская, 1968. С. 249; Кдырниязов, 1989. С. 98; Доспанов, 1992. С. 84]. Аналоги подобных серег хорошо известны по материалам из кипчакских погребений Средней Азии, Сибири и Поволжья.

В некрополе Миздахкан XIII–XIV вв. отмечаются новые явления (погребение в дощатых гробах или рамках, ориентировка костяка, погребальный инвентарь), которые позволяют предполагать прямое присутствие выходцев из Дешти-Кыпчака среди населения городов. В средние века Миздахкан являлся крупным религиозно-культовым центром в северном Хорезме.

Кочевническая древность Приаралья получила достойное изучение благодаря исследованиям на плато Устюрт В. Н. Ягодина, выделившего особый хронологический — огузо-кипчакский период (XIII–XIV вв.). Им выделено несколько групп погребений этого времени (Жарынкудук-14, Акчунгул-1, Курган-2, Калалык-2). В кипчакских курганах преобладают погребения с инвентарем. К этому же времени относятся одиночные, безинвентарные могилы, связанные с кочевниками, принявшими ислам [Ягодин, 1991. С. 165, 167]. Эти новые данные подтверждают справедливость точки зрения С. П. Толстова, согласно которым огузо-кипчакский элемент являлся основным в Приаралье в до- и послемонгольский период. В связи с этим интересна история возвышения

тюркско-монгольского племени Кунград, из которого, как полагают, вышла независимая от Золотой Орды местная хорезмийская династия Кунградских Суфи. Таким образом, исследования и выводы С. П. Толстова показывают, что в развитии Хорезма наряду с другими факторами имел значение и географический: примыкание Хорезма к кочевой степи, приведшее к особому развитию различных видов ремесла и торговли.

Особо отмечен в трудах С. П. Толстова регенеративный фактор — роль великой реки Амударьи в оседло-земледельческой, городской культуре в северо-западном Хорезме. В крупной монографии «По древним дельтам Окса и Яксарта» он подчеркивал, что «изучение археологических памятников показывает, что Хорезм и сопредельные с ним дельтовые области (Сырдарьи и Амударьи) являются древними центрами орошаемого земледелия» [Толстов, 1962. С. 16]. Действительно, большинство городов в средневековом Хорезме возникли в результате социально-экономического развития страны, на базе земледельческих поселений. Как и раньше, для городов хорезмско-джучидской культуры характерно их близкое размещение к водным артериям. Обводнение дельтовых протоков в северо-западном Хорезме привело к оживлению городов Мончаклы, Кетенлер, Топрак кала Кунградская, Бограхан, Пулжай, Шемаха кала и других [Ягодин, 1986. С. 73–108; Yagodin, 2005. P. 307–322]. Перемещение основного стока Амударьи в сторону Сарыкамыша способствовало новому подъему производительных сил и строительству широко разветвленной оросительной системы (каналов, подпорных сооружений и водоподъемников — чигирей) вдоль Даудана, Дарьялыка и Чермен-яба. В результате города Хорезма хорезмско-джучидской эпохи вновь стали центрами земледельческого округа, они же в силу своего расположения вблизи орошаемых зон имели полуаграрный характер производства.

В исследованиях С. П. Толстова и сотрудников Хорезмской экспедиции отдельное направление составляет изучение торгово-денежных отношений области в период Джучидов. Собранный нумизматический материал из памятников золотоордынского Хорезма особенно важен для изучения политической жизни и торговли области в XIII–XIV вв. Монетные находки из собрания ХАЭЭ показывают, что золотые, серебряные и медные пулы, дирхемы Хорезма подразделяются на десятки типов, они сильно повлияли на возникновение нумизматики Золотой Орды. Иконография монет Хорезма идентична джучидским образцам [Федоров-Давыдов, 1965].

В монгольское время в рамках международной торговли у хорезмийцев, как и других купцов Центральной Азии, появилась возможность торговать с восточными и западными странами. С. П. Толстов был первооткрывателем памятников караванных дорог из Восточной Европы в Хорезм через Устюрт. В ходе авиа и автомобильного исследования в 1946 г. он открыл сеть караван-сараяв Арало-Каспийского междуморья (Чурук, Белеули, Булак, Учкудук и др.) и Каракумской трассы (Талайхан-Ата). Впоследствии новые археологические работы в караван-сараях Устюрта и добытые в них образцы материальной культуры подтвердили ранние высказывания С. П. Толстова о том, что «Хорезм мощный аграрный и ремесленный центр, сильный своими многовековыми хозяйственными связями с тюркской степью и восточноевропейскими странами» [Толстов, 1948 б. С. 319].

В целом предварительные выводы, сделанные С. П. Толстовым в ходе изучения хорезмско-джучидской культуры, с небольшими коррективами подтвердились в результате дальнейших исследований Н. Н. Вактурской, Е. Е. Неразик, Г. А. Федорова-Давыдова и В. Н. Ягодина. Хорезмско-джучидская культура стала одной из важнейших задач изучения хорезмийской археологии, в решение которой включились новые поколения исследователей.

Таким образом, вклад С. П. Толстова в изучение вопросов истории и культуры археологических памятников Хорезма эпохи Золотой Орды был определяющим и значительным.

Литература

- Вактурская, 1952** — Вактурская Н. Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха кала // Труды ХАЭЭ. Том. I. М.
- Вактурская, 1952** — Вактурская Н. Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Труды ХАЭЭ. Том II. М.
- Вактурская, 1963** — Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма // МХЭ. Вып. 7. М.
- Вактурская, 1968** — Вактурская Н. Н. О серьгах из средневекового городища Шехрлик // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Доспанов, 1990** — Доспанов О. Т. Джампык кала — памятник средневекового Хорезма. Нукус.
- Егоров, 1970** — Егоров В. Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959–1965 гг.) // Поволжье в средние века. МИА № 164. М.
- Кдырниязов, 1989** — Кдырниязов М. -Ш. Материальная культура городов Хорезма XIII–XIV вв. Нукус.
- Неразик, 1976** — Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М.
- Толстов, 1948 а** — Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: изд-во МГУ.
- Толстов, 1948 б** — Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. -Л.
- Толстов, 1962** — Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Федоров-Давыдов, 1965** — Федоров-Давыдов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и Эпиграфика. Том V. М.
- Ягодин, 1963** — Ягодин В. Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части дельты Амударьи // МХЭ. Вып 7. М.
- Ягодин, 1986** — Ягодин В. Н. Некоторые вопросы исторической географии Приаральской дельты Амударьи в VII–XIV вв. // Археология Приаралья. Вып. III. Ташкент.
- Ягодин, 1991** — Ягодин В. Н. Стреловидные планировки Устюрта // Археология Приаралья. Вып. V. Ташкент.
- Yagodin, 2005** — Yagodin V. N. The Medieval Aral Sea Crisis // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan / Band 37. Berlin.

РАБОТЫ РЕСТАВРАТОРОВ ОТДЕЛА МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ВЦНИЛКР-ВНИИР В ХОРЕЗМЕ. ИССЛЕДОВАНИЯ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ФРАГМЕНТОВ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ДЕКОРА

В 2007 г. исполнилось сто лет со дня рождения основателя систематического изучения Древнего Хорезма, создателя Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Сергея Павловича Толстова. Этому событию была посвящена конференция, проведенная Институтом истории АН Каракалпакстана, и выставка в Государственном музее искусств им. И. В. Савицкого в Нукусе. Мне посчастливилось принять участие в этих торжествах и рассказать об участии реставраторов ГосНИИР в работах Хорезмской экспедиции.

Сотрудники Среднеазиатского сектора Отдела монументальной живописи (ОМЖ) Государственного научно-исследовательского института реставрации (ГосНИИР, бывшая Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных ценностей — ВЦНИЛКР) в течение ряда лет (1978–1986, 1990, 1991 гг.) в составе различных отрядов Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР, выполняли работы по полевой консервации фрагментов монументального декора, обнаруженных в процессе раскопок археологических памятников. Затем, уже в лаборатории, проводилась камеральная обработка, иногда — реставрация и всегда — исследование материальных компонентов

Начало этой деятельности было положено еще в 1969 г., когда сотрудники ВЦНИЛКР Г. А. Кошеленко и Л. А. Лелеков¹ выезжали для участия в раскопках Дворца Топрак-калы и привезли лессовый блок с вкраплениями «лепестков» ганчевого грунта и красочных пятен. Это был 1971 г. и моя первая работа с хорезмийскими находками. И хотя росписей там не оказалось, но яркие пятна красной, черной и голубой красок, хаотично разбросанные в глиняной толще, будили воображение.

В сентябре 1978 г. по приглашению Ю. А. Рапопорта и В. А. Лоховица, руководителей раскопок Северного комплекса Топрак-калы, я и реставратор древнерусской монументальной живописи В. А. Соловьев были командированы в распоряжение топрак-калинского отряда Хорезмской экспедиции². Северный (или Загородный) комплекс занимал площадь около 1 га, располагался к северу от Высокого дворца Топрак-калы. По расчетам Ю. А. Рапопорта, «строительство Высокого дворца и Северного комплекса было предусмотрено одним проектом»³. Поводом для приглашения реставраторов послужило обнаружение в юго-восточной части помещения 1-28 завала из фрагментов лессовых рельефов — обломков скульптурных изображений людей в мелко-складчатых одеяниях, а также деталей архитектурного декора. Почти все эти находки были в значительной степени деформированы и очень сильно разрушены: лессовая основа в основной массе деструктурирована и лесс после высыхания легко крошился, но кое-где сохранились остатки ганчевого грунта со следами красок: красной, темно-розовой и черной. Остатки ганчевого грунта были фрагментированы, а красочный слой находился в порошкообразном состоянии. Возможно, это объяснялось повышенной сыростью завала и небольшой глубиной залегания скульптуры, так как высота сохранившихся стен здесь была всего 25–30 см. Кроме того, завал здесь отличался значительным содержанием солей. Это помещение, возможно, было в некотором роде парадным.

Об этом свидетельствуют крупные формы остатков рельефов, изображающих фигуры в пышных одеждах, а также найденный под полом у западной стены большой квадратный (почти 0,8 x 0,8 м) фрагмент серого мрамора — возможно, трон или постамент под крупную статую.

Некоторые из фрагментов архитектурного декора располагались лицевой поверхностью вниз, поэтому в процессе полевой консервации деструктурированная лессовая штукатурка удалялась естественным образом, и такие находки мы раскрывали вплоть до тыльной стороны ганчевого грунта. Кое-где ганч сохранился не полностью и в многочисленных местах его утрат просматривались остатки красок. Лицевые же поверхности расчищались с трудом и с расчетом на полную расчистку в лаборатории. Полевая консервация выполнялась растворами с использованием растворов ПБМА в ксилоле и ацетоне. Для нанесения профилактической оклейки нами использовался 10% раствор ПВС. Тогда это был единственный общепринятый метод, разработанный в мастерских Эрмитажа и практикуемый в полевой консервации, камеральной обработке и реставрации лессовой живописи. Трудоемкость этого метода и токсичность используемых при его применении материалов не удовлетворяли нас и в следующем 1979 г. на раскопки Северного комплекса Топрак-калы мы выехали уже с новым материалом — БМК-5⁴.

В 1979 г. на Северном комплексе Топрак-калы раскопки шли в помещении 1-31, расположенном за южной стеной 1-28, и опять было найдено много фрагментов (рис. 1), теперь уже настенных росписей, а также несколько обломков продолговатых рельефов. Последние, названные нами «пилястрами», были, по мнению Ю. А. Рапопорта, которому уже встречались подобные конструкции при раскопках Высокого дворца, остатками обрамления живописных элементов декора этого

Рис. 1. Помещение 1-38 после удаления росписи «Траурная сцена». Хорошо видна ниша в западной стене, где когда-то размещалась композиция с плачущими дамами.

помещения. Один из таких фрагментов — рабочее название «Пилястра с перлами» — располагался в завале лицевой поверхностью вниз. Это была полоса длиной около 1 м и шириной около 15 см. Рисунок декоративной поверхности — ряд кругов, которые в глоссарии декоративных элементов Востока называют «перлами» — жемчужинами. Перлы эти — «цвета слоновой кости» (не белые), диаметром около 9 см, окружены контрастным черным фоном с красными двухсантиметровыми контурными отбивками по краям «пилястры». Между большими кругами попарно размещены небольшие кружки диаметром около 2 см, также «цвета слоновой кости» (рис. 2). Небольшой фрагмент, найденный отдельно, позволил установить профиль такой «пилястры». Она имела толщину около 10 см и заостренное основание с углом 90 градусов, срезанное острие которого имело ширину около 2 см. Толщина боковых граней также была разной: одна 4, другая 2,5 см. Боковая грань, высотой 4 см, была окрашена в красный цвет, как и контурные отбивки, протянутые по краям лицевой стороны (рис. 3).

Исходя из нестандартной конструкции пилястры, поначалу казалось, что она должна была размещаться на стене между отдельно сформированными штукатурными плоскостями, толщина которых должна быть различной. Но при детальном изучении обнаружилось, что ганч, покрывавший «нижнюю» ее грань, расположенную под откосом, не окрашен, а девственно чист. Это может означать, например, что свободный, более тонкий край «пилястры» мог не быть «утопленным» в лессовую массу штукатурки с росписью, а «нависал» над нею. Более того, белизна этого участка может свидетельствовать также о том, что «тяга» располагалась горизонтально и «нависала» этой гранью над обрамляемым ею участком стены в виде своеобразного локального карниза. Таким образом, обрамление, устроенное с использованием такого «карниза» было объемным, и с его помощью мог достигаться необычный эффект: на стене отдельно появлялась и «жила» тень от рамы и смена (или передвижение) источника освещения неизбежно должны были изменять форму этой тени. У зрителя могла создаваться иллюзия объемности изображения, или даже — как бы парения его в воздухе и вся архитектурно-изобразительная композиция на стене приобретала новые пространственные качества. В статичном плоском поле возникала перспектива, зарождалось своего рода движение — особое состояние, придававшее всей конструкции динамичность и трепетность.

В том же завале был найден небольшой обломок другой «пилястры» с похожим рисунком. Только один. Но вместо больших

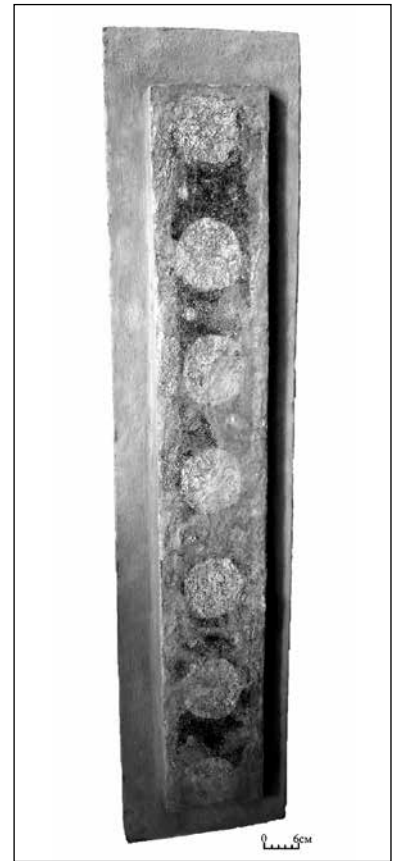

Рис. 2. «Пилястра с перлами» из 1-32. Лицевая сторона после реставрации.

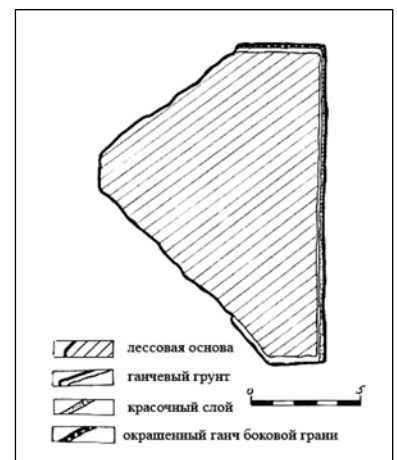

Рис. 3. «Пилястра с перлами». Схема профиля конструкции.

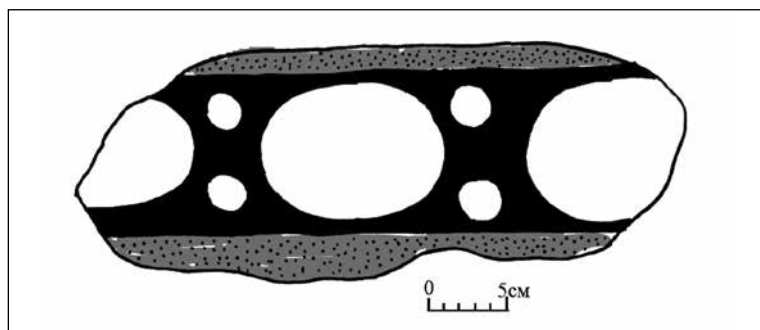

Рис. 4. «Пилястра с овалами».

нию, только в отпечатке: деструктированное лессовое заполнение ее было удалено, а ганчевый грунт растворился и сохранился лишь в незначительных следах. Замечателен ее рисунок — орнаментальная полоса в виде расположенных «вертикально» крупных ярко-белых «сердец», в изображении которых был остроумно применен прием моделирования объема с использованием сверху и снизу крупных остроконечных красных штрихов. Мы пытались найти в этих изображениях сходство с гранатом, яблоком или другим фруктом, но оставили в описании «сердце». Каждое «сердце» с двух сторон было подчеркнуто широкими косыми белыми полосками, а в образовавшихся углах размещались небольшие белые перлы (рис. 5).

Орнаментация в виде сердец в росписях помещений Топрак-калы не нова. Она встречается и в декоре Высокого дворца. Например, в портретных композициях с «Червонными дамами» небольшими красными сердечками был заполнен белый фон. Однако, такие крупные изображения, да еще с элементами «объемности» встретились впервые.

Нужно все же отметить, что обломков «пилястр» было найдено очень мало. Думать, что они были унесены кем-то, не приходится и, вероятно, поэтому можно полагать, что картин в таких «рамках» было не много. Судя по всему, только одна — на одной стене, так как в этом помещении было найдено только одно портретное изображение — названная нами «Дама с гирляндой». А «пилястры» (или «рамы»), обрамляющие эту картину с разных сторон, могли быть с разным рисунком.

В 1980 г. здесь были обнаружены многочисленные фрагменты панно с чистым белым фоном, на котором располагались длинные побеги каких-то растений — явный орнамент, но без признаков рапорта. И здесь же, прямо на поверхности «пола» был найден первый фрагмент сюжетной или портретной росписи на этом памятнике — упомянутая выше «Дама с гирляндой» (рис. 6–7),

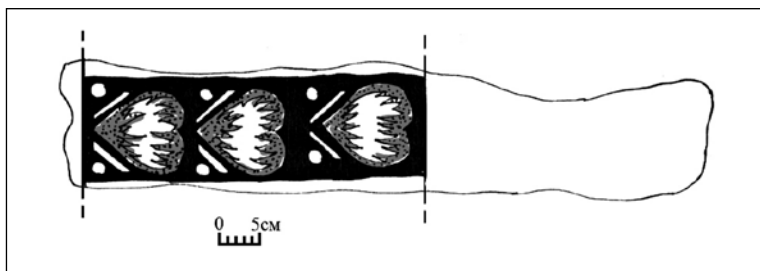

Рис. 5. «Пилястра с сердечками». Схема-прорисовка, выполненная с тыльной стороны.

кругов на нем были изображены овалы, шириною в те же 9 см, а длиною около 14 см, между которыми также попарно располагались маленькие перлы. Профиль его проследить не удалось. Цвет овалов — также желтоватая «слоновая кость» (рис. 4).

Фрагмент третьей, найденной здесь же, «пилястры», лежавшей, как и первая, лицевой поверхностью вниз, был раскрыт, к сожалению,

только в отпечатке: деструктированное лессовое заполнение ее было удалено, а ганчевый грунт растворился и сохранился лишь в незначительных следах. Замечателен ее рисунок — орнаментальная полоса в виде расположенных «вертикально» крупных ярко-белых «сердец», в изображении которых был остроумно применен прием моделирования объема с использованием сверху и снизу крупных остроконечных красных штрихов. Мы пытались найти в этих изображениях сходство с гранатом, яблоком или другим фруктом, но оставили в описании «сердце». Каждое «сердце» с двух сторон было подчеркнуто широкими косыми белыми полосками, а в образовавшихся углах размещались небольшие белые перлы (рис. 5).

Орнаментация в виде сердец в росписях помещений Топрак-калы не нова. Она встречается и в декоре Высокого дворца. Например, в портретных композициях с «Червонными дамами» небольшими красными сердечками был заполнен белый фон. Однако, такие крупные изображения, да еще с элементами «объемности» встретились впервые.

Нужно все же отметить, что обломков «пилястр» было найдено очень мало. Думать, что они были унесены кем-то, не приходится и, вероятно, поэтому можно полагать, что картин в таких «рамках» было не много. Судя по всему, только одна — на одной стене, так как в этом помещении было найдено только одно портретное изображение — названная нами «Дама с гирляндой». А «пилястры» (или «рамы»), обрамляющие эту картину с разных сторон, могли быть с разным рисунком.

В 1980 г. здесь были обнаружены многочисленные фрагменты панно с чистым белым фоном, на котором располагались длинные побеги каких-то растений — явный орнамент, но без признаков рапорта. И здесь же, прямо на поверхности «пола» был найден первый фрагмент сюжетной или портретной росписи на этом памятнике — упомянутая выше «Дама с гирляндой» (рис. 6–7),

подробно описанная Ю. А. Рапопортом³ (С. 167–168). Это было вписанное в квадрат со стороной около 60 см изображение женщины, по всей видимости, поясное (не было найдено ни одной детали, указывающей на присутствие нижней части фигуры), выполненное толстым (около 1 см) черным контуром с подготовительным рисунком, сделанным красны-

ми линиями. Фон белый. Лицо изображено в профиль, а плечи — вполборота. Одежда белая с богато орнаментированным оплечьем и рукавами. Рисунок орнаментации одежды очень графичный, выполнен красной краской тонкими линиями: ромбы и небольшие красные же точки. Темно-розовой краской четко прорисованы мелкие складки белого платья. Это изображение «Дамы» и сюжетно, и манерой исполнения перекликается с «Червоными дамами» из Высокого дворца. Очевидно, этот «портрет» и был центральной композицией на стене и именно его обрамляли «Пилястра с перлами», «Пилястра с овалами» и «Пилястра с сердечками». Вокруг могли располагаться панно с орнаментальным заполнением и плоскостные бордюры, разделяющие их. Кроме того, обрамления отдельных композиций могли быть просто линейными — были найдены части таких плоскостных «рам». Все эти композиции, если исходить из наблюдений, сделанных в процессе вскрытия завала, вероятнее всего, находилось только на одной стене. Отчасти это подтверждается тем, что обломки штукатурок с росписями в завале помещения 1-31, вместе с «Дамой», были сгруппированы у южной стены, тогда как, завалы возле всех трех остальных стен, за исключением незначительных отдельных мелких обломков росписей, оказались пустыми. Западная, северная и восточная стены могли быть просто белыми. Кроме того, в западной стене находился входной проем. Возможно, имеет значение и то, что за южной стеной (с предполагаемыми росписями) располагалось помещение 1-28, где в 1978 г. были найдены остатки антропоморфных рельефов и окрашенных архитектурных обрамлений.

Как уже упоминалось, кроме «пилястр» у южной стены было раскрыто несколько интересных образцов орнаментального заполнения простенков, среди которых выделялось изображение крупной оранжевой розетты, диаметром около 20 см, на черном фоне, а также фрагменты крупных растительных композиций.

Фрагмент же росписи с портретом «Дамы» располагался в самом низу завала, почти на поверхности пола, лицевой поверхностью вниз и был развернут боком по отношению к южной стене, очевидно, перевернулся при падении. На снимках, сделанных в поле, хорошо видны многочисленные утраты грунта и остатки красочного слоя в этих местах. Поэтому, ныне этот фрагмент существует как бы

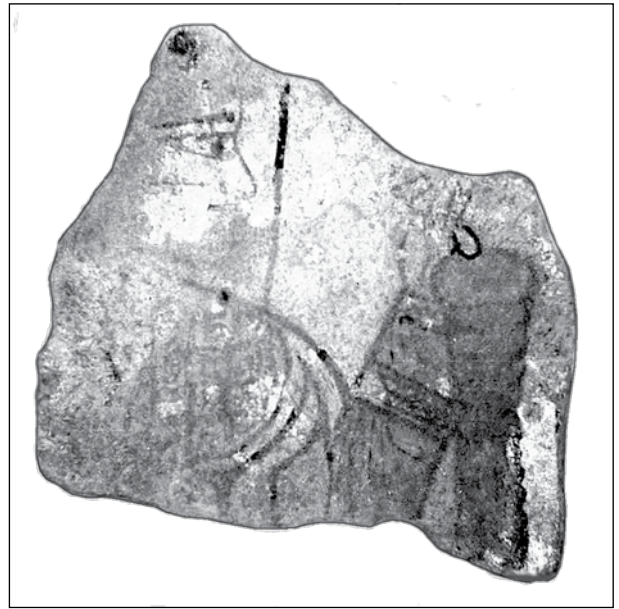

Рис. 6. «Дама с гирляндой» после реставрации.

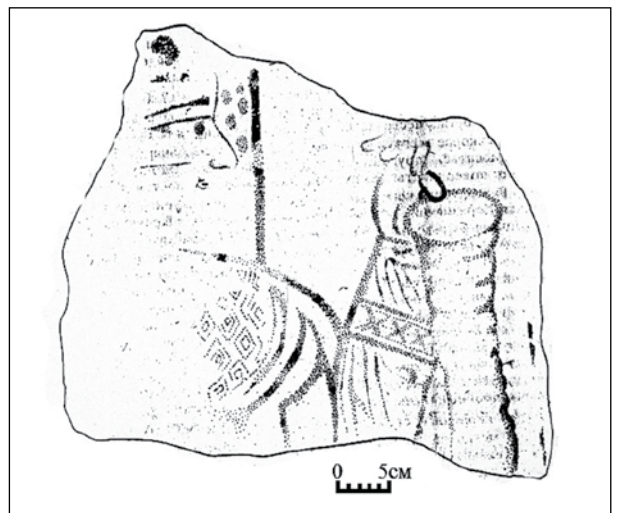

Рис. 7. Прорисовка композиции «Дама с гирляндой».

«в двух лицах». Первое — это четкий, хорошей сохранности, отпечаток центральной части. Но поскольку это отпечаток, то и изображение — зеркальное. Лицевое же изображение составляют периферийные фрагменты с грунтом и красочным слоем прекрасной, сплошной сохранности. На одном из них обнаружилось лицо персонажа. Впоследствии при доведении до экспозиционного вида этого второго, основного фрагмента росписи на его центральную часть с отпечатка с помощью слабого утемнения лессовой поверхности (1% раствор ПБМА в ксилоле) были перенесены контуры деталей утраченной части изображения. И в эти контуры восстановленного рисунка были вмонтированы небольшие разрозненные кусочки росписи, сохраненные и обработанные отдельно.

Укрепление в поле выполнялось растворами БМК-5 в 2,5–4% изопропиловом спирте. Такое укрепление было вполне оправданно — роспись лежала лицом вниз и расчищалась вплоть до ганчeveго грунта. А так как ганч в живописи Топрак-калы достаточно тонок, то излишнее укрепление лессового завала, на котором лицом вниз лежала живопись, было бы нежелательно.

«Портрет дамы с гирляндой» вначале нам показался просто фрагментом орнаментальной композиции. И лишь в процессе камеральной обработки мы обратили внимание на характерное и немного знакомое, сочетание некоторых деталей этого рисунка: прямая красная линия с нанизанными на нее двумя многолучевыми звездами — крупной, узорной и маленькой, попроще. Эта линия упиралась в изящный завиток — небольшую синусоиду, очерчивающую, как оказалось при внимательном рассмотрении, крыло носа. Но такие же линии с нанесенными на них звездами есть на дамских профильных изображениях из Высокого дворца. И здесь, тоже оказался женский профиль — первый на Северном комплексе. Впоследствии такие же красные линии на щеках, позволили распознать лица двух женщин в живописной композиции из помещения 1-38, названной потом «Траурной сценой»⁵. Точно также в 1983 г., найдя в здании УП маленький фрагмент росписи, я, даже еще не приступив к его расчистке, тут же поняла, что это фрагмент женского лица (рис. 8). На каждом женском лице мы видим четкое сочетание маленького завитка — крыла носа и протянутой к нему от уха красной или черной полоски с одной или двумя звездами, хотя в некоторых случаях мы видим просто прямой черный штрих без звезд. И это, вероятно, также должно найти свое истолкование.

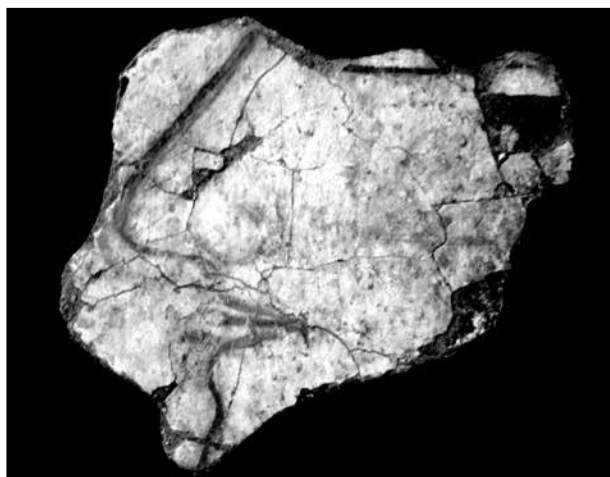

Рис. 8. Женский профиль. Фрагмент росписи из здания VII. Хорошо видна полоса со звездами на щеке персонажа.

Я позволю себе немного остановиться на истории с полевой консервацией «Дамы с гирляндой» и других фрагментов из Северного комплекса. Как и некоторые другие росписи, отдельные участки этого фрагмента имели многочисленные утраты ганчeveго грунта, в то время — необъяснимого для нас характера. Эти утраты выглядели так, будто пласт тонкого гипсового грунта был разбит на мелкие кусочки, разошедшиеся на небольшие расстояния, подобно растоптанной скорлупе куриного яйца. И между этими кусочками грунта были хорошо видны остатки красочного слоя. Такие повреждения ганча были обнаружены не везде, например, в помещении П-23, они встречались по всей площади зала, а в помещениях 1-28 или

П-10 только на некоторых участках росписей. В помещении же 1-38, где в 1979 г. был обнаружен фрагмент живописи «Траурная сцена», и в 1-40, давшем нам крупный фрагмент орнаментальной росписи (С. 169)³, таких разрушений не было вообще⁶.

Еще в 1979 г. было обнаружено, что в помещении 1-38 на значительной площади пола располагаются росписи. В 1980 г. был раскрыт, укреплен и поднят из завала цельный фрагмент живописи довольно крупного размера⁵. Роспись располагалась ранее в нише западной стены и лежала лицевой стороной вниз. Невероятный случай: она не разбилась, упала целиком и очень ровно прямо на поверхность пола, где только в одном месте был небольшой бугор. Возможно, произошло обрушение стены вместе с кладкой. Это была большая композиция, около 1,5 x 1,5 м с изображением трех женских фигур, исполняющих ритуал оплакивания возле тела или ложа («саркофага»), укрытого зеленой тканью с разбросанными по ней золотистыми кружками. Роспись занимала когда-то всю нишу западной стены. Возможно, ранее фигур было больше. Ю. А. Рапопорт в своей реконструкции предположил четвертую фигуру между крайней правой (сидящей на полу) и центральной, а в левом углу угадывается намек на существование пятой фигуры (С. 205)⁵. Но боковые участки и верх композиции не уцелели. Основной фон композиции белый, изображения контурные: красный набросок и черный завершающий контур. Все лица (сохранились только два, голова дамы с воздетыми руками, утрачена) изображены традиционно для этого памятника — в профиль. Оба сохранившихся профиля имеют на щеках уже знакомые красные полосы: верхняя дама — со звездами, нижняя — простую линию (рис. 9). Такая живопись — это опять почти графика: жесткие контуры, обширные пространства белого фона, строго локальные цветовые пятна. Ю. А. Рапопорт усматривает аналогию в композиции этой росписи с живописным фрагментом из высокого Дворца. Там также изображен «траурный» сюжет, и сохранилась часть фигуры в темном одеянии, стоящей у ложа. Особой приметой росписи из помещения 1-38 может служить зеленая краска в окраске ткани или занавески, укрывающей центральную часть композиции — ложе. Больше зеленой краски в росписях помещений Северного комплекса обнаружено не было. Примечательно, что как наша «траурная» композиция, так и сцена из Высокого дворца расположены в очень маленьких помещениях. Не потому ли эти живописные панно очень графичны и в обеих «Траурных сценах» доминирует белый фон?

Полевая консервация, как и росписи «Дама с гирляндой», выполнялась в том же 1980 г. и тоже — с использованием БМК-5 в ИПС. Мاستиковки тыльника также были сделаны на БМК-5, а оклейка марлей — на ПБМА. Расчист-

Рис. 9. А. Рапопорт возле росписи «Траурная сцена» на выставке в ГМИНВ.

ка красочной поверхности «Траурной сцены» впоследствии проистекала с огромным трудом и даже теперь я не могу считать эту композицию полностью расчищенной. Колорит этой росписи, к моему прискорбию, получился несколько «желтоватым», возможно, из-за присутствия ПБМА, все же «подтягивавшегося» в процессе расчистки к лицевой поверхности.

Еще один большой фрагмент орнаментальной композиции, также размером почти 1,5 x 1,5 м., разбитой на многочисленные мелкие куски, был найден в 1981 г. Г.Э. Вересоцкой в помещении 1-40 в завале под северной стеной. В течение 2-х лет она провела его полевую консервацию и впоследствии эта роспись ею же была доведена до экспозиционного состояния (рис. 10). Под руководством Ю. А. Рапопорта из мелких разрозненных деталей сложилась крупная орнаментальная композиция, где на сплошном оранжевом фоне в ромбах, образованных белыми веточками с попарно расположенными листьями (вероятно — акации) были размещены крупные оранжевые и белые розетты (с. 169) ⁴. Укрепление в поле выполнялось БМК-5 уже в растворной композиции: изопро-

Рис. 10. «Лилия». Фрагмент росписи из здания VII.

пиловый спирт + метилэтилкетон + уайтспирит.

Нельзя не упомянуть также об укрепленных в поле фрагментах, по всей вероятности, крупномасштабных многофигурных «картин» из помещения П-10, которые пока, к сожалению, не удалось сложить в единую композицию. Росписи этого помещения очень монументальны. Были раскрыты части огромных фигур: фрагменты одежд с крупными каплевидными узорами, носки обуви, полускрытой длинными одеждами с широкой каймой. Здесь были использованы краски: красная, синяя, черная, розовая (красная в разбеле), коричневая и необычного оттенка — фиолетовая.

Особый интерес на Топрак-кале представляли многослойные фрагменты росписей. Например, женский профиль из здания № 7 имел под собой три слоя ганчевого грунта. Под белым грунтом последнего изображения лица пролегал грунт с черной покраской, а ниже — опять белый фон. Был еще небольшой фрагмент растительного орнамента, вернее, его незначительные остатки, так как сам фрагмент росписи был очень мал и разрознен, где также второй, если считать сверху, грунт был окрашен

черной краской. Однако, по моим наблюдениям, между выполнением всех трех вариантов живописного декорирования неизвестного помещения в здании VII вряд ли проходило много времени. Характер грунта, по многим признакам идентичного во всех трех случаях, позволяет предположить, что, либо самого автора росписей, либо заказчика что-то не устроило в исполнении первых двух сюжетов. И тогда был выполнен третий вариант, по каким-то показателям наиболее приемлемый. Таких трехслойных фрагментов росписей было обнаружено немного, но они были. И в каждом случае средний, или предпоследний по порядку, грунт был окрашен в черный цвет, а на верхнем (кроме фрагмента с профилем) фрагментарно угадывался рисунок — четырехлепестковые белые розетки с характерными черными «шипами» между лепестками или красные с белым цветы⁷. Все изображения с четкими черными контурами. Похоже, что некоторые участки росписей исправлялись автором в процессе декорирования памятника: мрачноватые орнаментальные композиции с черным фоном, или выполненные в темных тонах, заменялись светлыми, с белым фоном, более парадными, возможно, иногда — портретными изображениями. Должна упомянуть еще один образец росписи из здания VII (их вместе с женским профилем было найдено здесь всего два) — изображение цветка лилии (или очень удлиненного лотоса) выполненного на оранжево-розовом фоне серой краской с черными контурами. Вероятнее всего это был фрагмент бордюра. Ганчевый грунт здесь был однослойным. Казалось странным отсутствие росписей в здании VII, где высота сохранившихся стен была значительно больше, чем в остальных сооружениях Северного комплекса. Но больше их не было найдено, даже в мельчайших остатках.

Таким образом, начиная с 1978 и до 1985 г., включая затем 1991 г., Отдел монументальной живописи ВЦНИЛКР (а затем — ВНИИР) имел, наряду с буддийским комплексом Каратапа в Старом Термезе, постоянный полигон для отработки приемов полевой консервации археологического монументального декора. Параллельно с текущими практическими работами по полевой консервации, велась большая работа по отработке модификаций приемов консервации фрагментов монументального декора с использованием БМК-5 в различных условиях полевой обстановки. Кроме того, на неотчетственных участках лессового материала опробовались различные клеевые составы для нанесения профилактических заклеек.

Все это являлось неотъемлемой частью разработки методики по консервации и реставрации лессово-ганчевого полихромного декора и ежегодно включалось в отчеты по научной теме отдела. За годы сотрудничества ВЦНИЛКР-ВНИИР с Институтом этнографии АН и ГМИНВ были законсервированы в поле десятки фрагментов монументального полихромного декора из памятников Хорезма, а некоторые доведены до экспозиционного вида и экспонировались на тематических выставках. Параллельно проводились исследования пигментов, использованных в росписях. Например, было отмечено, что в помещениях 1-31 использованы красная охра — чистая и в разбеле, черная, серая (черная в разбеле), оранжевая (модификация красной охры) и белая кроющая краски. В помещении 1-38 красная охра различных оттенков, черная, желтая охра, зеленая (малахит), серая и белая краски. В помещении 1-40 красная в различных оттенках, оранжевая, черная, белая. В помещении П-10, кроме перечисленных, синяя (александрийская фритта) и фиолетовая — смесь красной и синей, полученная послойным наложением пигментов. В П-23 были отмечены черная, красная, коричневая и бежевая краски, но в этом помещении работы не проводились. В помещениях здания V были найдены немногочисленные разрозненные, но яркие и красочные фрагменты росписей. К сожалению, о них можно сказать лишь то, что они орнаментального содержания.

В процессе работы над росписями была составлена таблица использования различных красок в помещениях Северного комплекса:

№ здания	№ помещения	Черная	Черная в разбеле (серая)	Красная	Красная в разбеле (розовая)	Оранжевая	Зеленая	Охра желт.	Синяя	Коричневая	Бежевая	Фиолетовая
I	28	+		+	+							
I	31	+	+	+		+						
I	38	+	+	+			+	+				
I	46	+	+									
I	40	+		+	+	+						
II	10	+							+	+	+	+
II	23	+		+						+	+	
V	-	+	+	+		+		+				
VII	-	+	+	+		+						

На раскопках Северного комплекса Топрак-калы работали следующие сотрудники ОМЖ ВЦНИЛКР-ВНИИР: Н. А. Ковалева (1978–84, 1991 гг.), В. А. Соловьев (1978–79 гг.), В. П. Бурый (1979 г.), А. Д. Дорофеев (1979–80 гг.), Г. Э. Вересоцкая (1980–85, 1991 гг.), Е. И. Желтов (1981–84 гг.), Э. А. Виноградова (1982–85 гг.). Исследования грунтов и пигментов выполнялись сотрудниками Химико-технологической лаборатории ВНИИР Л. Г. Дружининой, З. Желнинской, В. Н. Ярош, Л. Г. Федотовой (Бузковой) и М. Н. Филимоновой.

В дальнейшем на археологических памятниках Хорезма в составе Хорезмской экспедиции Г. Э. Вересоцкая на Аяз-кале в экспедиции Е. Е. Неразик выполнила полевую консервацию нескольких фрагментов росписей (1986 г.), а Н. А. Ковалева в экспедиции Б. И. Вайнберг и С. Колякова в Калалы-Гыр 2 провела полевую консервацию фрагментов росписей IV–III вв. до н. э. (1990–91 гг.).

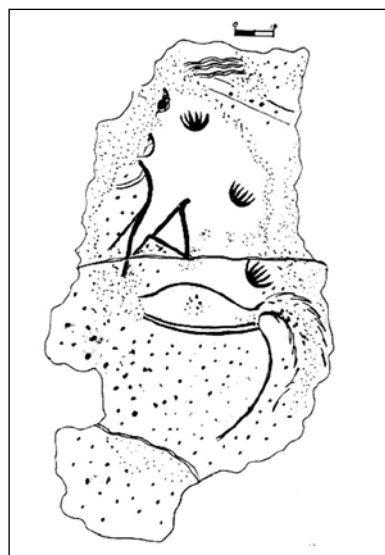

Рис. 11. Калалы-Гыр 2. Схема-прорисовка росписи «Всадник».

Среди немногочисленных фрагментов живописи интереснейшего памятника Калалы-Гыр 2 было раскрыто изображение всадника, на мой взгляд, одна из значительных живописных находок (рис. 11). К сожалению, сохранилась лишь спина всадника и круп лошади. Контуры черные и очень четкие, ширина линии около 1 см. Одежда светло-серая, с темно-серыми внутренними контурами. Конь красно-коричневого окраса, хвост темно-коричневый с черным, свободно распушен. Просматриваются элементы сбруи. Вверху уходят вправо от головы всадника горизонтальные волнистые светло-серые линии. Очень похоже на изображение волн (или, может быть, дыма?). Справа же от всадника, за его спиной, на белом поле фона свободно расположены три «цветка» черного цвета, изображенные «в профиль», похожие на половинки «игольчатых хризантем» (рис. 12). «Цветы» очень бледные, пигмент как бы утоплен в грунт. Один «цветок» вообще «проявился» лишь в процессе укрепления при пропитке фрагмента раствором БМК-5. Рисунок даже пришлось

«вытягивать» слабыми растворами полимера. Возможно, цветы сразу после нанесения краски были «пролессированы» тонким слоем ганчевых белил (?). Один такой «цветок» был раскрыт в отпечатке на обломке лесса, что позволило проследить технику его исполнения. Тонкие остроконечные «лепестки» образуют в области «чашечки» четкие толстые «крючки», перекрытые завершающим рисунком дуги «чашечки» (рис. 13). Очень выразительна и необычна живописная манера. Но в этой росписи все не вполне обычно, например, использовался очень толстый, местами — двуслойный, ганчевый грунт. Между слоями ганча кое-где встречается немного иной рисунок, хотя, по всей видимости, и синхронный основному. Например, тонкая темно-красная линия тети́вы лука, остатки которой уцелели в верхнем слое ганчевого грунта, в нижнем слое ганча оказалась толстой и оранжевой. Следует упомянуть, что фрагментов росписей с таким мощным ганчевым грунтом, как под «Всадником», было не много. Эта роспись, по всей видимости, была основной и некоторые ее детали при исполнении несколько раз перегрунтовывались и переписывались.

В этом же помещении обнаружена другая категория росписей — с дробным мелким рисунком, выполненных поверх очень тонкого ганчевого грунта, технологически совершенно отличных от росписи с «Всадником». Фрагменты эти были очень малы. И удивительно, как они вообще уцелели, так как высота сохранившихся стен 10–15 см., а место, где располагалось помещение, — самая высокая точка холма. Похоже, что при разрушении здания первыми падали на пол росписи, что и позволило им уцелеть, когда остальные конструкции были впоследствии почти полностью смыты при размывании холма сезонными водами.

Полевая консервация и последующая камеральная обработка «Всадника» и других фрагментов живописи на этом памятнике выполнялась с помощью БМК-5 и особых сложностей не представляла, хотя толстый двуслойный ганчевый грунт был сильно деструктурирован и раздроблен крупными и мелкими трещинами, а тыльная его сторона выглядела как бы «запекшейся».

И все же существует категория памятников, обработка которых всегда сложна, непредсказуема и представляет собой особую проблему чисто реставрационного плана. Это — росписи и скульптура, полевая консервация которых была выполнена достаточно давно и зачастую, что особенно важно — не реставраторами. Такими сложными объектами оказались фрагмент настенной живописи из Кой-Крылган-калы «Лучник» и фрагмент рельефной композиции «Олень» из Высокого дворца Топрак-калы. Все — из раскопок 1960-х гг.

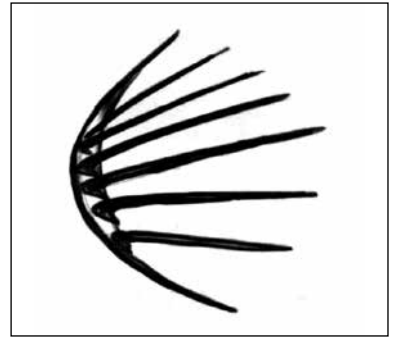

Рис. 12. Прорисовка «игольчатых хризантем»

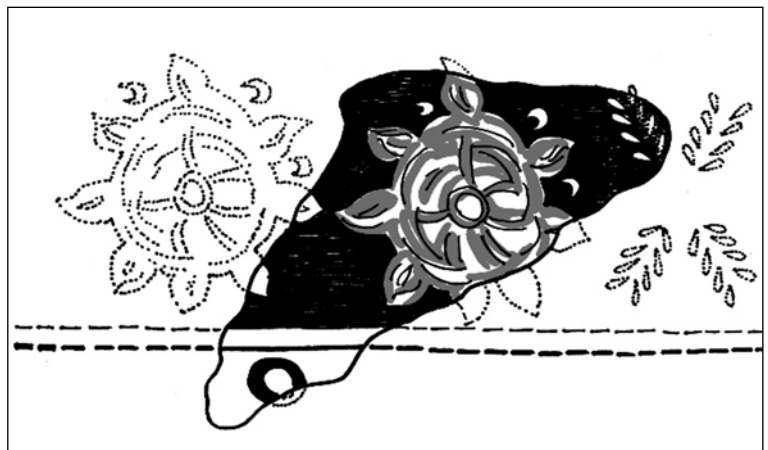

Рис. 13. Калалы-Гыр 2. Прорисовка росписи «цветок», выполненная с отпечатка на лессовой поверхности завала. Хорошо видна техника изображения «лепестков».

«Лучник» публиковался часто, во многих изданиях и всегда — в прорисовке. Он поступил ко мне в виде массивного лессового блока, армированного толстым слоем гипса. Лицевая поверхность была укреплена в поле, по словам археологов, клеем БФ. После удаления гипса и лессового массива, и проведения полной обработки тыльной поверхности, я занялась красочным слоем. Поверхность его была коричневого цвета и мутная. Жесткий слой клея почти не поддавался воздействию растворителей. Постепенно, миллиметр за миллиметром, с помощью компрессов на основе этилового спирта, я убрала клеевую пленку. Дорасчистка и укрепление росписи выполнялись растворами БМК-5. В результате удалось выявить остатки рисунка.

В фондах ГМИНВ был обнаружен фрагмент рельефного декора из Высокого дворца Топрак-калы с изображением головы оленя (по моему мнению — лося). Это был лессовый блок, толщиной около 10–12 см, как и «Лучник», заключенный в гипсовую оболочку. Лицевая сторона рельефа, сохранившая остатки ганчевого грунта и окраски, была укреплена в поле желтоватым полимером, судя по всему, спиртовым раствором ПВА (поливинилацетата), которым работали в экспедиции С. П. Толстова и который (это одна из хорезмийских легенд) привозили из США в бидонах. Гипсовая оболочка была разломана, лессовый блок сильно разрушен, ПВА спекся в неровностях рельефа желтыми сгустками, а редкие кусочки уцелевшего ганчевого грунта, красочного слоя и остатков лессовых загрязнений были жесткими и мутными от клея. Вся поверхность была затерта и выглядела, «замыленной».

Лицевую поверхность вначале пришлось укрепить БМК-5 и нанести профилактическую заклею, затем уже приступать к удалению лишнего лесса и обрабатывать тыльную сторону. Только после этого можно было заниматься расчисткой лицевой стороны. Это также потребовало различных ухищрений: подмачивания, компрессы, механическая выборка загрязнений в микроскопических

объемах. После всего, «Олень» был укреплен БМК-5 и тыльная часть его была заполнена пеномассой — марки ППУ-А-314-2. (рис. 14).

Надо сказать, что повторная консервация или реставрация — это всегда череда нестандартных ситуаций. Для каждого объекта, даже в рамках существующих методов, приходится разрабатывать особые реставрационные приемы, пригодные только для этого памятника и даже иногда — только для этого фрагмента или участка. А таких памятников еще немало хранится в фондах музеев России и Ближнего Зарубежья.

И все же работа реставратора с памятниками Хорезма — это всегда радость новых открытий и удовольствие от маленьких побед, одержанных над временем.

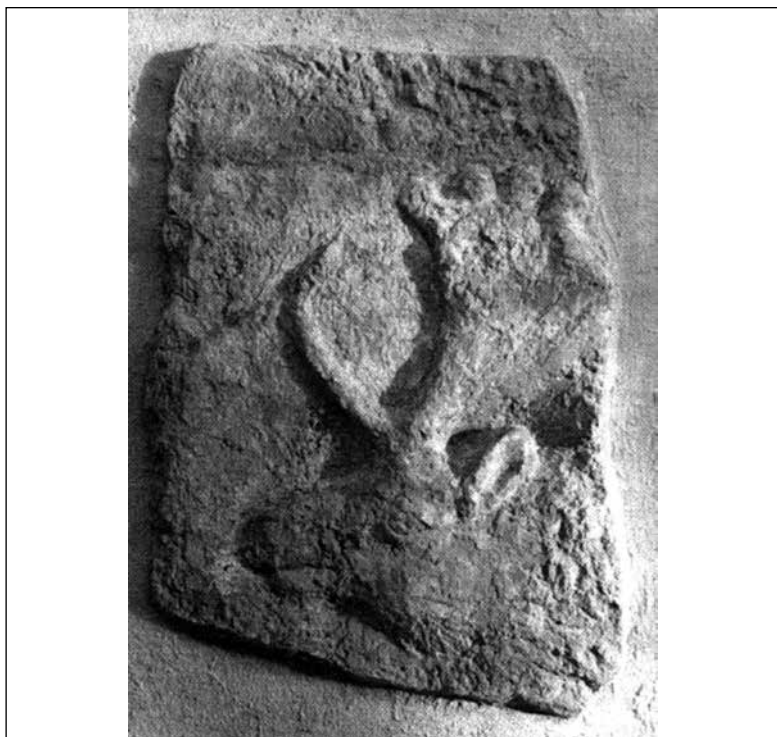

Рис. 14. Топрак-кала. Высокий дворец. Лессовый рельеф «Олень» после реставрации

Примечания

¹ Геннадий Андреевич Кошеленко — известный советский археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корр. РАН, первый заведующий ОМЖ ВЦНИЛКР (1971–1972 гг.). Леонид Аркадьевич Лелеков (1934–1988) — историк-востоковед, специалист в области теории реставрации, исследователь Авесты. Вместе с Г. А. Кошеленко основали среднеазиатское направление в ВЦНИЛКР. Первый заведующий Сектором среднеазиатской живописи в ОМЖ ВЦНИЛКР-ВНИИР.

² Отчет Ковалевой и Соловьева, 1978 г. Архив ГосНИИР.

³ Рапорт Ю. А. Загородные дворцы и храмы Топрак-калы // Вестник древней истории РАН. М., 1993. С. 161.

⁴ ПБМА — Полибутилметакрилат (марки А — низковязкий). Впервые предложен Костровым и Шейниной, методика Эрмитажа (2002 г.), но все же не удовлетворял нас по многим параметрам:

а) во-первых (и это было, на наш взгляд, одним из основных его недостатков), при укреплении объектов в поле, а также при камеральной обработке находок в лаборатории и неизбежных при этом многократных пропитках использовались высокотоксичные растворители: ксилол, толуол, ацетон. Это ставило под угрозу здоровье реставратора и всех, кто находился рядом с ним;

б) во-вторых, в ощутимой степени менялся внешний вид росписей и скульптуры, наблюдалось заметное искажение цветовых характеристик: пожелтение и даже некоторое общее «потепление» колорита, значительное потемнение лёсса в местах утрат.

в) процесс камеральной обработки фрагментов росписей и скульптуры был, по нашему мнению, неоправданно усложнен и отягощен процедурой отгонки избыточной пленки полимера с лицевой поверхности, которая также осуществлялась с использованием ксилола или толуола.

Метод не был безупречен, но надо отдать ему должное, с его помощью были спасены многие живописные и скульптурные памятники Средней Азии: росписи Афрасиаба и Пенджикента, скульптура Халчаяна, Аджина-тепа и др. В мастерских Эрмитажа постоянно шла работа над усовершенствованием методики работы с ПБМА и теперь там работают с другим составом растворителей (4).

ПВС — Поливиниловый спирт.

БМК-5 — Соплимер бутилметакрилата с метакриловой кислотой (марки А) был опробован во ВЦНИЛКР еще для консервации росписей из Эрибуни. Однако композиция растворителей, предложенная зав. химической лабораторией ВЦНИЛКР-ВНИИР, первым разработчиком метода с использованием БМК-5 А. В. Ивановой, включала высокотоксичные растворители этилацетат и ацетон, раствор отличался также высокой вязкостью. Поэтому для полевой консервации с применением БМК-5 для начала был отобран менее вредный изопропиловый спирт (ИПС).

К 1979 г. был накоплен некоторый опыт применения БМК-5 (в ИПС) в полевых условиях. В. П. Бурый опробовал его при полевой консервации росписей Песседжик-депе в Туркмении, а также, параллельно с использованием ПБМА, на городище Дильберджин в Афганистане и при консервации росписей Западного зала Дворца Варахши под Бухарой (4).

В работах 1980–1981 гг. к ИПС для улучшения рабочих качеств раствора был добавлен метилэтилкетон (МЭК) в минимально отработанном количестве, то есть 1: 3 по отношению к ИПС. С 1982–1983 гг. для уменьшения вязкости и обеспечения глубинного укрепления структуры в рабочие растворы был добавлен в качестве разбавителя уайтспирит (БМК-5 в нем не растворяется). Он уменьшал доли более вредных компонентов: МЭК — до 1/8, а ИПС — до 3/8. Этот компонент, в силу своей «слабой летучести», «придерживал» раствор БМК-5 в глубине укрепляемого объекта, тормозя в течение нескольких пропиток образование поверхностной пленки.

⁵ Ковалева Н. А., Рапопорт Ю. А. Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма // Вестник древней истории АН СССР. № 2. М., 1991. С. 198–214.

⁶ Если поразмыслить над природой этих частичных утрат ганчевого грунта, можно принять за основу следующее объяснение: в процессе приготовления гипсового раствора для нанесения грунта под росписи при затворении гипса водой в раствор всегда вводили клеевые или растительные добавки — «замедлители схватывания» гипса. Это было необходимо для обеспечения в течение длительного времени содержания гипсового раствора в рабочем состоянии. Нужно было успеть нанести тонкий равномерный слой ганчевого грунта на большую площадь еще сыроватой, но выровненной и заглаженной, лессовой штукатурки. В обычном состоянии гипс начинает твердеть очень быстро — через 4 минуты. Вероятно, из-за присутствия избыточного количества клея не весь гипс затвердевал, и в процессе его «схватывания» промежутки между правильно затвердевшими пластинками заполнялись тоже гипсом, но потерявшим свои вяжущие свойства и перешедшим в состояние инертного наполнителя клеевой массы. Этому могло способствовать или избыточное количество клея в растворе, или некачественное его перемешивание. Визуально поверхность стены с нанесенным на нее свежим грунтом выглядела ровной и белой, однако технологически эта конструкция была неполноценной. Грунт, не будучи сплошным, был заведомо обречен на частичные разрушения. Что и случилось. Во время периодических сезонных «намоканий и высыханий» завала, в котором находились фрагменты штукатурки с красочными слоями, клей растворился и освободившиеся частички «размороженного» гипса были унесены влагой или переродились в кристаллы гипсовых солей. Такими кристаллами, иногда довольно крупными, был густо насыщен завал многих помещений Северного комплекса. Под красочными слоями остались только отдельные гипсовые пластинки, полноценно затвердевшие при нанесении грунта на стену. Поскольку сохранность ганчевых грунтов в разных помещениях Северного комплекса была различной, полагаю, что в этих случаях перед нами — единичные примеры нарушения технологии при нанесении (или приготовлении) грунтов под росписи.

Подобные примеры частичного ганчевого грунта наблюдались мною в росписях пещерного буддийского монастыря Каратапа в Старом Термезе, буддийского храма Краснореченского городища и некоторых других памятников.

⁷ На маленьком фрагменте росписи из Кзыл-калы, предоставленном И. В. Савицким, сохранилось изображение четырехлепесткового цветка с четкими черными контурами и длинными «шипами» между лепестками.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО- ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Организация этнографических отрядов в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее ХАЭЭ) имела большое значение в этническом изучении Приаральского региона. Значение данных отрядов, а также публикаций их участников, последовавшие по завершении изыскательских работ, актуальны и сейчас. Об этом неоднократно упоминала в своих публикациях непосредственная участница и руководитель одного из этнографических отрядов Т. А. Жданко [Жданко, 1997 а, б].

В апреле 1933 г. Президиум АН СССР постановлением за № 10/3 «В целях организации руководства и конкретной помощи КК АССР в проведении культурной революции» учреждает Каракалпакскую комиссию, в составе академиков: С. Ф. Ольденбург, А. С. Самойлович, член-корреспондент АН СССР С. Г. Томсинский и др. [Камалов, 1975. С. 48–49]. При содействии этой комиссии в городе Турткуле в 1935 г. был открыт историко-краеведческий музей, создана научная библиотека Комплексного научно-исследовательского института. В круг интересов Каракалпакской комиссии входила организация изучения и охраны памятников материальной культуры низовьев Амударьи. Возможно, создание в 1937 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, руководимой С. П. Толстовым, явилось также результатом деятельности Каракалпакской комиссии. Избранию Каракалпакии объектом исследования послужил и тот факт, что еще на картах русских военных топографов XIX в. на ее территории было обозначено много древних развалин. Проведенные рекогносцировочные работы ряда ученых в XX в. в низовьях Амударьи подтвердили эти данные. Этот древний оазис, по словам С. П. Толстова, представлялся местом, где «...то густыми скоплениями, то одиночными островками лежали бесчисленные развалины замков, крепостей, укрепленных усадеб, целых больших городов» [Толстов, 1948. С. 20].

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция — это крупный коллектив исследователей разных направлений. Общественный строй, хозяйство, и культура домусульманского Хорезма, история древних течений Амударьи и их освоения человеком, связанная с этим проблема древней среднеазиатской ирригации, культурно-бытовой уклад населения степных окраин Хорезма — далеко не полный круг проблем, которыми занималась в свое время Хорезмская экспедиция.

Лишь в первые годы Хорезмская экспедиция ограничивалась археологическими работами, на следующем этапе своих изысканий (с 1945 г.) она становится комплексной археолого-этнографической.

В 1945 г. в Хорезмской экспедиции был организован Каракалпакский этнографический отряд — один из первых отрядов, за которым последовали в 1946 г. — Северный и Южный узбекские отряды; в 1948 г. начал свои работы Туркменский отряд; в 1954 г. — Узбекский, работавший, главным образом в Хорезмской области.

Работа Каракалпакского этнографического отряда проводилась во всех районах Каракалпакстана. В период с 1945 по 1959 гг. отряд собрал сведения по темам, определенным в начале этнографических работ как наиболее актуальные. Начальником отряда была назначена Т. А. Жданко.

Начальником Североузбекского отряда являлась К. Л. Задыхина. Работы отряда проводились главным образом на территории Каракалпакстана в Кунградском, Ходжейлийском и Шуманайском районах, а также в Кипчакском районе (в 1952 г. этот район был объединен с Мангитским и вошел в состав Амударьинского района Каракалпакстана) в 1946, 1947, 1948 и 1952 гг.

М. В. Сазонова стала начальником Южноузбекского отряда. Этот отряд работал в 1946–1949 гг. Основными районами его полевых исследований в Хорезмской области Узбекистана были Ханкинский, Хивинский, Хазараспский и Кошкучырский. В один из сезонов было проведено также обследование в Турткульском и Шабазском (ныне Берунийском) районах Каракалпакстана, где преобладает узбекское население.

Начальником Туркменского этнографического отряда была Г. П. Васильева. Она приступила к исследованию этнографии туркмен Ташаузской области Туркменистана, включающей значительную часть Хорезмского оазиса — его северо-западные окраины с орошаемыми землями, Сарыкамышскую котловину и прилегающую к ним обширную северную часть пустыни Каракум. Этот отряд с небольшими перерывами работал на протяжении 1948–1966 гг.

Узбекский этнографический отряд под руководством Г. П. Снесарева работал в 1954–1959, 1961, 1966 и 1968 гг. Отряд вел свои исследования преимущественно в Хорезмской области Узбекистана — городах и районах Хивы, Хазараспа, Ханки, и частично в соседней Северной Туркмении (г. Куня-Ургенч) и Каракалпакстана (Беруни).

В круг интересов этнографических отрядов вошли: систематическое обследование населения оазиса, уточнение расселения локальных групп, сбор историко-этнографического материала, характеризующего традиционную культуру и быт народов.

С 1945 по 1948 г., одной из тем своих полевых работ Каракалпакский отряд избрал изучение общественного строя каракалпаков в XIX – начале XX вв. — весьма скудно освещенного в исторических источниках. И в связи с этим — изучение родоплеменной структуры каракалпаков. «Традиционная принадлежность к определенному роду и племени, — писала Т. А. Жданко, имела значение не только в семейных отношениях (регулирование браков), но иногда и в хозяйственно-политической жизни, отразившись, например, на типе расселения, системе управления каракалпаками в пределах существовавшего до 1920 г. Хивинского ханства. Громадная и сложная система каракалпакских племен и родов, слагавшаяся на протяжении многих веков из различных аборигенных и пришлых этнических групп и до настоящего времени сохранившаяся в своих основных чертах в памяти населения, представляет собой своеобразный исторический источник» [Жданко, 1950. С. 8].

Подверглись изучению пункты расселения родовых групп, а также собраны генеалогии, легенды о происхождении, предания: сведения о взаимоотношениях с другими племенами и родами, характере управления, обложения налогами, землепользовании, семейно-брачных отношениях.

В последующие годы круг интересов каракалпакского отряда сосредоточился на историко-этнографическом изучении аульной земельно-водной общины каракалпаков XIX – начала XX вв. Наряду с этим собирались сведения о семейно-бытовом укладе, обычаях и обрядах, связанных с бытом каракалпакской семьи и реликтами древних верований. Значительное место в планах полевых исследований занимала материальная культура — изучение жилищ, ряда ремесел, народного костюма, прикладного искусства [Жданко, 1950. С. 157–174].

Собраны сведения по деревообделочному ремеслу и их мастерам, а также материалы по убранству жилищ, одежде, с показом возрастных особенностей кроя и вышивки. А также реликты древних верований, связанные с культами различных животных [Жданко, 1959. С. 190–208].

В 1957 г. Каракалпакским этнографическим отрядом ХАЭЭ проводились повторные исследования в Кегейлийском, Муйнакском, Кунградском районах. Велось составление схематической карты расселения родоплеменных групп и системы их водопользования в XIX – начале XX вв. В результате этих исследований были обнаружены новые материалы, которые показывают смежность расселения некоторых родоплеменных групп (кенегесов и мангытов), сопровождавшееся в некоторых случаях и их сотрудничеством в хозяйственной деятельности, в частности, в водопользовании [Жданко, 1975. С. 6–12].

Одной из проблем, над которой работали участники отряда, стала изучение этнической территории каракалпаков. Анализ архивных, литературных и полевых материалов подвел к выводу о том, что поселение Ак-джагыс, расположенное в Тахтакупырском районе, возникло в результате переселения Сырдарьинских каракалпаков в низовья Амударьи. Это передвижение в Хорезм было заключительным этапом в истории переселения каракалпакского народа. Оно было возвращением в страну, с которой современные исследователи связывают историю древнейших предков каракалпаков [Андрианов, 1952. С. 572].

Собранные отрядом полевые материалы по этнической территории были подытожены в работе, посвященной формированию народа. Ввиду совместного переселения и расселения, а также одноименных этнонимов каракалпаков и узбеков (канжигали, ашамайлы, балгалы, канглы, кият, тартулы — у узбеков и племена, и роды конграт: ашамайлы, балгалы, кият — у каракалпаков), было высказано мнение о единстве этногенеза, этнического состава и традиционной бытовой культуры этих народов, возникших на основе территориального единства и сходных типов хозяйства [Андрианов, 1958. С. 45–52].

Результатом изучения истории культуры народов Южного Приаралья, в частности ирригации, стала монография «Древние оросительные системы Приаралья», посвященная истории ирригации и земледелия южного Приаралья [Андрианов, 1969].

В планы работы отряда входило изучение духовной культуры. В 1949 г. выходит новаторская для своего времени статья «Мазар Шамун-Наби», в которую вошли данные, собранные во время полевых работ и отражающие историю духовной культуры местного населения. Интерпретируя название мазара Шамун-наби, проводятся его параллели с библейским рассказом о Самсоне — об этом свидетельствует само имя святого. Интерпретируя название Джумарт-Кассаба, отмечается, что в зороастрийской космогонии Гайомард — предок всех людей, сотворенный Ахурамаздой. По Авесте Гайа Маретан — предок народов «арья». Он являлся также покровителем орошения, первым праведником, последовавшим установкам Ахурамазды. Т. е. была установлена связь верований современного населения оазиса с зороастрийской традицией [Кнорозов, 1949. С. 86–97].

Изучение вопросов материальной культуры, в частности одежды, также оказалось в сфере интересов Каракалпакского отряда. Полевые материалы по данной проблеме легли в основу нескольких статей по одежде народов Средней Азии. В формировании костюма народов региона большую роль играли сложные этнические процессы, протекавшие на его территории и оказавшие определенное влияние на общее развитие культуры. Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана начала XX в., при индивидуальных особенностях ее у каждого народа, имеет и много общих черт. И более всего объединяют ее общий, сложившийся в давние времена, способ кроя. Общие черты в костюме народов Средней Азии и Казахстана определяются не только сходством элементов их этногенеза и общим направлением развития культуры, но и постоянным культурным обликом между ними на протяжении веков [Лобачева, 1965; 1984. С. 14–28; 1989. С. 169–181].

Не остались без внимания и вопросы этнической истории локальных групп каракалпаков, живущих за пределами своей республики, главным образом в Узбекистане и соседних с ним регионах. В 1953 и 1954 гг. изучается ферганская группа каракалпаков, являющаяся одной из наиболее многочисленных групп, проживающих за пределами Хорезмского оазиса. Живут они во всех трех областях долины — Андижанской, Наманганской и Ферганской, расселяясь почти исключительно вдоль рек Сырдарья и Карадарья. Этническое развитие небольших групп каракалпаков, оторвавшихся от большинства народа и оказавшихся за пределами Каракалпакстана, идет, в основном, по линии сближения с окружающим узбекским и казахским населением [Толстова, 1963. С. 223–224].

В составе каракалпакского этнографического отряда также работали аспиранты из Каракалпакстана: С. К. Камалов, Р. К. Косбергенов, У. Шалекенов. Полевые материалы, собранные ими в этнографическом отряде, позже стали основой для их дальнейших исследований. В этих исследованиях, написанных на основе полевых этнографических материалов, исторической литературы и архивных данных должное место отводится характеристике каракалпакского хозяйства, как в период жизни каракалпаков на Сырдарье, так и во времена их жизни в Хивинском ханстве [Камалов, 1958. С. 133–206; Косбергенов, 1958. С. 207–268; Шалекенов, 1958. С. 269–370].

Большой вклад в этнографические изыскания Хорезмской экспедиции был внесен отрядами, изучавшими узбеков Хорезмского оазиса. Задачи, стоявшие перед отрядами, определялись в соответствии с этнографическими особенностями двух больших групп, выделяющихся в составе узбекского населения Хорезма.

Узбеки низовий Амударья, составляющие большинство населения Хорезмской области Узбекистана, неоднородны по происхождению и этнографическому облику, их принято условно разделять на северных и южных.

Северные узбеки, называемые «дештикипчакские» наиболее близки к каракалпакам и казахам. Они сохранили память о своей родоплеменной принадлежности и представляют собой потомков тюркоязычных кочевых и полукочевых племен, входивших в узбекский союз, образовавшийся в Приаралье и на Нижней Сырдарье.

В «Трудах» Хорезмской экспедиции были опубликованы составленные в процессе опроса населения этнические карты Кунградского и Кипчакского районов, с обозначением мест расселения наиболее крупных и компактных племенных и родовых групп узбеков, а также соседних с ними народов — казахов, каракалпаков, туркмен и др.

Как отмечает К. Л. Задыхина, сопоставление родоплеменных этнонимов северных узбеков с этнонимами других народов Приаралья пролили свет на некоторые особенности этногенеза. Значительное число этнонимов у северных узбеков воспроизводило названия средневековых племен и народов. При анализе этнонимов явственно выступили связи этногенеза северных узбеков Хорезма прежде всего с каракалпаками и казахами, а также с ногайцами [Задыхина, 1952. С. 326–342].

Анализ родоплеменной структуры узбеков Хорезма обнаруживает «парность» многих родовых групп и отношений свойства между ними. Весьма вероятно, отмечает К. Л. Задыхина, что с этой монгольской (или тюрко-монгольской) традицией, отмеченной в XI–XIII вв., было связано и разделение Абулгази-ханом в XVII в. хорезмских узбеков на четыре тупэ — по два рода в каждом. Столь же архаична парная связь между кипчакскими родами канглы и канжигалы, до недавних пор сохранявших у хорезмских узбеков взаимоотношения «сватов», брачные отношения между ними «могут рассматриваться как фратриальные пережитки существовавшего когда-то обязательного брака между этими родами» [Задыхина, 1958. С. 771].

Североузбекский этнографический отряд за время своего существования собрал большое количество преданий об истории племен и родов и их переселении. Эти сведения, дают нам возможность проследить некоторые этапы этнической истории узбеков. Согласно преданиям, узбеки пришли из дештикипчакских степей и заселили Хорезм, но при этом продолжали поддерживать связь с Дешти-Кипчаком, откуда шел постоянный приток новых групп, присоединявшихся к ранее прибывшим сородичам. Истоки этих связей уходят вглубь веков. В этом убеждают итоги археологических раскопок, проведенных Хорезмской экспедицией в районах прежнего обитания степных племен [Итина, 1979. С. 5].

В результате деятельности североузбекского отряда впервые представлена разносторонняя этнографическая характеристика этой крупной, не изучавшейся ранее, своеобразной этнографической группы узбекского народа со всеми преобразованиями, происшедшими в ее культуре и быту к 1940-м гг. и со всеми сохранившимися традициями.

Б. Х. Кармышева отмечает, что происхождение и этническая история южной группы нынешних узбеков Хорезма, называвшихся в прошлом «сартами» были совершенно иными [Кармышева, 1970. С. 67]. Занимая центральные и южные районы Хорезмского оазиса, они являлись аборигенами, потомками древних хорезмийцев, создателей древнехорезмийской цивилизации. У них отсутствовало родоплеменное деление. Исконно оседлые жители оазиса, они унаследовали от своих предков многовековой опыт орошаемого земледелия, традиции городской жизни, занятия ремеслами и торговлей.

Перед южноузбекским отрядом стояла задача выяснения современного расселения южных узбеков. Данный отряд во время своих маршрутов собрал необходимый материал для подробной этнической карты этого региона. Так, на опубликованной ее части (карта Ханкинского района) обозначены узбеки без родоплеменного деления, узбеки, сохранившие в памяти это деление, а также казахи и «обузбеченные» потомки иранцев [Этнографическая ..., 1952. С. 248].

В сферу интересов южноузбекского отряда вошли историко-этнографические материалы по ирригации и земледелию южных узбеков. Сведения об ирригации, накопленные в трудах ученых, были существенно обогащены данными этнографии, которая изучает многовековой опыт земледельцев на основе сохранившихся до наших дней хозяйственно-культурных традиций [Сазонова, 1952. С. 253–260].

Помимо информации о древних оросительных системах, были собраны материалы о календарных праздниках и обрядах, в том числе о празднике огня Охир чоршомба (Последняя среда), отмечавшийся в месяце Сафаре. В своей древней форме этот широко распространенный в Средней Азии и Иране праздник кроме «очистительной» функции имел и другую — стимулировать приход солнечного тепла после зимы, способствовать возрождению природы [Лобачева, 1995. С. 24–36].

Всесторонне изучалось жилище южных узбеков, особенно характерные для Хорезма «хаули», сохранившие средневековый облик крепости с высокими глинобитными стенами, охватывающими все постройки усадьбы, с ложными бойницами на фасаде и башенками, а также с единственным входом — высокими воротами. Несколько больших старинных хаули, уже полуразрушенных и нежилых, изучались при участии местных старожилов, пояснивших назначение и названия многочисленных помещений, смысл их традиционной планировки [Сазонова, 1952. С. 267–273].

Изыскания узбекского этнографического отряда под руководством Г. П. Снесарева сосредоточились, главным образом, на изучении религиозных верований. Отрядом изучались домусульманские реликты в верованиях и обрядах хорезмских узбеков. Были подвергнуты анализу истоки и функции культовых сооружений и мазаров, расположенных на территории Каракалпакстана и Хорезмской

области Узбекистана. Изучены Шамун наби и Джумарт-Кассаб, находящиеся в Ходжейлийском районе, Султан Ваис баба в Берунийском районе и другие, куда совершают паломничество верующие из Ташаузской области Туркменистана, Хорезмской области Узбекистана, Каракалпакстана и других мест. При этом культ Султан Ваис баба является объединяющим для верующих разных национальностей [Снесарев, 1969. С. 292–297].

Участники отряда успели зафиксировать, систематизировать и обобщить множество исчезающих сведений по демонологии, магии, культу плодородия и т. п. Были открыты реликты зороастризма, наиболее устойчиво сохранившиеся в погребальных обрядах, показавших, что эта религия оставила глубокий след в народной жизни [Снесарев, 1971, № 4. С. 153–165; 1973, № 1. С. 48–59].

Свои многолетние исследования Г. П. Снесарев обобщил в работе «Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии». Легендарные биографии святых, почитавшихся в Хорезме, сопоставлены здесь с историческими данными с целью выяснения времени и причин утверждения их культа в оазисе. Выявлено несколько категорий святых; облик древнейшего из них перекликается с образами иранской мифологии и эпоса, с зороастрийскими персонажами. Более поздняя группа представлена библейско-кораническими персонажами и суфийскими святыми [Снесарев, 1983].

Туркменский этнографический отряд начал сбор материалов с детального изучения этнического состава населения, особенно тех этнографических групп туркмен, которые устойчиво сохраняли в памяти свою принадлежность к роду и племени. Собирались легенды и исторические предания туркменских родов, их генеалогии, сведения о переселениях и участии в исторических событиях, связанных с Хорезмом. Уточнялось современное расселение. Эти материалы существенно обогатили этническую историю северных туркмен и стали источником для составления и публикации этнических карт [Васильева, 1961. С. 24–25].

Собран материал по материальной культуре туркмен, в частности зафиксированы данные о типах жилища, одежде и украшениях, ковроделии, вышивке, выделке узорных кошм и т. д. Этот материал дает представление не только об общем облике культуры и быта туркмен, но и подчеркивает своеобразие главных родоплеменных групп — иомудов, емрели, чоудуров, карадашлы, гокленов и др.

По окончании работ отряда была выпущена монография, посвященная современной жизни туркмен Хорезма. Наряду с характеристикой происшедших преобразований в быту туркмен, работа содержит подробные сведения об историко-культурных традициях туркмен [Васильева, 1969].

В течение нескольких лет велись стационарные исследования группы туркмен родоплеменного подразделения «ата» в нескольких аулах колхоза им. М. Горького (ныне А. Дурдыева) Турткульского района Каракалпакстана [Лобачева, 1971. С. 3–35]. На основе полевых материалов (1960–1961 гг.) анализируется процесс оседания в прошлом полукочевых групп населения. Изучены стационарные и переносные жилища, приводятся интересные сведения по истории данного колхоза: способы освоения земель древнего орошения, расположенных в зоне пустыни Кызылкум, прикрытых с поверхности подвижными барханными песками. Изучены также материальная и духовная культуры (жилище, убранство, одежда, пища, ремесла, промыслы), учебные и культурно-просветительные учреждения.

Вышеназванные этнографические отряды, а также работы участников данных отрядов, не только внесли большой вклад в этническое изучение народов региона, но и позволили раздвинуть рамки научных интересов, охватив при этом целый ряд проблем общетеоретического значения.

Литература

- Андрианов, 1952** — Андрианов Б. В. Ак-джагыз (к истории формирования современной этнической территории каракалпаков в низовье Амударьи) // ТХАЭЭ. Т. I. М.
- Андрианов, 1958** — Андрианов Б. В. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII–XIX вв.) // ТХАЭЭ, Т. III. М.
- Андрианов, 1969** — Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М.
- Васильева, 1952** — Васильева Г. П. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. // ТХАЭЭ. Т. I. М.
- Васильева, 1961** — Васильева Г. П. Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области Туркменской ССР // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. ТИЭ. Т. XLVIII. М. Л.
- Васильева, 1969** — Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.
- Васильева, 1973** — Васильева Г. П. Народное декоративно-прикладное искусство как источник для этногенеза (на примере туркмен) // IX международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М.
- Жданко, 1950** — Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков // ТИЭ. Т. IX, М. -Л.
- Жданко, 1959** — Жданко Т. А. Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 году // Материалы Хорезмской Экспедиции (далее МХЭ). Вып. I. М.
- Жданко, 1975** — Жданко Т. А. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в историко-этнографическом атласе // Хозяйственные и культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Жданко, 1997** — Жданко Т. А. Этнографические исследования и этнографы Хорезмской экспедиции // Этнографическое обозрение. № 1.
- Жданко, 1997** — Жданко Т. А. Этнографические исследования и этнографы Хорезмской экспедиции // Этнографическое обозрение. № 2.
- Задыхина, 1952** — Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи // ТХАЭЭ. Т. I. М.
- Задыхина, 1958** — Задыхина К. Л. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР // ТХАЭЭ. Т. II. М.
- Итина, 1979** — Итина М. А. От редактора // Кочевники на границах Хорезма // ТХАЭЭ. М. Т. XI.
- Камалов, 1958** — Камалов С. К. Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в. // ТХАЭЭ. Т. III. М.
- Камалов, 1975** — Камалов С. К. О документах каракалпакской комиссии АН СССР // Вестник ККФАН УзССР. № 4.
- Кармышева, 1970** — Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным) М.
- Косбергенов, 1958** — Косбергенов Р. Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX – начале XX вв. // ТХАЭ. Т. III. М.
- Лобачева, 1965** — Лобачева Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накидки-халаты) // Советская этнография. № 6.
- Лобачева, 1971** — Лобачева Н. П. Очерки культуры и быта колхозников — освоителей Кызылкумов (по материалам колхоза им. М. Горького Турткульского района Каракалпакской АССР) // Занятия и быт народов Средней Азии Л. Вып. III.

Лобачева, 1984 — Лобачева Н. П. Из истории каракалпакского женского костюма (к проблемам историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана) // Советская этнография. № 4.

Лобачева, 1995 — Лобачева Н. П. Огни Сафара в Хорезме (о забытых праздниках) // Этнографическое обозрение. № 5.

Сазонова, 1952 — Сазонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма (Полевые исследования южноузбекского этнографического отряда ХАЭЭ в 1946–1948 гг.) // ТХАЭЭ. Т. I. М.

Снесарев, 1969 — Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.

Снесарев, 1971 — Снесарев Г. П. По следам Анахиты // Советская этнография. № 4.

Снесарев, 1973 — Снесарев Г. П. Три хорезмские легенды в свете демонологических представлений // Советская этнография. № 1.

Снесарев, 1983 — Снесарев Г. П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.

Толстов, 1948 — Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.

Толстова, 1963 — Толстова Л. С. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX – нач. XX вв. Нукус.

Этнографическая карта....., 1952 — Этнографическая карта Ханкинского района // ТХАЭЭ. Т. I.

О ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХОРЕЗМЕ (VII–II ВВ. ДО Н. Э.).

Исследованием среднеазиатской городской культуры занимались многие исследователи. Однако наиболее широкой ее постановкой наука обязана С. П. Толстову. Исследование античных памятников на территории Хорезма — городищ, укреплений, дворцовых и храмовых комплексов, сельских поселений — дало огромный материал по хозяйственной и политической истории, истории общественной организации, культуре и религии древнехорезмийского государства.

Однако решение проблемы выделения протогородов в Хорезме преимущественно по археологическим материалам не удастся. Известно, что во 2-ой половине II тысячелетия до н. э. (по периодизации С. П. Толстова) тазабагьябскую культуру, являющуюся местным вариантом культур андроновского типа, сменяет суярганская культура, в керамике которой отмечаются черты влияния высокоразвитого гончарного производства прикопетдагских общин. В начале I тысячелетия до н. э. ее сменяет амирабадская культура с грубой посудой ручной лепки. С. П. Толстов подчеркивал примитивный уровень развития хорезмийского общества в этот период.

Амирабадские племена резко отличались от других земледельческих племен Средней Азии своей культурой. Во-первых, они выделяются домостроительной традицией, так как основным типом их жилищ были землянки и полужемлянки. Во-вторых, они отличаются по всем признакам своей керамикой. Все сосуды лепные, цвет их поверхности светло- или темно-коричневый, красноватый. Сосуды украшены на плечиках и ниже горла разными узорами — елочкой, решеткой, крестиками. Своеобразен набор форм некоторых сосудов (чаш, мисок и узкогорлых кувшинов), которые, как отмечает М. И. Итина, находят аналогии в комплексе Яз-1.

Из всего этого можно сделать вывод, что в IX–VIII вв. до н. э. амирабадская культура по всем признакам не соответствовала уровню, необходимому для образования государства.

Как известно, в конце III–II тысячелетия на юге Туркмении формируется поселение городского типа — Алтын-депе, находившееся в культурных контактах с раннегородскими цивилизациями Востока. Ко II тысячелетию до н. э. относится бактрийское поселение Дашлы-1, имеющее четкий прямоугольник обводных стен четырехметровой толщины с округлыми башнями по углам и периметру. Подобные, практически квадратные, протогорода, относящиеся к середине II тысячелетия до н. э., открыты в Северной Бактрии, где полностью исследован один из них — Сапалитепа.

Укрепленные сооружения известны также на ряде памятников Самаркандского Согда на рубеже VIII–VII вв. до н. э. (Еркурган и т. д.). Появление их в этот период, несомненно, следует связать с ростом богатства населения и с необходимостью охраны, а также из-за увеличения опасности военных столкновений.

В Хорезме укреплений городского типа ни в этот период, ни тем более ранее этого периода не было. Появление архаической культуры в Хорезме относится к концу VII–V вв. до н. э. Как отмеча-

лось выше, сравнение материальных культур тазабагъябских и амирабадских племен с культурой архаического Хорезма показывает как глубоко их различие, что объяснить это только стадийными изменениями невозможно. Поэтому ранняя городская урбанизация в Хорезме происходит, главным образом, в результате спонтанного развития общества, но определенное воздействие на этот процесс, очевидно, оказывали контакты с земледельческим югом.

Самым ранним городом Хорезма (конец VII–VI вв. до н. э.) является Кюзелигыр, расположенный в левобережной части Амударьи. Он в соответствии с очертаниями холма имеет подтреугольную форму, размерами более 7 га. Кюзелигыр был окружен крепостной стеной. Юго-западную часть занимает цитадель. В одном из вскрытых помещений найдена золотая бляшка в виде головы горного козла, выполненная в скифском зверином стиле [Вишневская, 1979. С. 267], что принципиально важно для этнической истории архаического Хорезма.

При исследовании поселения Хумбуз-тепа, расположенного в 17 км к востоку от города Хазарасп, в нижних слоях выявлена керамика с четко выделенной горловиной и отогнутым наружу венчиком. Аналогичная посуда представлена в керамике нижнего строительного горизонта городища Кюзелигыр [Воробьева, 1959. С. 71]. Сосуды с отогнутым наружу венчиком, имеющим как бы нависающий заостренный край, известны на территории Северной Бактрии в периоды Кызыл II, Кучук II–III. Однако наибольшее распространение эта форма получила в более позднее время — в периоды Кызыл III–IV, Кучук-IV [Сагдуллаев, 1987. С. 21; Аскарлов, Альбаум, 1979. С. 106–107]. Периоды Кызыл II и Кызыл II–III в целом датируются доахеменидским временем или начальным этапом древнебактрийского периода VII–VI вв. до н. э. [Сагдуллаев, 1989. С. 37].

Встречаются светлоангобированные бокалы, которые являются характерной формой комплекса Яз-II. Подобные сосуды, правда, в небольшом количестве, встречаются в Северной Бактрии в слоях периода Кызыл II–III. Эта же форма известна и в Согде. В Афрасиабе цилиндрические бокалы на плоском дне найдены в нижних слоях, в южной части. Они датируются V–IV вв. до н. э. Принимая во внимание то обстоятельство, что большинство аналогий керамики из нижних слоев Хумбуз-тепа находится в керамических комплексах Яз-II, Кызыл тепа II, Кучук II–III, мы можем датировать начальный этап жизни на Хумбуз-тепа концом VII–VI или возможно концом VII–серединой VI вв. до н. э. К этому периоду относятся обнаруженные высококлассные образцы керамики цилиндрической формы из Кюзелигыра и Хумбуз-тепа. Аналогичные образцы керамики встречаются в Афрасиабе I и Коктепа. Если городище Коктепа является древнеземледельческим центром VII–VI вв. до н. э. [Исамиддинов, 2002. С. 201], то Хумбуз-тепа являлся крупным керамическим центром Южного Хорезма (VII–VI вв. до н. э.).

По некоторым косвенным данным можно предположить, что Хумбуз-тепа был достаточно густонаселен уже в середине I тысячелетия до н. э. В частности, большая площадь (около 5 га) производственного центра Хумбуз-тепа, функционировавшего в это время, дает основание предполагать, что он снабжал своей продукцией обширный и густонаселенный район. Напомним, что в 17 км от Хумбуз-тепа находился Хазарасп, который уже на рубеже VI–V вв. до н. э. был административным центром древнеземледельческого оазиса.

Близость культур Бактрии, Согда и Хорезма является закономерным отражением завершающей стадии формирования оседлой восточноиранской этнокультурной общности и широкого внедрения традиций бактрийской историко-культурной области, территориальное ядро которой составляли Маргиана-Бактрия, а затем и Согд, в области ее культурного влияния оказался и Хорезм [Сагдуллаев, 1987. С. 88].

Кроме того выявлена генетическая связь многих форм раннехорезмийского керамического комплекса с керамикой древнебактрийской эпохи. Не вызывает сомнения генетическая связь кюзелигырского и архаического керамических комплексов Хорезма с комплексами юга Средней Азии. Кроме того, нет никаких оснований, даже отчасти, считать, что некоторые из форм гончарной керамики могли иметь прототипы в более ранних керамических комплексах Хорезма. Тем более что появление на территории Хорезма гончарного круга и керамического горна, безусловно связано с влиянием южных земледельческих областей Средней Азии, прежде всего Бактрии-Согда.

Однако вопрос о времени появления на территории Хорезма архаического керамического комплекса и таких технических новшеств, как гончарный круг и горн для обжига, остается дискуссионным.

Исследователи допускают миграцию отдельных групп населения Северной Бактрии в среднее течение Амударьи в начале I тысячелетия до н. э., а возможно именно с этими событиями связано возникновение поселения Одей-депе [Пилипко, 1975. С. 52]. И что следующим этапом продвижения группы земледельческого населения из южных областей Средней Азии дальше на север могло быть освоение территории Южного Хорезма в VII–VI вв. до н. э.

Дальнейшее развитие урбанистического процесса привело к вхождению территории Хорезма в состав Ахеменидской державы (середина VI–V вв. до н. э.). В этот период возникают административный центр Калалыгыр, усадьба Дингильдже, крепость Хазарасп с оборонительными стенами и башнями.

Расцвет урбанизации происходит в античный период (V в. до н. э. – III–IV вв. н. э.). На рубеже V–IV вв. до н. э. Хорезм обретает свою независимость, становится крупным суверенным государством. Прогресс развития хозяйства, интенсификация орошаемого земледелия, основанного на использовании воды из крупных каналов, сопровождается коренными преобразованиями всей социальной структуры общества, формированием социальных групп и сильной государственной власти.

В античный период, по сравнению с предшествующими, значительно возрастает число городов-крепостей, концентрирующихся вокруг земледельческих оазисов (Джанбас-кала, Аяз-кала, Курганча-кала, Каладжик, Ток-кала). Крупные крепостные сооружения располагались, в основном, вдоль важных торговых и стратегических путей и на границах государства (Капарас, Хазарасп, Дэвкескен, Айбугир). Города Хорезма выполняли в основном функции административных, экономических, религиозных и культовых центров. В этот период появляются и ряд крупных городов (Большой Гульдурсун, Базар-кала, Казаклы-яткан (Акшахан), Ичан-кала, Топрак-кала), что может говорить о дальнейшем развитии процесса урбанизации Хорезма.

На территории Хорезма изучены памятники особого назначения, выполнявшие, по всей видимости, функции культово-религиозных центров такие, как Кой-Крылган-кала, Ельхарас, Гяур-3, Топрак-кала (Шаватская).

Города-крепости Хорезма имели прямоугольные, квадратные или формы неправильного прямоугольника. Городские укрепления состояли из мощных стен, башен, рвов с богатой внутренней застройкой. Города были опорой царской власти на местах, характеризовались большой площадью, наличием различных монументальных сооружений, дворцово-храмовых комплексов (Топрак-кала, Кят, Казаклы-яткан), высоким уровнем развития ремесла и торговли.

Литература

Вишневская, 1979 — Вишневская О. А. Раскопки городища Кюзелигыр // Археологические открытия 1978 года. М.

Воробьева, 1959 — Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ. Т. IV. М.

Воробьева, 1979 — Воробьева М. Г. Проблема «Большого Хорезма» и археология // Этнография и археология Средней Азии. М.

Исамиддинов, 2002 — Исамиддинов М. Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент.

Пилипко, 1975 — Пилипко В. Н. Раскопки в Дейнауском районе Чарджоуской области // Археологические открытия 1974 года. М.

Сагдуллаев, 1987 — Сагдуллаев А. С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент.

Сагдуллаев, 1989 — Сагдуллаев А. С. Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика). Автореф. дисс. на соис. уч. ст. докт. ист. наук. М.

ХОРЕЗМСКИЙ ЦАРЬ ФАРАСМАН И ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ КОЛХОВ

В исторической науке хорошо известен эпизод, который связан с хорезмским царем Фарасманом (или в другом чтении Фратоферном), Александром Македонским и колхами — древнегрузинским племенем, населявшем Западную Грузию — «Златообильную Колхиду». Потомками колхов считаются мингрелы.

Согласно Арриану: «В это же время (т.е. в 328 г. до н. э.) пришел к Александру и Фарасман, царь Хорасмиев с конницей в полторы тысячи человек. Фарасман рассказал, что он живет по соседству с племенем колхов и с амазонками, и вызвался, если Александр пожелает, ударив на колхов и амазонок, покорить заодно и племена, живущие у Эвксинского моря, быть ему проводником и заготовить все необходимое для войска». Александр поблагодарил Фарасмана, заключил с ним дружественный союз, но сказал, что идти к Понту для него сейчас несвоевременно [Арриан, IV, 15]. Это сообщение Арриана, как писал С. П. Толстов, давно заинтересовало ученых. А. Гутшмид и В. В. Бартольд считали, что оно свидетельствует о распространении власти Хорезма на юго-восточную часть Европы. Так, В. В. Бартольд писал, что «... Хорезм в эту эпоху ... как и в эпоху монгольского владычества составлял одно целое с юго-востоком нынешней Европы» [Бартольд, 1965. С. 28].

Однако В. Тарн относился к этому выводу весьма отрицательно [Тарн, 1985. р. 81, 83]. Идею В. В. Бартольда в еще большей степени развил С. П. Толстов, который считал, что Фарасман распространил свою власть на страны, лежащие по берегам Волги и видел в мощном движении сарматских племен в IV в. до н. э. «направляющую руку хорезмийских царей» [Толстов, 1949. С. 108–109]. Но это лишь априорные догадки, не подтвержденные сведениями письменных источников. Прежде всего, такая политическая ситуация никак не объясняет соседство Хорезма с колхами. Волгу и Колхиду разделяет огромное расстояние, приходящееся на степи, предгорье и Кавказский хребет, занятое с Востока до предгорьев Кавказа сарматскими племенами, а с Запада — синдами и меотами, о политическом подчинении Хорезму которых не может быть и речи [Виноградов, 1963].

Однако к этому весьма интересному вопросу возможен подход с иной стороны.

Согласно преданию, переданному Плинием (род. в 24/23 г. до н. э.), албаны происходят от Ясона [Плиний IV, 13] (§§38–39) — легендарного предводителя похода аргонавтов в Колхиду за золотым руном, которое он похитил с помощью Медеи — дочери царя колхов Ээта. Еще ранее Страбон (64 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) писал, что Ясон во время своего путешествия к колхам добрался вплоть до Каспийского моря. Он посетил Иберию, Албанию большую часть Армении и Мидии, в которой находилось святилище Ясона, что, как пишет Страбон, доказывает его пребывание в этой стране.

По его словам, Медея вместе с Ясоном властвовали в Мидии, получившей свое название от сына Медеи Меда, который «наследовал власть и отдал стране свое имя» [Страбон, XI, 13, 10].

Страбон, кстати, первым из античных авторов упоминает албанов, место проживания которых он определил между Кавказским хребтом и рекой Курой, в низовьях этой реки на побережье Каспийского моря. Ту же географию расселения албанов дает и Плиний.

Конечно, предания как таковые не являются надежным историческим источником. Однако предания, переданные античными авторами, жившими в не столь отдаленное время от исследуемых

событий, тем более подкрепленные данными топонимического характера, возможно, сообщают какие-то достоверные данные о проникновении греков вместе с колхами в район Каспийского моря, которое находилось на расстоянии пяти дней пути от Колхиды [Страбон, XI, VII, 3].

Если даже бактрийцы и индийцы жили в городе Фазисе, (у Черного моря), как сообщает Псевдо-Схимнос, преодолев путь к несколько тысяч километров. Что тогда стоило колхам пройти во много раз меньшее расстояние и выйти к Каспийскому морю. В этом, как нам представляется, нет ничего удивительного.

В словах обращения хорезмского царя Фарасмана к Александру Македонскому, о том что его страна граничит с колхами, по всей вероятности, отражена политическая ситуация того времени, т.е. второй половины IV в. до н. э. Хорезм в это время был сильным и независимым государством, еще до похода Александра Великого, освободившийся от ахеменидского господства, по мнению А. С. Балахванцева, в конце V в. до н. э. [Балахванцев, 2006. С. 376]. Границы его или сфера влияния доходила на запад до Каспийского моря. Под контролем Хорезма, вероятно, находился и водный путь по Узбою от Амударьи до Каспийского моря.

Согласно исследованиям грузинских историков, Колхидское государство в IV–VI вв. до н. э. было самым могущественным в Закавказье. В его состав которого входила вся территория современной Западной и Юго-Западной Грузии, а на востоке его граница простиралась вплоть до Сурамского Хребта, разделяющего Восточную (Иберию) и Западную (Колхиду) Грузию, территорию расселения древнегрузинских племен колхов и саспейров [Лордкипанидзе, 1989. С. 219–256; Он же, 1978]. Не случайно Геродот (V в. до н. э.) называет только три племени — колхов, саспейров и мидян, проживающих на территории между Каспийским и Черным морями.

Весьма интересно сообщение Геродота о том, что «из Колхиды недалеко пройти в Мидию» [Геродот 1, 104], которая в это время занимала территорию вплоть до Каспийского моря. Это доказывает тот факт, что уже в V в. до н. э., а может быть и ранее (судя по преданиям о походе Ясона (VIII–VII вв. до н. э.), существовал путь, соединяющий Черное и Каспийское моря. В это же время функционировал и водный путь по Узбою от Амударьи (Хорезм) до Каспийского моря.

Современные исследователи этого вопроса предполагают, что сообщение между Амударьей и Каспием осуществлялось по Узбою, который в то время, вплоть до X в. н. э. был в значительной степени обводнен, впадал в Каспийское море и был пригоден для судоходства. В частности, Хорезмской археолого-этнографической экспедицией и туркменским археологом Х. Юсуповым был установлен факт обжитости обоих берегов Узбоя в I тыс. до н. э. — начале первых веков н. э. и выявлена здесь парфянская крепость Игды-кала. Она была сооружена на далекой северной окраине Парфянского государства, как считает Х. Юсупов, для контроля водного пути по Узбою [Юсупов, 1984. С. 77–97]. В последнее время в процессе раскопок на поселениях Ичан-депе и Калалы-гыр выявлена керамика из закавказских ремесленных центров. Эти находки также подтверждают факт существования водного торгового пути из Центральной Азии по Оксу через Каспий на Кавказ и далее по Куре и Фасису в Черное море [Vainberg, 1996, P. 67–81].

Все вышеприведенное, по мнению автора, доказывает, что, приглашая Александра Великого совершить поход против колхов и к Эвксинскому морю, хорезмийский царь Фарасман имел в виду более легкий и удобный путь через Каспийское море и по Закавказью к Черному морю¹ [Балахванцев, 2005. С. 36], нежели более сложный окружной путь из Хорезма через степи, вокруг Каспийского моря к Северному Кавказу и далее через Кавказский хребет в Колхиду.

Эти данные также являются доказательством того, что уже в середине I тыс. до н. э. существовал Великий водный путь из Средней Азии и Закавказье к Черному морю и далее.

Примечания

¹ Весьма значимо в этом отношении мнение А. С. Балахванцева, который считает, что «слова Фарасмана наряду с археологическими источниками свидетельствуют о существовании уже во второй половине IV в. до н. э. Каспийского водного пути, связывающего Хорезм с Колхидой по Оксу — Узбою, Куре и Фасису — Риону». См. А. С. Балахванцев. Тифлисский клад Греко-бактрийских монет и проблема Каспийского водного пути // 13 Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. М., 2005. С. 36.

Литература

Балахванцев, 2005 — Балахванцев А. С. Тифлисский клад Греко-бактрийских монет и проблема Каспийского водного пути // 13 Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. М.

Балахванцев, 2006 — Балахванцев А. С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий анализ // ЗВОРАО. Новая серия. Т. II (XXVII). СПб.

Бартольд, 1965 — Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века. Сочинения. Т. III. М.

Виноградов, 1963 — Виноградов В. Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа. Грозный.

История Народов...., 1988 — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVII в. М.

Лордкипанидзе, 1989 — Лордкипанидзе О. Наследие Древней Грузии. Тбилиси.

Лордкипанидзе, 1978 — Лордкипанидзе О. Город-храм Колхида. М.

Толстов, 1949 — Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. -Л.

Юсупов, 1984 — Юсупов Х. Археологические памятники Узбою и проблема водного пути из Индии в Каспий // Туркменистан в эпоху раннего железа. Ашхабад.

Tarn, 1985 — Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Third Edition (1984). Updated with a preface and new introduction by Frank Lee Holt. Chicago.

Vainberg, 1996 — Vainberg B. V. The Kalali-Gir II. Ritual center in Antient Khorezm // Bulletin of Asia Institut. New series IV.

КУРИЛЬНИЦЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

В слоях раннесредневековых памятников Южного Казахстана все более обычными становятся находки, связанные с культово-обрядовой стороной духовной культуры доисламского времени. Наряду с массовой бытовой керамикой при вскрытии слоев городища Сидак, например, встречаются редкие изделия не очевидного или не ясного назначения, имеющие необычные признаки.

Городище Сидак известно в археологической литературе со времен работ ЮКАЭ под руководством А. Н. Бернштама. Сотрудниками экспедиции здесь был собран подъемный материал и снят план. Подводя итоги работ 1947 г., А. Н. Бернштам отметил необычайную архаичность материалов полученных при предварительном обследовании памятника. По его мнению, ряд признаков присутствующих на керамике «говорит о чрезвычайной архаичности материала Садыката¹, о принадлежности этого городища в основном к концу I тысячелетия до н. э. и первым векам н. э., а характер материала (первой стадии существования города) свидетельствует о далеких западных и наиболее древних отблесках кангюйско-хорезмийской цивилизации» [Бернштам, 1950. С. 83]².

Очевидно, что это наблюдение А. Н. Бернштама — следствие его знакомства с результатами открытий С. П. Толстова на землях Древнего Хорезма. Но в дальнейшем, к сожалению, эта мысль не получила развития и обоснования в материалах ЮКАЭ. Понимание С. П. Толстовым глубоких исторических взаимосвязей древнего Хорезма с культурами Присырдарьинского региона (в ее нижнем и среднем течении) почти шестьдесят лет назад направило маршруты ХАЭЭ на берега древних русел р. Сырдарьи. Важнейшим следствием чего было открытие на угасших нижнесырдарьинских руслах Джетыясарской культуры, оказавшей еще не полностью оцененное влияние на этнокультурогенез не только Средней Азии, но юга Восточной Европы. В это же время С. П. Толстовым было сформулировано понятие «Аральского узла этногенеза» [Толстов, 1947. С. 308–310], которое, как показывают последующие исследования, вполне можно распространить на весь Присырдарьинский бассейн. Возможно и поэтому в 1966 г. маршрутный отряд ХАЭЭ посетил районы, прилегающие к Сырдарье от города Кзыл-Орды до района города Туркестана, обследовав более 70 поселений. Тогда же было повторно обследовано городище Сидак. Л. М. Левиной была предложена датировка комплекса подъемной керамики городища — первая половина I тыс. н. э. [Левина, 1971. С. 206–210].

Топография памятника типична для сильно укрепленных поселений возникающих в Средней Азии в античную эпоху и доживающих вплоть до раннего средневековья. Размеры основного холма (тобе), имеющего под четырехугольные в плане очертания со скругленными углами размером 340 x 180 м. Длинной осью холм ориентирован по направлению СВ-ЮЗ. Средняя высота этой части городища 7–9 м. Над ней на 4–5 м. возвышается в центральной части мощный холм «цитадели», общей высотой около 14 м. По очертанию профиля и плана холма, такие памятники среди археологов принято называть «тобе с площадкой», имея в виду основной наиболее высокий массивный холм, под которым разумеются руины фундаментальной постройки вроде замка. А на прилегающей к нему более низкой «площадке» предполагаются остатки всевозможных «служебных» построек или жилища людей, зависимых от обитавшего в «замке» хозяина.

Стационарные исследования городища на регулярной основе нам удалось организовать лишь с 2004 г. в рамках Госпрограммы «Культурное наследие». За несколько полевых сезонов на городище вскрыто более 1200 м² по уровню верхнего строительного горизонта (ВСГ) и около 600 м² по уровню СГ 3 и 4, углубившись на 3,5–4 м. При помощи стратиграфического разреза исследована структура всего культурного слоя, толщина которого составила почти 16 м. В верхнем строительном горизонте зафиксированы следы мощного пожара, от которого пострадали практически все постройки «цитадели». Комплекс находок из этого слоя позволил датировать его 2-ой четвертью VIII в. и связать с последствиями арабского завоевания края [Смагулов, 2004]. Итоги и ход раскопок неоднократно освещались в публикациях, поэтому мы можем здесь воздержаться от общей характеристики итогов работ [Смагулов, 2005; 2008; 2008 а; 2011 б]. Отметим лишь, что в ходе работ получены массовые материалы различных категорий. Наиболее массовая категория — керамика в виде фрагментов бытовых сосудов. Но среди этих фрагментов имеются и многочисленные экземпляры, которые можно отнести к культовым атрибутам и среди них так называемые «курильницы». Естественно, что из культовой атрибутики до наших дней доходят преимущественно керамические изделия. Они, в отличие от других атрибутов из органических материалов, сохраняются в культурном слое, хотя и в виде фрагментированных археологических находок.

В публикациях прошлых лет на эту тему мы констатировали существование в эпоху раннего средневековья у населения Южного Казахстана комплексов подобных атрибутов и среди них были охарактеризованы два вида керамических курильниц — «зооморфные» и «кувшинovidные» [Смагулов, 1991. С. 23–31]. В материалах Сидака теперь можно выделить две большие совокупности этих специфичных изделий, имевших, надо полагать, культовое предназначение. Первая совокупность, или группа, это «масляные керамические курильницы», а вторая группа — «чашевидные курильницы».

Масляные керамические курильницы. Широкое использование наряду с «чашевидными курильницами на ножке», служивших для сжигания/воскурения сухих растительных субстанций³, так же как и масляных сосудов-курильниц, теперь подтверждено многочисленными находками их при раскопках слоев поселений I тыс. н. э. в Присырдарьинском регионе. Необходимо отметить, что за последние десятилетия сосуды-курильницы были найдены при раскопках городищ Коныр-тобе/Куюк-мардан в Отрарском оазисе [Байпаков, Воякин, Смагулов, 2006. С. 55–56], Жуантобе на средней Арыси [Железняков, 2009. С. 62], Сидак и Культобе в Туркестанском оазисе [Смагулов, 2008 а; Смагулов, Ержигитова, 2013. С. 60–75], Куюк-Кескен-кала, Жанкент в низовьях Сырдарьи. При этом каждая находка уникальна и расширяет представление о многообразии форм этих специфичных культовых атрибутов. Формально их можно отнести к кругу культовых сосудов с перекрытым устьем и отверстием в верхней чашевидной части.

Следует пояснить, что под керамической масляной курильницей мы понимаем сосуд средних размеров с чашевидным перекрытием устья и с круглым отверстием в этой чашечке. Как показывают находки, форма тулова у такого сосуда-курильницы может быть различной, но вот этот элемент — чашечка с отверстием перекрывающая устье — обязательна и данный признак функционально определяет эту сравнительно редкую группу керамических сосудов. Исходя из формы сосудов, имеющих у них обязательных и факультативных признаков, можно предложить следующую реконструкцию их использования. Полость сосуда заполнялась каким-то горючим составом, скорее всего композитным, в верхнее отверстие вставлялся, например, ватный фитиль, накрученный прутик. Зажженная курильница помещалась на подиум домашнего или обществен-

Категория									
Маслянные курильницы V-X вв.									
Группы: фигурные			кувшиновидные		геометрические		ладьевидные		сапожки
Виды зооморфные	миксоморфные	орнитоморфные	без ручек	с ручками	цилиндрические	кубические	с верхним отверстием	с боковым отверстием	сапожки

Рис. 1. Схема упорядочивания совокупности масляных курильниц.

ного алтаря, и этот акт входил в круг ритуальных действий, связанных с жертвоприношениями предкам или богам (богу).

Сталкиваясь с новым явлением в материальной культуре, представленным обычно множеством разнородных проявлений, приходится решать, прежде всего, задачи предварительного упорядочивания множества на основе комплекса основных признаков. [Балабина, 2001. С. 15–44].

Положив в основу упорядочивания общие признаки формы тулова курильницы, мы пока можем наметить и охарактеризовать пять групп раннесредневековых масляных курильниц: 1) курильницы с фигурным туловом; 2) кувшиновидные курильницы; 3) курильницы простых геометрических форм; 4) «ладьевидные»; 5) курильницы-«сапожки» (рис. 1). Наиболее интересна группа «фигурных курильниц», куда можно включить сосуды в виде животных, птиц, а так же изделия с корпусом в виде животного с антропоморфными признаками, или миксаморфного существа на четырех

ногах (рис. 1, 1, 2, 3). Пока здесь у нас всего четыре хорошо сохранившихся сосуда, и два фрагмента, но с расширением раскопок соответствующих слоев, надо надеяться, эта группа пополнится и будет представлена типами и подтипами зооморфных и миксаморфных сосудов.

К, безусловно, миксаморфным курильницам относится экземпляр, найденный на Отраре (рис. 2). В публикациях она определялась как «сосуд-водолей с зооморфным туловом и женской головкой» [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972. С. 77, рис. 30]. Эта миксаморфная курильница, уже не единственная из имеющих антропоморфные признаки. Причем лицо, скорее «личина», с большими прочерченными миндалевидными глазами и крупным носом, обнаруживает, на наш взгляд, прямое сходство с оформлением лиц некоторых керамических/алебастровых идолов, игравших важную роль в ритуалах культа предков [Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005. С. 152–153, рис. 4, 1; 4, 3].

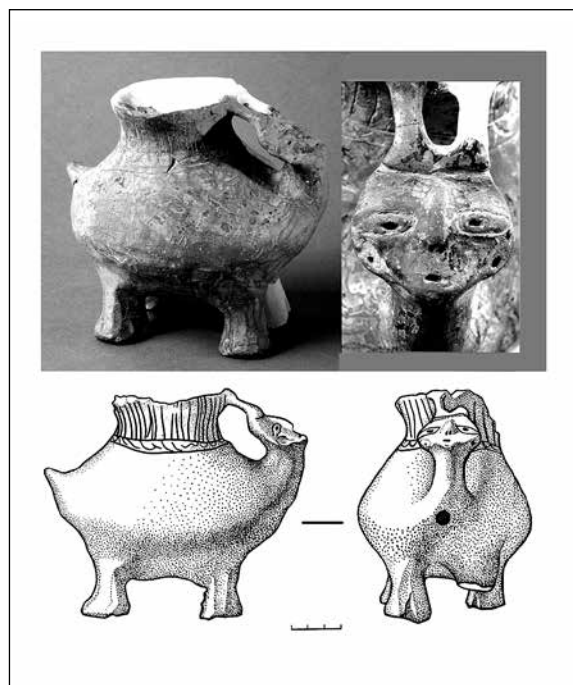

Рис. 2. Курильница из Отрара

Курильница с туловом в виде верблюда была найдена на соседнем с Отраром городище Алтынтобе (рис. 3). Высота сохранившейся части фигурки 12,3 см, длина от ноздрей до конца обломка хвоста 17,2 см, диаметр чашечки на спине 6,6 см.

По корпусу курильницы нанесен простой орнамент в виде двух зигзагообразных лент, как бы продавленных линий образующих треугольные фигуры с треугольной же выемкой в центре каждого треугольника. Этот орнаментальный мотив и техника нанесения линий объединяет «алтынтобинского верблюда» с комплексом так называемой «кангарской керамики», украшенной лентами «продавленного орнамента», а так же с зооморфной курильницей из верхних слоев соседнего городища Куюк-Мардан (Коныр-тобе) в том же Отрарском оазисе (рис. 4). Сильно поврежденная головка у последней не позволяет однозначно определить вид изображенного животного, но поднятый вверх короткий хвост и сильно раздутое туловище дают основание предположить, что и здесь изготовитель имел в виду верблюда. Корпус животного как попоной украшен продольными орнаментальными полосами, среди которых все те же треугольники с центром, акцентированным выемкой.

Как известно в древности и средневековье образ верблюда был связан с целым пластом мифологических представлений, что нашло отражение в развитии его иконографии. Известны и случаи находок керамических фигурок верблюдов в условиях по контексту аналогичных находке на Алтынтобе. Например, небольшая терракотовая фигурка двугорбого верблюда с поклажей в виде двух выючных мешков, перекинутых между горбами, найдена на Афрасиабе к западу от соборной мечети, которая была построена на месте доисламского святилища [Дресвянская, 1992. С. 104–105]. Фигурка сплошная, небольших размеров. Выступающие детали фигурки — головка и ноги — сколоты. Но видна сбруя в виде налепленного толстого валика с треугольными насечками, показывающими украшение уздечки. Такие же треугольные насечки, но чуть большего размера, украшают выюки. находка связана со временем функционирования храма (VII–VIII вв.), на месте которого была построена мечеть. Т. е. и на Алтыне и на Афрасиабе фигурки найдены в слоях синхронных с рядом расположенными культовыми сооружениями.

Учитывая особую культовую роль образа верблюда в мифологии Центральной Азии, форма курильницы с использованием этого образа не выглядит неожиданной. Вполне возможно, что фигурка верблюда, которую приподнимают на ладонях «чета согдийских божеств» на знаменитых «акбешимских бляшках» VIII в. является, на самом деле, фигурной

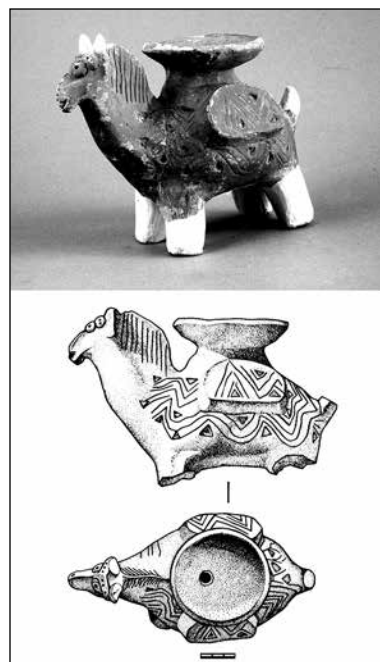

Рис. 3. Курильница из Алтынтобе (Отрарский оазис)

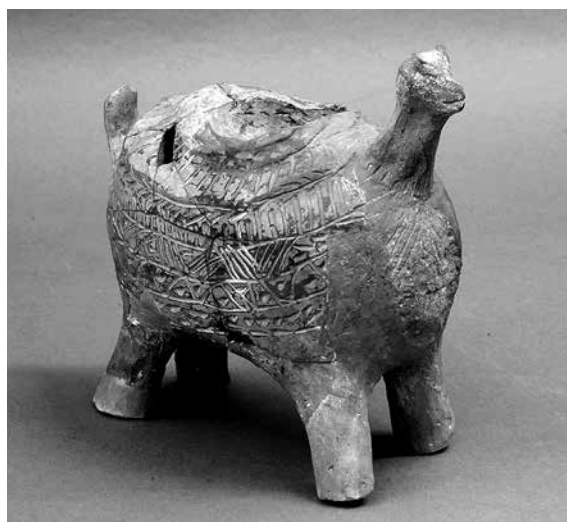

Рис. 4. Курильница из Коныртобе (Отрарский оазис).

курильницей [Памятники культуры и искусства Киргизии, 1983. С. 60]. Вероятно, живописный вариант того же сюжета (в реконструкции Б. И. Маршака) имеется среди настенных росписей пом. 28 объекта XXV Пенджикента [Беленицкий, Маршак, Распопова, 1984. С. 107, рис. 9]. Здесь так же изображена божественная пара, восседающая на престоле, опирающемся на фигуры козерога и верблюда («зооморфный трон»), а в руках они держат блюда, на которых стоят фигурки этих же животных. Культ верблюда-бактриана, распространенный среди племен средней Сырдарьи, отразился в изображениях корон и тронов правителей некоторых среднеазиатских владений, связанных происхождением с могущественной некогда державой Кангюй [Вайнберг, 1968. С. 102–122].

Коллекцию зооморфных курильниц пополняет находка великолепной курильницы в виде фигуры сидящей птицы из верхнего слоя Куяк-кескен-калы (рис. 5) ⁴. Из находок в ВСГ Сидака происходят фрагменты двух курильниц, которые из-за их фрагментарности мы можем лишь условно отнести к курильницам с фигурным туловом. От одной из них сохранилась горловина перекрытая чашечкой с отверстием и часть боковины с фрагментом рельефного орнамента (рис. 6, 1). От другой вообще имеется лишь часть горловины с характерным изломом, проходящим и через перекрывающую горловину чашечку с отверстием (рис. 6, 2). Более многочисленна группа «кувшиновидных курильниц». Отдельный вид составляют курильницы в виде небольших кувшинчиков без ручек. Раструбовидная горловина у них перекрыта на уровне венчика слегка вогнутой круглой пластиной с отверстием (1 см в диаметре) чуть сдвинутым ближе к стенке горловины. К этому типу следует отнести кувшинчик-курильницу, хранящуюся в Шымкентском областном музее. Она поступила в составе уникального комплекта культовых керамических сосудов, происходящих из района Чардаринского водохранилища. Комплект состоит из «кувшиновидной курильницы» без ручек, с устьем, перекрытым круглой чашечкой с отверстием, и трех «выпуклодонных» уплощенных чаш. Курильница покрыта темно-коричневым ангобом, по корпусу «вдавленный» орнамент. На курильнице и чашах изображен один и тот же «тамгообразный знак», в виде отходящих от круга трех лучей, конец одного луча изломан под прямым углом (рис. 7). Очевидно, что здесь мы имеем дело с редким знаком, принадлежавшим одному из жрецов (магов) в атрибутах которого были эти ритуальные сосуды. Точных аналогий данному знаку нет в известных обзорах «тамгового» материала [Яценко, 2001; Смагулов, Яценко, 2010. С. 190–221]. Но, на мой взгляд, его можно рассматривать как отдаленную аналогию, м. б. исходный «прототип» (?), т. н. «согдийскому знаку», появляющемуся в VI в. на раннесредневековых согдийских монетах.

Другой тип «кувшиновидных курильниц» несколько больших размеров и с ручками. Одна из них происходит из слоев раннесредневекового Чача, она имеет четыре ручки, оформленные в верхней части протомами горных козлов [Буряков, 1982]; фрагмент другой аналогичной по размерам, но одноручной кувшиновидной курильницы с козлиной головкой на ручке, найден на городище Коныр-тобе (Отрарский оазис) (рис. 8) [Байпаков, Воякин, Смагулов, 2006. С. 56]. Аналогичная кувшиновидная лепная курильница происходит из слоя VII–VIII вв. Канки (Ташкентская обл.) [Богомоллов, Буряков, 1987. С. 80]. На кувшине-курильнице из Жуантобе (среднее течение р. Арысь) козлиной головкой оформлен конец ложного носика (рис. 9). Интересно отметить, что на «кувшиновидных курильницах» присутствуют признаки исключительно рогатых парнокопытных животных — козел, архар, баран.

К группе «простых геометрических форм» относится «кубическая курильница» из верхнего слоя Жанкента (X–XI вв.) и цилиндрическая из Культобе Туркестанского. Жанкентская выполнена в виде куба с длиной стороны примерно в 12 см (рис. 1, 7). Боковые поверхности покрыты характерным «огузским» растительным орнаментом, а верхняя — заглублена, в ее углу сделано

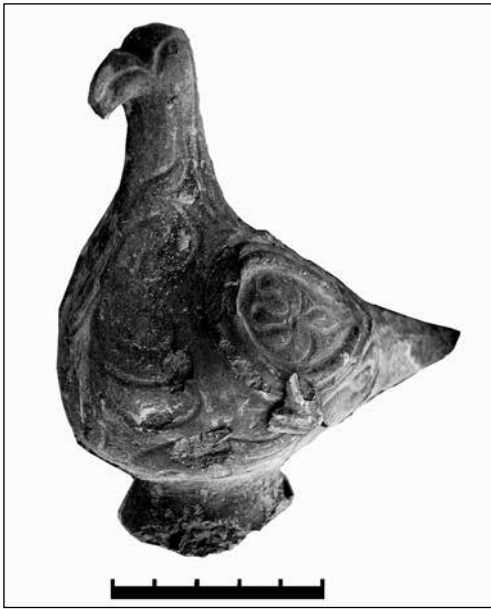

Рис. 5. Курильница из Куюк-кескен-калы

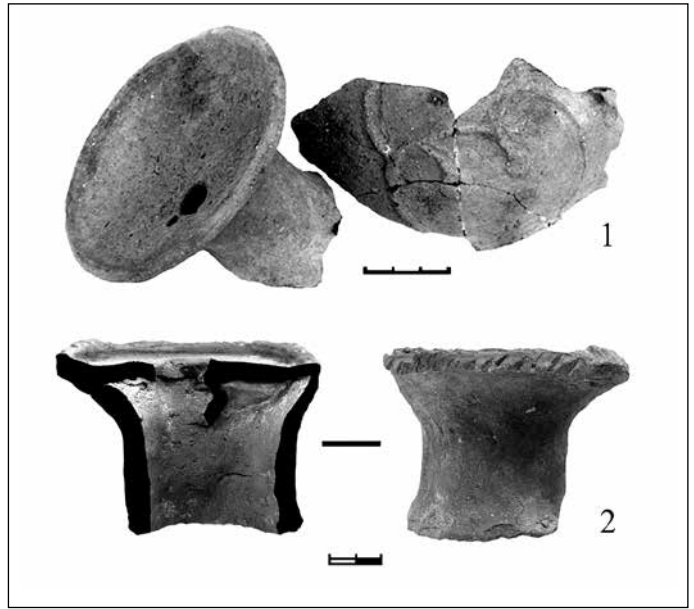

Рис. 6. Фрагменты двух курильниц из Сидака (Туркестанский оазис).

Рис. 7. Кувшиновидная курильница с тамгой из Чардары.

Рис. 8. Горловина кувшиновидной курильницы из Куюк-Мардана (Отрарский оазис)

Рис. 9. Кувшиновидная курильница из Жуантобе на р. Арысь

круглое отверстие диаметром 1,5 см. К этой же группе можно отнести курильницу цилиндрической формы из мусорной ямы слоя IX–X вв. городища Культобе в городе Туркестане. Высота сосуда 11–11,5 см, диаметр основания 7,2 см, диаметр венчика 8,5 см, диаметр отверстия 1,1 см (рис. 10). По верхней части тулова курильницы вдавленными линиями нанесен рисунок. Изображены три странного вида животных (или птицы?) расположенные друг за другом и спинами буквально вплотную к верхней линии. Рисунок на курильнице очень необычный, как по технике нанесения линий, так и по сюжету изображения. Поскольку традиционное графическое искусство Средней Азии раннесредневековой эпохи изучено крайне плохо, так как малоизвестны его образцы, то пока следует воздержаться от комментариев.

Четвертую группу курильниц представляют «ладьевидные курильницы». Сюда мы предварительно включили три известных нам экземпляра. Два из них происходят с городища Сидак (Туркестанский оазис). Из этих трех изделий, лишь находку из Жуантобе (рис. 11) можно отнести к категории масляных курильниц. Находки же из Сидака из-за больших утрат могут быть отнесены сюда лишь условно (рис. 12).

Ну и совершенно оригинальную группу (5 экз.) курильниц представляют находки из древнего Саурана/Каратобе, Ясы/Туркестана и Куюк-кескен-калы в виде «керамических сапожков». Они достаточно массивны (высотой до 15–16 см), изготовлены из плотной глиняной массы. Поверхность покрыта ангобом и продавленным растительным узором. На верхней поверхности имеется круглое «фитильное» отверстие, а по краям по два маленьких отверстия для подвешивания. «Сапожок» из Культобе/Ясы найден в мусорной яме № 2 Р 2 в 2011 г. В комплексе керамических находок из этой ямы имеется глазурованная керамика «караханидского облика». Эта поздняя яма пробивает конструкции храмового комплекса, составлявшего, очевидно, раннюю цитадель Ясы, который имеет в своем составе культовую постройку в плане в виде равноконечного креста с длинным узким помещением в перекладине по направлению запад-восток. Этот элемент храмового комплекса аналогичен так называемым «крестовидным храмовым сооружениям», изучавшимся в свое время М. С. Мерциевым в районе Тараза [Мерциев, 1966. С. 69–73; Мерциев, 1970. С. 79–92; Смагулов, Ергигитова, 2013. С. 50–75].

Курильница представляет собой массивное конусовидное изделие из плотного хорошо промешанного теста с включением песка. Обжиг равномерный до коричнево-красноватого цвета. Она покрыта красно-коричневым ангобом с лощением. Изделие высотой 17 см, диаметр верхней части 12 см. Основная верхняя часть — «голенище» высотой 13,5 см. Имеются небольшие утраты — отколот носок ступни, при этом видно, что и ступня была полый, и скол в верхней передней части «голенища» (рис. 13). «Голенище» сужается книзу и в сечении имеет круглую с небольшим уплощением со стороны носка форму. Передней части голенища придана уплощенно-угловатая форма и на боковых плоскостях широкими линиями вырезаны изображения «глаз» в виде круга диаметром 4 см с «линзовидным» контуром век (?). Края «голенища» приподняты на 1,5 см над перекрывающей устье поверхностью, в которой по краям сделаны два отверстия: большее отверстие (диаметром 15 мм) во внутреннюю полость — фитильное, и меньшее отверстие, выходящее на боковую поверхность — отверстие для подвешивания.

Ранее подобного типа изделия были известны в виде миниатюрных керамических амулетов [Яценко, Байтанаев, 2007]. Экземпляр из слоя X–XI вв. Каратобе (Древнего Саурана) даже имел сверху «фитильное» отверстие и маленькое отверстие для подвешивания [Смагулов, Ергигитова, 2009. С. 242, рис. 2, 2; Смагулов, 2011. С. 276, рис. 44, 45]. Теперь можно полагать, что эти весьма

широко распространенные амулеты имеют своими прототипами вполне реальные культовые курильницы.

Естественно, что приведенная здесь систематизация не является классификацией, а лишь этапом в упорядочивании разрозненного материала. Надеюсь, в ней отражен начальный этап процесса осмысления рассматриваемой совокупности артефактов. Важные вопросы происхождения, выяснения возможных прототипов форм курильниц, характер религии и ритуалов, в которых использовались эти атрибуты, рассматриваются пока в гипотетической форме.

Хронология. Благодаря тому, что большинство курильниц найдены в культурных слоях тех или иных памятников, можно установить их хронологию. К наиболее поздним экземплярам относятся находки из верхнего слоя Джанкента. Как известно, его верхний горизонт датируется X–XI вв. [Толстов, 1962. С. 198]. А также цилиндрическая и в виде сапожка курильницы из ям слоя IX–X вв. Культобе (Ясы) в городе Туркестане.

К более раннему времени, первой пол. VIII в., относится одна, почти целая «ладьевидная» курильница из верхнего слоя Сидака, и фрагменты двух других, которые можно предположительно отнести к «кувшиновидной группе» этих сосудов. Этим же временем можно датировать «верблюда» из Алтынтобе и курильницы-кувшинчики без ручек из Чардары и Канки.

По условию нахождения к самому раннему времени мы можем отнести фрагмент ладьевидной курильницы из наземного погребального склепа некрополя Сидака. Здесь найдены серебряная пряжка и пластинчатые накладки пояса, относящиеся по аналогии с джетыасарскими к IV–V вв. [Левина, 1996. С. 218–219].

Таким образом, можно констатировать, что масляные курильницы различных видов и форм существовали в культовой практике местных племен на протяжении как минимум шести веков, от IV–V и до X–XI вв.

Чашевидные керамические курильницы. Находки чашевидных керамических курильниц, точнее, их фрагментов при раскопках Сидака многочисленны и разнообразны. Они встречались в заполнениях помещений ВСГ на «цитадели» и на «площадке», в завалах СГ2, в заполнении двора на уровне СГ3 и 4. За все годы раскопок зафиксировано около трех десятков экземпляров. Конечно же, это преимущественно фрагменты различной величины, но из-за простоты форм этих изделий, они легко распознаются. К тому же, изготовлены они обычно из глиняной массы насыщенной шамотом, в результате чего обычна грубость и шероховатость поверхности, которую не может скрыть даже цветная ангобная обмазка. В изломе структура черепка чашевидной курильницы «рыхлая», обычно черного цвета. Этот материал слабопластичен, что, видимо, обуславливало простоту формы и скупость декоративных элементов.

Традиционно под понятием «чашевидные керамические курильницы», мы подразумеваем, в отличие от «масляных курильниц с туловом резервуаром», специальные чашевидные сосуды на ножке разной величины и формы или же вовсе без таковой. Специально вопросы функционального определения и терминологии были в свое время рассмотрены С. Б. Болеловым. Не повторяясь, отметим лишь, что в описании морфологии курильниц мы чаще используем понятие ножка = подставка по Болелову, чаша = резервуар, основание = постамент/поддон [Болелов, 1993. С. 201]. Поскольку обычно курильницы изготавливались из «рыхлого» теста, то зачастую нам достается распознаваемый фрагмент лишь в виде более массивной ножки или ее обломка. По ее форме мы можем выделить три основных типа формы курильниц: курильницы на ножке; «рюмковидные курильницы»; вотивные курильницы-плошки.

Наиболее репрезентативны «чашевидные курильницы на ножке». Все они изготовлены «ручной лепкой», иногда на вращающейся подставке. По форме ножки эту совокупность можно условно подразделить на две разновидности: курильницы на низкой массивной ножке (1), и курильницы на высокой стройной ножке (2). Опишем несколько наиболее выразительных экземпляров.

К разновидности курильниц на массивной ножке нужно отнести массивную ножку, найденную на полу помещения № 16 в застройке культового двора по уровню СГ4. Ее высота 17 см, диаметр ножки 6 см, диаметр основания 12 см. Изготовлена из рыхлого «шамотного» теста, покрыта была красным ангобом. На кольце основания имеется круглое сквозное отверстие (диаметром 12 мм). По средней части ножки и по краю диска основания нанесены со всех четырех сторон восемь оттисков одной геммы (рис. 14). Рисунок на овальном отпечатке геммы не ясен, поскольку глина, на котором сделаны отпечатки, недостаточно пластична. Отверстие в основании ножки, а также отверстия отмечены и на других экземплярах курильниц, по всей видимости, служило для их подвешивания, например, на стену культового помещения/святилища во время между ритуалами.

Стратиграфическое положение находки позволяет отнести ее к V в. В это время по всем оазисам Сырдарьи распространяются т. н. «Сасанидские геммы» в виде ложного перстня выточенные из халцедона, сердолика [Левина, Никитин, 1991. С. 52–65; Смагулов, 1992. С. 105–107]. Комплект подобных гемм был найден в синхронном слое в погребальном комплексе внутри этого же «культового двора» [Смагулов, 2008. С. 378–408]. Т. ч. видеть на ножке этой курильницы оттиски одной из таких гемм, вполне допустимо. Тем более что нам известна раннесредневековая традиция метить керамические курильницы, прочерчивая на них тамгообразные знаки. Из недавних находок отметим находку чашевидной курильницы с тамгой на ножке из раннесредневекового слоя Культобе Туркестанского [Смагулов, Ержигитова, 2013. С. 63, рис. 2]. Одним знаком отмечены упомянутые выше масляная кувшиновидная курильница и чаши-пиалы — целый ритуальный комплекс из случайных находок с городищ, размываемых Чардаринским водохранилищем, ныне хранящиеся в Шымкентском областном музее.

К этой же разновидности с массивной ножкой в нашей коллекции можно отнести еще до десятка экземпляров (рис. 15, 4, 7). Одна из них, «курильница с наколами», в отличие от прочих, вылеплена из плотного хорошо промешанного теста, в тесте только песок; в изломе серого цвета. Высота ножки 10,1 см, толщина 4,8 см, толщина основания 1,2 см, диаметр основания 8,4 см. По кольцу основания два ряда круглых наколов, нижний ряд из более крупных по диаметру наколов, по тулову ножки 9 вертикальных рядов наколов. Под полностью сколотой чашей курильницы расположен зубчатый манжет. На дне чаши сделаны пять крупных наколов, которые были заполнены алебастром. По структуре тесто плотное, без заметных примесей крупных зерен шамота или дресвы, хорошо промешанное, с примесью мелкой извести и песка, в изломе кирпично-оранжевого цвета. По этому признаку «курильнице с наколами» близка курильница с «прорезной ножкой» найденная на Р5 на нижней площадке (рис. 15, 2; 16, 1). Высота ее 19,1 см, диаметр основания 10,6 см, толщина стенок 1,3 см. Покрыта снаружи ангобом желтоватого цвета и небрежными мазками черно-коричневого ангоба. Общая высота курильницы с чашечкой могла быть 24–25 см. Чашечка предположительно была диаметром 13–14 см, высотой 4,5–5 см. Ствол ножки полый и подчетыреугольный в сечении. С каждой стороны в ножке прорезаны треугольной формы проемы. Под чашей курильницы плавный выпуклый кольцевой валик. Более сложно была видимо, профилирована ножка другой курильницы аналогичной по структуре теста и оформлению, но от которой сохранился лишь фрагмент шейки — места соединения ствола ножки и чашечки (рис. 16, 2). Обломки этих двух курильниц уникальны для керамического комплекса Сидака, но они подобны курильницам ку-

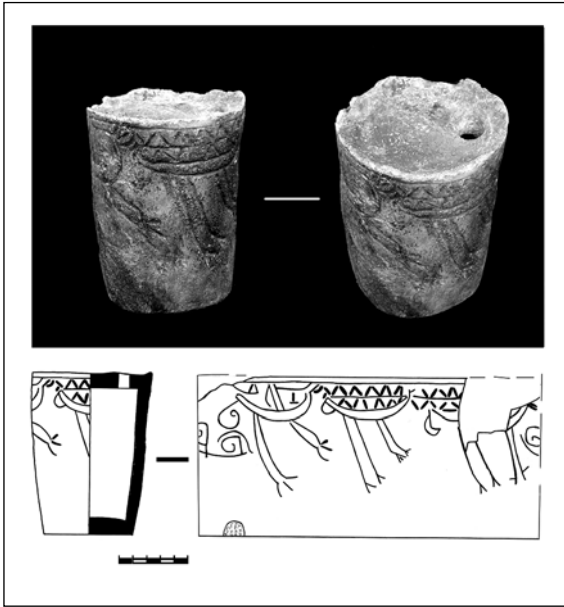

Рис. 10. Цилиндрическая курильница из Культобе (городище древнего Туркестана).

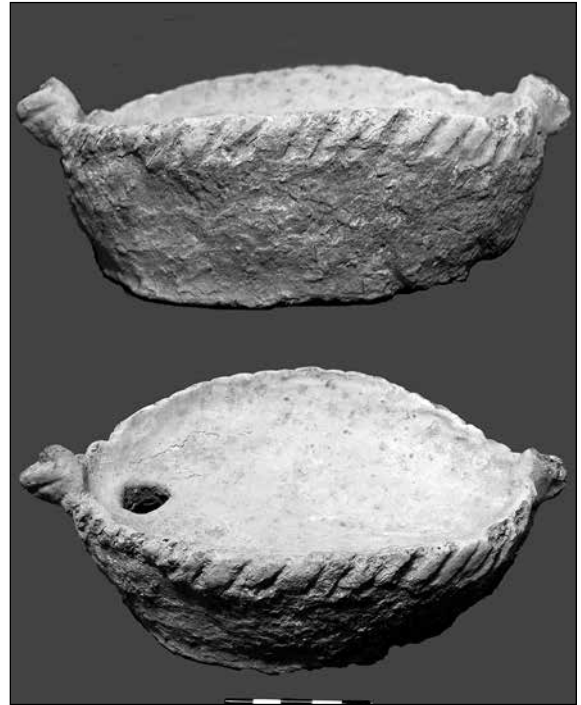

Рис. 11. Ладьевидная курильница из Жуантобе на р. Арысь.

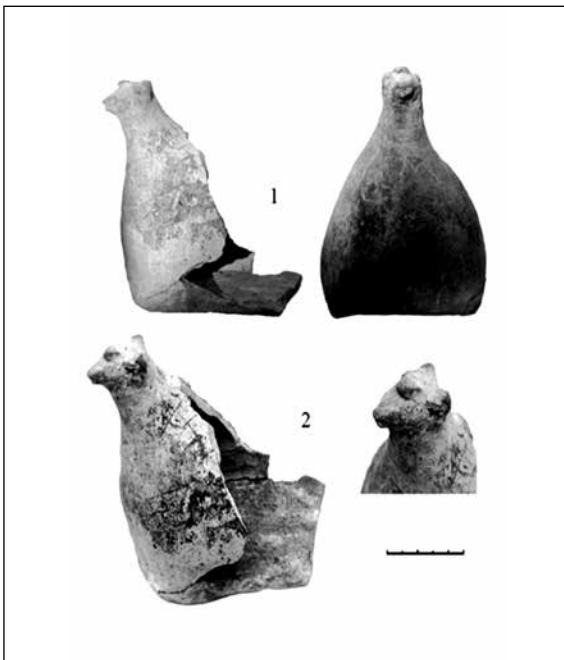

Рис. 12. Фрагмент ладьевидной курильницы из склепа сидакского некрополя.

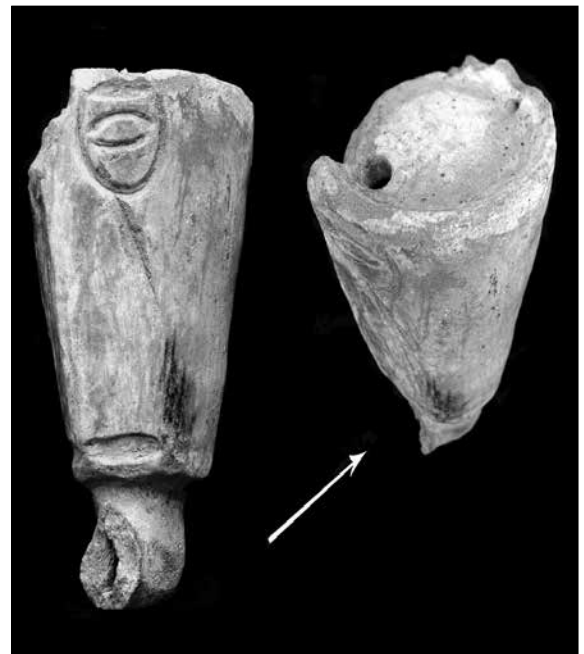

Рис. 13. Курильница-сапог из Культобе (городище древнего Туркестана).

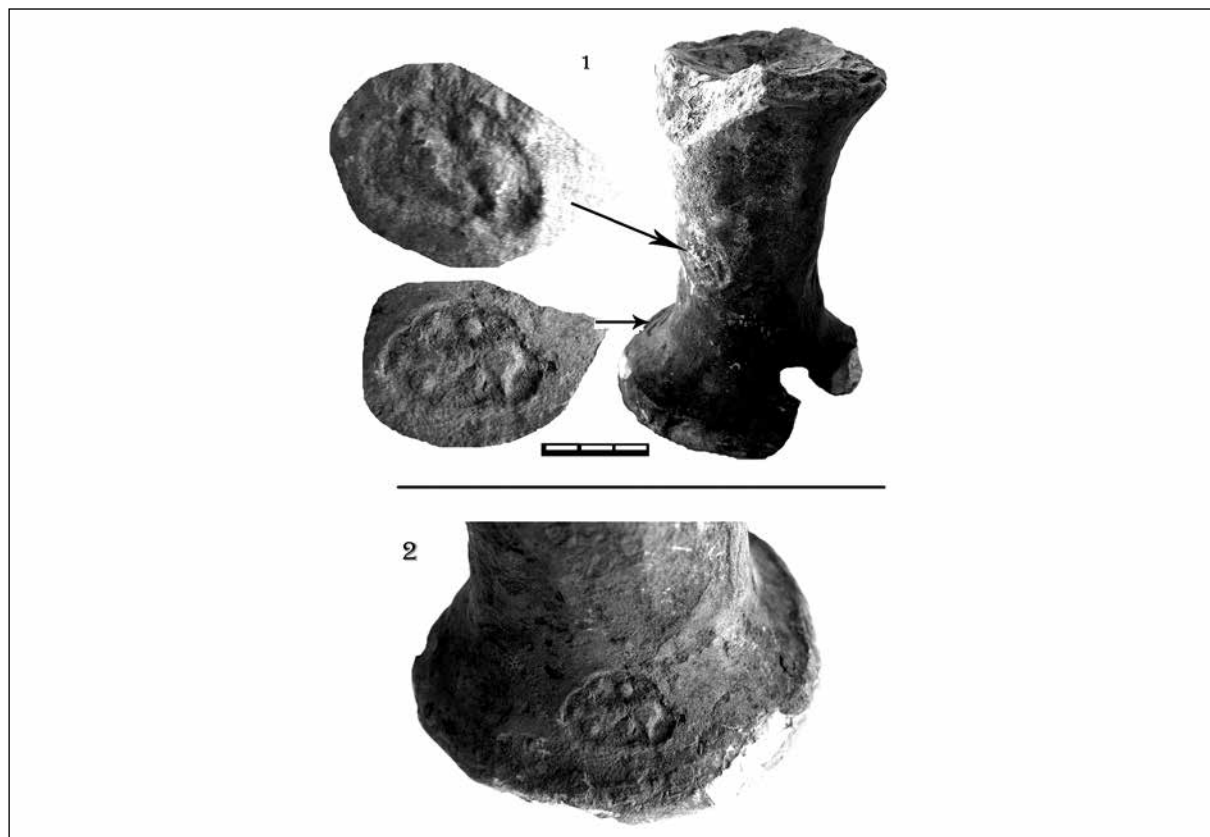

Рис. 14. Курильница на массивной ножке из культового двора Сидака с оттисками геммы.

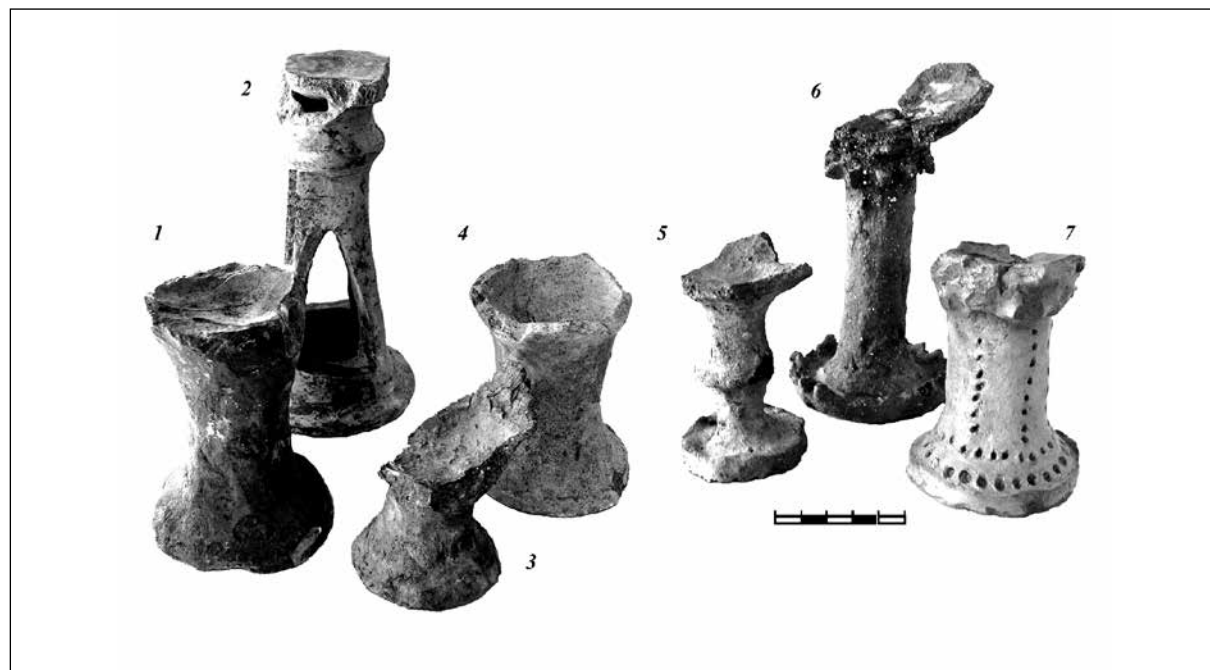

Рис. 15. Курильницы на ножках из Сидака.

шанского времени из северной Бактрии — Тохаристана, рассмотренной Г. А. Пугаченковой (рис. 16, 3, 4, 5). Ею однозначно решается вопрос о назначении этого вида курильниц: они «предназначены для возжигания священных трав и благовоний» [Пугаченкова, 1991. С. 100]. При этом подчеркнута их широкое распространение в слоях кушанского времени тохаристинских городищ. Они изготовлены из плотного хорошо промешанного теста, ангобированы, корпус вытягивался на круге. На полый ножке имеются сквозные прорезы треугольной формы. Подобные курильницы не известны в других регионах Средней Азии, но по всем характеристикам «северо-тохаристанским» курильницам с треугольными прорезями идентичны фрагменты двух курильниц с Сидака (рис. 16).

Такая форма курильницы «башнеобразной формы на полый ножке» одна из древнейших форм изделий подобного рода. В Месопотамских древних культовых центрах они известны как минимум с III тыс. до н. э. В древности и в античное время широко распространяются в многочисленных вариациях по Средней Азии. В эпоху раннего средневековья подобные формы известны по материалам раскопок, например, буддийского культового центра в Куве [Вархотова, 1990. С. 146, рис. 1, 14]. Здесь, однако, полая высокая ножка круглая в сечении и без прорезей.

Массивные основания конусообразных ножек курильниц (диаметром 13 см) с прорезями известны из раскопок интересного комплекса Коштета в Южном Согде. Прорезы на одной из ножек в виде креста послужили, вероятно, одним из аргументов, помимо прочих, для интерпретации всего этого комплекса как раннехристианского несторианского памятника. Культовый комплекс на поселении Коштета датируется концом VI — началом VII вв. [Раимкулов, 1977. С. 114, рис. 3, 3, 4].

К другой разновидности курильниц на «стройной» ножке можно отнести целый ряд разнообразных изделий (рис. 15, 5, 6). Например, одна из них имела ножку высотой (до центра дна чаши) 9 см, толщина 2,6 см., диаметр диска-основания 6,1–6,2 см. На высоте 4,5 см от основания на ножке вылеплен кольцевой манжет диаметром 4,3 см. Тесто рыхлое, с заметными включениями шамота, обжиг до черного цвета излома черепка. Снаружи курильница покрыта серо-желтой ангобной обмазкой (рис. 15, 5).

Наиболее высокая курильница из рыхлого с дрсевой теста имеет своеобразно оформленное основание ножки. Ее высота 15 см, диаметр ножки в средней части 3,6 см, диаметр ее основания 9 см. По краю кольцевого основания ножки вылеплен зубчатый венчик (рис. 15, 6; рис. 17, 1). Поясок из аналогичных зубцов опоясывал верх ножки в основании чаши. Чаша курильницы не сохранилась, но есть основания полагать, что диаметр ее венчика был не менее 12 см, а по краю венчика располагались зубцы. Фрагмент стенки чаши курильницы найден отдельно. Толщина стенки 8 мм, тесто обожжено до серо-черного цвета излома; курильница была покрыта светло коричневым ангобом, на внутренней поверхности почти сплошная закопченность до плотного черного цве-

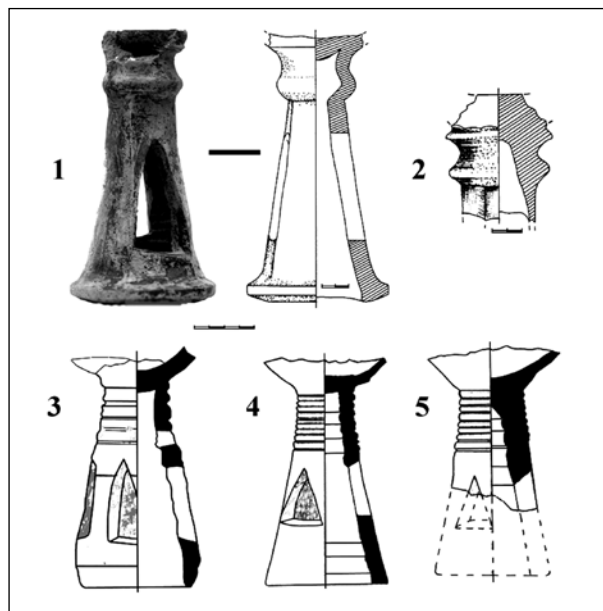

Рис. 16. «Башнеобразная» курильницы из Сидака (1, 2) и аналогии из тохаристанских памятников (3–5)

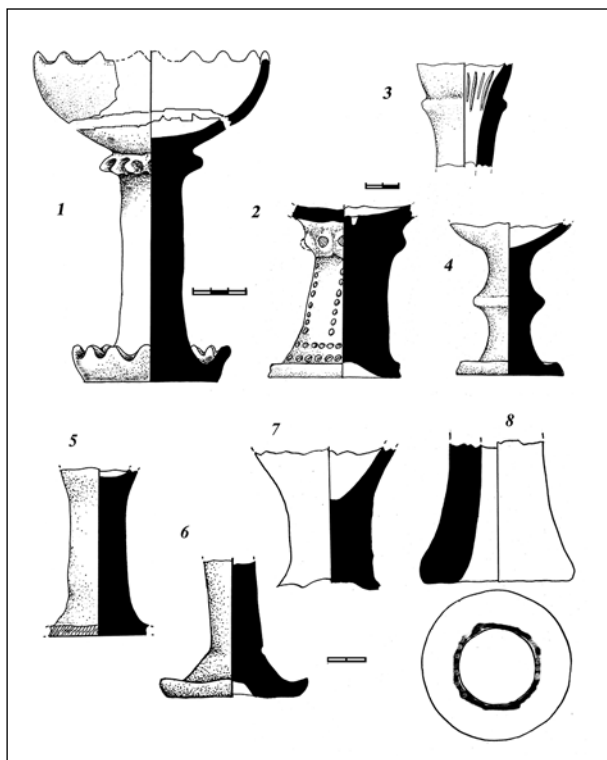

Рис. 17. Различные курительницы на ножках из Сидака

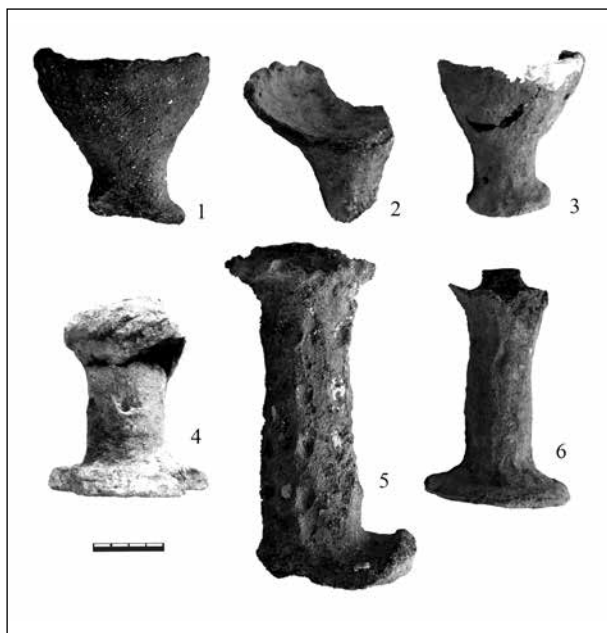

Рис. 18. Рюмковидные (1–3) и курительницы на ножках (4–6) из Сидака.

та. Зубцы, похоже, вырезаны по края венчика и потом примяты пальцами.

От другой аналогичной по характеру теста и декоративным элементам курительницы сохранилась ножка высотой 16 см. У нее не только полностью обломана чашечка, но и часть диска основания. Толщина ствола ножки 3,6 см, диаметр диска основания 9,6 см. По стволу ритмичные пальцевые вдавления, у диска основания зубчатый венчик, зубчатый поясok был сделан и под самой чашечкой курительницы (рис. 18, 5). Аналогичная по составу теста, но меньших размеров и без «зубчатого декора», найдена в СТ2 раскопа 7 (рис. 18, 6).

Описанные выше курительницы, как и большинство из найденных на Сидаке, обнаружены в слоях заполнения разных по характеру помещений. Но «комплект» из двух керамических курительниц на высоких ножках в 2011 г. найден при расчистке особого помещения жилого массива в центре цитадели на уровне ВСГ. Помещение выделяется тщательностью отделки качественной штукатуркой стен и обмазкой пола, по планировке, и по находкам. Его площадь 4,5 x 5,7 м; в обводе суф в центре пола расчищен полуовальный очаг/алтарь на подиуме; в заполнении найдены две керамические курительницы. Одна на круглой, другая на квадратной в сечении ножках (рис. 19). Это помещение могло быть центральным культовым для членов отдельного родственного клана. Ближе к входу в помещении был пристенный камин, а на полу расчищены развалы двух хумов, двух горшков и одной тагоры.

У найденных здесь курительниц как обычно чашечки полностью обломаны, но на одном экземпляре, на том, что на квадратной в сечении ножке, на сохранившихся фрагментах бортика имеются сквозные отверстия (рис. 19, 1). Высота ножки этой курительницы 12,4 см, ширина стороны ножки 2,9 см. Другая курительница, на круглой в сечении ножке, высотой 13,6 см. Диаметр ножки 4,2 см. Обе изготовлены из рыхлого «шамотного» теста с примесью извести; обжиг

до красновато-оранжевого. Покрты были желтой обмазкой, на дне чашечки второй курильницы прокаленность до черного цвета.

Интересен еще один фрагмент, надо полагать, курильницы. У нее был полый квадратный в сечении ствол ножки. По этому признаку эта курильница сближается с курильницами джетысарской культуры, для которой на всем протяжении истории были характерны курильницы именно на высоких квадратных в сечении ножках.

Таким образом, курильницы на высокой сплошной круглой ножке составляют основной тип этой категории культовых атрибутов. Они (их фрагменты) наиболее многочисленны и они наиболее выразительны. Высота этих курильниц в пределах 12–16 см. Они имели сравнительно глубокие резервуары в виде круглой чаши, венчик которой обычно украшался зубчиками. В их оформлении использовались защипы, образующие пояски или закраины в виде зубчиков. Иногда они украшались наколами или пальцевыми вдавлениями в виде лунок. Курильницы обычно изготавливались из рыхлого теста с примесью шамота, а шероховатость поверхности частично скрывалась ангобной обмазкой. Ангобы окрашивались преимущественно в цвета желто-красной гаммы. В дисках основания или стволах ножек иногда делалось сквозное отверстие, в которое, возможно, вдевалась веревочная петля, служившая для подвешивания курильницы на стену культового помещения. Назначение аналогичных отверстий в ножках курильниц из Бухарского оазиса, по мнению исследователей, «не установлено» [Культура древнебухарского оазиса..., 1983. С. 39.]. Хотя вполне можно предположить, что, так же как и в случае с афанасьевскими курильницами Сибири [Вадецкая, 1986. С. 187], эти отверстия служили для подвешивания курильниц на стенах культовых помещений, в промежутках между ритуалами, когда они не использовались.

Интересно отметить, что фрагменты аналогичных по форме курильниц на сплошной круглой ножке известны в комплексах керамических материалов из слоев III–I вв. до н. э. связанных с варварским компонентом в населении Ольвии и Березани. Однако они, почему то, названы «светильниками на высоко столбовой ножке» [Марченко, 1988. С. 102].

Другой тип курильниц можно условно назвать «рюмковидным». Их отличие от первого типа в малых размерах и почти полном отсутствии декора. А по структуре это та же чашевидная круглая емкость, но на более низкой ножке с круглым основанием (рис. 18, 1, 2, 3). Общая высота их обычно не превышает 10–12 см, а диаметр чаши не более 7–10 см.

Например, курильница, представленная на рис. 18, 2 это обычный рюмкообразный сосудик с полусферическим резервуаром на круглой ножке-основании, точно такая же находка была найдена на Актобе-1 (Чардаринское) и датирована VI–VIII вв. [Максимова и др., 1968. С. 154, рис. 22–25]. Наша полностью сохранившаяся курильница имеет общую высоту 9,3 см, диаметр резервуара 9,5 см, донца 7 см.

Третьим типом курильниц являются маленькие изделия в виде миниатюрной плошки выдавленный из одного небольшого кусочка глины (рис. 20). Иногда по бортику имитирова-

Рис. 19. Две парные курильницы из пом. 10. 2010 г.

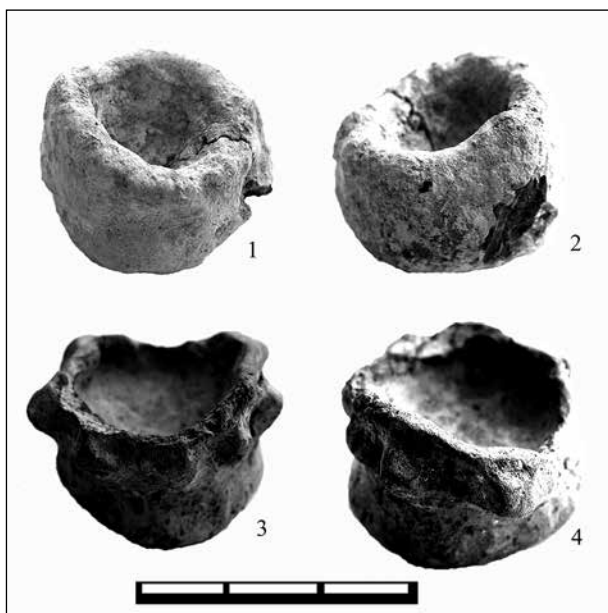

Рис. 20. Миниатюрные курильницы-плошки из культового двора Сидака

ны зубчики (рис. 20, 3, 4). С десяток таких изделий, обычно с чашечкой заполненной белесой тонкой золой, найдены на полах помещений СГЗ и 4 в «культовом дворе». Вылеплены они небрежно, наспех и являются, вероятно, votивными «одноразовыми» курильницами, которые возжигались во время обрядов поминовения предков один раз и оставлялись здесь же на месте. Их размеры обычно 2–3 см в диаметре и 2–2,5 см в высоту. В этом же ряду интересна круглая плоская керамическая плошка, вероятно, также votивная курильница. Утрачена часть бортика и выступающая с боку ручка (?). Диаметр плошки 5 см, высота стенок-бортиков 1,8 см. Вылеплена из рыхлого теста со значительным включением шамота. Обжиг полный, до светло коричневого цвета. Рассмотренные типы курильницы служили, и это доказывается находками, для возжигания неких, обычно травянистых материалов, совершаемых в контексте

различного рода ритуалов в домашних условиях или в специальных местах — храмах [Смагулов, 1991]. Находки таких изделий в Средней Азии обычно происходят из слоев поселений и погребений раннесредневекового и более раннего времени. По материалам некоторых памятников известны целые серии этих культовых атрибутов [Болелов, 1993. С. 199–223; Левина, 1996. С. 248–249]. В материалах джетыясарской культуры такие курильницы встречаются на всех этапах ее существования. Л. М. Левина в обобщенном описании коллекции подчеркивает количественное преобладание курильниц на сплошных квадратных в сечении ножках с квадратными же резервуарами (рис. 9). Для Сидакской же коллекции характерны круглые чашевидные курильницы на ножках разной высоты. Богатейшие материалы из раскопок погребальных склепов в джетыясарском урочище позволили сделать весьма интересное наблюдение, что «в тех случаях, когда, безусловно, можно считать их положение *in situ*, курильницы были установлены у ног погребенного, и число курильниц равнялось количеству захороненных в тот период в склепе» [Левина, 1996. С. 249].

В связи с разнообразием форм курильниц интересен вопрос о происхождении их керамических форм, т.е. вопрос о прототипах этих керамических изделий. В историографии по этому вопросу имеется несколько интересных мнений. Рассматривая квадратные в сечении столбы/основания керамических курильницы из слоев III–VI вв. Гяур-Калы в Мерве М. И. Филанович обосновала, по аналогии с формой керамических оссуариев, гипотезу о происхождении формы керамических курильниц от формы башнеобразных храмов огня. Существование такой архитектурной формы в планировке культовых сооружений древнего Востока подтверждает, по мнению автора, наличие высоких монолитных стилобатов в планировке, например, нисийского храма [Филанович, 1978. С. 31–43]. Сложные вопросы генезиса форм, развития и распространения керамических курильниц в контексте эволюции культовых представлений в Средней Азии, рассмотрены Р. Х. Сулеймановым [Сулейманов, 2000. С. 268–270]. По мнению автора, форма керамических чашевидных курильниц, распространившаяся в Средней Азии с первых веков до н. э., вероятно, имеет прототипом

башнеобразные алтари огня Ирана позднеахеменидского времени. Именно с парфянского времени в Иране распространяются высокие «тумбовидные алтари огня, квадратные или круглые в сечении, имитирующие по профилю колонну...». По мнению автора в эллинистическую эпоху этот тип культовой посуды, подражавшей формам башнеобразных алтарей, проник в Бактрию, Согд и потом в Приаралье, на Среднюю Сырдарью и в Фергану. Вообще же, эта форма керамических курильниц имеет свои прототипы в аналогичных культовых сосудах еще эпохи бронзы древнего Востока [Сулейманов, 2001. С. 267–268]. В этой связи стоит отметить, что курильница «рюмковидной» формы с дырочками в бортиках чаши была обнаружена нами в погребении могильника эпохи бронзы расположенного в 23 км к востоку от городища Сидак в пределах того же Туркестанского оазиса [Смагулов, Баратов, 2004. С. 75–88].

В керамическом комплексе первых веков н. э. более известном по материалам из погребальных памятников известны курильницы двух «типов» — «воронкообразные на невысокой резной ножке» и «цилиндрические с семью вертикальными ребрами и с отверстиями между ними» [Байпаков, Подушкин, 1989. С. 134]. Рюмковидные курильницы на низкой ножке массово известны и по материалам раскопок раннесредневековых памятников.

В тоже время по характерному налипному декору курильницы Еркургана сближались с аналогичными изделиями Джетыясарской культуры. К сожалению помимо самой общей характеристики в фундаментальной работе Р. Х. Сулейманова мы не найдем подробного систематизированного описания комплекса керамических курильниц Еркургана⁵. Хотя, по мнению В. Шкода, именно в храме Еркургана была сделана пока единственная в Согде находка переносного керамического алтаря огня (рис. 21, 3).

Исследовавший изображения культовых атрибутов в среднеазиатской (согдийской) художественной традиции, а также структуру пенджикентских жилищ и храмов В. Шкода предлагает именовать пристенные очаги (камины) в домах «очаг-алтарь», подчеркивая тем самым слитность культовой и бытовой функции главного очага в доме. В «парадных залах» имевшихся во всех домовладениях очагов обычно не было. Присутствие священного огня в залах при совершении определенных церемоний обеспечивалось, как полагал автор, металлическими переносными алтарями. Они состояли из конической подставки под круглой «тарелкой»/«зонтиком», по краю

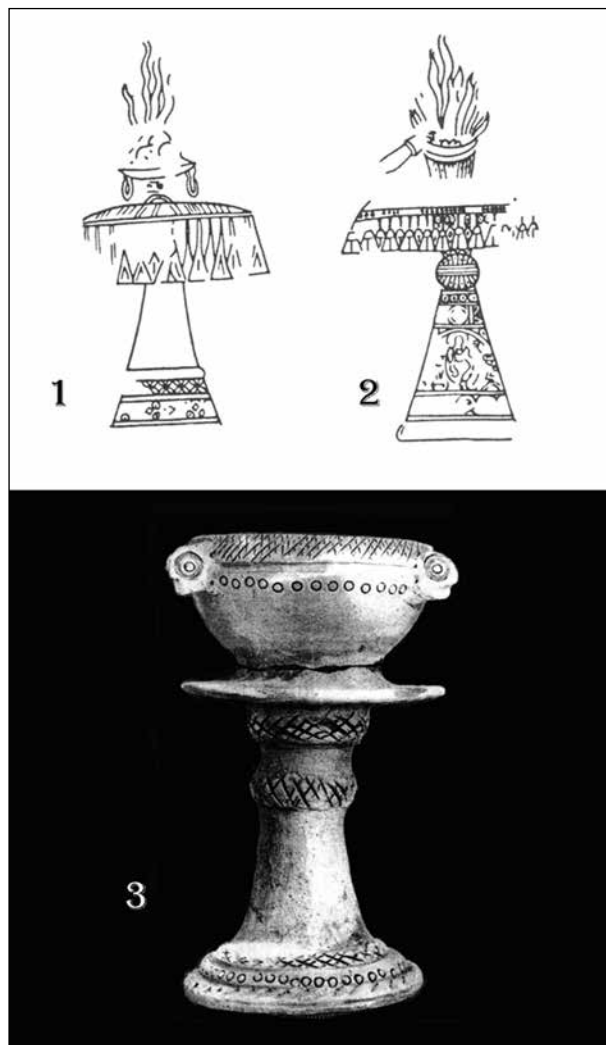

Рис. 21. 1, 2 — изображения алтарей на росписях Пенджикента (по Шкода, 2004); 3 — керамический алтарь из Еркургана (по Сулейманову, 2000)

которой подвешены бубенчики, а сверху устанавливалась собственно жаровня, в которой возжигался открытый огонь [Шкода, 2009. С. 109]. Их изображения встречаются неоднократно в настенных росписях Пенджикента, Варахши и других памятников. Из керамических подобий В. Г. Шкода, особо отмечает находку целого «алтаря» в храме Еркургана (рис. 21, 3), в котором было найдено большое количество фрагментов таких изделий.

Таким образом, автор предлагает различать «курильницы» и «переносные алтари-жертвенники». Основное их различие в том, что у алтарей на настенных рисунках изображены круглые тарелки (иначе, «зонтики») и языки пламени над верхним чашевидным элементом, чего не может быть по определению у курильниц [Шкода, 2009. С. 109]. А как же различать их керамические подобия? Если принять за идентифицирующий признак наличие/отсутствие «зонтика», то тогда можно принять зубчатые кольцевые ребра под чашей сидакских курильниц за рудимент такого «зонтика»/«тарелки». На одном экземпляре такой рудимент в виде приостренного ребра проходит посередине ножки (рис. 15, 5; 17, 4).

В нашей коллекции имеется один интересный керамический фрагмент с дырочками по краю (рис. 22). Он вполне может быть обломком края такого ребра на ножке курильницы. Отверстия служили для крепления свисающих с края шумящих подвесок, подобных тем, что показаны на «алтарях», изображенных на пенджикентских росписях (рис. 21, 1, 2). Если принять мнение В. Шкоды, что над курильницами не может быть языков пламени, а только над алтарями, что сосуд на ножке, найденный на Еркургане есть переносной алтарь, а не курильница, то тогда правомерно сидакские чаши на высоких ножках с зубчатыми манжетами, которые мы до сих пор называли

«курильницами», именовать в дальнейшем «переносными алтарями», или керамическими подобиями металлических переносных алтарей.

Из наблюдений В. Г. Шкоды следует упомянуть отмеченное им наличие скоплений фрагментов керамических курильниц или алтарей в пенджикентских храмах, скопление курильниц в храме Еркургана [Шкода, 2004. С. 108]. Добавим, что курильницы найдены исключительно в «культовых помещениях» кайрагачской «усадьбы» [Брыкина, 1982. С. 77–80], а на Сидаке 84% всех курильниц найдено при расчистке «трапециевидного культового двора».

Интересны опыты обобщения и классификации «чашевидных керамических курильниц» из памятников 1-ой половины I тыс. н. э. из Южного и Восточного Приаралья предпринятый С. Б. Болеловым. Им выделено шесть (6) типов курильниц по признакам формы резервуара, наличию/отсутствию ножки (подставки), декоративных элементов и пр. В этой классификации только первые два «типа» имеют «ножки». Причем установлена вероятная

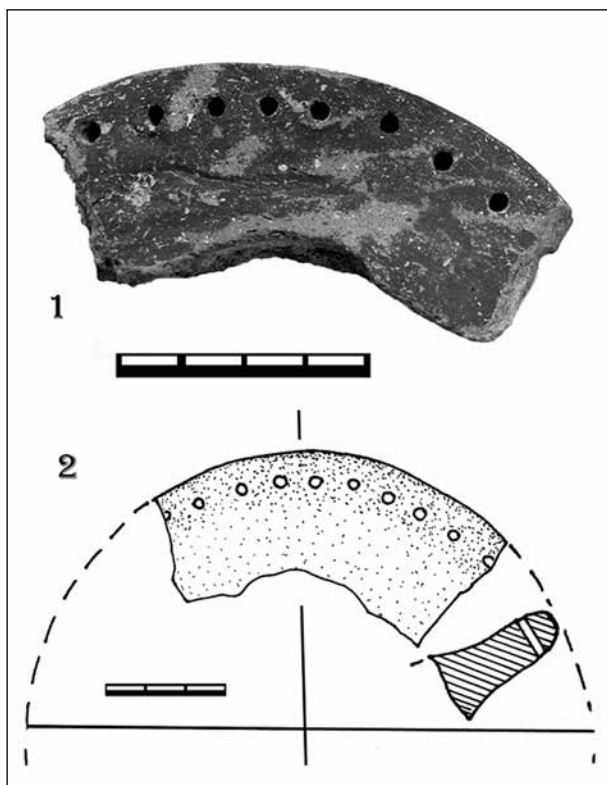

Рис. 22. Фрагмент края рудимента «тарелки» от керамического алтаря (?)

корреляция между формой резервуара и формой сечения ножки: «квадратный» резервуар при квадратной ножке, полусферическая чаша с круглой в сечении ножкой [Болелов, 1997. С. 11]. Интересен вывод о преобладании находок курильниц в погребальных сооружениях типа склепов, и об их связи с погребальным культом. В целом намеченная С. Б. Болеловым систематика⁶ керамических курильниц Приаралья с определенными поправками применима и к раннесредневековым курильницам Сидака. Здесь мы так же видим курильницы в виде полусферических/конических чаш на сплошных ножках разной высоты. Однако в количественном отношении они малочисленны (С. Болеловым учтены всего 2 экз.). Имеются и небольшие курильницы без ножек в виде простых площадок разной величины. Чаще всего они лишены какого-либо декора; изготовлены из «рыхлого» теста с шамотом, покрыты снаружи коричневой, бежевой, желтоватой обмазкой. Особо С. Б. Болелов подчеркнул сходство керамических курильниц с позднесарматскими образцами [Болелов, 1997. С. 204]. В вопросе о происхождении керамических курильниц «типа Джетыасар» автор, перечисляя возможные локализации истоков происхождения формы, на наш взгляд, так и не определился окончательно в этом вопросе [Болелов, 1993. С. 199–223]. На одной странице автор отмечает «определенную преемственность между Джетыасарскими курильницами и сакскими бронзовыми алтариками...» и тут же: «по морфологическим признакам Джетыасарским курильницам наиболее близки каменные вотивные алтарики, известные в Бактрии» [Болелов, 1997. С. 206].

При подборе аналогий, как известно, важно сравнивать предметы аналогично функционирующие. Дело в том, что по способу функционирования сакские бронзовые курильницы вряд ли можно связывать с более поздними керамическими чашевидными курильницами. Сакские курильницы скорее можно отнести к фитильным курильницам. У них горел, или курился, специальный фитиль или курительные палочки. Для этого на курильницах были специальные приспособления — трубочки-фитиледержатели. У некоторых они сохранились, как например, на курильнице (найденный в 1912 г.) с барсами, чаще они отломаны, но сохранились места их крепления, сохранились отверстия в туловищах фигурок, куда они, судя по всему, вставлялись, как например, на курильнице 1993 г. с воронами, где отверстия были в туловищах волков, или как на курильнице 1953 г. с сидящим персонажем, где отверстия были в кулаке его левой руки и в спине лошади. По нашему мнению, по способу функционирования эти курильницы сближаются, как это ни странно, с масляными керамическими курильницами, которые были распространены в комплексе ритуальных атрибутов в присырдарьинских оазисах вплоть до раннего средневековых, и исчезли лишь с укоренением ислама [Смагулов, 2011. С. 35–41]. Среди разнообразия форм подобных керамических курильниц были и с зооморфными корпусами, чаще в виде верблюда. Которые можно рассматривать как реплику образа верблюдов на одной из «сакских бронзовых курильниц семиреченского типа», полые горбы которых служили держателями фитилей, или «курильных палочек» [Артамонов, 1973. С. 42, 46]. В то время как в нескольких случаях в Средней Азии, в том числе и в Сидаке, в керамических чашевидных курильницах документировано сжигание в них некой травы.

О генетической связи сакских курильниц Семиречья и согдийских жертвенников писал еще В. А. Шишкин [Шишкин, 1963, С. 204]. Позже К. М. Байпаков так же предложил видеть прототип круглых керамических алтарей, встречающихся в домах X–XI вв. Отрарского оазиса, в бронзовых сакских алтарях Семиречья [Байпаков, 1990. С. 178–182]. Последнее очевидно маловероятно, однако тема генетической связи «сакских бронзовых культовых атрибутов» со среднеазиатскими курильницами и алтарями кангюйской эпохи еще ждет своей разработки.

Примечания

¹ Под этим искаженным названием фигурирует городище в первых публикациях, а так же Садыктепа, Садык Ата-тепа. Местное население называет холм городища по-разному, но наиболее полное и чаще используемое название — Сейдак/Сидак-ата тебе. Мы в дальнейшем используем название «городище Сидак».

² Излишнее удревление А. Н. Бернштамом начального этапа генезиса оседло-земледельческой культуры на юге Казахстана, проявившееся в предварительных публикациях материалов ЮКАЭ, было преодолено в результате углубленной проработки накопленного экспедицией материалов, а смелые гипотезы мэтра на этот счёт были определены как «домыслы» [Агеева, Пацевич, 1958. С. 70]. Однако и предложенные ими датировки во многих случаях потребовали корректировки. Это в полной мере относится к датам городища Сидак.

³ В сидакских материалах отмечено несколько случаев обнаружения в чашевидных резервуарах курильниц на ножках слежавшейся белесой золы от сгоревших растений. В отличие от зафиксированной на дне еркурганских «чашевидных курильниц на ножке» черной углистой «пленки от возжигавшихся в ней ароматических веществ». По мнению исследователей, «в них производились посвященные божеству воскурения масел и ароматических веществ». [Исамидинов, Сулейманов, 1977. С. 67–68].

⁴ Пользуюсь случаем выразить благодарность Д. Воякину, ознакомившему меня с новыми находками из Жанкента и Куюк-Кескен-калы.

⁵ Опубликованы фото трех целых курильниц и фрагменты еще 7–8 экземпляров [Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб..., рис. 179–181].

⁶ На наш взгляд процедура, результаты которой тезисно опубликованы [Болелов, 1997. С. 11–14], даже с применением статистики, так же как и наш опыт упорядочивания совокупности однородных изделий, назвать классификацией затруднительно.

Литература

Агеева, Пацевич, 1958 — Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ. Т. 5.

Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972 — Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата.

Артамонов, 1973 — Артамонов М. Н. Сокровища саков. М.

Байпаков, 1990 — Байпаков К. М. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата.

Байпаков, Подушкин, 1989 — Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. (I тыс. н. э.). Алма-Ата.

Байпаков, Воякин, Смагулов, 2006 — Байпаков К. М., Воякин Д. А., Смагулов Е. А. Городища Куик-Мардан, Алтынтобе, Жалпактобе. Алматы.

Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005 — Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы.

Балабина, 2001 — Балабина В. И. Зооморфные сосуды ранних земледельцев Европы (неолит-энеолит) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.

Беленицкий, Маршак, Распопова, 1984 — Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. Д. Раскопки городища Пенджикент в 1984 г. // АРТ. Вып. XIV. Душанбе.

- Бернштам, 1950** — Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Серия археологии. № 67. Вып. 2.
- Болелов, 1993** — Болелов С. Б. Керамические курильницы из склепов могильников Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. М.
- Болелов, 1997** — Болелов С. Б. Керамические курильницы Южного и Восточного Приаралья (первая пол. I тыс. н. э.) // Верования и культы домусульманской Средней Азии. Тез. конф. ГМВ. М.
- Буряков, 1982** — Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент.
- Брыкина, 1982** — Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.
- Вадецкая, 1986** — Вадецкая Э. Б. Сибирские древности // КСИА. Вып. 85.
- Вайнберг, 1968** — Вайнберг Б. И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера // Антропология и археология Кердера. Ташкент.
- Вархотова, 1990** — Вархотова Д. П. Керамика VII–VIII вв. с городища Кува // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент.
- Дресвянская, 1992** — Дресвянская Г. Я. Две терракоты из Афрасиаба // Времен связующая нить. Ташкент.
- Железняков, 2009** — Железняков Б. Керамика Арыси доисламского времени // NOMAD-KAZAKHSTAN, № 5 (29)
- Исамиддинов, Сулейманов, 1977** — Исамиддинов М., Сулейманов Р. Х. Комплекс ритуально-культурной керамики IV–V вв. из южного Согда // ИМКУ. Вып. 13, Ташкент.
- Левина, 1971** — Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. Москва.
- Левина, 1996** — Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. М.
- Левина, Никитин, 1991** — Левина Л. М., Никитин А. Б. Об одной группе иранских резных камней из восточного Приаралья // ВДИ, 4.
- Максимова и др., 1968** — Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата.
- Марченко, 1988** — Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во втор. пол. VII–пер. пол. I в. до н. э. Ленинград.
- Мухамеджанов и др., 1983** — Мухамеджанов А. Р., Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. н. э. Ташкент.
- Нильсен, 1959** — Нильсен В. А. Кызыл-Кыр (результаты раскопок 1955 г) // ИМКУ. Вып. 1. Ташкент.
- Памятники культуры и искусства Киргизии., 1983** — Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Ленинград.
- Пугаченкова, 1991** — Пугаченкова Г. А. Культурные курильницы Северной Бактрии // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент.
- Раимкулов, 1977** — Раимкулов А. А. Своеобразный культурный комплекс Южного Согда // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд.
- Смагулов, 1991** — Смагулов Е. А. Новые данные к реконструкции комплекса культурных атрибутов на средней Сырдарье // Известия АН Каз. ССР, сер. обществ. наук. № 5. Алматы.
- Смагулов, 1992** — Смагулов Е. А. Геммы из Отрарского оазиса // Маргулановские чтения (тезисы). Петропавловск.

Смагулов, 2004 — Смагулов Е. А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологией. Астана.

Смагулов, 2004 а — Смагулов Е. А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы, Омск.

Смагулов, 2005 — Смагулов Е. А. Исследования доисламского храмового комплекса на городище Сидак // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. Алматы.

Смагулов, 2008 — Смагулов Е. А. Сидакский культовый центр в системе межрегиональных связей // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Материалы международной конференции. Шымкент.

Смагулов, 2008 а — Смагулов Е. А. Раннесредневековый храмовый комплекс на цитадели Сидака (Средняя Сырдарья) // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в г. Суздале Т. II. М.

Смагулов Е. А., 2011 а — Смагулов Е. А. К изучению культовых атрибутов V–X вв. на средней Сырдарье // Материалы международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию независимости республики Казахстан и 20-летию института археологии им. А. Х. Маргулана. т. III. Алматы.

Смагулов Е. А., 2011 б — Смагулов Е. А. Храм предков на цитадели городища Сидак (средняя Сырдарья) // Сборник материалов международной научно-практической конференции «III Оразбаевские чтения» по теме «Казахстанская археология и этнология: современные достижения и инновационные технологии», приуроченной к 40-летию кафедры археологии и этнологии. 29–30 апреля 2011 г. Алматы.

Смагулов, Баратов, 2004 — Смагулов Е., Баратов С. Некрополь эпохи бронзы в окрестностях города Туркестана (археологические работы в 2000 году на могильнике Шербай) // Отан тарихы, 3–4.

Смагулов, Ержигитова, 2004 — Смагулов Е. А., Ержигитова А. Погребальные сооружения некрополя городища Сидак // Известия МОН РК, НАН РК, сер. общ-ых наук, № 1.

Смагулов, Ержигитова, 2009 — Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Исследования Древнего Саурана // Известия НАН РК, сер. общ. наук. № 1. Алматы.

Смагулов, Ержигитова, 2013 — Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Архитектурно-археологический комплекс цитадели древнего Ясы (Туркестана) // Археология Узбекистана, № 1 (6).

Смагулов, Яценко, 2010 — Смагулов Е. А., Яценко С. А. Знаки — нишан и сюжетные граффити V–VIII вв. на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С. П. Толстова. М.

Сулейманов, 2000 — Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Самарканд-Ташкент.

Толстов, 1947 — Толстов С. П. Аральский узел этногенетического процесса // Советская этнография. VI–VII. М.

Толстов, 1962 — Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Филанович, 1978 — Филанович М. И. Башнеобразные культовые курьельницы из Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XVI. Ашхабад.

Шишкин, 1963 — Шишкин В. А. Варахша. М.

Шкода, 2009 — Шкода В. Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб.

Яценко, 2001 — Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.

Яценко, Байтанаев, 2007 — Яценко С. А., Байтанаев Б. А. Глиняный амулет-сапожок из Сайрама XI–XII вв. // Восток-Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии (вып. 8). Казань.

ФОРТИФИКАЦИЯ ГОРОДИЩА АКШАХАН-КАЛА

Городище Акшахан-кала является одним из наиболее крупных и уникальных памятников бассейна Амударьи. История строительства городища связана, согласно народным легендам, с именем царя Акшахана. Под этим названием памятник впервые упомянут в 1912 г. русским ученым почвоведом Н. А. Димо, однако в конце 50-х годов XX столетия он вошел в археологическую литературу под названием «Казаклы-Яткан» [Ходжаниязов, 1998. С. 14–19].

Памятник был открыт в 1956 г. археолого-топографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С. П. Толстова [Андрианов, 1969. С. 135]. В 1980-х гг. городище было изучено археологами Института языка, литературы и истории КК АН УзССР. Были произведены поверхностные зачистки угловых башен, установлено наличие «внешней стены», проходившей с северной стороны городища [Ходжаниязов, 1995. С. 11; Материалы..., 1986. С. 7–8, рис. 11, 4].

Детальное обследование и научное описание данного археологического объекта было осуществлено в 1995 г. членами Каракалпакско-Австралийской археологической экспедицией [Ягодин, Хелмс, Ходжаниязов, 1996]. В течение четырнадцати археологических сезонов (1995–2001, 2003–2008 гг.) на городище Акшахан-кала было заложено шесть раскопов (I, III, VI, VIII, IX, X), три шурфа (II, V, VII) и несколько траншей. В структуре фортификационной системы Акшахан-калы выделяются Верхний и Нижний города (далее ВГ и НГ), а так же «внешняя стена», которая входила в общую оборонительную систему. Общая площадь городища определена в пределах 56 га (рис. 1).

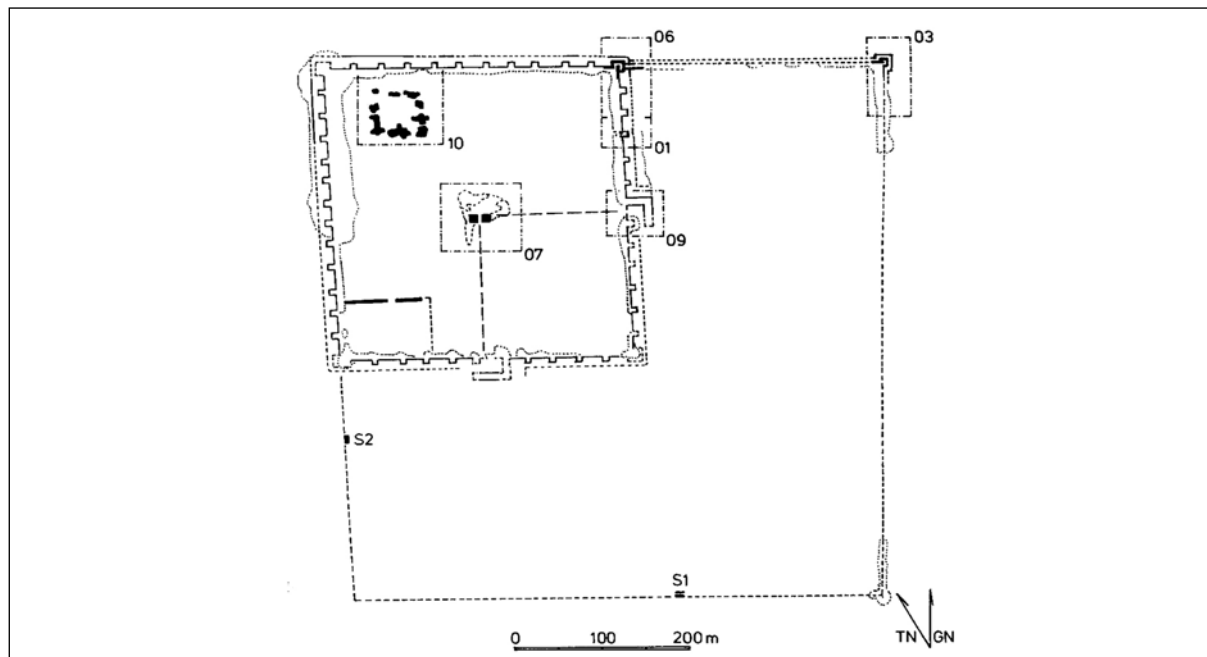

Рис. 1. Акшахан-кала (Казаклы-Яткан-кала). План

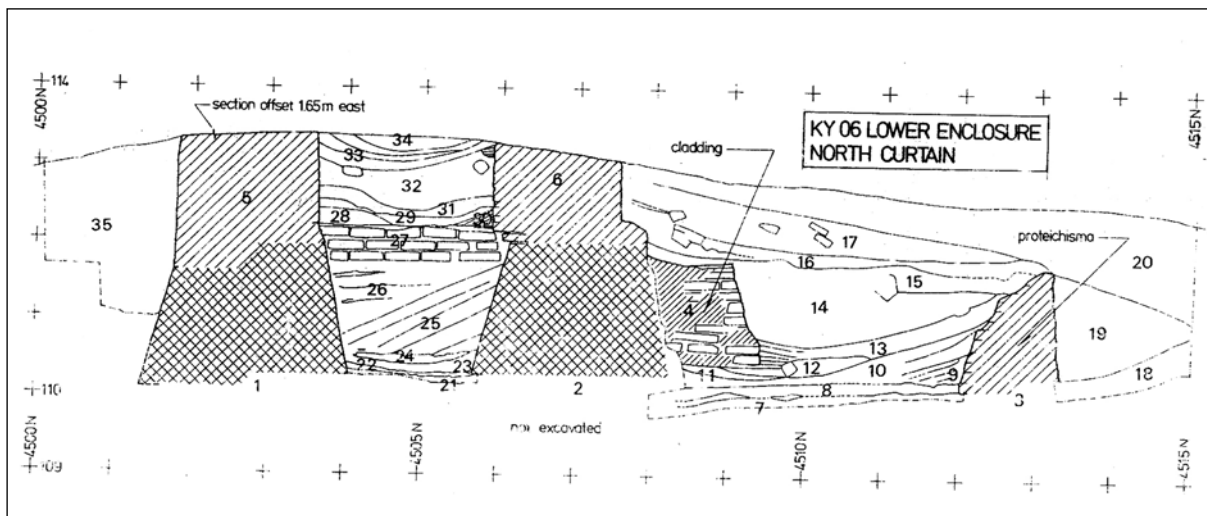

Рис. 2. Нижний город. Раскоп 6. Траншея 1. Разрез. 1–1. 1997 г.

НГ имеет в плане подквадратную планировку, углами ориентированную по сторонам света с небольшим отклонением на запад (отклонение от меридиана к западу 19°). Два участка этой стены, вскрытые на восточных в 1995 г. (Р. III) и в 1996 г. в северных (Р. VI) сторонах НГ имеют почти одинаковую толщину и включают внутрискладчатую галерею (рис. 2).

Двойные крепостные стены сохранились на высоту от 1,5 м (Р. III) до 3,2 м (Р. VI). Толщина внешней стены 1,7 м, внутренней 2,1 м. Ширина стрелкового коридора 2,3 м. Пол выложен сырцовым кирпичом (41–3 x 41–43 x 11–13 см) в три ряда на песчаном растворе. Мощность культурного слоя под полом 0,1–0,2 м. На постельной стороне почти всех кирпичей встречаются тамги — знаки в виде прямой линии, незамкнутого круга, «V», и в виде буквы «S». Цоколь представляет собой расширяющиеся книзу два ряда пахсы.

На расстоянии каждых 23–30 м друг от друга, на внешних крепостных стенах, установлены прямоугольные в плане башни. По углам городища сооружены квадратные в плане башни (11,6 x 11,6 x 4,8 м) с Г-образными в плане помещениями (Р. III) (рис. 3). Ворота НГ, возможно, находились в середине северо-восточной стены, где имеется ложбина шириной около 5–6 м.

Паховые основания внешних крепостных стен и башен были прорезаны бойницами, отстоящими друг от друга, в среднем на 1,3–1,4 м. Бойницы находятся на высоте 1,4 м от основания стены. Уклон нижнего грана бойниц незначителен и составляет всего 8° . Перекрытия их в первом ярусе неизвестны, так как стены на первом этапе были недостроены и впоследствии были заложены сырцовой кладкой, в которой были прорезаны новые бойницы. В угловой башне сохранилось пять бойниц, три из них косые.

Бойницы второго этапа были стреловидной формы (Р. VI).

Городище было опоясано протейхизмой из сырцового кирпича (41–44 x 41–44 x 11–14 см), расположенной в 3,6–4,6 м от линии крепостной стены. Толщина 1,23–1,4 м, сохранившаяся высота 0,5–1,55 м. В 10 м от протейхизмы выкопан ров (Р. III, Тр. I; Р. IV, Тр. II).

ВГ Акшахан-калы вписан в контур стен НГ и занимает весь северный угол (рис. 1). Крепостные стены его продолжают направление стен НГ. ВГ в плане подквадратной формы, углами ориентирован приблизительно по сторонам света. Чрезвычайно важным представляется установленный факт конструкции платформ крепостных стен ВГ. Изучение оснований стен дает нам возможность попытаться восстановить порядок их возведения. Сначала, на выровненной материковой поверхно-

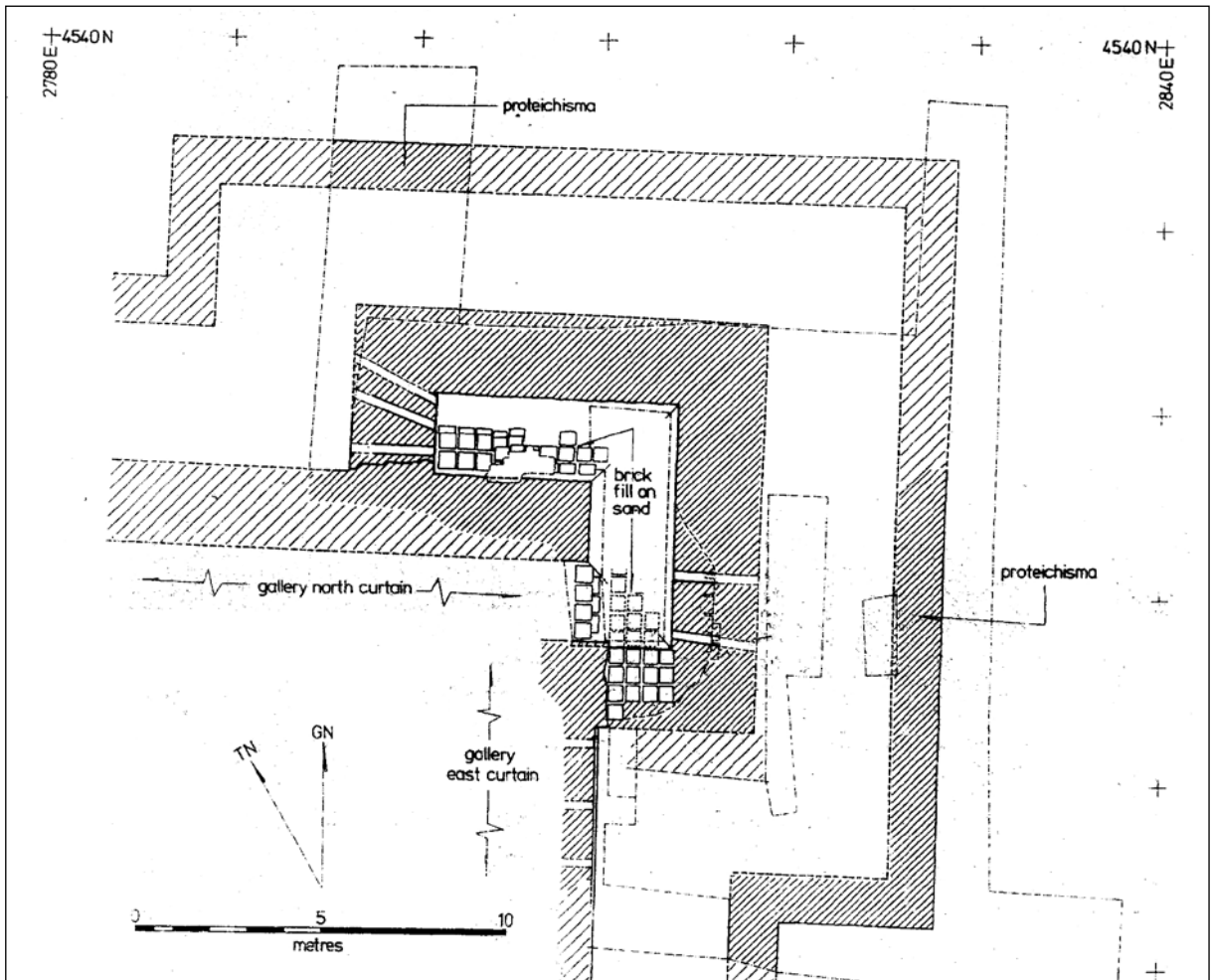

Рис. 3. НГ. Северо-восточная угловая башня. План. 1997–1999 гг.

сти были поставлены выкладки высотой в два-четыре ряда кирпича (высотой 55–70 см), затем на них были положены пахсовые блоки высотой 1,55–1,7 м. Пространство между пахсовыми блоками заполнено сырцовыми кирпичами, выполненными с применением песка. Поверх блоков была вновь уложена сырцовая кладка высотой в четыре-шесть рядов кирпичей. На этой монолитной своеобразной платформе, высотой около 3,22 м от подошвы, были возведены крепостные стены стрелковой галереи. Толщина внешней стены на уровне бойниц второго яруса 2,8–3 м, внутренней 1,9–2,5 м, ширина галереи 2,8–3,2 м. Кладка крепостных стен, как и на платформе, комбинированная — пахса чередуется с сырцовыми кирпичами.

Полем стрелковых галерей и башенных помещений первого яруса служит верх вышеназванной платформы. Мощность культурного слоя над полом местами сохранилась до 0,3 м (Р. I). Стрелковая галерея второго яруса отделялась от галереи первого яруса плоским перекрытием, гнезда балок которого расположены в стенах крепости и башнях на высоте 3,7 м от поверхности пола. Диаметр гнезда 0,16 м, глубина 0,5–0,7 м, расстояния между ними по осям 0,5 м (Р. I, VI, X, Тр. V). Крепостные стены и башни, которые сохранились местами в два яруса (Р. VI), наводят на мысль, что они были, возможно, трехъярусные (рис. 4).

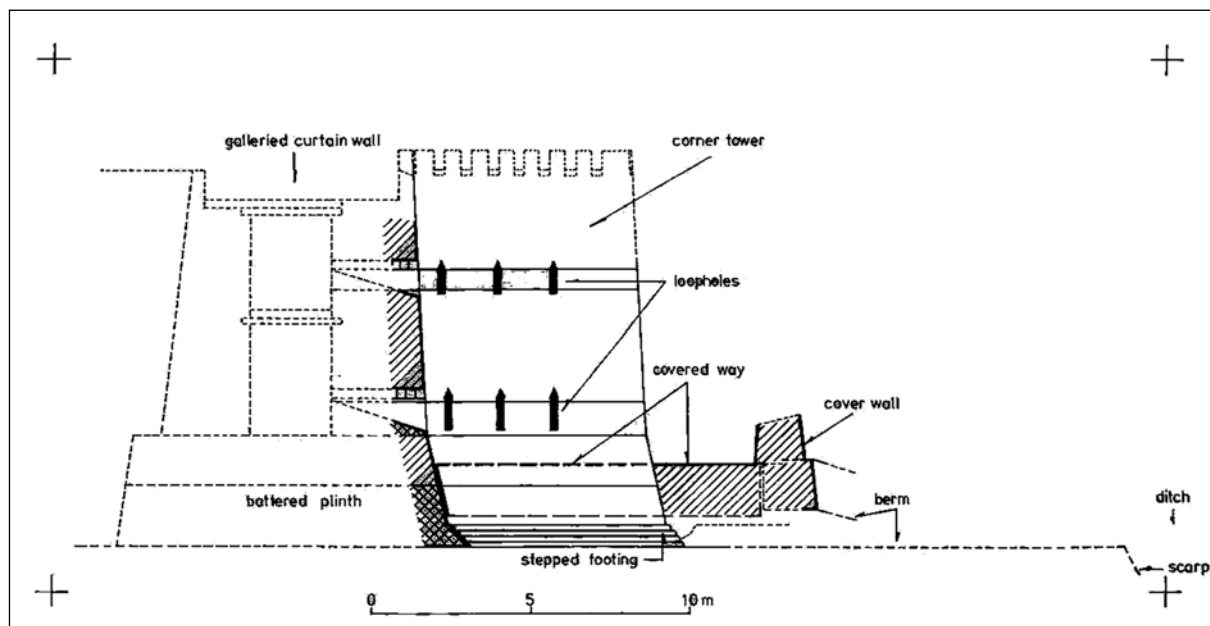

Рис. 4. ВГ. Раскоп VI. Реконструкция северо-восточной угловой башни.

На каждой стороне ВГ было по десять башен прямоугольных в плане (9–10 x 7–8 м) с внутренними помещениями (3 x 4 x 4,5 м). Величина куртин составляет 18–22 м. Все четыре угла городища укреплены башнями в плане квадратной формы. Длина стороны квадрата около 16 м. Они охватывали угол городища (рис. 5–6). Внутри башенное помещение имеет Г-образную форму (10 x 10 x 5 м). Башни сообщались со стрелковым коридором через проход шириной 0,9 м, высотой 2,4 м. Конструкция прохода второго яруса башни остается неизменной (Р. I, VI).

Внешние крепостные стены и башни прорезаны в паховых поясах двумя рядами стреловидных бойниц, расположенных в шахматном порядке между собой. Бойницы первого яруса расположены на высоте 1,3 м над уровнем пола (Р. I). Ширина 0,2–0,24 м, высота входных отверстий 0,42–0,47 м, выходных 1,25–1,35 м.

Входные отверстия бойниц второго яруса находятся на высоте около 1,3–1,4 м от перекрытия первого яруса. Ширина 0,2–0,24 м, высота входных отверстий 0,4–0,5 м, выходных 1,3–1,5 м. Расстояние между бойницами в нижних рядах в среднем 1,3 м; ширина щелей 0,20–0,22 м. Сырцовые кладки крепостных стен и башен, как на первом, так и на втором ярусах, сменяют паховую на уровне стреловидного перекрытия бойниц.

Ворота. Первоначально считалось, что ВГ Акшахан-калы имеет всего двое ворот, расположенных в середине юго-восточной и юго-западной стен [Ходжаниязов, 1995. С. 3]. Однако, обследование, осуществленное в 2003 и 2004 гг., показало наличие еще двух ворот в серединах северо-восточной и северо-западной стен. В обоих случаях читаются контуры предвратных лабиринтов. Причем, подъем к северо-восточным воротам, возможно, осуществлялся с помощью пандуса [Ходжаниязов, Хелмс, Колин, 2004. С. 213].

В 2000–2001 гг. произведены раскопки у северо-восточных ворот (Раскоп IX) [Ходжаниязов, Ягодин, Хелмс, Макларен, 2001. С. 175–181; Helms, Yagodin, Betts, Khozhaniyazov and Kidd, 2001. pp. 127–128, Fig. 12; Ходжаниязов, Хелмс, Снеддон, 2002. С. 165–171, Helms, Yagodin, Betts, Khozhaniyazov, Negus, 2002, pp. 13–16, Fig. 6–7].

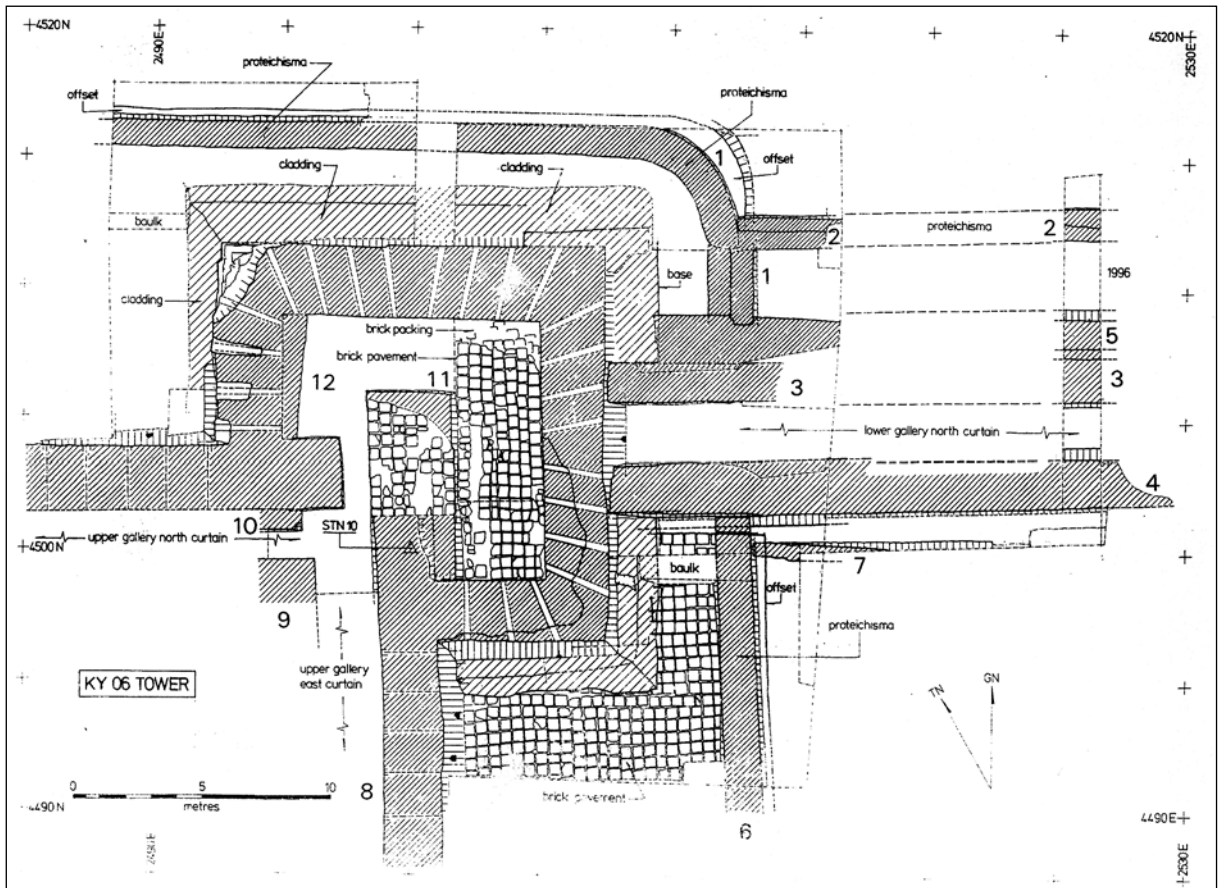

Рис. 5. Верхний город Раскол VI. План северо-восточной угловой башни. 1998–1999 гг.

Раскопками был охвачен участок предвратного комплекса с прилегающими отрезками крепостной стены. Общая протяженность вскрытой площади от 40 до 70 м, ширина от 30 до 50 м. Высотные отметки здесь сильно колеблются, достигая в наивысшем участке до 6–7 м. Лабиринт в плане представляет квадрат размером около 28 x 28 м.

Установлено, что стены лабиринта выложены из того же материала и в тех же конструктивных приемах, что и на других изучавшихся отрезках фортификационных систем города. Связь между галереями городских стен и предвратного лабиринта осуществлялась с помощью прохода шириной 0,9 м.

Предвратное укрепление представляло собой Г-образную стрелковую галерею, ограничивающую пространство с северо-востока, юго-востока и башни, которая замыкает это пространство с юго-запада. С северо-запада лабиринт ограничен стеной города, у которой в середине находятся ворота. Обе стены лабиринта (внешняя и внутренняя) образующие, по-видимому, двухэтажный коридор и входящие вместе с ним в общую конструкцию городской стены, покоятся на общем паховом цоколе — платформе высотой 1,6–2 м.

Во внешней северо-восточной стене лабиринта отмечено наличие бойницы. Бойница находится на высоте около 4 м от основания стен. Она имела сквозной проем лишь в верхней треугольной части, тогда как нижняя щелевидная часть была декоративная и заглублялась в стену всего на 0,05 м.

Одновременно с лабиринтом, перевязь с кладкой городских стен из того же материала что и конструкции была возведена предвратная башня. Она шириной около 10 м, выступает на 11,2 м

Рис. 6. ВГ. Раскоп VI. Вид на угловую башню с северо-востока.

за линию стены и включает стрелковую камеру со временем подвергавшуюся переделкам. Помещение в плане прямоугольное размером около 4,75 x 3,5 м, которое впоследствии уменьшается до 2,7 x 3,5 м. Вход в башню шириной 0,9 м из стрелковой галереи городских стен.

Проход ворот шириной 3,95 м имеет сплошное сырцовое мощение в три ряда на песчаном растворе, которое имело следы изношенности (толщина кирпича составляет 5–7 см). Проезд через него сужался за счет двух пилонов, выступающих с каждой стороны на 0,2 м и шириной 0,52 м. Въезд в город осуществлялся, по-видимому, через двустворчатые ворота. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в боковых стенах гнезда глубиной до 0,7 м и выемки от балок для их крепления на каждой его стороне.

Ниже уровня сырцового пола выявлены две параллельные пахсовые стены-цоколи: восточная и западная, общей толщиной около 10 м и максимальной высотой 1,4 м, с откосами с той и с другой стороны. Пространство между ними шириной 1,62 м (по верху) и 0,82 м (по низу), заполнено сырцовыми кирпичами (43–49 x 43–49 x 10–14 см) в 9 рядов на песчаном растворе. Пахсовые цоколи находятся на кирпичной кладке из четырех рядов, общей толщиной 0,62 м. Эти кирпичные кладки поставлены на материковый — засыпной аллювиальный песок (0,12 м). Таким образом, общая толщина проезжей части ворот Верхнего города составляет около 2,16 м, не считая сырцового пола.

В местах, где стрелковый коридор крепостной стены примыкает к проезжей части ворот, он имеет поперечные перегородки, оставляя проемы шириной 0,45 м., вероятно, для вылазки. Эти проемы с внутренней стороны были заложены сырцовыми кирпичами на глиняном растворе. Толщина закладки 0,8 м, сохранившаяся высота 1,4–2 м.

Особо следует отметить, что сырцовый пол проезжей части ворот, как показали раскопки, заложенный вдоль въезда и поперечно к нему, выходит за его пределы на восток и образует специ-

альную дорожку шириной 4,5 м. Установлено, что дорожка возникла в одно время с крепостной стеной. Высота 1,47 м, длина вскрытой части 8 м. Дорожка, согласно ее южного фаса, строилась в следующем порядке. Сначала, были поставлены на расстоянии 2,9 м друг от друга две параллельные стены из сырцового кирпича на глиняном растворе. Толщина стен 0,8 м, высота 1,47 м. Пространство между стен заполнены сырцовыми кирпичами на песчаном растворе в 11 рядов. Данная конструкция, по-видимому, специально построена для перехода через ворота в Верхний город, так как пол ворот находится на высоте 2,4 м от ее основания, т.е. от материка.

Фортификационная идея, заложенная в планировочном решении, этого самого уязвимого узла крепости заключается в том, чтобы заставить проникшего через проход в предвратный лабиринт неприятеля пройти к входу по узкому простреливаемому вдоль и по бокам, своеобразному пандусу. Дорожка, согласно стратиграфии, формируется в одно время со строительством крепостных стен Верхнего города.

Таким образом, въезд расположен посередине предвратной постройки. Пространство же внутри нее разгорожено отрезком поперечной стены, как бы создающей преграду движению и разделяющей его на два русла. Внутри предвратное пространство представляло отсек-ловушку, в которой прорвавшийся враг не смог бы свободно маневрировать и сам подвергнулся ожесточенной атаке защитников крепости.

Предвратное укрепление, как и весь город, был опоясан протейхизмой. Их два. Расстояние между ними 4–8 м.

Протейхизма. Первая протейхизма (рис. 7) расположена в 18 м от крепостных стен и состоит из двух частей (верхней и нижней). Толщина 1,4 м общей высотой 3,2–4 м. Возведена из сырцового кирпича (40–43 x 40–43 x 10–12 см), с внутренней стороны имеет вертикальную поверхность, с внешней стороны — откосы. У северо-восточного угла величина откосов составляет 20–22(чего?). Нижняя часть шириной 1,4 м, высотой 1,6 м, покоится на песчаной подсыпке (15 см). Пространство между крепостной стеной и протейхизмой было разделено на отдельные сырцовые отсеки, засыпано аллювиальным песком¹, поверху выложено сырцовыми кирпичами в три ряда, служившими полом. Этот строительный прием отмечен в раскопе I, VI, IX, и X. Отсеки были образованы за счет вертикально, иногда горизонтально, без какого-либо раствора, друг на друг поставленными крупноформатными кирпичами². Высота отсеков совпадает с высотой нижнего яруса протейхизмы — 1,6 м, ширина 3–5 м.

Верхняя часть протейхизмы высотой 1,8 м идет с отступом 0,3–0,4 м от нижней кромки, следовательно, в свою очередь, имеет такой же выступ с внутренней стороны. Следует отметить, что на поворотах протейхизмы (Р. X) отступ верхней части от нижней составляет больше, чем обычно и достигает до 0,6–0,8 м.

Вторая протейхизма была обнаружена пока только по периметру юго-восточной стены ВГ. Она поставлена в 17–18 м от крепостной стены, у самого внутреннего края рва, наверху земляного вала. Сохранившаяся высота 0,3–0,6 м, ширина 1,4 м. Вал, передние грани которого скошены, имеет ширину по основанию 7,3 м, по верху 2–3 м, высота 1,1 м.

Канавы. Вдоль внешнего фаса протейхизмы, как и у стен предвратного лабиринта, выведена канава около 1 м шириной и глубиной 0,3–0,5 м, образующая водосток для отвода дождевых и талых вод (раскоп X). На восточном участке города (раскоп VI) ширина её достигает 1,45 м.

Внешняя стена обнаружена в 1982 г. [Ходжаниязов, 1995. С. 111; Материалы..., 1986. С. 7–8, рис. 11, 4]. Детальное обследование и научное описание ее произведено в 1995 г. Каракалпакско-Австралийской археологической экспедицией (рис. 1), заложена траншея (раскоп IV, 1) [Ягодин, Хелмс, Ходжаниязов, 1996]. В 2003 г. при обследовании было установлено наличие бойниц в стене. В полевой сезон 2004 г. было продолжено археологическое изучение внешней стены, заложена еще одна траншея (раскоп IV, 3).

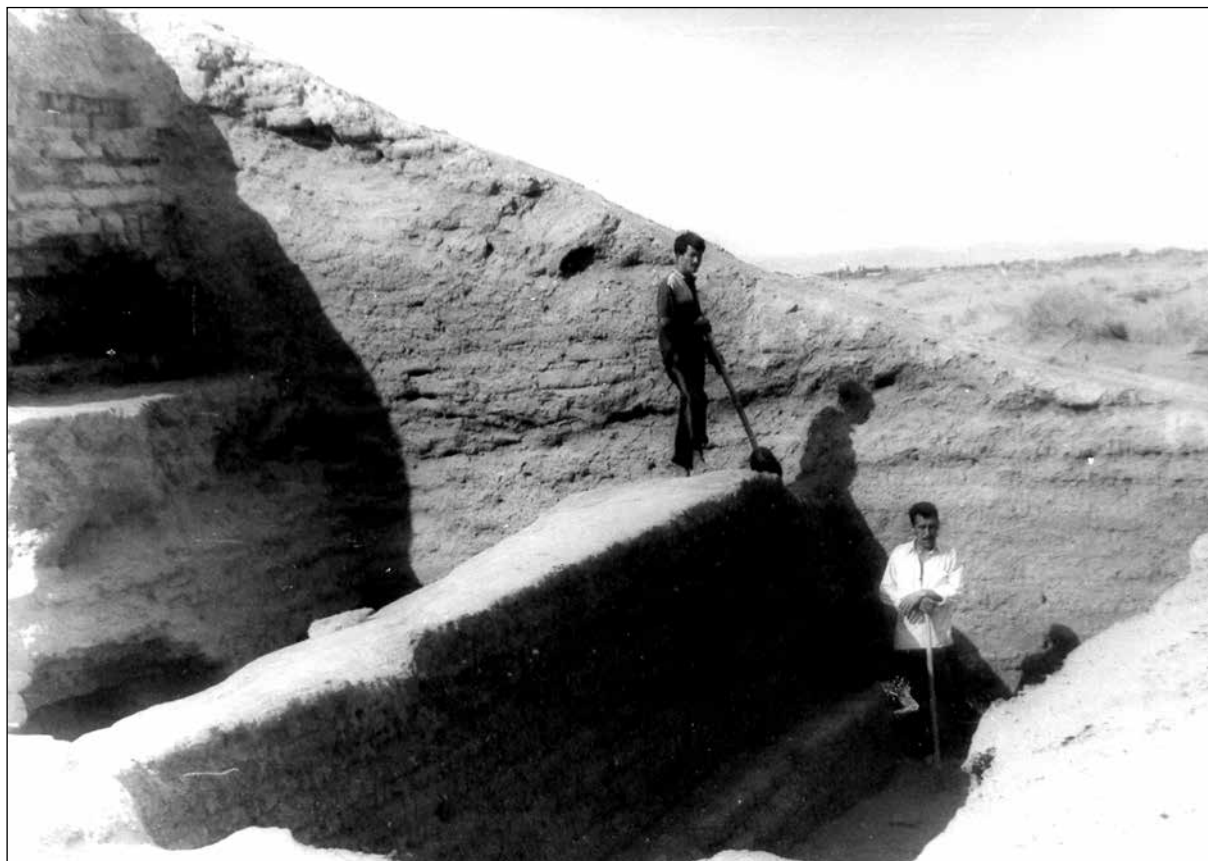

Рис.7. P.VI. Участок протейхизмы.

Установлено, что стена была сложена из крупноформатного квадратного сырца с размерами: по длинной стороне 42–43 см., толщиной 10–12 см. Можно предполагать, что толщина стены была не менее 3 м, сохранилась она на высоту 50–55 см. Стена была поставлена на слой насыпного, серого, мелкозернистого, слюдястого песка, мощностью до 20 см. Ниже залегает агроирригационный слой толщиной до 50 см.

В 10 м к западу от траншеи в раскопе IV, 3, по поверхности удалось установить наличие в стене бойниц. На участке стены длиной 23 м зафиксировано 15 бойниц, расположенных на расстоянии от 1,8 до 2,3 м одна от другой. Сохранились лишь нижние части бойниц, обмеры которых показали, что они были прямыми и имели ширину около 0,2 м и горизонтальное основание.

Принимая во внимание, что Ташкырманский канал начинает функционировать не позже V в. до н. э. мы можем предположить, что внешняя стена, построенная на агроирригационном слое, может быть датирована не ранее I–II вв. н. э. [Ягодин, Хожаниязов, Статов, 2005].

Находки. В ходе раскопок была собрана небольшая коллекция подъемной керамики и керамики из слоя. В результате получена довольно значительная коллекция керамики IV–III в. до н. э. – III–IV в. н. э. Анализируя ее, можно выделить следующие формы. Первая группа керамики представлена немногочисленными формами. Это фрагменты хумов, хумчи, кувшинов и горшков, обычные для керамических комплексов раннекангуйского Хорезма. Например, хумы с валикообразным, округлым в поперечном сечении венчиком часто отделенным от горловины четко выраженным

ребром. Короткая шейка обычно отделена от тулова рельефным валиком. Хумы подобного типа типичны для керамических комплексов раннекангуйского Хорезма [Воробьева, 1959, С. 91–95, рис. 9]. Среди керамических материалов кроме крупных сосудов встречаются кувшины, горшки, миски, чашки, бокалы, и другие сосуды. Особо следует отметить бокалы с явно выраженной массивной ножкой, на которую опирается округлое тулово. Ножки короткие, дисковидные и чуть вогнутые в середине. Аналогичные бокалы известны по материалам раскопок Калалыгыр I и II, Кой-Крылган-кала, и датированы IV–II вв. до н. э. [Воробьева, 1959, С. 109, рис. 17, 13–17; С. 133, рис. 30, 9]. Встречаются фрагменты красноангобированных кувшинов с наделом в виде оттиснутой в форме головы льва, расположенные в месте прикрепления ручки к венчику, круглой в сечении, характерной для IV–III вв. до н. э. Часто встречаются фрагменты черноглиняной керамики. Имеется также серия антропоморфных и зооморфных статуэток. Особо следует отметить буддийские статуэтки, изображающие (Раскоп IX), возможно, бодхисатв [Хелмс, Хожаниязов, Ягодин, 2000, С. 48–49], а также керамическую матрицу [Хожаниязов, Хелмс, Снеддон, 2002, С. 169, рис. 3].

Обнаружено также большое количество керамики кушанского периода. Среди находок особый интерес представляет красноглиняная терракотовая находка 2004 г. (Раскоп X, Тр. 1). Высота терракоты 3,5 см, ширина от 2 до 3 см, толщина 1–2 см. Она представляет собой голову мужчины, изображенного в шапке усеченно-конической формы. Глаза мужчины довольно большие, миндалевидной формы, со слегка обозначенным зрачком, брови рельефные. Нос, вероятно, был крупный (частично разбит). Рот изящно очерчен. Усов нет, борода короткая, обрамляющая нижнюю челюсть, чуть удлинена на подбородке.

Сохранившееся правое плечо показывает, что плечи мужчины не были широкими. Терракота рассчитана только на фронтальное обозрение, задняя сторона почти не проработана. Тесто хорошее, плотное, с примесью песка и, возможно, мелкотолченого гипса. Поверхность покрыта красным ангобом.

Не вызывает сомнения тот факт, что лицо, выполненное в реалистической манере является портретным изображением. Это лицо человека европеоидного происхождения. Аналогии в древнехорезмийском материале нам пока не известны. Однако, скульптура, обнаруженная в закладке галерей западной стены Гяур-калы Султануиздагской, имеет много общего с терракотой Акшахан-калы. Она выполнена в виде головы мужчины в шапке усеченно-конической формы [Рапопорт, Трудновская, 1958, С. 364–365, рис. 10].

Датировка. Анализ керамики, радиоуглеродные данные, строительные материалы и фортификационные системы показывают, что строительство велось последовательно (сначала ВГ, потом НГ) в течение IV–III вв. до н. э. – III в. н. э. В начале IV в. н. э. город прекращает свое существование. Материалы исследовательских работ позволяют выделить в истории развития фортификации Акшахан-калы несколько относительно-хронологических периодов. В настоящее время их четыре.

Первый период связан с освоением территории города. Нижняя дата ВГ, исходя из радиоуглеродного анализа (KYarea 07 — mausoleum, 275 — 54 BC). Таким образом, пока устанавливается дата III в. до н. э. Этот период ознаменован возведением крепостных стен с обводным коридором ВГ. Образцы (С5), взятые с пола первого яруса стрелковых галерей (Р. I) дают калиброванную дату 156–52 гг. до н. э. [Helms, Yagodin, Betts, Khozhaniyazov, Kidd, 2001, pp. 128, 137]. Возможно, в конце первого периода начинается строительство крепостных стен НГ.

Второй период ознаменован усилением оборонительной системы, возведением протейхизмы, возведением храма ВГ. Начинается, вероятно, возведение крепостных стен НГ. В конце второго периода город, возможно, пережил осаду, произошел крупный пожар и последующие разрушения. На это косвенно указывают следы пожара и проломы в раскопках I, VI и IX. Согласно радиоуглеродным анализам

из раскопа I, пожар произошел в 156–52 гг. до н. э. (Р. I) [Helms, Yagodin, Betts, Khozhaniyazov, Kidd, 2001, pp. 128, 137]. Не исключено, что строительство НГ было приостановлено в связи с пожаром ВГ.

Третий период связан с восстановительными работами оборонительных систем ВГ: проводится сырцовая обкладка крепостных стен (Р. I, VI, IX, X), забутовка первого яруса стрелковой галереи и помещений башен³, пояс обороны переносится выше на второй ярус (Р. I, VI); строятся новые протейхизмы; появляются обводные стены храма. Дата приставной стены определяется 41 г. до н. э. — 73 г. н. э. Образцы (СЗ) взятые из закладки стрелкового коридора (Р. I) дают калиброванную дату 22–110 гг. н. э.

В рассматриваемый период в НГ, возможно, производится закладка недостроенных крепостных стен и башен, превратившая их в платформы для новой крепостной стены, возводится протейхизма.

В четвертый период появляются отдельные отсеки на втором ярусе стрелковых галерей, бойницы частично закладываются изнутри, строятся новые протейхизмы.

Таким образом, на основе накопленных к настоящему времени и новых археологических материалов, можно говорить о четырех периодах жизни оборонительных сооружений города. Первый период связан с освоением территории, вероятно и возведением крепостных стен с обводным коридором Верхнего города на насыпном песке. К этому периоду относится ров, как сырьевой источник для строительства крепостных стен. Древние культурные наслоения и крепостные стены обнаружены и подвергнуты изучению на раскопках I, VI, X, [Ягодин, Хелмс, Ходжаниязов, 1996. С. 103]

Второй период ознаменован усилением оборонительной системы, возведением протейхизмы первой очереди ВГ. В рассматриваемом периоде вдоль наружных стен города, в том числе предвратного лабиринта, была прорыта узкая канавка, служившая отводом для результатов атмосферных осадков, скапливавшихся у стен, возводится храм, возводятся стены НГ.

В третий период вводится вторая очередь строительства протейхизмы Верхнего города, появляются плац-площади по внешнему периметру крепостных стен (уровень пола был приподнят на 1,75 м (1,6+0,15 м), появляются обводные стены храма.

Четвертый период связан с восстановительными работами оборонительных систем Верхнего города: вводится сырцовая обкладка (Р. I, VI, IX, X), производится забутовка первого яруса стрелковой галереи и помещений башен, пояс обороны переносится выше (раскоп I, VI). Мощный цоколь, образовавшийся в основании стен, был менее уязвим для таранов, а центр тяжести фронтального обстрела переносился на верхние ярусы обороны на валганг и верхнюю стрелковую галерею.

Характеристика фортификации Казаклы-Яткана (Акшахан-калы) Данные, полученные в результате раскопок 1995–2008 гг. представляют большой интерес и дают возможность не только внести целый ряд уточнений, но и переосмыслить уже известные факты, а иногда по-новому их интерпретировать.

Внешняя стена. К первой из искусственных преград относится внешняя стена. Она для военной архитектуры древнего Хорезма явление уникальное. Внешняя стена ограничивала один из внутренних, по-видимому, столичных районов древнего Хорезма, который отделяет сельскую округу города, вероятно, куда кроме столичного района Акшахан-калы входили округ с такими городищами, как городище Пиль-кала, Кят, Кара-тобе, Ташкырман и др. Это, пока первый и единственный случай подобного рода стен в древнем Хорезме. На других территориях древнего Хорезма аналогичные стены обнаружены не были.

Что касается другой древнехорезмийской «длинной стены» (так называемого «Дэвкескенского вала»), то как уже стало известно, она является пограничным сооружением, прикрывавшим северо-западные рубежи земледельческого Хорезма со стороны воинственных скотоводческих племен, кочевавших по обширным просторам Арало-Каспия [Ягодин, Ходжаниязов, 1986].

Аналогичные районные или длинные оазисные стены известны в ряде других историко-культурных областей древней Средней Азии. В Бактрии, например, аналогичное сооружение описано как стена Балхского оазиса длиной до 60 км. Стена была прорезана стреловидными бойницами [Кругликова, 1974. С. 10–11]. Она окружала древний Балхский оазис, являвшийся наиболее крупным и богатым из прочих оазисов Бактрии и формировался вокруг древней столицы Бактрии — города Бактры [Кругликова, Сариниди, 1976. С. 15].

Другим примером подобного древнего сооружения является так называемая «стена Антиоха Сотера» в древней Маргиане, длина которой составляет от 236 до 250 км (первая половина III в. до н. э.). Были обнаружены отдельные участки этой стены протяженностью до 50 км., сохранившиеся в виде вала [Вязигин, 1949. С. 260, 268].

Стена вокруг древней Нисы прослежена на протяжении более 2,5 км. Она, согласно керамике в пахсе и пахсовом оплыве, датируется первыми веками н. э. «парфяно-кушанским периодом» [Давидович, 1949. С. 191–196].

Таким образом, все приведенные примеры показывают, что такого рода оазисные стены являлись, несомненно, оборонительными сооружениями, служившими для защиты определенной территории. Само выделение подобных территорий и наличие в их центрах древних крупных городов свидетельствует об исключительно важном значении этих территорий, которые или являлись столичными районами, как это установлено в Бактрии, или районами нахождения крупнейших городских центров [Ягодин, Хожаниязов, Статов, 2005].

Ров. Ко второй линии обороны города относится ров, который был зафиксирован в трёх участках ВГ (Р. VI, IX и X, 5) и в одном участке Нижнего города (Р. III).

Во время раскопок предвратного лабиринта у восточных ворот (Р. IX) в 2000 г. был частично вскрыт ров, глубиной до 2,5 м. На его внутреннем крае обнаружена искусственная земляная насыпь, образовавшая вал. Ширина вала по основанию 7,3 м, по верху 2–3 м, высота 1,7 м. Внешние и внутренние поверхности вала, как пахсовые цоколи крепостных стен, имеют откосы. Вал находится, как и первая протейхизма, на надматериковом слое.

В раскопе X (Тр. 1), заложенном через северо-восточные стены в 2004 г., обнаружен внешний и внутренний край рва. Ров прорыт в 13,5 м к северу от протейхизмы. Ширина рва около 34 м. Раскопки его, к сожалению, до конца не были доведены из-за близости грунтовых вод. Поэтому, работы были приостановлены на глубине около 1,5 м. Следует отметить, что во всех трех случаях, ров был заполнен надувным песком.

Интересно отметить, что на внутреннем краю рва, как в раскопе IX, зафиксирован земляной вал. Высота 1,9 м., ширина 9,2 м.

Внутри рва обнаружены немногочисленные маловыразительные фрагменты тонкостенных и толстостенных сосудов с красным и красно-коричневым ангобом. По качеству фрагментов и ангобу их можно датировать IV–III вв. до н. э. – II–III вв. н. э. Ров сооружен, согласно керамического материала, в раннекангюйский период. Но он был использован, вероятно, в период существования города.

В 1,5 м к северу от протейхизмы зафиксирован вырытый в материковом лёссе ровик, в виде неглубокой канавки (Р. X, Тр. 1). Ширина около 1,5 м, глубина 0,2–0,25 м. Аналогичную картину по периметру внешнего фаса протейхизмы, но меньшего размера, раньше были зафиксированы нами в раскопах VI и IX.

Как свидетельствуют археологические работы, почти все укрепленные сооружения древнего Хорезма, возведенные на равнине, были обведены рвами. Ров Акшахан-калы, по размеру, является самым большим, нигде более, таких размеров ровов в Хорезме пока не зафиксировано. В городище

Кой-крылган-кала, ширина рва, охватывающего по окружности все сооружение, составляет около 15 м, глубина до 3 м [Кой-Крылган-кала, 1967, С. 306]. В городище Топрак-кала ров, который проходил на расстоянии 15 м от стен, имеет размеры: в ширину 16,5 м, в глубину 2,5 м [Городище Топрак-кала, 1981. С. 71]. Они известны в Акшахан-кале, Эрес-кале, Базар-кале, Ичан-кале, Хазараспе, Пиль-кале, Топрак-кале (25 м).

Основной строительный материал — глина добывался тут же из рва, который во время строительства служил, карьером, а затем был заполнен водой из канала и входил в систему фортификации.

Для сообщения с внешним миром через ров были установлены мосты, которые ночью поднимались, а утром опускались. Остатки таких мостов обнаружены в Дэвкескен-кале.

Кроме основного рва, был обнаружен маленький ровик. Он, вероятно, предназначался для отвода дождевых и талых вод.

Протейхизма. Следующая линия оборонительных систем представлена протейхизмой⁴, которая опоясывала ВГ и НГ. В Хорезме наиболее раннее применение протейхизмы отмечено на городище Хазарасп [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963. С. 190, рис. 17–18]. Они применялись для защиты таких хорезмийских городищ как Кой-Крылган-кала [Кой-крылган-кала, 1967. С. 72], Топрак-кала Хивинская [Лапиров-Скобло, 1969. С. 414], Миздахкан [Ягодин, 1968. С. 72], Топрак-кала Шаватская, Большая Айбугир-кала, Ичан-кала, Каладжик [Мамбетуллаев, 1994. С. 8, 12, 14, 15], Бурлы-кала [Манылов, Хожаниязов, 1981. С. 41], Большая Кыркыз-кала, Кургашин-кала, Акшахан-кала, Ангка-кала [Хожаниязов, 1984. С. 40; 1986. С. 7, 14; 1986 а. С. 58; 1995. С. 3].

В Акшахан-кале этот вопрос решен несколько иначе. Древние хорезмийские полиоркетки, возможно, понимали, что такая высота, как в Хазараспе, создает значительное мертвое пространство, к тому же приходящееся на ров и сводящее поэтому к нулю оборонительное значение протейхизмы. Чтобы избежать этого в фортификации Акшахан-калы применили новый подход. Здесь протейхизму поставили не на внутреннем краю рва, как обычно, а подальше от него. Она находится почти посередине между рвом и крепостной стеной. Этим новшеством полиоркетки не ограничились. Прямо по внутреннему краю рва возведен дополнительный вал, формировавшийся, по-видимому, за счет расчистки рва. Его высота составляет от 1,1 м (Раскоп IX) до 2 м (Раскоп X), ширина соответственно по основанию 7,3–9,3 м и поверху 2–3 м. Их боковые грани скошены [Хожаниязов, Хелмс, Снеддон, 2002. С. 168–169]. Протейхизму иногда строили за внешним краем рва. Такой вариант известен в Топрак-кале Шаватской (IV–III вв. до н. э.) [Мамбетуллаев, 1986. С. 15].

Подобные стены, как элемент фортификационной системы, не зафиксированы в архаическом периоде. Они появляются и получают широкое распространение в архитектуре Хорезма, начиная с раннекангюйского периода [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963. С. 190–191]. Известны в таких памятниках того времени, как Большая Айбугир-кала, Кургашин-кала, Топрак-кала Хивинская, Хазарасп и др. В V–VI вв. этот прием исчезает, на смену песчано-кирпичным приходят сплошные глинобитные цоколи [Толстов, 1948 а. С. 175]. В конце данного периода город, по-видимому, пережил осаду, на что косвенно указывают следы сильного пожара и проломы в крепостных стенах, башнях и воротах (раскоп I, X).

В древнехорезмийской фортификации для усиления оборонительных свойств крепостных стен применялись и другие более обычные приемы. В кушанский период в некоторых раннеантичных укреплениях Хорезма, крепостные стены были обведены новыми стенами, охватывающими, как панцирь, старые. При этом внешняя стена была сложена частично, а иногда полностью заново, под внутреннюю использовались внешние стены первого периода (Хазарасп, Кой-Крылган-кала, Дэвкескен и др.) [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963. С. 185–186; Кой-Крылган-кала, 1967.

С. 47, 293–294]. Аналогичный прием выявлен и на позднекушанском памятнике Топрак-кала [Городище Топрак-кала, 1981. С. 57].

Стрелковые галереи крепости в связи с подобными своего рода реконструктивными работами, иногда превращались в отдельные замурованные отсеки [Мамбетуллаев, Маньлов, 1977. С. 53]. Это своеобразный конструктивный прием, настоятельно рекомендованный Витрубием, обеспечивал сохранность в случае неравномерной осады.

Крепостная стена. Важнейшим местом в системе обороны является крепостная стена, которая служит не только преградой, но и является основным боевым рубежом. Устройство ее состоит из ряда существенных элементов фортификации, в частности: цоколь, сама стена, валганг, парапет, пилястр, контрфорс, бойницы, башни, ворота и др.

Наиболее специфичной для военного зодчества древнего Хорезма является двойная стена с межстенными стрелковыми галереями. Высота стен достигает от 10 до 20 м (в отдельных случаях, еще выше), толщина от 5 до 10, иногда до 14–15 м. Внешняя стена всегда были толще внутренней — внешняя от 1,30 до 3,50 м, внутренняя от 1 до 3 м.

Крупные города раннеантичного Хорезма, по-видимому, были трехъярусными. Об этом свидетельствует реконструкция крепостных стен древнего Хазараспа [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963. С. 195–196, рис. 19]. К этой категории древних памятников Хорезма можно отнести следующие оборонительные сооружения: Большой Кыркыз-кала, Гяур-кала Султануиздагской, где во внешних крепостных стенах обнаружены оконные проемы для освещения второго этажа [Хожаниязов, 1997. С. 115; Хожаниязов, 2000. С. 50–51, рис. 1].

Перекрытия галерей Верхнего города Акшахан-калы, как уже отмечено, были балочные, которые характерны для памятников архаического периода (Кюзелигыр). Аналогичные балочные перекрытия широко использовались в крепостных сооружениях раннекангюйского периода Кой-Крылган-кала, Джанбас-кала, Гяур-кала Султануиздагская, Большая Кыркыз-кала, Эрес-кала и Кургашин-кала. Вместе с тем использовались и сводчатые перекрытия, которые были выявлены в Аяз-кале 1 и Бурлы-кале, Капарас, Топрак-кале, Мангыр-кале.

Стены с боевыми коридорами внутри, развиваясь, сохраняются на протяжении всего античного периода как обязательная принадлежность крепостного сооружения. Верхние и нижние ярусы между собой связывались, судя по сохранившимся материалам, с помощи лестницы. Нижние помещения со вторым этажом в центральном здании Кой-крылган-калы, например, сообщались двухмаршевыми лестницами из сырцовых кирпичей [Кой-Крылган-кала, 1967. С. 35–37, рис. 16]. А ступени лестницы Капарас (IV–III вв. до н. э.) обнаруженные в предвратном сооружении, были обшиты толстыми досками [Древности Южного Хорезма, 1991. С. 175: рис. 64].

Цоколь. Чрезвычайно важным представляется установленный факт конструкции платформ крепостных стен Верхнего города Акшахан-калы. Однако мы пока не можем абсолютно утверждать, что везде была использована подобная конструкция. В данном случае, по-видимому, мы имеем пример постройки с наличием «фундамента» под стены крепости, правда, заглубленного в материковой грунт.

Изучение основания стен позволяет нам попытаться восстановить порядок их возведения. Можно предположить, что для строительства заглубленной стены крепости в материке рылась общая канава глубиной до 0,3–0,5 м, при ширине около 10 м. Канава заполнялась серым аллювиальным песком. Поверху песок был перекрыт 2–3 рядами кирпичной кладки. На образовавшейся площадке, что удалось проследить по северо-восточной стене крепости; начиналось возведение стены: уложен слой пахсы и покрыт 10 рядами кирпичной кладки цоколя, затем укладывался вто-

рой слой пахсы, который покрыт 19 рядами кладки. Над этой многослойной кладкой уложен еще один слой пахсы, снова перекрытый кладкой, которая сохранилась на высоту 12 рядов кирпича, считая остатки стен помещений башни второго яруса (раскоп VI).

Стреловидные перекрытия бойниц обоих ярусов находятся наверху пахсовых поясов. Кладка пахсы цоколя, которая находится на песчанной подсыпке, шире у основания и заужена кверху.

Серый аллювиальный песок, как превосходный строительный материал, не требующий никакой предварительной обработки, широко применялся при строительстве, как фортификационных, так и гражданских сооружений древнего Хорезма. Песок обычно использовался в качестве подушек под основания стен при неблагоприятных грунтах. Кроме того, песок является идеальным материалом при устройстве антисейсмических конструкций при условии, что он строго ограничен в своем перемещении. Поэтому под полами больших помещений и были уложены слои пахсы, локализирующие песок в образованных ими траншеях. Таким образом, исследования городища Акшахан-калы демонстрирует много остроумных, простых и эффективных строительных приемов, применявшихся местными зодчими в борьбе за прочность и устойчивость конструкций крепостных стен, при общей толщине более 8 м.

Ярким примером может служить платформа высотой 14,3 м под дворцом городища Топрак-кала. [Топрак-кала, 1984. С. 25–28, рис. 9].

Заглубление в грунт часть сооружения, как в наших примерах, за редким исключением, широко не применялось в древней архитектуре Хорезма. Примером более раннего по времени сооружения, в общих планах, можно привести усадьбу второй половины V в. до н. э. «Дингильдже». Здесь некоторые помещения (3/1–3/11) были заглублены в материк приблизительно на 2,5 м. [Воробьева, 1973. С. 93–94]. Сырцовый цоколь крепости кушанского периода Кзыл-кала располагался, засыпанный в котловане, на песчаной подсыпке мощностью 10–13 см [Хожаниязов, 1986. С. 59].

Аналогичный прием зафиксирован в дворцовом комплексе на Афрасиабе. Он представлял собой кладку под стеной в три слоя сырцового кирпича на тощем лессово-песчаном растворе без самана, сложенную в котловане глубиной 30–35 см [Лебедева, Ширинов, 1997. С. 41, рис. 3, 4]. Подобный строительный прием, вероятно, служил для передачи распределения нагрузок от сооружений на естественное или искусственное основание.

В раннеархаических укреплениях отсутствовал **цоколь**, один из самых необходимых элементов античной фортификации, стрелковые галереи располагались довольно низко. В позднеархаических и кангюйских укреплениях обе стены, образующие коридор и входящие вместе с ним в общую конструкцию крепостной стены, покоятся на общем пахсовом цоколе-платформе. В недостроенном Калалыгыре 1, например, сохранившаяся высота цоколя составляет 2 м, при толщине 15 м. Цоколь сложен из блоков пахсы высотой от 0,60 до 1,20 м [Толстов, 1958. С. 53]. Цоколь внешней стены центрального здания Кой-Крылган-кала шириной 7 м (по низу) и 6 м (поверху) при высоте 4,03 и 5,87 м сооружены из пахсовых блоков [Кой-Крылган-кала, 1967. С. 274–275].

В кушанский период строительство цоколя получает дальнейшее развитие. Во вновь построенных укреплениях Хорезма высота цоколя достигает от 2,70 до 14,50 м. В Топрак-кале ширина пахсового цоколя крепостной стены достигает 8,50 м, высота 2,70 м [Городище Топрак-кала, 1981. С. 57–58]; высота в Ангка-кале — 3,50–5 м [Хожаниязов, 1986. С. 57], Джильдык-кале — 8 м [Толстов, 1948. С. 117], Кзыл-кале — 10 м [Хожаниязов, 1986. С. 61], в Топраккалинском дворце — 14,50 м [Топрак-кала. Дворец, 1984. С. 25].

Во многих кангюйских укреплениях продолжавших существовать в кушанский период, своеобразно решается вопрос о повышении мощности оснований крепостных стен. В городище Малый

Кырккыз-кала, например, в кушанский период нижняя стрелковая галерея закладывается полностью, и ее верх служит полом второго яруса [Хожаниязов, 1981. С. 89]. Они отмечены в Ток-кале [Гудкова, 1964. С. 26], Ичан-кале [Мамбетуллаев, Юсупов, Хожаниязов, Матрасулов, 1986. С. 38], Топрак-кале Шаватская [Мамбетуллаев, 1986 а. С. 13, рис. 2] и в Гяур-кале Султануиздагской [Рапопорт, Трудновская, 1958. С. 354]. Поднятие стены на такой высокий цоколь явно преследовала одну цель — защиту их основания при применении противником стенобитных орудий. Поэтому, наверняка, они имели двойное назначение: во-первых — они принимали на себя удар стенобитных машин, и тем самым не позволяли разрушить стену, во-вторых — они увеличивали уклон стены, благодаря чему уменьшалось подошвенное «мертвое» пространство [Шперк, 1948. С. 80].

Башня. Аналогичные угловые башни известны в основном в памятниках Хорезма кангуйского периода, и они отмечены в Хазараспе [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963], Хиве [Мамбетуллаев, Юсупов, Хожаниязов, Матрасулов, 1986. С. 38], Пиль-кале [Маньлов, 1965. С. 46]. Они встречаются также на памятниках кушанского периода, в частности в укреплениях Топрак-калы [Городище Топрак-кала, 1981. РИС. 38] и в Ангка-кале [Ходжаниязов, 1986. РИС. 1].

Следующим важнейшим элементом фортификации являются башни. Они располагались по периметрам крепостных стен, обычно возвышаясь над ними и выступая из их плоскости. По конфигурации плана башни были разного типа: прямоугольные, квадратные и овальные. Среди них к самым древним типам относятся башни в плане полуовальной формы, они известны в нижнем горизонте Кюзелигыр [Толстов, 1958. С. 144].

В Хорезме в IV–III вв. до н. э. – I–III вв. известны башни того и другого типа. Прямоугольным планом в этот период отличаются башни Калалыгыр 2, Хазараспа [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963. С. 192–193], Ичан-калы и Топрак-калы Хивинской [Мамбетуллаев, Ягодин, 1986. С. 47; Мамбетуллаев, 1986. С. 65–66], Акшахан-калы [Хожаниязов, 1995. С. 111].

В кушанский период в фортификации Хорезма все больше применяются прямоугольные башни, такие как Топрак-кала [Городище Топрак-кала, 1981. С. 68–69], Хожаниязов, 1986 б. С. 51–54], Думан-кала, Беркут-кала, Ангка-кала [Хожаниязов, 1986 а. С. 57–58].

Расстояние между башнями, как пишет древний полиоркетик Витрувий, не должно превышать полета стрелы, с тем, чтобы при нападении на одну из них соседние могли обстреливать неприятеля [Витрувий, 1936. С. 32–33]. Куртин между башнями в Хорезме составлял от 17 до 55 м, в Хазараспе — 54–55 м. [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963. С. 192], в Ток-кале — 28 м [Гудкова, 1964. С. 10], в Капарасе — 23–28 м [Древности Южного Хорезма, 1991. С. 157], в Топрак-кале Шаватской — 26–30 м, в Ишан-кале — 22–27 м, в Топрак-кале Янгарыкской — 22–24 м, в Топрак-кале Хивинской — 17–36 м [Мамбетуллаев, 1986. С. 12; 1994. С. 9, 10, 16], в Кой-Крылган-кале — 20 м [Кой-Крылган-кала, 1967. С. 43], в Гяур-кале Султануиздагской — 20 м [Рапопорт, Трудновская, 1958. С. 348], в Дэвкескене — 25–37 м, в Акшахан-кале — 22–23 м, в Аяз-кале 3 — 21–22 м, в Эрес-кале — 20–21 м [Ягодин, Хожаниязов, 1986 а. С. 130; Хожаниязов, 1982 а. С. 42; 1986 в. С. 19; 1987. С. 103], а в Аяз-кале 1 длина куртин между ними сокращается до 9–15 м [Маньлов, Хожаниязов, 1981. С. 35].

Башни по устройству разделяются на два типа: закрытый и открытый. Внутреннее устройство второго типа башен не представляет собой замкнутой камеры, а образовано простым поворотом стены коридоров. Такие башни встречаются очень редко, в частности, в Кюзелигыре (нижний горизонт), Хазараспе, Джигербента, Эрес-кале.

Башни первого типа обладают замкнутым планом и связаны проемом галереи для стрелков. Подобный тип характерен почти для всех древних укреплений Хорезма. В них сообщение со

стрелковой галереей осуществлялось с помощью дверных проемов. Иногда нижние камеры башен отдельных укрепленных выходов в стрелковый коридор не имели, они сообщались с верхней камерой (имевший вход в стрелковую галерею) при помощи устроенного в перекрытии люка [Рапопорт, Трудновская, 1958. С. 352; Городище Топрак-кала, 1981. С. 68].

Хорезмские фортификаторы особое внимание уделяли обороне углов крепости. Известны различные комбинации их расположения в углах. В Акшахан-кале, как уже известно, квадратная в плане башня как бы подпирает с двух сторон угол крепости. Близкие по типу угловые башни выявлены в Дэвкескен-кале и в Аяз-кале 3. Такой же тип башен известен в позднеантичных укреплениях [Городище Топрак-кала, 1981. Рис. 38; Хожаниязов, 1986 а. РИС. 1].

Башни древних укреплений Хорезма конструктивно были связаны с крепостными стенами. В IV–II вв. до н. э. в Хорезме наряду с башенными строились и безбашенные крепости. К ним относятся, в частности, укрепления: городища Большая Айбугир-кала, Джанбас-кала (за исключением башен у предвратного лабиринта), Акчагелина, Малой Кыркыз-кала, Дэвкескенского вала и др. В таких укреплениях фланкирование достигалось с помощью самой стены, что было традиционно для среднеазиатских и древневосточных фортификаций там, где позволял рельеф местности. Удачный выбор места делал ненужными не только башни, но иногда и крепостные стены с одной (Большая Айбугир-кала) или с двух сторон (Дэвкескен). Поэтому отсутствие башен в системе укреплений не является архаичностью самой системы [Толстов, 1948 а. С. 91], а наоборот оно служит показателем одновременного существования в древнем Хорезме различных систем укреплений [Гулямов, 1957. С. 80].

Ворота. Раскопанные восточные ворота Верхнего города Акшахан-калы иллюстрируют нам один из ярких примеров предвратного сооружения фортификаций древнего Хорезма. В военном отношении ворота, вообще, всегда привлекали к себе особое внимание. Анализ плановой структуры крепостей древнего Хорезма дает основание выделить три группы воротных устройств: 1. предвратный лабиринт, 2. предвратные башни, 3. простой тип, без дополнительных устройств. Наиболее распространенным типом был первый тип. Аналогичные предвратные лабиринты были отмечены, кроме городища Акшахан-калы, в Калалыгыре 1 и 2, Джанбас-кале, Аяз-кале 1 и 3, Кургашин-кале (11 x 19 м), Большой Кыркыз-кале (около 22 x 15 м), Большой Айбугир-кале, Базар-кале (цитадель), Топрак-кале Хивинской (12,50 x 23 м), Кюнерли-кале, Капарас и в других памятниках древнего Хорезма [Толстов, 1948, рис. 29, 36, 40, 46, 52; Толстов, 1962. С. 110, рис. 51; Мамбетуллаев, Маньлов, 1977. С. 53; Маньлов, Ходжаниязов, 1981. Рис. 1; Ходжаниязов, 1981. С. 47–48; Ходжаниязов, 1987. РИС. 1, 1]. Образцом подобного сооружения до сих пор служит прекрасно сохранившийся лабиринт Джанбас-калы размером 20 x 52 м. Здесь направление движения противника, находящегося под обстрелом, менялось пять раз [Толстов, 1948 а. С. 90]. Усовершенствование системы защиты ворот заметно на Аяз-кале 1, где вход в предвратный лабиринт был защищен двумя башнями. Кроме того, по углам и по фасадам лабиринта расположены еще три башни полуовальной формы [Маньлов, Хожаниязов, 1981. РИС. 1 а]. В Капарасе внутри предвратного лабиринта (40 x 15 м), по обе стороны от ворот, находились небольшие караульные помещения [Древности Южного Хорезма, 1991. С. 157–158]. Кушанский период в предвратных лабиринтах представлен в Топрак-кале, Кзыл-кале и др. памятниках Хорезма.

Чтобы лучше организовать защиту въезда при возникновении серьезной опасности, стрелковые галереи часто были связаны с главным входом: Джанбас-кала, Кой-Крылган-кала, Ток-кала, Аяз-кала 1 и др. [Толстов, 1948 а. С. 90; Кой-Крылган-кала, 1967. С. 229; Гудкова, 1964. С. 124; Маньлов, Хожаниязов, 1981. С. 35].

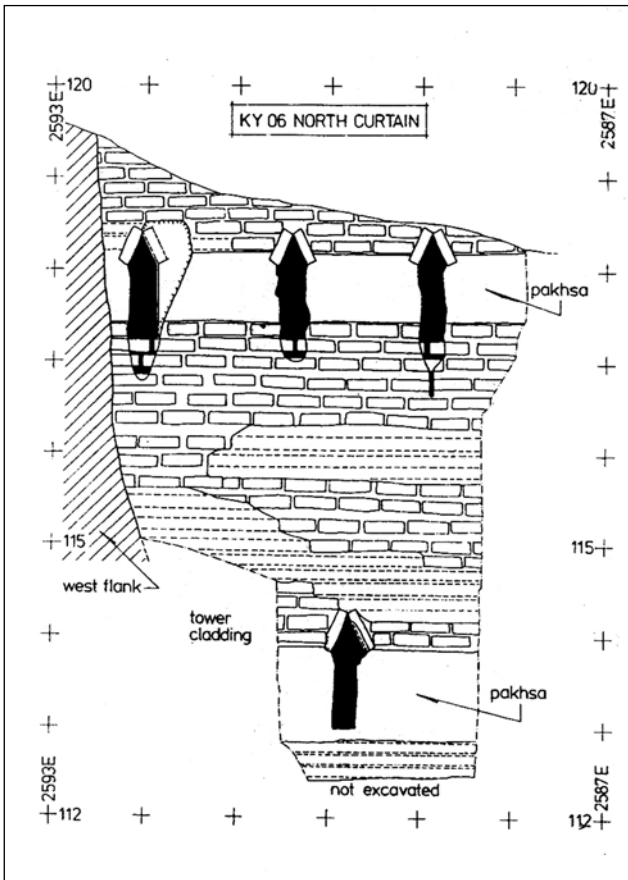

Рис.8. Раскоп VI. Разрез 7-7.

Акшахан-калы видим довольно высокий уровень древнехорезмийской военной архитектуры и строительной техники, а также конструктивных деталей. Результаты десятилетнего исследования показывают, что городище Акшахан-кала является крупным фортификационным сооружением древнего Хорезма.

Таким образом, согласно археологическим материалам и анализам радиоуглеродных дат можно констатировать, что ВГ возник в III в. до н. э., а через некоторое время, возможно, на рубеже, т.е. в III–II в. до н. э. — НГ. Одной из важных особенностей Акшахан-калы, в частности ВГ, является внушительная оборонительная архитектура, четверо ворот, защищенные сложными предвратными лабиринтами, двойные протейхизмы, большой ров, строительство города на платформе, защитные сооружения от атмосферных осадков и т. д.

Фортификационная система Акшахан-калы имеет много общего с раннекангюйским памятником Хорезма — Хазараспом: крепость подквадратная в плане, двухъярусные стрелковые галереи на паховых цоколях, два ряда стреловидных бойниц, квадратные угловые и прямоугольные промежуточные башни, протейхизма, песчаная засыпка между основной стеной и протейхизмой и т. д.

В результате исследований было установлено, что ВГ и НГ городища Акшахан-калы, как единый фортификационный комплекс, имел несколько линий искусственных преград: внешняя стена, ров,

Въезды в укрепления Хорезма, судя по археологическим материалам, закрывались деревянными воротами. Остатки подобных деревянных конструкций, значительное количество железных «болтов» и обкладок от ворот, например, были обнаружены в Калалыгыре 2 [Вайнберг, 1983. С. 473–474].

Бойница (рис. 8). В Акшахан-кале, сырцовые кладки крепостных стен и башен, как на первом, так и на втором ярусах, сменяют паховую, на уровне стреловидных перекрытий бойниц. Аналогичный прием возведения крепостных стен в Хорезме, в основном для первого яруса, достаточно широко известен и хронологически укладывается в раннекангюйский период [Толстов, 1948. С. 88; Рапопорт, Трудновская, 1958. С. 35; Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963. С. 187; Кой-Крылган-кала., 1967. С. 274, 282].

Расположение бойниц в шахматном порядке отмечено в городище Афрасиаб. В Афрасиабе во второй стадии крепостные стены были оформлены двумя рядами ложных бойниц, расположенными в шахматном порядке 0,85 x 0,25 см, глубиной 1,1 м [Бернар, Грене, Исамиддинов, 1994. С. 35].

В целом на примере городища Акша-

земляной вал, протейхизма и, конечно, мощные крепостные стены города. Полученные материалы показывают, что это не рядовой город древнего Хорезма и, несомненно, он может претендовать на статус столичного. Об особой роли данного района свидетельствует и окружавшая его длинная (возможно, районная) стена, которой ни в одном другом районе древнего Хорезма обнаружено не было. И, наконец, такого значительного по площади как Акшахан-кала другого городища III вв. до н. э. — III в. н. э. в древнем Хорезме вообще нет.

Примечания

¹ При этом следует отметить, что в районе угловых башен (раскоп VI), песчаная засыпка была заменена кладкой сырцовых кирпичей, уложенных в несколько рядов на песчаном растворе. Почти на всех кирпичях на постельной стороне имеются тамгообразные метки: прочерченная пальцами одинарная, двойная и тройная полоса; прямой крест, замкнутые и незамкнутые круги; крест внутри круга; T, S образные и другие. Было зафиксировано более 30-ти видов тамг.

² Аналогичный строительный прием в крепостных сооружениях древнего Хорезма известен. Цоколь Калалыгыр 1, например, сложена из блоков пахсы высотой от 0,6 до 1,2 м, в верхней части образующих как бы клетки, заполненные песком с примесью большого количества щебня и камней [Толстов, 1958. С. 155].

³ Образцы (СЗ), взяты из закладки стрелкового коридора (Р. 1). Калиброванная 22–110 гг. н. э. [Helms, Yagodin, Betts, Khozhaniyazov, Kidd, 2001, pp. 128, 137].

⁴ Иногда исследователи называют их «дополнительные выносные стены», «барьерные стены» [Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963. С. 190, 194, 196], или «берма» [Мамбетуллаев, 1994. С. 33].

Литература

Андрианов, 1969 — Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (В связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М.

Бернар, Грене, Исамиддинов, 1994 — Бернар П., Грене Ф., Исамиддинов М. Х. Основные результаты работы Узбекско-французской экспедиции на Афрасиабе в 1990–1991 гг. ОНУз. № 3–4.

Вайнберг, 1983 — Вайнберг Б. И. Работы в Южной части Присарыкамьшской дельты // АО — 1981. М.

Витрувий, 1936 — Витрувий Пилон. Десять книг об архитектуре. Перевод Ф. А. Петровского. М.

Воробьева, 1959 — Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ. Т. IV. М.

Воробьева, 1973 — Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в Древнем Хорезме. М.

Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963 — Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // МХЭ. № 6. М.

Вязигин, 1949 — Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том 1. Ашхабад.

Городище Топрак-кала, 1981 — Городище Топрак-кала (Раскопки 1965–1975 гг.). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XIII. М.

Гудкова, 1964 — Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент

Давидович, 1949 — Давидович Е. А. Исследование вала к юго-востоку от Новой Нисы. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том 1. Ашхабад.

- Димо, 1913** — Димо Н. А. Почвенные исследования в бассейне р. Амударьи. М.
- Древности Южного Хорезма, 1991** — Древности Южного Хорезма // ТХАЭЭ, т. XVI. М.
- Кой-Крылган-кала, 1967** — Кой-Крылган-кала — памятник культуры Древнего Хорезма. (IV в. до н. э. — IV в. н. д.) // ТХАЭЭ, т. V. М.
- Кругликова, 1974** — Кругликова И. Т. Дильберджин (раскопки 1970–1972 гг.). Часть 1. М.
- Кругликова, Сарияниди, 1976** — Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции. Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции 1969–1973 гг. М.
- Лебедева, Ширинов, 1997** — Лебедева Т. И., Ширинов Т. Ш. Антисейсмическое строительство в Средней Азии в период античности и раннем средневековье. Узбекистон моддий маданияти тарихи. 28-нашри. Самарканд.
- Мамбетуллаев, 1986** — Мамбетуллаев М. Топрак-кала Шаватская (раскопки 1979–1980 гг.). Археология Приаралья, вып. 3. Ташкент.
- Мамбетуллаев, 1994** — Мамбетуллаев М. История и культура Южного Хорезма античной эпохи (города и поселения IV в. до н. э. — IV в. н. э.) Автореферат диссертации. Ташкент.
- Мамбетуллаев, Маньлов, 1977** — Мамбетуллаев М., Маньлов Ю. П. Городище Топрак-кала — крепостное сооружение древнего Хорезма. ОНУ, № 3.
- Мамбетуллаев, Юсупов и др., 1986** — Мамбетуллаев М., Юсупов Н., Ходжаниязов Г., Матрасулов Ш. Хива по итогам исследований 1985 года. Вестник КК ФАН УзССР, № 2.
- Мамбетуллаев, Ягодин, 1986** — Мамбетуллаев М. М., Ягодин В. Н. К оценке хронологии и исторической динамики культурного слоя древней Хивы. ОНУз № 8. Ташкент.
- Маньлов, 1965** — Маньлов Ю. П. Работы на городище Пиль-кала в 1963 г. Вестник КК ФАН УзССР, № 3.
- Маньлов, Ходжаниязов, 1981** — Маньлов Ю. П., Ходжаниязов Г. Аяз-кала 1 и Бурлы-кала (К изучению фортификации древнего Хорезма). Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент.
- Рапопорт, Трудновская, 1958** — Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-кала. ТХАЭЭ. Т. 2. М.
- Рапопорт, 1958** — Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-Санем в 1952 г. ТХАЭЭ. Т. II. М.
- Толстов, 1948 а** — Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.
- Толстов, 1948** — Толстов С. П. Древний Хорезм. М.
- Толстов, 1958** — Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. ТХАЭЭ. Т. 2, М.
- Толстов, 1962** — Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Топрак кала, 1981** — Топрак-кала, городище. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, т. XII. М.
- Хелмс, Ходжаниязов, Ягодин, 2000** — Хелмс С. У., Ходжаниязов Г., Ягодин В. Н. Буддийская терракота из Южного Приаралья. Вестник ККО АН РУз, № 2.
- Ходжаниязов, 1981** — Ходжаниязов Г. История развития фортификации античного Хорезма. СА, № 2, М.
- Ходжаниязов, 1984** — Ходжаниязов Г. Оборонительные сооружения Кургашин-калы // Археология Приаралья. Вып. 2. Ташкент.
- Ходжаниязов, 1985** — Ходжаниязов Г. К изучению античных памятников Ташкырманского оазиса. Тезисы докладов конференции «Генезис и пути развития процессов урбанизация Центральной Азии». Самарканд.

Ходжаниязов, 1986 а — Ходжаниязов Г. Х. Ангка-кала позднеантичная крепость древнего Хорезма. Вестник КК ФАН УзССР, № 1.

Ходжаниязов, 1986 б — Ходжаниязов Г. Кзыл-кала (работы 1981–1982 гг.). Археология Приаралья. Вып. 3. Ташкент.

Ходжаниязов, 1987 — Ходжаниязов Г. Х. Новые данные об оборонительных сооружениях Аяз-кала 3. Вестник КК ФАН РУз, № 3.

Ходжаниязов, 1995 — Ходжаниязов Г. Х. К изучению античных памятников Ташкырмаского оазиса. ТДМК Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. Самарканд.

Ходжаниязов, 1997 — Ходжаниязов Г. Х. Большой Кырккыз-кала (К вопросу о функции и хронологии). Вестник ККО АН РУз. № 3.

Ходжаниязов, 1998 — Ходжаниязов Г. Ахчахон ёки тарихда минг йил жумбок булиб келган номаълум калъа хакида. Жайхун, № 1.

Ходжаниязов, 2000 — Ходжаниязов Г. Новые археологические данные о крепости Гяур-кала Султануиздагская. Вестник ККО АН РУз. № 2.

Ходжаниязов, Хелмс, Колин, 2004 — Ходжаниязов Г. Х., Хелмс С. У., Колин Д. Т. Исследования в Южном Каракалпакстане. Археологические исследования в Узбекистане-2003 год Ташкент.

Ходжаниязов, Хелмс, Сннедон, 2002 — Ходжаниязов Г. Х., Хелмс С. У., Сннедон Э. Археологические исследования на городище Акшахан-кала в 2001 году. Археологические исследования в Узбекистане — 2001. Ташкент.

Ходжаниязов, Ягодин, Хелмс, Макларен, 2001 — Ходжаниязов Г. Х., Ягодин В. Н., Хелмс С. У., Макларен Б. К. Раскопки на Акшахан-кале. Археологические исследования в Узбекистане — 2000. Самарканд.

Шперк, 1948 — Шперк В. Ф. История фортификации (фортификация древнего мира). Т. 1. М.

Ягодин, 1968 — Ягодин В. Н. К изучению топографии и хронологии древнего Миздахкана. История, археология и этнография Средней Азии. М.

Ягодин, Никитин, Кошеленко, 1985 — Ягодин В. Н., Никитин А. Б., Кошеленко Г. А. Хорезм. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.

Ягодин, Хелмс, Ходжаниязов, 1996 — Ягодин В. Н., Хелмс С. У., Ходжаниязов Г. Х. О работах Ташкырманской международной археологической экспедиции в 1995 году. Вестник ККО АН РУз, № 3. Нукус.

Ягодин, Ходжаниязов, 1986 — Ягодин В. Н., Ходжаниязов Г. Вал Дэвкескенский (К вопросу о функциях и хронологии). Вестник Каракалпакского филиала АН Уз. ССР, № 3.

Ягодин, Ходжаниязов, Статов, 2005 — Ягодин В. Н., Ходжаниязов Г. Х., Статов В. А. Внешняя стена городища Казахлыяткан. Ташкент-Самарканд.

Helms, Yagodin, 1997 — Helms S. W., Yagodin V. N Excavations at Kazakli Yatkan in the Tash-Kirman oasis of ancient Chorasmia: a preliminary report. Iran. 35. London.

Helms, Yagodin and other, 2001 — Helms S. W., Yagodin V. N., Betts A. V. G., Khozhaniyazov G. and Kidd. Five seasons of excavations in the Tash-K'irman oasis of ancient Chorasmia, 1996–2000. An interim report // Iran, #39, London.

Helms, Yagodin and other, 2002 — Helms S. W., Yagodin V. N., Betts A. V. G., Khozhaniyazov G., Negus M. The Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia: the Northren Frontier of the “Civilised” Ancient World. // Ancient near eastern studies. Volume XXXIX. Louvain.

Haddon Rosalind Wade
(Independent Scholar, Great Britain)

GOLDEN HORDE KASHI WARES IN COLLECTIONS OUTSIDE THE ULUS JOCHI

Introduction

The wealth of Golden Horde material culture was first brought to the non-Russian speaking world in 1939 by Grekov and Iakubovskii's French publication. ¹ Post World War II SP Tolstov's publications began to appear in Western libraries, and Volga archaeologist's finds and studies were available through the Russian archaeological journals. My PhD supervisor, Professor J Michael Rogers, appreciated Tolstov's invaluable contribution to this field and encouraged me to pay careful attention to the 14th century Khorezmian sites, as well as those on the Volga and the Black Sea littoral, when comparing ceramic fineware (by definition glazed wares with fine siliceous paste bodies or *kashi*) production with the Ilkhanid and Mamluk worlds.

The most frustrating part of this research has been the lack of available Golden Horde material to study in British, American, and European museums. We are spoilt with a wealth of material from Western Asian sites, much of which has no true scientific value in that it has been collected randomly and without provenance. However, it does mean that it is possible to handle the fragments and to understand their physical makeup and differences. It was necessary to travel to St Petersburg to handle the Golden Horde material, and in 2006 I had the good fortune to visit Kazan and Bolgari for the State Hermitage's exhibition mounted by Dr Mark Kramarovsky and attend a subsequent conference. With a greater understanding of these *kashi* wares I began to realise that we do indeed have a few examples in European and West Asian collections. Further studies helped me to appreciate what a significant diagnostic tool these wares are for confirming trading and cultural contacts too. I will outline below some of the examples that I have found to date and discuss some related ones.

The bowl in figure 1, from the Hermitage collection, was published by Grekov and Iakubovskii in 1939, and its inclusion in Arthur Lane's seminal work *Later Islamic Pottery* in 1957 brought it to a wider audience. However, without examples to hand, and seemingly none appearing in Western auction houses or on contemporary archaeological sites there was little interest in them. Figure 2a and 2b is the first example that I have managed to find in an auction catalogue, and have had a chance to handle in its present home in the David Collection, Copenhagen. ² A few general works on the subject gradually appeared in English translation, and despite Fedorov-Davydov's highly informative volume entitled *The Culture of the Golden Horde Cities* being translated into English and published in 1984, ³ Helen Philon made no reference to it in her publication on the Vlatodon Monastery, Thessaloniki bowls in 1985. ⁴ Similarly Sedov and Poluboyarinova were apparently unaware of Philon's article when they published the same *bacini* bowls in a recent issue of *Russian Archaeology*! ⁵ Philon concludes that with both the written and the architectural evidence, together with similar dated Mamluk wares, these two bowls can safely be assigned a mid-14th century date. With the strong ecclesiastical links at this time Philon interprets these bowls as pilgrimage gifts. They can also be seen to accentuate the trading links through the Genoese, with their trading colonies in both Thessaloniki and the Crimea at this time. It was a very Italian concept to decorate church facades with these *bacini*, and one that became increasingly popular in Greece. In addition to

these, a fragment of another bowl was excavated in Genoa at the cathedral church of San Lorenzo in the 1970s, but the excavator incorrectly identified it as a Raqqa product.⁶

The feudal principality of Novgorod, which always remained without the *ulus* Jochi, acted as a reliable buffer against the northern states, and maintained excellent political and trading relationships with both Sarais. The well-preserved wooden city has been extensively investigated scientifically since 1929,⁷ and more recently a team of British archaeologists from the Institute of Archaeology, University College London has been working there in collaboration with Russian teams. There is another Christian connection with a bowl found in Burial 4 adjacent to the cathedral church of St Sophia, thought to be that of Bishop Vasilii (d. 1352). Professor Orton indicates that it could have been that of the city-governor, Mikhail Fyodorovich (d. 1268).⁸ The excavator, Mongait, who published it in 1948,⁹ cited the Vasilii connection. This bowl is almost identical to the David Collection one illustrated in figures 2a and 2b. Koval's study of these Eastern imports at Novgorod demonstrates how the Golden Horde products predominated by the mid-14th century.¹⁰ These imports were not found all over the site, rather in the more successful trading houses and Koval interpreted them as being merchant's personal belongings rather than part of an inventory for commercial sale.

In the Museum of Islamic Art, Cairo there is a glazed relief ware bowl that was purchased through a Paris-based Iranian dealer in May 1940.¹¹ It is incorrectly labelled as «Sultanabad», i. e. Ilkhanid. It is no longer on display, and on a visit in November 2011 I had hoped to handle it, but unfortunately the relevant curator was absent and so was unable to. I did, however, acquire a better image than that presented at the Tolstov conference — see figure 3.¹²

In 2003 I found a bowl decorated in the geometric style in the Sari Cultural Heritage Treasury, Iran — see figures 4a and 4b. Sari is located at the south end of the Caspian Sea — see Map 1. Unfortunately this had been confiscated from “smugglers” and the curators were unable to give any information as to its provenance. Judging by its excellent state of repair it was probably acquired in the Volga region and brought in relatively recently. Generally alkaline glazed wares excavated in Iran do not retain their translucency and are heavily degraded by the salts in the ground.

In the Ashmolean Museum, Oxford there is a rather degraded relief ware bowl (1978. 1636 — see figure 5) from the Reitlinger collection. Gerald Reitlinger was an energetic collector who cared more about designs and variety than the physical state of his pots. He travelled widely, and most importantly financed excavations on several Islamic sites in Iraq in the early 1930s, thus providing invaluable study material with provenance. He indexed his collection and constantly updated it adding numerous comments — he correctly identified this bowl as being of the “Golden Horde type», but he concluded that because it bore a Persian customs' label it had to be of Iranian origin. However, what we have is an example that either found its way to Iran in the 14th century, or it was smuggled in more recently. The fact its glaze is somewhat degraded is testament to the fact it could well have been recovered from a site in Iran. Iranian nationals, many of whom were dealers, were granted ‘excavation’ permits by their government to work on numerous sites up until the 1960s. Reitlinger purchased it in London in 1939. A note on his card index file added in 1976 stated that he thought that it belonged to the “Bojnurd” family which began filtering into the sale rooms about this time.

Rather like Sultanabad, Bojnurd became a dealer-coined name for a group of slipped-relief ware bowls that did not fit the category of Sultanabad, were apparently sourced in the Juvayn area, western Khurasan, north of Sabzavar and south of Bojnurd — see Map 1. Bojnurd is a relatively modern city dating back to the 19th century. Iranian dealers that I have interviewed in London confirm that several sites exist with fragments of these wares. Typically they have flying ducks or geese in the centre, as that in figure 6. It was

Figure 1 — Bowl in the State Hermitage Museum, St Petersburg excavated in Sarai al-Jadid and acquired in 1860; SAR-258; diameter 19.3cm.

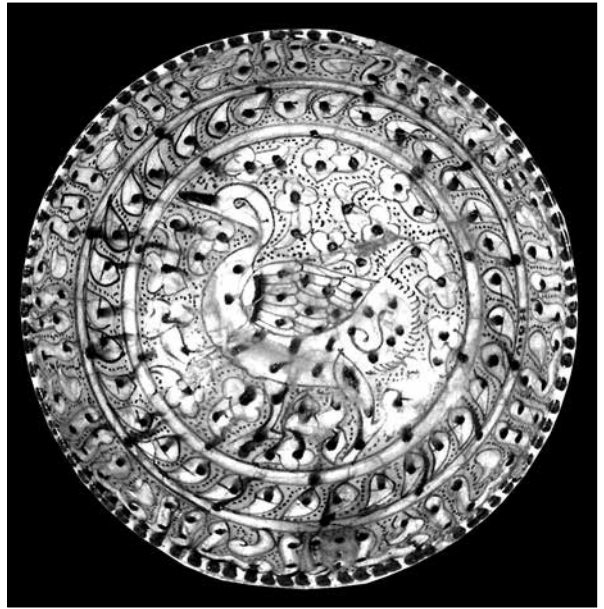

Figure 3 — Bowl framed with a repeated Arabic inscription of *iqbāl* or “prosperity” just below the rim. Museum of Islamic Art, Cairo — inventory number 14507. Diameter 19cm; height 8.5cm. Image courtesy of the MIA Cairo.

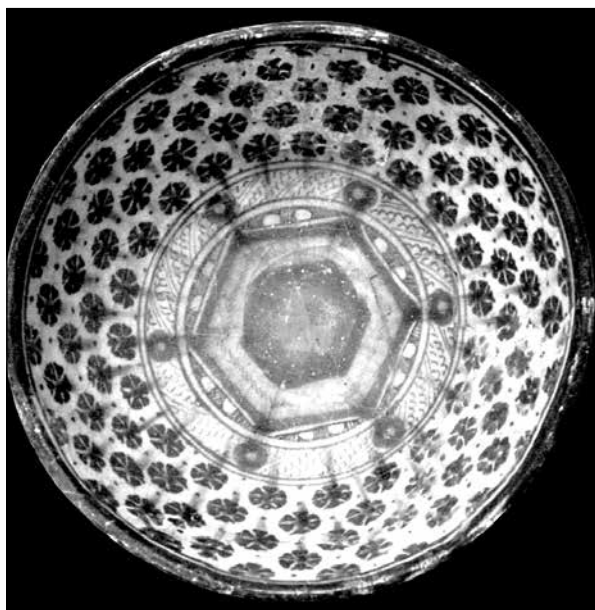

a

b

Figure 2a and 2b — Bowl in the David Collection, Copenhagen purchased in London; diameter 18.7 cm; height 8.9 cm — said to be from Kazakhstan, but this was not mentioned by Christie’s. Image courtesy of Christie’s London.

a

b

Figure 4a and 4b — A stylised geometric decorated bowl in the Sari Treasury, Iran; unknown provenance. Inventory number 60 — diameter 17.8cm; height 8.3cm; foot diameter 7.8cm.

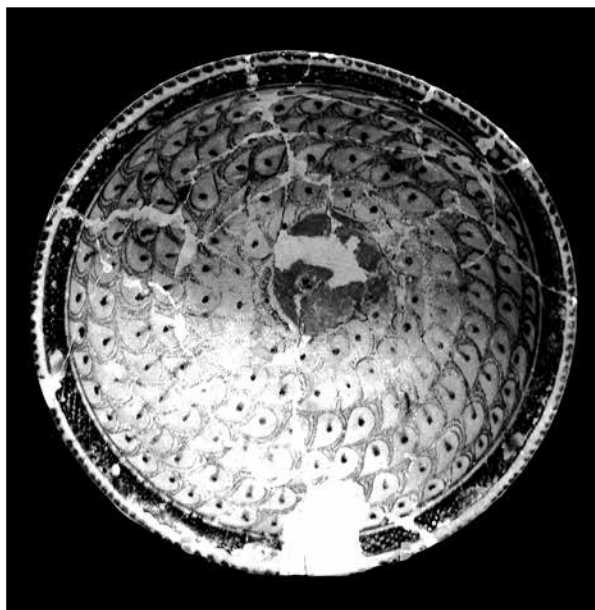

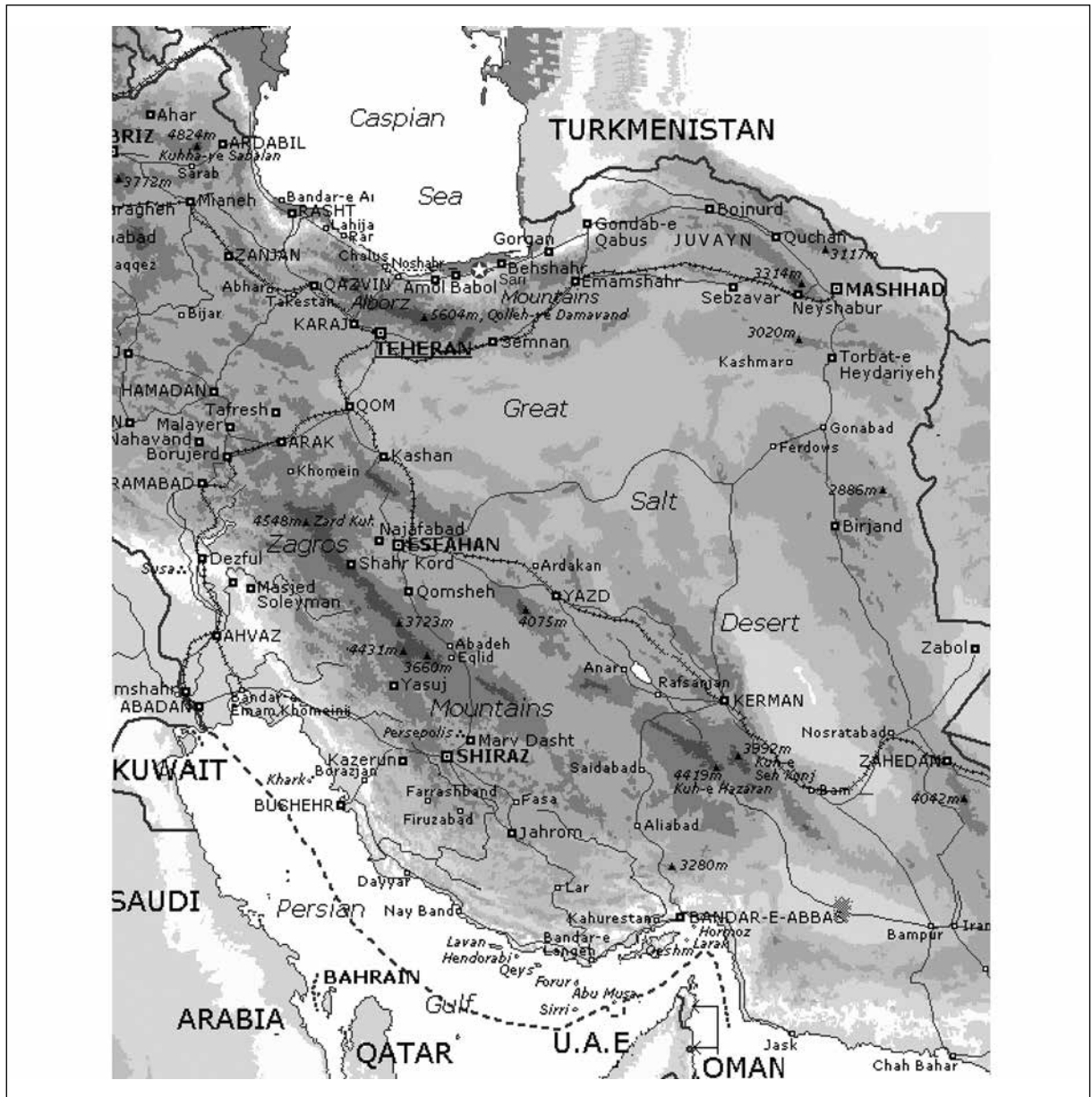
Figure 5 — The only identified Golden Horde bowl in a British collection now in the Ashmolean Museum, Oxford, ex-Reitlinger collection, 1978. 1636. Diameter 22.5cm. Reproduced by permission of the Visitors.

Figure 6 — Bowl in the Reza Abbasi Museum storage, Tehran. Said to be from a private collection, number 79. Heavily restored. Diameter 20.8cm; height 9cm; foot diameter 6.4cm.

suggested by participants at the 2006 conference in Kazan that these are products of the area covered by present day Turkmenistan, naming Dehistan as a possible provenance. Alastair Northedge, who has been working there recently, has not found any similar wares,¹³ so perhaps one should be looking further east, in the Khorezm centres.

Returning to Tolstov, who agreed with Iakubovskii's premise that Khorezm potters were probably the instigators of the now well-known Golden Horde *kashi* underglaze-painted wares,¹⁴ which is a valid assumption bearing in mind their long history of ceramics production. I am wondering if it has now become possible to substantiate this premise. On a brief visit to Kunya Ürgenç I noted one geometric Golden Horde-type bowl on display in the site museum, and several bosses from so-called rosewater bowls

Map 1 – Map of Iran.

or *gyulabdan*, but no slipped-relief wares. However, Pugachenkova published an example in 1960 from this site.¹⁵ Some of the motifs on this bowl are found on a bowl published by Curatola¹⁶ and a so-called jug in the Fitzwilliam Museum, Cambridge (C. 505–1991 — formerly in the HS Reitlinger collection — see illustrations on <http://www.fitzmuseum.cam.ac.uk/explorer/index.php?qu=C.505-1991&oid=75332>), and not found on Sarai products. So could these be diagnostic motifs for Kunya Ürgench products and perhaps those from Saraichik which share them? And, more importantly, for the relevant museum curators and collectors, does this give a provenance for their pieces?

Conclusion

It is my understanding that considerably more work has been carried out on the Volga sites in the past ten years and when this material is published perhaps we will have a clearer idea of the various typologies when they are compared with those of Saraichik, Kunya Ürgench and other Khorezm sites. The importance of Khorezm and SP Tolstov's pioneering work there was fundamental to these studies as well as those of the earlier cultures.

Notes

¹ Grekov, Boris D and Iakubovskii, Alexander Y (1939), *La Horde d'Or: la Domination Tatare au XIIIe et au XIVe siècle de la mer Jaune à la mer Noire*, Paris.

² Christie's London (2000), *Sale Catalogue #6373*, London, 10 October: lot 269; Folsach, Kjeld von (2001), *Art from the World of Islam in the David Collection*, Copenhagen: 173, #223.

³ Fedorov (Fyodorov) — Davydov, GA (1984), *The Culture of the Golden Horde Cities*, BAR International Series 198, Oxford.

⁴ Philon, Helen (1985), "Thessaloniki, Andalusia and the Golden Horde", *Balkan Studies* 26: 299–319.

⁵ Poluboyarinova, MD and Sedov, VV (2007), "Golden Horde bowls on the facade of the wall of Vlatadon Monastery Cathedral in Thessaloniki", *RA no1*: 126–132; colour plates 7 and 8.

⁶ Mannoni, Tiziano (1975), *La Ceramica Medievale a Genova e nella Liguria*, fig 34. 1, col pl II, #31.

⁷ MW Thompson (1967): *Novgorod the Great: excavations at the medieval city directed by A. V. Artsikhovskiy and B. A. Kolchin*, London.

⁸ Prof Clive Orton (2006): email of 17 April.

⁹ Mongait, AL (1948), "A Golden-Horde cup from Novgorod the Great", *KSIA* 19: 70–73.

¹⁰ Koval, VY (2006), "Eastern pottery from the excavations at Novgorod", in ed Clive Orton, *The Pottery from Medieval Novgorod and its Region*, London: 161–192, table 10. 2, p. 182.

¹¹ Wade Haddon PhD unpublished thesis (2011), *Fourteenth century glazed finewares produced in the Iranian world and comparisons with contemporary ones from the Golden Horde and Mamluk Syria/Egypt* vol. 2, 114, fig 2. 1. 13.

¹² Grateful thanks to the director, Dr Mohammed Abbas who kindly provided it.

¹³ Email correspondence in November 2012.

⁴ Tolstov, SP (2005), *Following the Tracks of Ancient Khorezmian Civilization*, UNESCO, Tashkent, 297.

⁵ Pugachenkova, GA (1960), "Ornamentirovanny sosud iz Kunya Urgench", *Trudy Tashkentskogo Gosudarstvennogo universiteta imeni VI Lenina* 172: 197; and *Iskusstvo Turkmenistana*, Moscow (1967): pl. IX, opposite p. 164

⁶ Curatola, Giovanni, ed (2006), *Persian Ceramics: from the 9th to 14th centuries*, Milan: 157.

ТИПОЛОГО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ АРАЛО-КАСПИЯ

Наиболее массовый материал позволяющий использовать его в качестве источника информации для разработки вопросов хронологии, культурной и этнической принадлежности и т. п. представлен в различных категориях археологических памятников крайне неравномерно. Если при раскопках городищ и башен керамика является массовым материалом, то при исследовании памятников погребальных в условиях Арало-Каспия мы практически не имеем находок керамики. Существенные затруднения создает и отсутствие надлежащих публикаций керамических комплексов. Особенно это надо отнести к Западному Устиурту и Мангышлаку. В публикациях по отдельным районам Арало-Каспийского междуморья неоднократно отмечаются находки керамики, однако информация о ней ограничивается сообщениями о том, что это керамика «огузская», «керамика X–XI вв.», «керамика лепная» и т. п. В связи с этим при характеристике керамики мы вынуждены использовать лишь материалы собственных раскопок средневековых памятников Восточного и Юго-Восточного чинков Устиурта и внутренних районов плато. Исследование керамики ведется на двух уровнях: по комплексам (отдельным памятникам или их группам) и по хронологическим периодам.

Для анализа использованы материалы из раскопок стреловидных планировок Декча-1, Карамата 7, и Североустютской системы стреловидных планировок; святилищ Субетимералан куркреук, Жарынкудук-10, святилища 1 археологического комплекса Дуана; городищ Курганча (Давлетгирей), Аджибай Кыяжол, Караумбет (городище и сигнальная башня), Куланлы, Хантерсек Айата; караван-сараяв Чурук, Белеули, Косбулак (рис. 1), проведённых в разные годы Институтом истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (далее ИИАЭ ККО АН РУз).

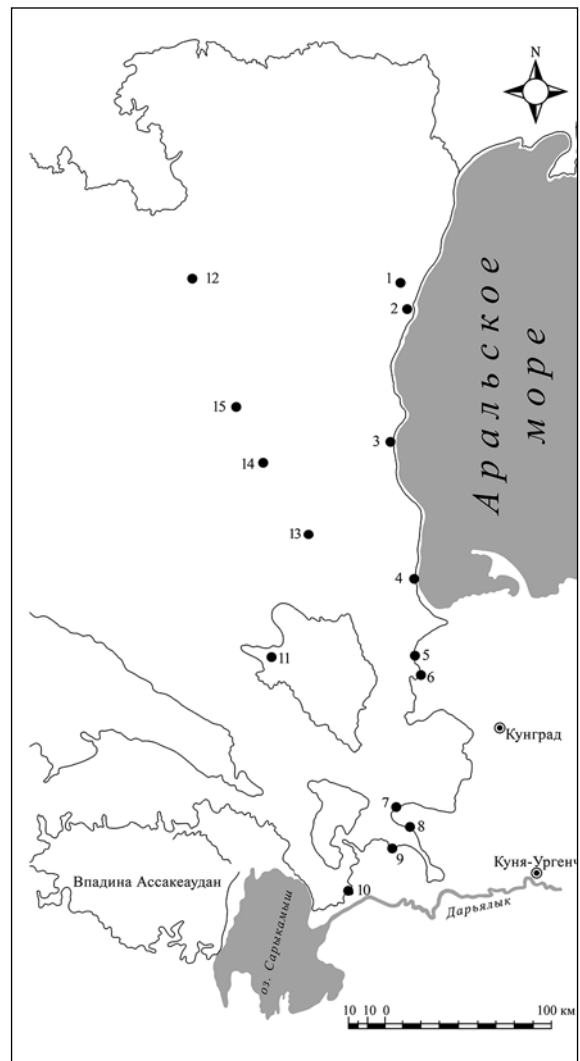

Рис. 1. Северо-Устиуртская система стреловидных планировок.

В хронологическом отношении весь материал распределен по периодам:

Период VII–VIII вв. — Джетыясарско-Кердерский.

Период IX–XI вв. — огузский.

Период XII – начала XIII вв. — кипчакский, домонгольский.

Период второй половины XIII–XIV вв. — кипчакский, послемонгольский.

Период VII–VIII вв. — Джетыясарско-Кердерский.

Керамические комплексы этого периода происходят из племенных святилищ, связанных с массовыми охотами на диких копытных и из раскопок сооружений типа стреловидных планировок: святилища 1, могильника Дуана, святилища Жарынкудук-10, святилища Сумбетимералан-куркреук, Североустюртской системы стреловидных планировок, стреловидной планировки Карамата-7, стреловидной планировки Декча-1.

Керамический материал, полученный из раскопок перечисленных археологических объектов по технологическим признакам можно разделить на две группы. В *первую* выделены сосуды, сформированные вручную из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями крупномолотого шамота, напольного обжига. Количественно сосуды этой группы абсолютно преобладают. *Во вторую* группу, представленную единичными экземплярами, выделена керамика, изготовленная на гончарном круге или выделанная вручную, но с применением поворотной подставки из относительно хорошо промешанной формовочной массы и, очевидно, горнового обжига.

Сумбетимералан-куркреук, святилище, керамический комплекс.

Группа I. Первая группа представлена небольшим количеством форм. Преобладающими (более половины от общего количества) являются горшки баночной формы с маленьким плоским дном, вертикально вытянутым, чуть раздутым туловом, покатыми плечиками и очень низким раструбообразным устьем, обрамленным низким, обычно подтреугольным в сечении, венчиком или отогнутым прямым краем с валиком чуть ниже края, также образующим воротничковый венчик (рис. 2, 1–3, 6–7, 10–13, 15–16).

Описываемые банки различны по величине — от небольших экземпляров, имевших диаметр устья 26–28 см до очень крупных диаметр устья до 40 см.

Все сосуды этого типа изготовлены вручную, без применения гончарного круга, из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями шамота, обжиг слабый, напольный, черепок в изломе черный. На внешней поверхности обычны углисто-черные и ярко-красные пятна кострового обжига. Внешняя сторона венчика обычно орнаментирована. В большинстве случаев это поясok из вертикальных вдавлений, реже отмечен орнамент в виде одинарного, двойного или даже тройного пояса круглых вдавлений. На единичных экземплярах отмечен орнамент в виде треугольных вдавлений или вдавленной зигзагообразной линии. На отдельных экземплярах — налепы глубоконической формы на внешней стороне венчика и удлиненные горизонтальные налепы-ушки на плечиках (рис. 2, 7, 11).

По характеру обработки внешней поверхности сосуды распадаются на две разновидности. Сосуды небольших размеров имеют хорошо заглаженную внешнюю поверхность, до обжига затертую жидкой глиной. Крупные сосуды обычно имеют на внешней поверхности нарочито грубую обмазку глиной, создающей бугристую и бессистемно-ребристую фактуру. Подобным образом обрабатывалось тулово до плечиков, которые оставались гладкими (рис. 2, 1–3, 15, 17). На внутренней стороне сосудов, особенно на венчике, сохранились обильные пятна копоти.

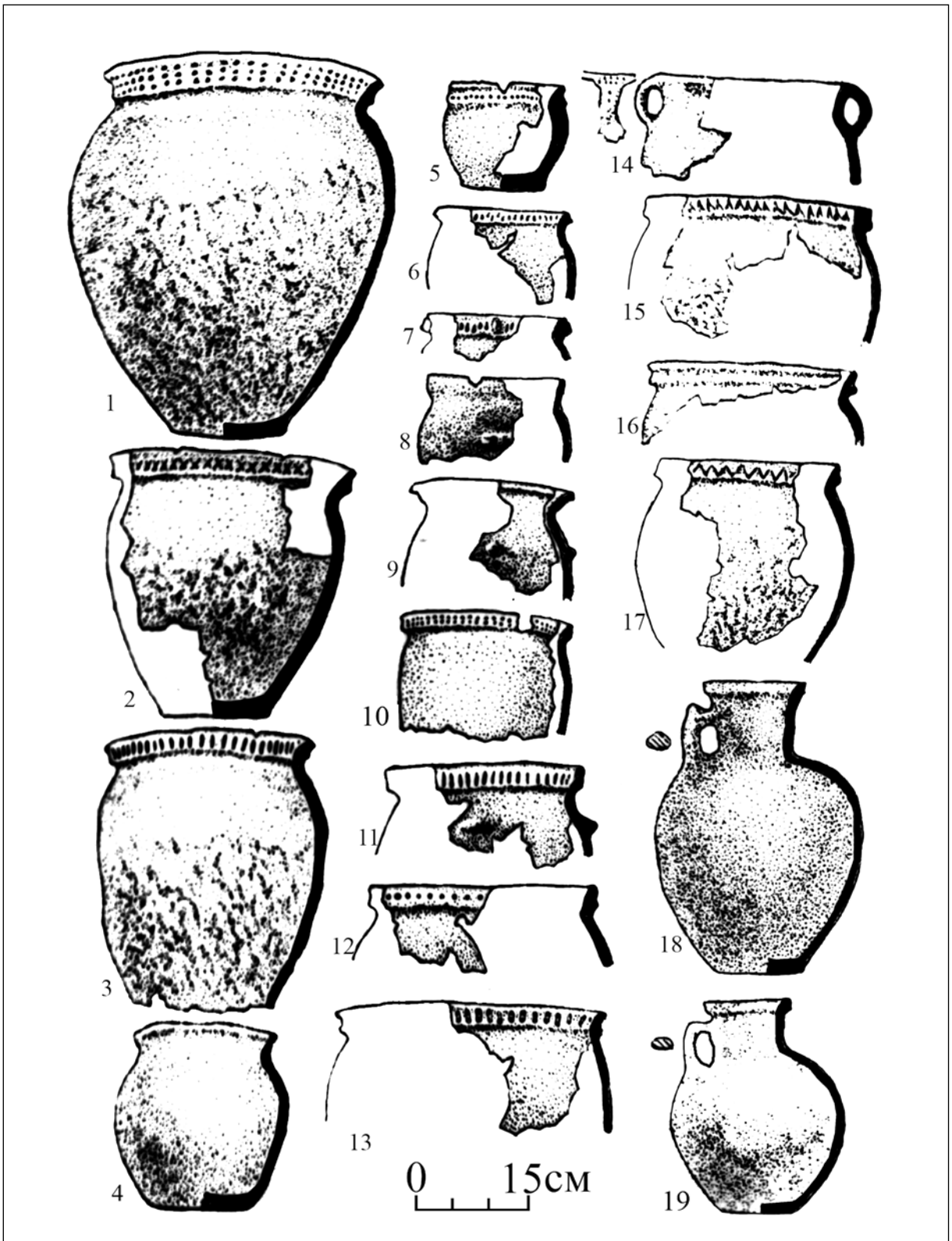

Рис. 2. Сумбетимералан-куркреук, святилище, керамический комплекс.

По сумме признаков, характеризующих данный тип керамики, она находит практически полное совпадение с керамикой Джетысарской культуры низовьев Сырдарьи. Подобные сосуды в этой культуре выделены в первую группу керамики и отмечены для II и III этапов ее развития, датирующихся, соответственно IV–VII и VIII–IX вв. [Левина, 1971. С. 72–74]. Горшки баночной формы, подобные вышеописанным, составляют здесь более половины первой группы керамики.

Дату керамики из святилища Сумбетимералан-куркреук ограничивает такая деталь, как наличие толстого слоя грубой глиняной обмазки на внешней стороне тулова сосудов, создающего бугристую и бессистемно-ребристую фактуру. Этот прием отделки внешней поверхности горшков баночной формы, по наблюдениям Л. М. Левиной, появляется в конце II этапа Джетысарской культуры и получает полное развитие на III этапе [Левина, 1971. С. 74–75], иначе говоря, подобные сосуды могут быть датированы в пределах VII–VIII вв. С другой стороны, аналогичные сосуды мы отмечаем в материалах Кердерской культуры Приаральской дельты р. Амударьи. Их много, например, в материалах поселения Курганча, датируемых монетными находками концом VII–первой половины VIII вв. [Ягодин, 1973]. Однако, в большинстве случаев, грубая глиняная обмазка на кердерских сосудах приобретает уже систематическую вертикальную ребристость.

Очень небольшим количеством экземпляров представлены горшковидные сосуды приземистой формы, с широкой и высокой раструбообразной горловиной без венчика или с валикообразным грубо моделированным венчиком. Сосуды обычно имеют две вертикальные петлеобразные ручки, опирающиеся на край горловины и на плечики. В одном случае на внешней поверхности ручек нанесен точечными вдавлениями орнамент в виде двойной горизонтальной или одинарной вертикальной линий, опускающихся вниз до середины ручки. Сосуды имели, очевидно, плоское дно. Диаметр горловины колеблется в пределах 22–28 см (рис. 2, 14). Изготовлены сосуды, описываемой разновидности, вручную из плохо промешанной формовочной массы с примесями шамота, реже дресвы, обожжены напольным способом, на горловине обычно следы копоти. Сосуды подобной формы имеются в материалах Джетысарской культуры, но там они находятся в другой технологической группе сосудов, изготовленных вручную, но с применением поворотной подставки, имеющих горновой обжиг и облицовку красным или коричневым ангобом с лощением по нему. Они отмечены для второго этапа развития Джетысарской культуры [Левина, 1971. С. 73].

Единичными экземплярами представлены небольшие лепные горшки без ручек, с одинарными или парными коническими налечами на плечиках или вообще ничем не украшенные (рис. 2, 4, 8, 9).

Группа II. Вторая группа керамики представлены двумя кувшинами и небольшим горшковидным сосудом. Кувшины (рис. 2, 18–19) однотипные, хотя и несколько различных пропорций. Имеют плоское дно, яйцевидное тулово (у одного кувшина оно вытянуто вертикально, у другого — приземистое), круглые плечики, высокую раструбообразную горловину, обрамленную небольшим, подтреугольным в сечении со скругленными углами воротничковым венчиком, одну вертикальную уплощенную в поперечном сечении коленчатую ручку. На одном кувшине в месте излома ручки имеется вертикальный выступ. Диаметры горловины 12–14,5 см, наибольший диаметр тулова 23–29 см, диаметр дна 11–12,5 см, высота 29,5–42 см. Сосуды изготовлены вручную, но с применением поворотной подставки, из относительно хорошо промешанной формовочной массы с примесями шамота. Обжиг равномерный горновой. Внешняя поверхность облицована серым ангобом, поверх которого сплошное слабое лощение.

Аналогичные сосуды, вплоть до полного совпадения по технологическим и морфологическим признакам, имеются в материалах кердерской культуры Приаральской дельты р. Амударьи. Датируются они последней четвертью VII–первой половиной VIII вв. [Ягодин, 1971. С. 229; 1973. С. 42].

Единичным экземпляром представлен горшковидный сосудик, имеющий небольшое плоское дно, слегка раздутое приземистое тулово, очень широкое устье с массивным, подтреугольным в поперечном сечении венчиком. За счет прогнутости лицевой стороны венчика создается впечатление, что он понизу опоясан валиком. Сосуд имеет очень толстые стенки и дно (рис. 2, 5). Диаметр устья 16 см, наибольший диаметр тулова 17,5 см, высота сосуда 15 см, диаметр дна 12 см, толщина стенок 2,0–2,2 см. Сосуд симметричен, вылеплен вручную на поворотной подставке, на которую была положена ткань. Отпечаток последней хорошо заметен на плоском дне. Сосуд вытянут из целого куска глины. Формовочная масса имеет обильные примеси отощителя в виде крупнодробленого шамота. Обжиг относительно равномерный, горновой. На изломе видна полоса серого недожженного теста, у поверхностей цвет черепка равномерно светло-коричневый. Поверхности сосуда облицованы светлым ангобом. На внешней стороне венчика орнамент в виде пояса пуансонных вдавлений. В целом аналогии сосуду отсутствуют, однако необходимо отметить, что облицовка беловатым ангобом внешней поверхности изредка отмечается для керамики второй группы Джетыясарской культуры III этапа развития [Левина, 1971. С. 75]. Подобная облицовка отмечается и для керамики II этапа, однако в этом случае поверх светлого ангоба на поверхность сосуда нанесены мазки и потеки красно-коричневой краски [Левина, 1971. С. 74].

Таким образом, анализ керамики святилища Сумбетимералан-куркреук позволяет считать, что она по своим основным признакам совпадает с керамикой Джетыясарской культуры на III этапе ее развития и керамикой Кердерской культуры на раннем этапе ее развития. Это дает основание датировать описанный керамический комплекс VII–VIII вв. и считать его принадлежащим Джетыясарской или Кердерской культурам.

Могильник Дуана, святилище I, керамический комплекс.

Группа I. В первой группе керамики подавляющее количество фрагментов принадлежит горшкам. Среди них можно выделить несколько разновидностей. Большинство обломков принадлежит баночным сосудам с резко отогнутым наружу воротничковым венчиком, в поперечном сечении удлиненно-прямоугольным или подтреугольным (рис. 3, 6, 7, 9, 10, 11, 13). Изготовлены сосуды из плохо промешанного теста с примесями шамота. Внешние поверхности до обжига затирались жидкой глиной. Обжиг слабый, напольный, черепок в изломе черный. Сосуды украшены орнаментом, продавленным по сырой глине. Орнамент располагается пояском на внешней стороне венчика. По преимуществу это прямые вертикальные или чуть наклонные линии, иногда ромбические решетки или полукруглые вдавления. Эти сосуды находят аналогии в материалах Кердерской культуры, культуры «болотных городищ» и в керамике III этапа Джетыясарской культуры. В этом отношении характерно наличие на сосудах анализируемой группы такого признака как подтреугольный венчик. По наблюдениям Л. М. Левиной он появляется на горшках баночной формы лишь на III этапе развития Джетыясарской культуры [Левина, 1971. С. 74].

В анализируемом комплексе имеются также простые, без орнамента, плоскодонные широкогорлые горшки, сформованные из очень плохо промешанной формовочной массы и обожженные на костре (рис. 3, 1, 4, 5). Эти сосуды, а также миниатюрный лепной сосуд горшковидной формы с орнаментом в виде горизонтальной ломаной линии под горловиной (рис. 3, 16) являются какими-то локальными формами, не имеющими аналогий.

Группа II. Во вторую группу керамики отнесены сосуды, изготовленные на гончарном круге или с помощью поворотной подставки из предварительно отмученной и хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей отощителя. Обжиг горновой, черепок в изломе крас-

ный или розовато-кремовый. Среди этой керамики необходимо отметить фрагмент стенки станкового сосуда, внешняя поверхность которого облицована беловатым ангобом, поверх которого нанесены неопределенные темно-коричневые мазки. Сосуды, облицованные беловатым ангобом и росписью поверх него в виде неопределенных красно-коричневых мазков и потеков, в небольших количествах имеются в керамических комплексах I и II этапов развития Джетыясарской культуры. Исследователи включают их во вторую группу Джетыясарской керамики [Левина, 1971. С. 72].

Во вторую группу керамики святилища I входят также фрагменты двух кувшинов. От первого сохранился фрагмент горловины и ручки (рис. 3, 15). Горловина раструбообразная, оформленная подтреугольным в сечении, с прогнутой лицевой поверхностью, воротничковым венчиком. Под венчиком прикреплена вертикальная, подкрутлая в сечении ручка. Диаметр устья 8 см, толщина стенок 0,5 см. Внешняя поверхность сосуда облицована красно-коричневым ангобом.

Фрагмент второго кувшина (рис. 3, 8) имеет на внешней поверхности следы сплошной облицовки ярко-красным ангобом, одну коленчатую, овальную в поперечном сечении, сужающуюся к низу,

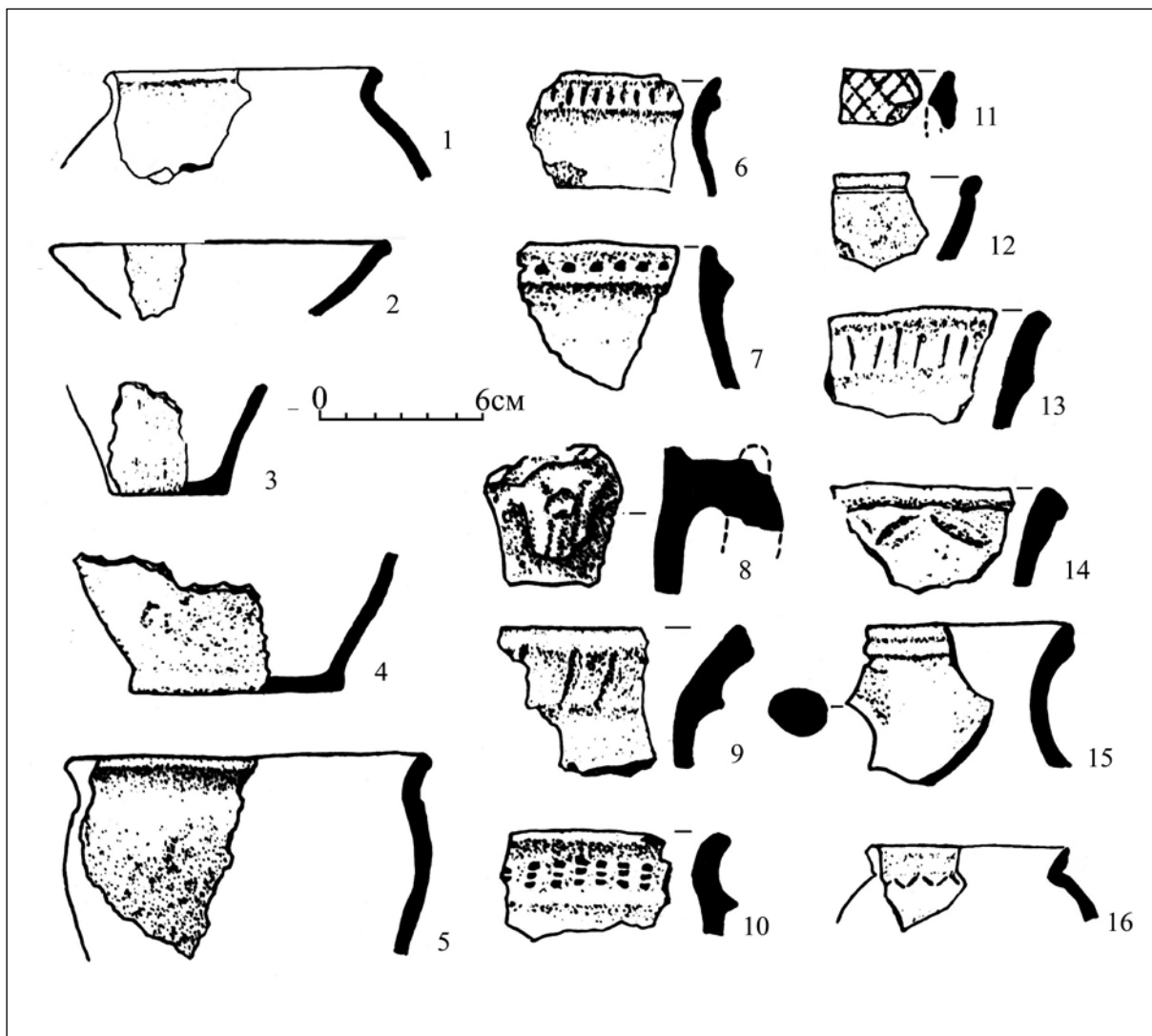

Рис. 3. Могильник Дуана, святилище I, керамический комплекс.

ручку. На изломе ручки конический налеп. На внешней поверхности, ниже налепа, двумя сходящимися к низу бороздами сформированы три широких, низких валика. Аналогичные по форме и технологическим признакам кувшины отмечены для всех трех этапов развития Джетыасарской культуры. Однако подтреугольные в сечении небольшие венчики характерны только для первых двух этапов, а на III этапе венчик образует лишь несколько утолщенный край [Левина, 1971. С. 68, 73, 75].

По наиболее поздним аналогиям весь комплекс керамики святилища I можно датировать VII–VIII вв. Однако, при этом необходимо отметить наличие в комплексе сосудов, обнаруживающих признаки, характерные для I и II этапов развития Джетыасарской культуры, что дает основание допускать возможность установления более ранней, чем названная выше дата.

Жарынкудук-10, святилище, керамический комплекс.

Группа I. Основная масса собранной керамики принадлежит этой группе. По форме это в основном различные типологически и по размеру варианты горшков с диаметром горловины от 11 до 38 см.

В большинстве фрагменты принадлежали крупным горшковидным сосудам типа хумчей. Сосуды имели тулово баночной формы или горшковидной (рис. 4, 1, 7). Все они имеют очень широкую горловину, равную наибольшему диаметру тулова. Горловина обычно обрамлена резко отогнутым наружу удлиненно-подпрямоугольным (рис. 4, 1, 4) или треугольным (рис. 4, 2, 3, 5, 6) венчиком. Иногда представляет собой просто отогнутую слегка утолщенную стенку сосуда. В большинстве случаев по внешней поверхности венчики украшены пояском орнамента. Это, как правило, вертикальные или слегка наклонные вдавления, овальные или прямые, расположенные в один ряд (рис. 4, 1, 2, 5, 7, 12, 14), иногда в два ряда (рис. 4, 6).

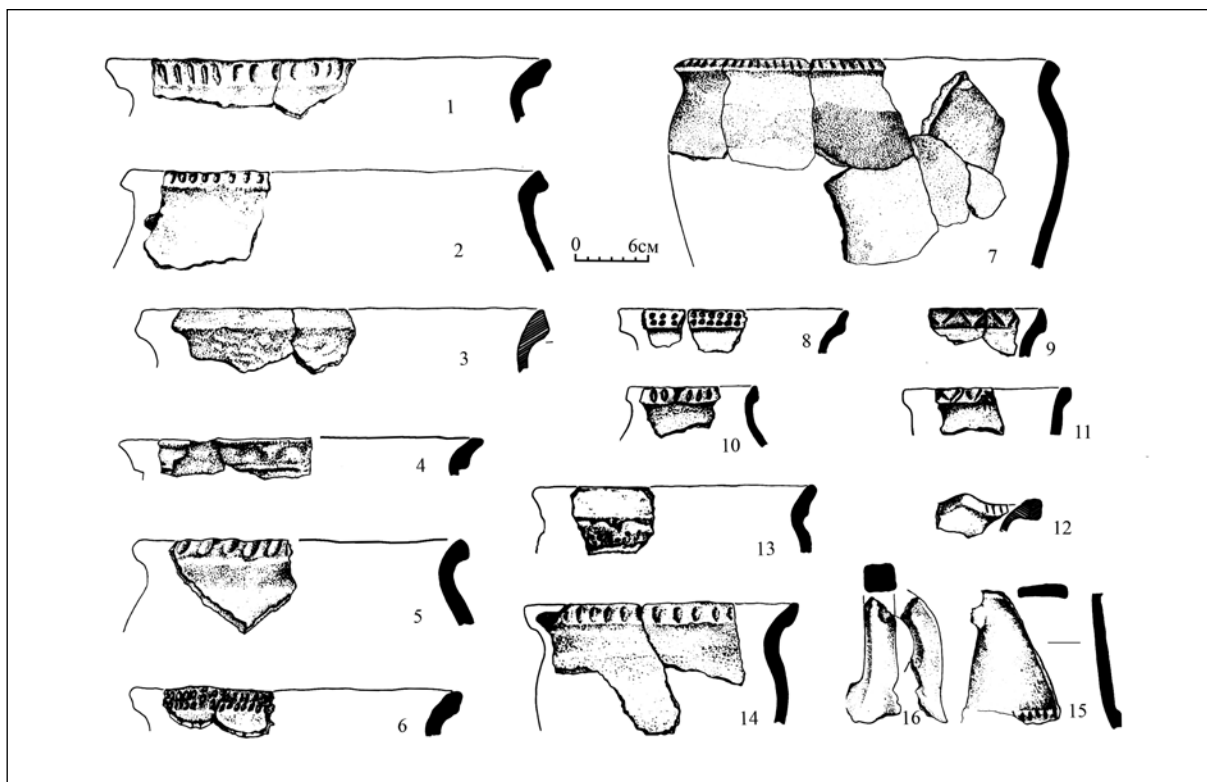

Рис. 4. Жарынкудук — 10, святилище, керамический комплекс.

Сосуды формировались вручную из грубопромешанной, неотмученной формовочной массы с примесями отощителя, в качестве которого использован шамот. Поверхности грубобугристые, серого, черного или кирпично-красного цвета. До обжига затирались жидкой глиной. Обжиг слабый, костровый, черепок в изломе черный, крошащийся. Иногда у поверхностей цвет меняется на кирпично-красный.

Горшковидные сосуды меньших размеров (рис. 4, 8–14) по своим основным признакам не отличаются от крупных горшковидных, иногда имеют несколько зауженную горловину (рис. 4, 10). Кроме того, на некоторых из них на венчиках с внешней стороны имеются налепы-выступы (рис. 4, 12), вероятно, их было два или четыре, и располагались они друг против друга. На этих сосудах, кроме перечисленных выше, отмечен и такой орнаментальный мотив, как зигзагообразная прерывистая линия, образованная оттисками прямых линий (рис. 4, 9, 11). И, наконец, для многих из этих сосудов характерен такой декоративный прием, как нарочито грубая, бессистемная обмазка внешней поверхности тулова грубой мелкокомковатой глиной (рис. 4, 13).

Группа II. Находки керамики этой группы в общей массе крайне немногочисленны. Представлены они обычно фрагментами стенок красноглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге из хорошо промешанной, предварительно отмученной формовочной массы. На внешней поверхности иногда сохраняются следы красноватого ангоба. В коллекции отмечены находки фрагментов кувшинов с вертикальной ручкой (рис. 4, 16). Только один фрагмент позволяет частично реконструировать сосуд (рис. 4, 15). Это фрагмент горловины кувшина с округлым туловом и высокой, широкой горловиной, суживающейся вверх. Верхний ее край резко отогнут, и образует раструб, обрамленный вертикально вытянутым утолщенным венчиком. По основанию горловины, в месте резкого перелома к плечикам сосуда, кувшин опоясан валиком, украшенным поперечными вдавлениями. Сосуд имеет плоскую в сечении вертикальную ручку, верхним корнем опирающуюся на стенку горловины под венчиком, нижним, вероятно, на плечики. Сосуд сформован с применением поворотной подставки. Формовочная масса предварительно отмученная, без видимых примесей. Обжиг горновой, черепок в изломе красный; в середине видна бледно-серая полоса недожженной формовочной массы. Внешняя поверхность шероховатая, облицована светло-серым ангобом. Внутренняя поверхность облицована плотным ярко-красным ангобом.

По всем перечисленным признакам описанный керамический комплекс полностью совпадает с керамическими комплексами Джетыясарской культуры на III этапе ее развития, которая датируется концом VII – началом IX вв. [Левина, 1971. С. 74–75]; культуры болотных городищ, датируемой концом VII – началом IX вв. [Толстов, 1947 а. С. 57–71; 1947 б. С. 180–181; 1948. С. 210–213; Левина, 1971. С. 77–86] и керамическим комплексом последней четверти VII–первой половины VIII вв. Кердерской культуры в дельте Амударьи.

Вместе с тем некоторые признаки позволяют несколько сузить перечисленные даты. По наблюдениям Л. М. Левиной, прием отделки внешней поверхности горшковидных сосудов путем нанесения нарочито-грубой, бессистемной обмазки характерен для Джетыясарской культуры, которая появлялась здесь еще в конце II этапа ее развития, то есть в конце VII в. [Левина, 1971. С. 74–75]. На III этапе на этой обмазке появляется четко выраженная вертикальная ребристость, столь характерная для Кердерской культуры.

В керамическом комплексе Жарынкудук-10 сосудов с вертикальной ребристостью нет, что, видимо, дает основание датировать этот комплекс временем конца II этапа Джетыясарской культуры, то есть VII в.

Североустюртская система стреловидных планировок. Подсистема I. Керамический комплекс.

Группа I. В количественном отношении эта группа является преобладающей в рассматриваемом комплексе. Большинство сосудов, входящих в данную группу, представляют собой плоскодонные горшки баночной или горшковидной формы с резко отогнутым наружу венчиком удлиненно-подпрямоугольной (рис. 5, 3, 11), вытянуто-треугольной (рис. 5, 2), просто треугольной формы. Часто горловины сосудов не имеют венчика, представляя собой просто отогнутый наружу край стенки сосуда, иногда слабо утолщенный (рис. 5, 1, 9, 12, 13). На некоторых сосудах на нижней стороне венчика, в его нижней части имеются шишечки-налепы или ушки-налепы. Они, вероятно, располагались на противоположных сторонах горловины по две или по четыре штуки. Венчики по наружной стороне часто украшались поясками орнамента в виде вдавленных ромбов (рис. 5, 11), вертикальных прямых вдавлений (рис. 5, 12), наклонных удлиненно-овальных вдавлений (рис. 5, 13), наклонных удлиненно-овальных вдавлений (рис. 5, 2), округлых вертикальных вдавлений (рис. 5, 12). В некоторых случаях прямыми вдавлениями образована опоясывающая сосуд зигзагообразная линия (рис. 5, 9). Иногда сосуды украшались нанесенными по берегу наклонными вдавлениями (рис. 5, 4).

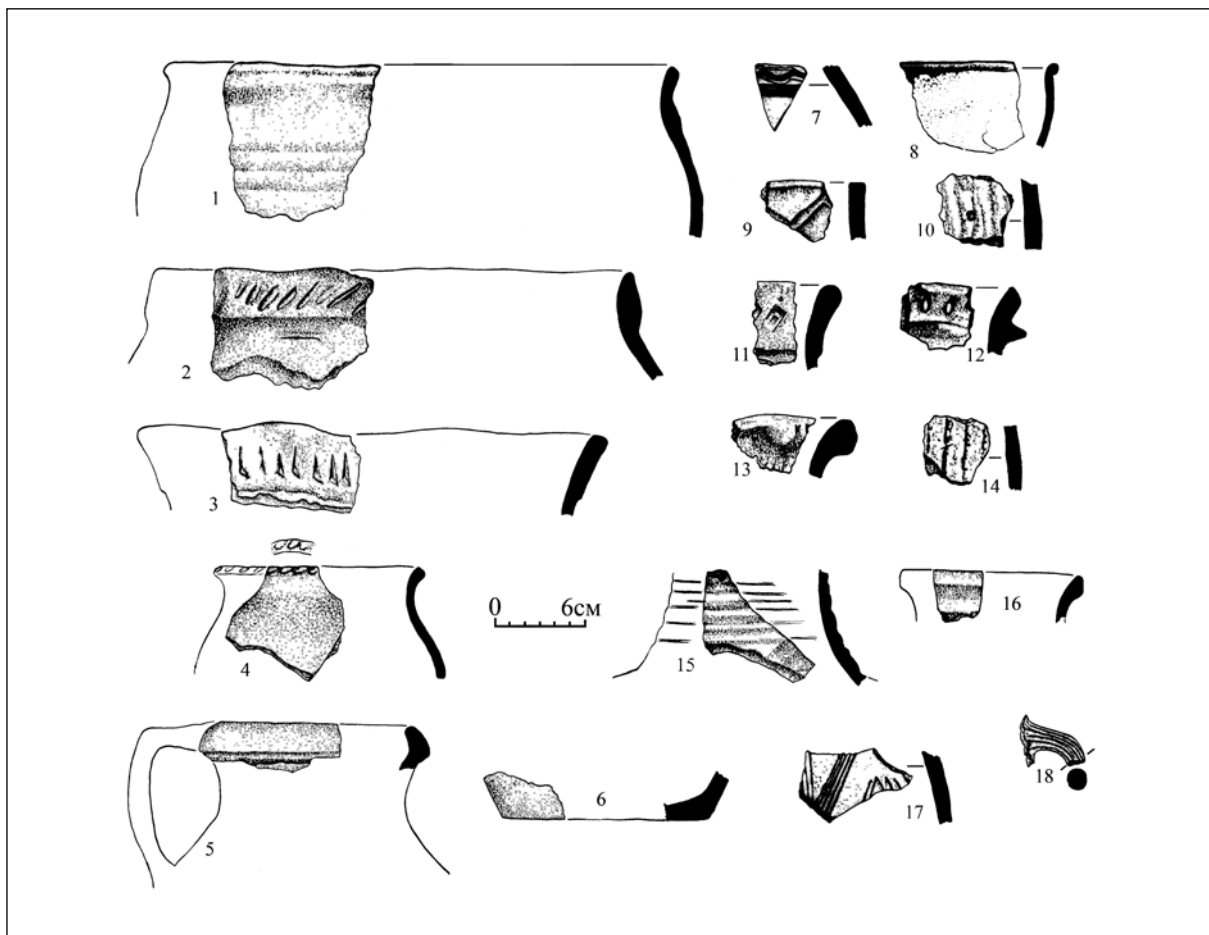

Рис. 5. Североустюртская система стреловидных планировок. Подсистема I. Керамический комплекс. Группа I, II.

Поверхности сосудов обычно грубобугристые, плохо заглаженные. Внешняя поверхность до обжига затиралась жидкой глиной. В ряде случаев внешняя поверхность имела характерную отделку в виде нарочито грубой обмазки с хорошо выраженной вертикальной ребристостью (рис. 5, 8, 10, 14). В одном случае на внешней поверхности сосуда отмечена слабовыраженная горизонтальная ребристость (рис. 5, 1).

Сосуды формировались вручную, без применения гончарного круга или поворотной подставки. Формовочная масса плохо промешана, приготовлена из неотмученной глины, в которую в значительных количествах вводился отошитель в виде шамота. Обжиг неполный, слабый, неравномерный, черепок в изломе черный, часто крошится.

Баночные сосуды, аналогичные описанным, в целом характерны для первой группы керамики Джетыясарской культуры низовьев Сырдарьи на II и III этапах ее развития, датирующихся с IV по VIII или до начала IX вв. н. э. [Левина, 1971. С. 71, 74, 75], для керамики «культуры болотных городищ» [Левина, 1971. С. 78–80] и раннего этапа развития Кердерской культуры Приаральской дельты Амударьи, датирующегося последней четвертью VII–первой половиной VIII вв. н. э. [Поселение Курганча, неопубликованные материалы в фондах отдела археологии ИИАЭ КК ОАН РУз.]. Наличие такого признака, как вертикальная ребристость на грубой глиняной обмазке, нанесенной на сосуд, позволяет ограничить дату всего комплекса последней четвертью VII–первой половиной VIII вв. н. э. Поскольку в Джетыясарской культуре подобный признак появляется лишь на третьем этапе [Левина, 1971. С. 74–75], а в Кердерской культуре — это наиболее характерный признак для горшков, по преимуществу баночной формы, раннего этапа развития этой культуры [Поселение Курганча, неопубликованные материалы в фондах отдела археологии ИИАЭ КК ОАН РУз.].

Группа II. Очень немногочисленна, представлена в анализируемом комплексе всего несколькими фрагментами. По форме большинство из них принадлежит кувшинам различных разновидностей. Два фрагмента (рис. 5, 5, 6) принадлежит кувшинам так называемого «афригидского типа». Это широкогорлые кувшины с выделенной суженой шейкой, яйцевидным туловом и плоским дном. Кувшины одноручные, ручка пластинчатая, сужающаяся к низу. Венчик подпрямоугольной формы, имеет с внутренней стороны изгиб, образующий своеобразный «кармашек».

Формовались сосуды этого типа на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы с редкими известняковыми вкраплениями. При формовке под дно подсыпался песок, его отпечатки сохранились на плоской поверхности дна. На внешней поверхности следы облицовки зеленоватым слабоукривистым осыпающимся ангобом.

Впервые сосуды подобного типа описаны А. И. Тереножкиным [Тереножкин, 1940], опубликовались С. П. Толстовым [Толстов, 1948. С. 142, табл. 51–53]. Кувшины описанного типа имеют четкую хронологическую позицию. Они датируются в пределах последней четверти VII–первой половины VIII вв. и широко распространены в Правобережных и Левобережном Хорезме [Тереножкин, 1940; Толстов, 1948. С. 142, табл. 51–53; Неразик, 1959. С. 240, рис. 6, 1, 2; 1966. С. 38, рис. 19, 1–8; Ягодин, Ходжаниязов, 1970. С. 66–68, рис. 28, 1–5], в Кердере [Гудкова, Ягодин, 1963. С. 261; Гудкова, 1964. С. 58; неопубликованные материалы раскопок кердерских городищ Куюк-кала и Курганча в фондах отдела археологии ИИАЭ КК ОАН РУз.].

Фрагмент горловины кувшина с подтреугольным в сечении венчиком (рис. 5, 16). Сосуд изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе коричневатого-серый. На внешней поверхности следы облицовки черным ангобом. Сосуды с перечисленными признаками характерны для керамики II группы Джетыясарской культуры [Левина, 1971. С. 68, 73, 75]. Отнесение описываемого

фрагмента к тому или иному этапу затруднительно, хотя следует заметить, что на III этапе кувшины характеризуются отсутствием венчика и имеют просто утолщенный край [Левина, 1971. С. 75].

Фрагмент горловины кувшина (рис. 5, 15). Горловина неширокая, суживающаяся кверху, от плечиков отделена резким уступом. На внешней стороне горловины горизонтальное рифление. Сосуд изготовлен из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы с примесью незначительного количества дресвы. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе кремевый. На внешней поверхности следы сплошной облицовки плотным красно-коричневым ангобом.

Такой признак, как горизонтальное рифление на горловине, характерен для всех трех этапов развития Джетыясарской культуры [Левина, 1971. С. 68, 73–75].

Фрагмент плечиков кувшина (рис. 5, 7). Принадлежит хорошо изученному типу водоносных узкогорлых кувшинок с высокой пластинчатой ручкой. Сосуд изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг равномерный, цвет черепка в изломе — терракотовый. На внешней поверхности — плотный желтоватый ангоб. На плечиках кувшина орнаментальный пояс: орнамент линейно-волнистый, нанесенный гребенкой по сырой глине. Между двух параллельных гребенчатых полос проведена волнистая гребенчатая линия.

Сосуды этого типа характерны для хорезмийской афригидо-саманидской культуры IX в. [Вактурская, 1959. С. 272, 273, 276], а также для позднекердерского керамического комплекса, датированного в целом второй половиной VIII–X вв. [Ягодин, 1981. С. 87, 98, рис. 6, 5].

Единственным фрагментом представлен сосуд типа хумчи. Изготовлен он на гончарном круге из предварительно отмученной и хорошо промешанной формовочной массы с редкими известняковыми примесями. Обжиг горновой, равномерный, черепок в изломе кирпично-красного цвета (рис. 5, 17). Внешняя поверхность облицована неплотным желтоватым ангобом и украшена линейно-волнистым гребенчатым орнаментом. Подобные сосуды характерны для афригидской культуры раннесредневекового (VII–VIII вв.) Хорезма [Толстов, 1948, табл. 51; 1959. С. 236–240, рис. 5, 2, 13]. В небольших количествах находки фрагментов подобных сосудов отмечены в Джетыясарской культуре на третьем этапе ее развития (VII – начало IX вв.). [Левина, 1966. С. 59, рис. 8, 20, 28] и в материалах раннего этапа развития Кердерской культуры [Гудкова, Ягодин, 1963. С. 261].

Также одним фрагментом представлен сосуд типа небольшого кувшина или кружки с петельчатой, круглой в сечении вертикальной ручкой. Сосуд изготовлен из тонкоотмученной, хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей, отошителя. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе равномерного красного цвета. Поверхность ручки бессистемно огранена в результате заглаживания по сырой глине каким-то плоским орудием. Внешняя поверхность сосуда облицована плотным темно-красным ангобом, поверх которого — сплошное лощение (рис. 5, 18).

Описанный сосуд по технологическим признакам и отделке поверхности имеет аналогии в керамике II группы Джетыясарской культуры на всех трех этапах ее развития [Левина, 1971. С. 68, 70, 73, 75], а также в Кердерской культуре на раннем этапе ее развития [Поселение Курганча. Неопубликованные материалы в фондах отдела археологии ИИАЭ КК ОАН РУз.].

Вышеприведенный обзор позволяет сделать вывод, что керамика Североустюртской системы стреловидных планировок представляет собой единый в культурном отношении комплекс, представлена формами характерными как для III этапа (конец VII – начало IX вв.) Джетыясарской культуры и для раннего этапа (последняя четверть VII–первая половина VIII вв.) Кердерской культуры.

В хронологическом отношении исследуемый керамический комплекс обнаруживает некоторые черты неоднородности. Ряд признаков позволяет говорить о наличии в комплексе наряду с ма-

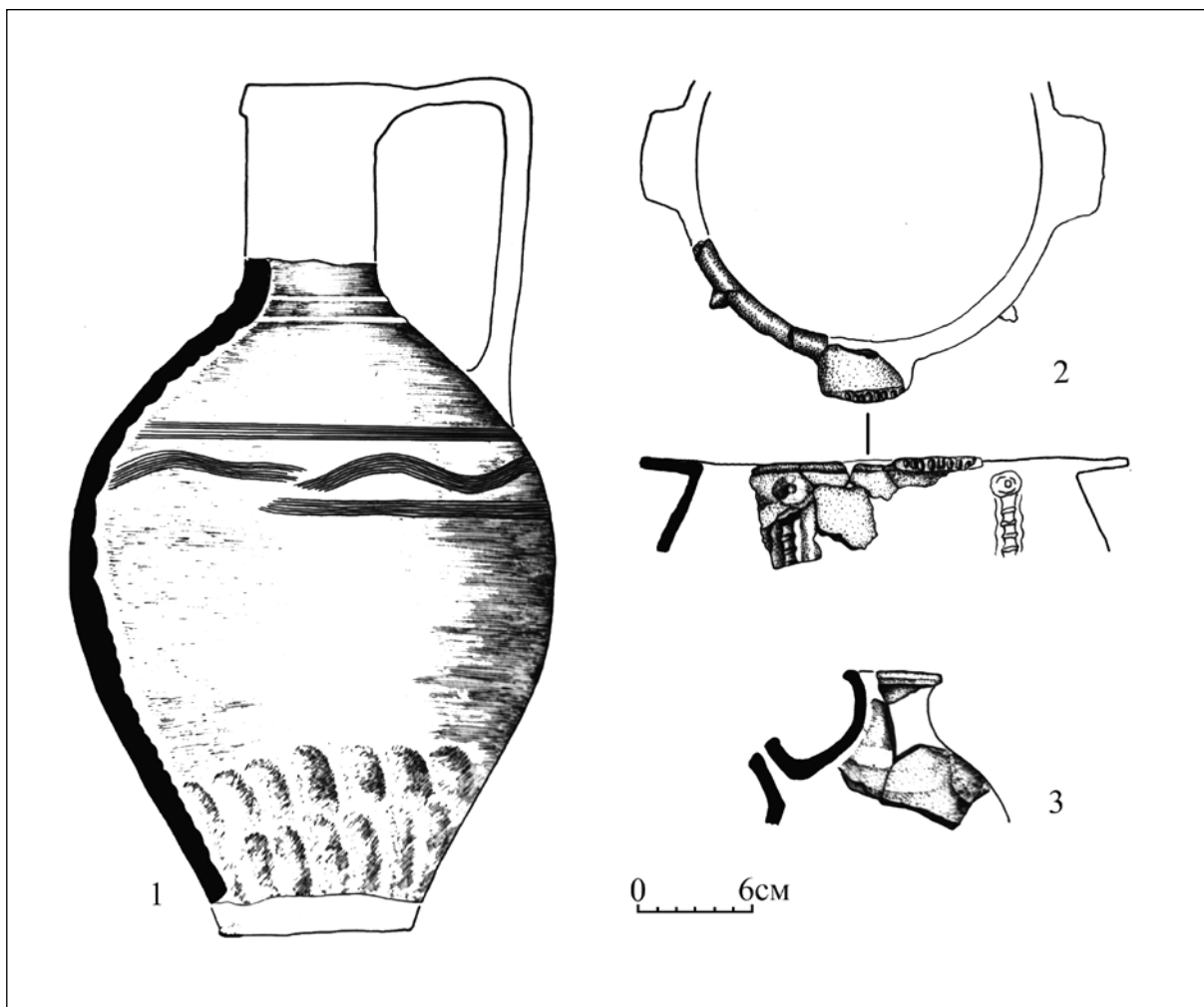

Рис. 6. Декча — I, стреловидная планировка, отдельное кольцо, керамика. Городище Курганча (Давлетгирей).

териалами III этапа, также материалов более ранних этапов развития Джетыясарской культуры. Наряду с этим, проведенный анализ позволяет выделить немногочисленный комплекс который можно целиком отнести к IX или даже X вв.

Декча — I, стреловидная планировка, отдельное кольцо, керамика.

При раскопках отдельного кольца стреловидной планировки Декча-1, среди немногочисленных, сильно измельченных неопределимых фрагментов керамики были обнаружены фрагменты одного сосуда типа «чайник» (рис. 6, 3). Сосуд узкогорлый, обрамленный по устью валикообразным венчиком с четко выраженным ребром на внешней поверхности. Горловина, расширяющаяся к устью. На крутых плечиках трубчатый слив. Сосуд изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной формовочной массы с обильными примесями отощителя в виде крупных комков гипса. Формовка на гончарном круге, грубая. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе красный, на внешней поверхности следы оправки в виде грубых штрихов различных направлений. Поверхность облицована плотным желтоватым ангобом.

Аналогичные сосуды отмечены в слоях конца VII–первой половины VIII вв. городища Курганча, памятника так называемой «Кердерской культуры», распространенной в VII–VIII вв. в Правобережной части Приаральской дельты р. Амударьи [фонды отдела археологии ИИАЭ КК ОАН РУз. Курганчинский археологический экспедиционный отряд 1970 г., раскоп VII, кв. Н-2, пласт 1, Опись 2, колл. № 41–43].

Карамата-7, стреловидная планировка, остатки каменной кладки, керамика.

Небольшое количество фрагментов керамики, принадлежащих одному или нескольким однотипным сосудам. Сосуд крупный, вероятно типа кувшина, изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы с редкими известковыми примесями. Обжиг горновой, не всегда равномерный, черепок красный в изломе, однако, в ряде мест сохраняется серая, недожженная полоса в середине. Внешняя поверхность покрыта густым, ярко-красным ангобом и серым ангобом, имеет следы сплошного лощения.

Крупные сосуды с подобной отделкой внешней поверхности характерны для Джетыясарской культуры на всех трех этапах ее развития (Левина, 1971. С. 68, 73, 75).

Период IX–XI вв. — огузский.

Керамические комплексы этого времени происходят с городищ, башен, стреловидных планировок, остатков кочевий и курганов Восточного чинка, внутренних районов Устюрта. Неоднократно упоминаемые в литературе находки керамики на археологических памятниках Мангышлака, в том числе лепной огузской керамики, до настоящего времени не опубликованы и вследствие этого прискорбного обстоятельства не могли быть привлечены к нашему анализу.

По технологическим признакам всю керамику интересующего нас периода можно разделить на три группы: 1) станковая неполивная; 2) станковая поливная; 3) лепная. Первые две группы представлены формами, хорошо изученными по материалам оседло-земледельческих поселений и городов Хорезма афригидо-саманидского периода. Находки этой керамики являются основой для абсолютного датирования изучаемых археологических объектов. Что касается третьей группы, то она представлена чрезвычайно выразительными, видимо имеющими «этническую окраску», формами. Типологическая и хронологическая классификация этой керамики еще не разработана. Материал для решения этой задачи только начинает накапливаться, и вся эта группа керамики датируется по нахождению в комплексах с датированной станковой хорезмийской керамикой.

В исследованных на Устюрте археологических объектах находки керамики представлены неравномерно и их информативная ценность различна. На остатках кочевий, курганах и стреловидных планировках отмечены лишь единичные находки керамики в основном принадлежащие к первой из вышеупомянутых групп. На башнях находки иногда более многочисленны, здесь представлена керамика 1 и 2 групп. И, наконец, в культурных слоях городищ мы имеем наиболее многочисленные керамические комплексы, включающие керамику всех трех перечисленных групп. Именно эти комплексы мы используем в качестве опорных для характеристики керамики Арало-Каспийского междуморья IX–XI вв. Подобные комплексы мы имеем на городищах Аджибай, Караумбет и Куланлы. Обратимся к их характеристике.

Аджибай, городище, керамический комплекс IX–XI вв.

Городище, возведенное в X–XI вв., подверглось перестройке в XII – начале XIII вв., в связи с чем ранние культурные напластования были почти повсеместно уничтожены. Первоначальный

культурный слой сохранился только в помещении № 2 на полу 1, за счет того, что первоначальный слой был перекрыт забутовкой, а не вычищен как во всех остальных, вскрытых раскопками, помещениях. Кроме того, отдельные находки керамики X–XI вв. в переотложенном состоянии имеются в слоях XII – начала XIII вв.

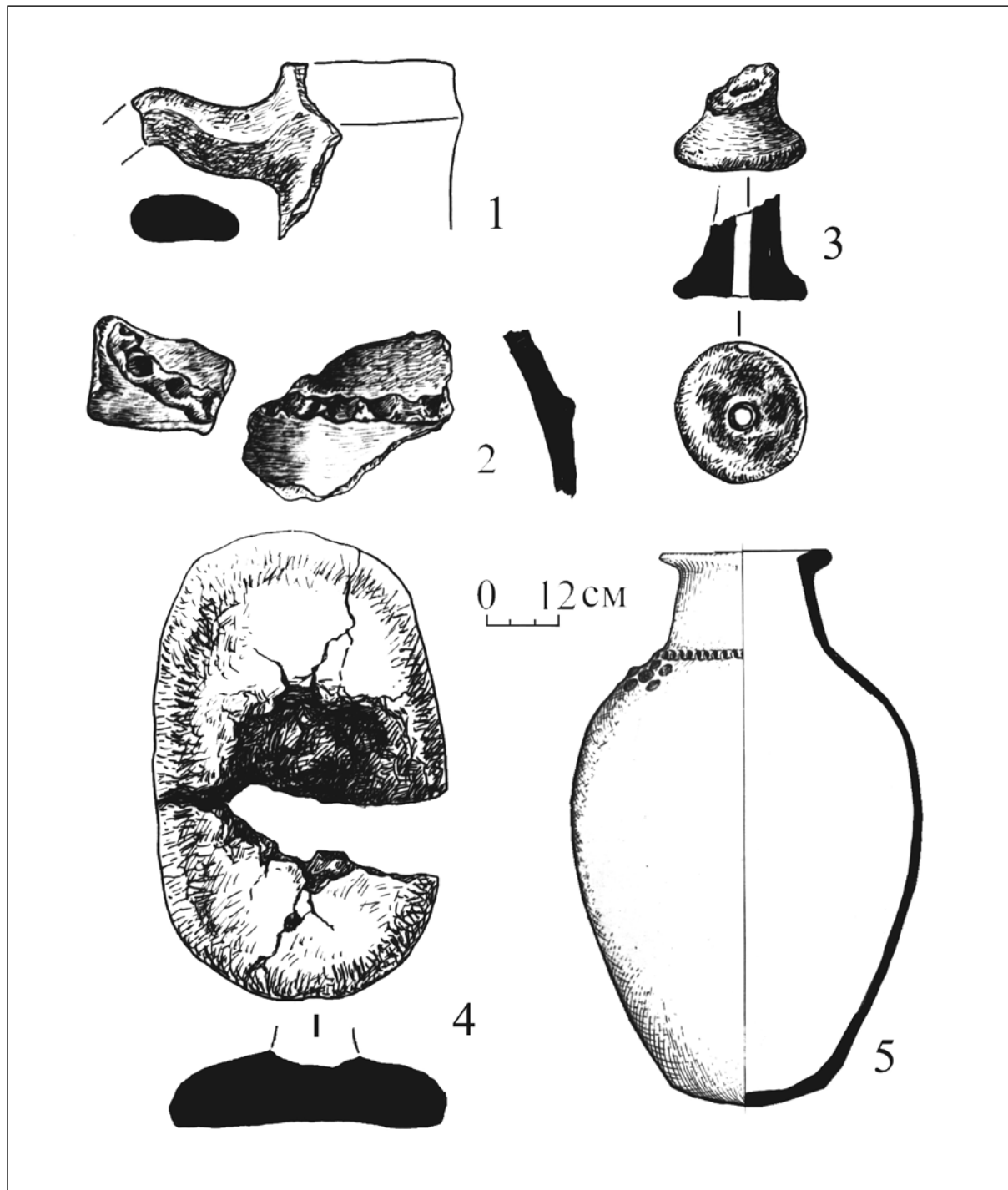

Рис. 7. Аджибай, городище, керамический комплекс IX–XI вв. Керамика I группы.

Группа I.

Хумы. Единственная находка хума отмечена в помещении № 2. Он был выкопан с уровня пола 1. Хум имеет выпуклое дно, яйцевидное тулово, высокую сужающуюся кверху горловину, устье которой обрамлено полочковидным венчиком (рис. 7, 5). По основанию горловины хум украшен горизонтальным валиком с пальцевыми вдавлениями. На плечиках находятся четыре оппозитно расположенных оттиска штампа в виде розетки, состоящей из центрального диска и расположенных по кругу вокруг него 4–5 конических бугорков. Внешняя поверхность сосуда имеет сплошную облицовку ангобом зеленовато-серого цвета. Хум имеет высоту 0,8 м, наибольший диаметр тулова 0,57 м. Изготовлен на гончарном круге из хорошо промешанной формовочной массы с примесью дресвы. Обжиг горновой, черепок в изломе красный.

Хум не имеет аналогий в хорезмийских материалах и является какой-то локальной формой. Близкие по форме хумы отмечены в позднекердерских керамических комплексах IX–XI вв. [Гудкова, 1964. С. 132, рис. 35, 1].

Кувшины (рис. 7, 1). Кувшин водоносный, узкогорлый с одной высокой вертикальной ручкой, овальной в поперечном сечении. Горловина высокая, цилиндрическая. На внутренней стороне у края выгиб — «кармашек». Диаметр горловины 5,4 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге из тонко-отмученной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг горновой, черепок в изломе красный. Внешняя поверхность облицована желтоватым слабоукривистым ангобом.

Описанная форма кувшинов характерна для хорезмийских керамических комплексов X–XI вв. [Вактурская, 1959. С. 276–277].

Дигири. Они представлены многочисленными находками небольших фрагментов. Эта форма гончарной керамики широко распространена в культурных слоях оседлоземледельческих поселений и городов Хорезма IX–XI вв. [Вактурская, 1959. С. 280, рис. 4].

Группа II.

Представлена мелкими фрагментами чаш сегментовидной формы, изготовленных на гончарном круге из тонкоотмученной формовочной массы без визуально наблюдаемых примесей. Обжиг равномерный горновой, черепок в изломе кремового или красноватого цвета. На внутренней поверхности чаш следы росписи в виде точек и полос коричневого и зеленоватого цвета по белой ангобной подгрунтовке покрытой бесцветной глазурью. На некоторых фрагментах отмечены следы подглазурной гравировки. Подобные чаши характерны для керамических комплексов Хорезма X–XI вв. [Вактурская, 1959. С. 286, рис. 7].

Группа III.

Представлена сильно фрагментированным материалом, позволяющим определить лишь очень небольшое количество форм.

Сосуд горшковидный (рис. 7, 2). В целом форма не реконструируется. На внешней поверхности, вероятно на плечиках, налепные валики, расположенные по горизонтали и по дуге, с пальцевыми вдавлениями. Сосуд лепной, изготовленный из плохо промешанной формовочной массы с примесями шамота. Обжиг слабый, костровый. Внешняя поверхность сильно закопчена.

Пряслице (рис. 7, 3). Вылеплено вручную, очень грубо, из плохо промешанной формовочной массы, неотмученной с примесями шамота. Обжиг костровый, слабый.

«Гладилка» или «утюжок» (рис. 7, 4). Плоское, овальное в плане изделие, видимо, с ручкой-выступом сверху. Размеры по осям 9 x 14 см. Нижняя часть относительно плоская, верхняя слабовыпуклая. Изготовлена вручную из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями шамота. Обжиг костровый, слабый. Изделие растрескававшееся, черепок в изломе

черный в середине, красный у поверхностей. На поверхностях углисто-серые и ярко-красные пятна кострового обжига. Функциональное определение изделия затруднительно. Аналогичные «утюжки» были обнаружены также при раскопках городищ Баккал-кала и Курганча, в последнем случае уже в слое XII – начала XIII вв. [Маньлов, 1978. С. 271, рис. 84, 2].

Весь описанный комплекс в целом, по формам хорезмийской гончарной керамики может быть датирован X–XI вв.

Караумбет, городище, керамический комплекс IX–XI вв.

Керамический комплекс происходит из помещений функционировавших лишь в период IX–XI вв. и перекрытых затем завалом.

Группа I.

Хумы (рис. 8, 3). Все сосуды однотипны, найдены в помещениях №№ 2–5, где они были закрыты в пол дном вверх и использовались в качестве поглотителей-бадрабов. Хумы имеют слабо-выпуклое дно, яйцевидное, вертикально вытянутое тулово, высокую слабо расширенную кверху горловину по устью обрамленную массивным валикообразным венчиком. С внутренней стороны венчика хорошо выраженный «кармашек». Высота хумов составляет около 1 м, диаметр горловины

0,25–0,27 м, наибольший диаметр тулова 0,47–0,50 м.

Хумы изготавливались поясами на гончарном круге из относительно хорошо промешанной, предварительно отмученной формовочной массы с примесью отощителя., в качестве которого использованы дресва, шамот и гипс. Внешняя поверхность хумов облицована желтовато-зеленым ангобом. Обжиг горновой, черепок в изломе красный.

Хумы и хумчи данного типа характерны для хорезмийской афригидской культуры второй половины VIII вв. [Неразик, 1959. С. 236–240, рис. 3, 8–10], а также для раннего этапа Кердерской культуры (последняя четверть VII–первая половина VIII вв.) Приаральской дельты Амударьи. Факт использования хумов афригидских типов в более позднюю эпоху отмечен и для позднего (IX–X вв.) этапа развития Кердерской культуры [Гудкова, 1964. С. 132; Ягодин, 1981. С. 86–87].

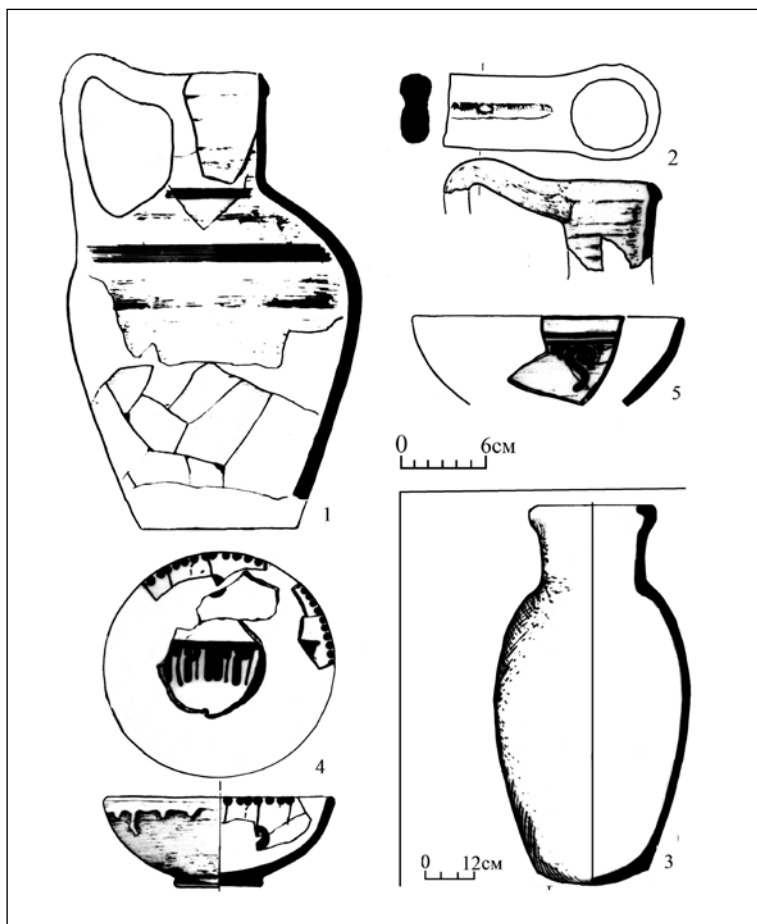

Рис. 8. Караумбет, городище, керамический комплекс IX–XI вв. Керамика I, II группы.

Кувшины (рис. 8, 1, 2), водоносные, узкогорлые, одноручные. Дно плоское, тулово яйцевидной формы, плечики широкие, выпуклые. Горловина высокая, узкая цилиндрическая с подтреугольным в сечении венчиком со слабо выраженным «кармашком» с внутренней стороны. Ручка коленчато-изломанная, слегка приподнята над горловиной, вертикальная, широкая, пластинчатая. На внешней стороне вдоль ручки широкая ложбинка, проведённая по сырой глине до обжига, пальцем. Диаметр горловины 7–8 см, ширина ручки 6 см, наибольший диаметр тулова 25 см, диаметр дна 12,5 см, высота сосуда 37,5 см.

Кувшины изготавливались на гончарном круге из тонкоотмученной формовочной массы, тщательно промешанной, с редкими белыми гипсовыми примесями. Придонная часть некоторых сосудов данного типа с внешней стороны доформовывалась подрезкой ножом. Создавалось впечатление слабо выделенной огранённости этой части сосуда. На внутренней поверхности горловины чётко выраженная горизонтальная ребристость. На внешней поверхности иногда неясно выраженная горизонтальная ребристость. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе ровного, красноватого или кремового цвета. Внешняя поверхность сосудов обычно облицована слабоукрывистым желтоватым ангобом.

Кувшины описанной формы украшались волнистым и линейным гребенчатым орнаментом. У основания горловины обычен поясok линейного орнамента, на плечиках пояс волнистого и линейного орнамента.

Сосуды данного типа широко распространены в Хорезме IX–XI вв. Однако ряд особенностей, рассмотренных нами экземпляров, сближает их с хорезмийскими водоносными кувшинами, дата которых ограничена только IX в. [Вактурская, 1959. С. 276–277, рис. 2, 4, 6–9]. Подобные сосуды характерны и для позднего этапа развития Кердерской культуры. На городище Хайван-кала они найдены в слоях IX–X вв. [Ягодин, 1981. С. 87, рис. 6, 5].

Группа II.

Представлена фрагментами чаш сегментовидной формы на дисковидном поддоне (рис. 8, 4–5), Диаметр по устью 19–22 см, диаметр поддона 7,3 см, высота сосудов 7–8 см, толщина стенок 0,5–0,7 см. Сосуды формовались на гончарном круге из тонкоотмученной формовочной массы без видимых примесей. При формовке внешняя поверхность у поддона подрезалась ножом. Обжиг равномерный, горновой, черепок звонкий, в изломе красный.

На внутренней поверхности, по белой ангобной подгрунтовке роспись черным — эпиграфический орнамент. На одном сосуде (рис. 8, 4, 5) по его внутреннему краю, поясok из крупных точек. По диаметру сосуд пересечен крупной стилизованной кувфической надписью. По обе ее стороны находятся два толстых кольца. Вся поверхность целиком покрыта бесцветной свинцовой поливой. На внешней стороне белым ангобом облицован только верхний край сосуда. Остальная его поверхность имеет естественный красноватый цвет обжига.

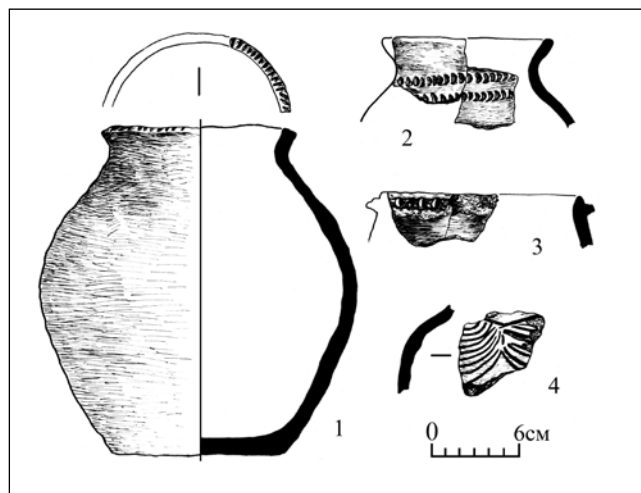

Рис. 9. Караумбет, городище, керамический комплекс IX–XI вв. Керамика III группы.

Подобные чаши широко распространены в культурных слоях хорезмийских городов и сельских поселений X–XI вв. [Вактурская, 1959. С. 286, 290, 293, рис. 14, 7]. Характерны они и для позднекердерских керамических комплексов [Ягодин, 1981. С. 91, рис. 7, 4–5].

Группа III.

Находки керамики этой группы хотя и многочисленны, но сильно фрагментированы, что не позволяет, в большинстве случаев, достоверно реконструировать форму сосуда. Поэтому типологический состав керамики данной группы крайне беден.

Горшки (рис. 9, 1–2). Полностью реконструируемый экземпляр имеет плоское дно, раздутое в средней части тулово, суженую (диаметр меньше диаметра дна), низкую, раструбообразную горловину без венчика образованную простым перегибом стенок. Диаметр горловины 12,0–13,5 см, наибольший диаметр тулова 22,0 см, диаметр дна 12 см. Сосуды формовались вручную, без применения гончарного круга, отдельными поясами. На внутренней поверхности хорошо заметны линии сращивания этих поясов. Сосуды изготавливались из плохо промешанной формовочной массы с примесью шамота. Внешняя поверхность до обжига затиралась жидкой глиной. Обжиг костровый, неравномерный, черепок в изломе имеет местами красный, местами черный цвет.

Сосуды скупо украшались. На одном экземпляре — это поясок косых насечек по бортику (рис. 9, 1), на другом — двойной пояс серповидных (ногтевых) вдавлений охватывающий шейку сосуда (рис. 9, 2).

Какие либо другие формы на имеющемся материале не реконструируются. Имеющиеся данные позволяют лишь расширить информацию о видах декора для III группы керамики. На одном экземпляре сосуд чуть ниже края горловины опоясан наклепным валиком с поперечными вдавлениями (рис. 9, 3), на другом прочерченный орнамент расположен на плечиках сосуда. Орнамент представляет собой вписанные одна в другую полукружия, опирающиеся на ломаную линию, опоясывающую сосуд по основанию горловины (рис. 9, 4).

По дате комплекса, определенной с помощью хорезмийской станковой керамики, сосуды, входящие в 3 группу, могут быть датированы IX–XI вв.

Куланлы, городище, керамический комплекс IX–XI вв.

Анализируемая керамика происходит из смешанных культурных слоев, в которых перемешан материал двух различных хронологических периодов IX–XI и XII – начала XIII вв. Представлен он теми же тремя группами, что и вышеописанные комплексы. Типологический и сравнительный анализ позволяет определить хронологические позиции для керамики первой и второй группы. Что касается третьей группы, типология и хронология которой еще не разработаны, то здесь удается путем сравнительно-типологического анализа установить хронологические позиции лишь для отдельных форм, а всю группу в целом рассматривать в широких хронологических рамках IX – начала XIII вв.

Группа I. В коллекции представлена только фрагментами кувшинов. Все фрагменты принадлежат водоносным узкогорлым кувшинам (рис. 10, 1–7), однотипными с вышеописанными для керамического комплекса IX–XI вв. городища Караумбет, что избавляет нас от необходимости их повторного описания. Вместе с тем, необходимо отметить, что керамика описываемой группы городища Куланлы обладает и некоторыми индивидуальными чертами, проявляющимися в декоре сосудов. На одном экземпляре (рис. 10, 7), сосуд по внешней стороне украшен орнаментом, прорезанным по сырой глине в виде вертикальных тонких двойных линий, пространство между которыми заполнялось или столбиком косых насечек, или столбиком ромбической сетки.

На другом экземпляре (рис. 10, 6) на внешней стороне — прорезной и вдавленный по сырой глине орнамент. Его система в целом неясна. На сохранившемся фрагменте двойные прочерчен-

ные по сырой глине линии образуют листообразные контуры, внутреннее поле которых заполнено рядами штриховых вдавлений.

Таким образом, на стандартном технологически и по форме кувшине наблюдается нестандартный орнамент. Учитывая реальную этнокультурную ситуацию на северо-западных границах средневекового Хорезма, на стыке кочевых и оседло-земледельческих культур, можно предположить, что часть кувшинов, вероятно, изготавливалась в хорезмийских гончарных центрах с учетом художественных вкусов потребителей этой продукции кочевников-огузов Устюрта. Для орнамента, видимо, использовались хорошо известные в прикладном искусстве кочевников мотивы.

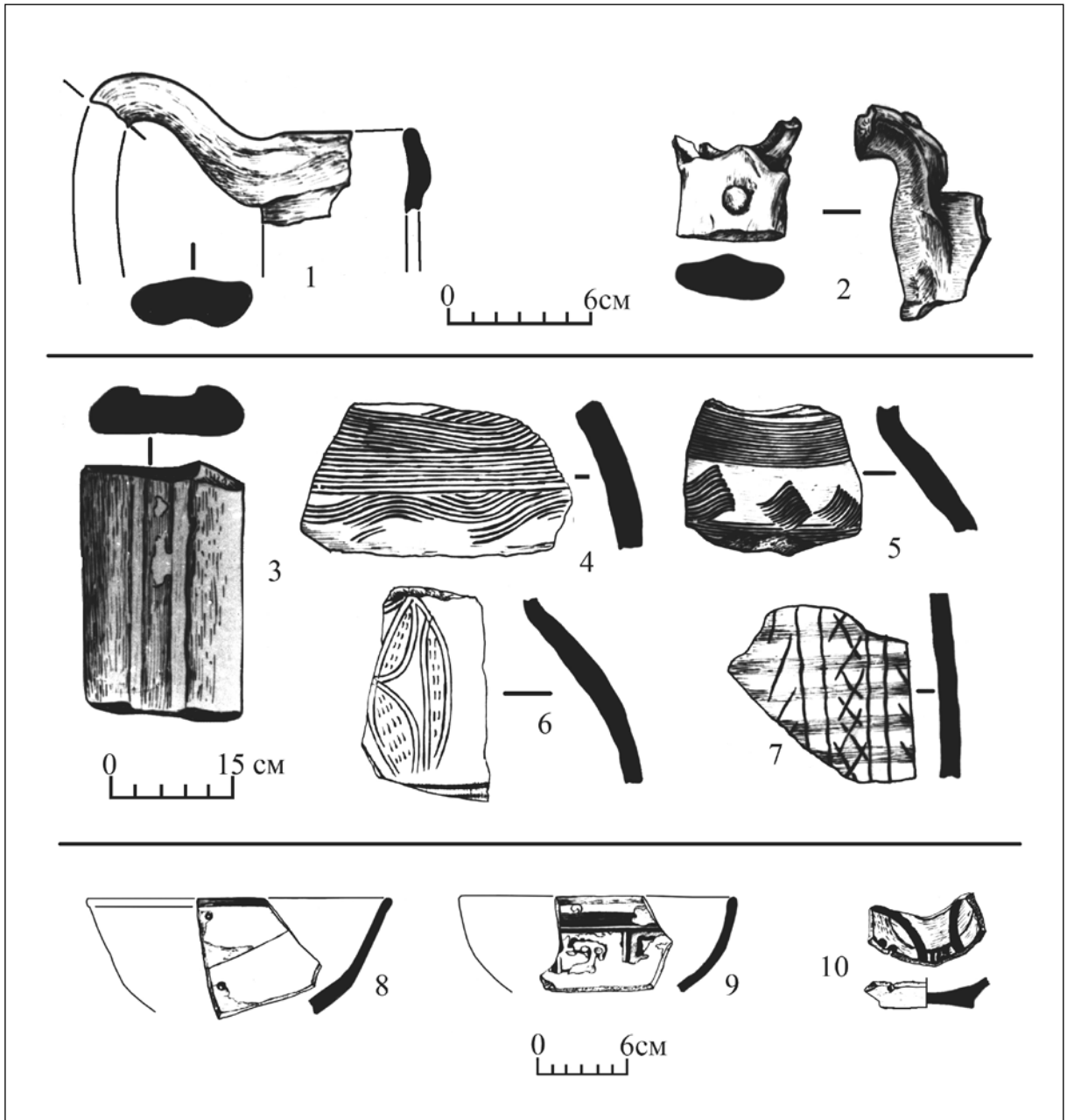

Рис. 10. Куланлы, городище, керамический комплекс IX–XI вв. Керамика I, II группы.

В целом описанный тип сосудов аналогичен хорезмийским кувшинам IX–XI вв., хотя часть находок имеет признаки позволяющие ограничить их дату одним IX в. или X–XI вв. [Вактурская, 1959. С. 276, рис. 2, 4, 6, 7, 8].

Группа II. Представлена единственной формой — чашами усеченно-конической или сегментовидной формы на дисковидном поддоне (рис. 8, 5; 10, 8–10). Сосуды изготавливались на гончарном круге из тщательно промешанной, тонкоотмученной формовочной массы без видимых невооруженному глазу примесей отошителя. Обжиг горновой, равномерный, черепок звонкий, в изломе розовато-кремовый. На внутренней поверхности сплошная облицовка белым ангобом и роспись по нему черной, коричневой и бледно-зеленой красками. На некоторых черепках следы эпиграфического орнамента (рис. 10, 10).

По внутренней поверхности чаш сплошная облицовка бесцветной свинцовой поливой. Подобные сосуды известны в хорошо датированных хорезмийских керамических комплексах X–XI вв. [Вактурская, 1959. С. 286–293].

Период XII – начало XIII вв. — кипчакский, домонгольский.

Керамические комплексы этого периода представлены в основном из раскопок и поверхностных сборов с городищ и башен. Комплексы более полные, чем комплексы предшествующего периода, поскольку они происходят в основном из культурных слоев, не нарушенных более поздними перестройками. Так же как и в предшествующем периоде, керамика XII – начала XIII вв. делится на три группы: станковую неполивную, станковую поливную, лепную. Первые две группы представлены хорошо изученными хорезмийскими формами. Керамика III группы весьма своеобразна, она, безусловно, имеет «этническую окраску». Изучение этой керамики находится в самом начале, поэтому ни типологической, ни хронологической ее классификации еще не разработано. Пока же ее хронологическая позиция устанавливается по нахождению в комплексах с хорошо изученной хорезмийской керамикой.

Для характеристики керамики XIII – начала XIII вв. мы выбрали лишь наиболее многочисленные типологически и технологически разнообразные комплексы, используя их в качестве опорных для характеристики керамики Арало-Каспийского междуморья XII – начала XIII вв. Подобные комплексы мы имеем на городищах Аджибай, Караумбет, Куланлы, Хантерсек.

Аджибай, городище, керамический комплекс.

Происходит из ненарушенных культурных слоев городища возникшего в IX–XI вв. и перестроенного в XII – начале XIII вв.

Группа I.

Кувшины. В комплексе две разновидности этих сосудов. К первой относится кувшин водоносный, одноручный (рис. 11, 1). Дно плоское, тулово яйцевидное, горловина высокая, цилиндрическая, венчик образован слегка утолщенным краем стенки. Ручка массивная, круглая в сечении, петлевидная, высоко поднимающаяся над краем горловины. В средней части тулова слабо выделяется горизонтальная ребристость. Размеры сосуда: диаметр горловины 6,5 см, наибольший диаметр тулова 21 см, диаметр дна 10 см, диаметр ручки 1,9–2,0 см, толщина стенок 0,4–0,6 см.

Сосуд сформован на гончарном круге из предварительно отмученной, относительно хорошо промешанной формовочной массы с незначительными примесями отошителя в виде мелкомолотой дресвы. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе серый. Внешняя поверхность

облицована темно-серым ангобом. Данная разновидность кувшинов представлена массовыми находками практически во всех памятниках Хорезма XII – начала XIII вв. [Вактурская, 1959. С. 304–306, рис. 21, 3].

Другая разновидность кувшинов представлена несколькими фрагментами (рис. 11, 2, 3). Они принадлежат одноручным, узкогорлым кувшинам с вертикальной, петлевидной, округлой в поперечном сечении ручкой со ступенчато-коническим навершием. Судя по аналогиям, кувшины имели кольцевой поддон и высокую, ребристую горловину. Сосуды этой разновидности изготовлены на гончарном круге из тонкоотмученной и тщательно промешанной формовочной массы без видимых примесей. Поверхности облицованы слабоукрывистым светлым, желтоватым ангобом. Обжиг горновой, равномерный, черепок в изломе кремовый или красноватый. Орнамент располагается горизонтальными поясами: пояс наклонных вдавлений, пояс гребенчатых арочек, широкая прочерченная полоса.

Данная разновидность кувшинов в качестве редко встречающейся известна в хорезмийских керамических комплексах XII – начала XIII вв. [Вактурская, 1959. С. 306, 308; Неразик, 1976. С. 117, рис. 68, 2], как Левобережного, так и Правобережного Хорезма.

Миски (рис. 11, 4) с плоским дном, низким усеченно-коническим, сильно раздутым в верхней части туловом. В верхней части стенки плавно сведены внутрь, а затем резко отогнуты наружу, образуя широкий, полочковидный с приостренным бережком, венчик. Внешняя поверхность сосудов, в верхней части обычно неясно ребристая. Диаметр сосудов по внешнему краю 28–36 см,

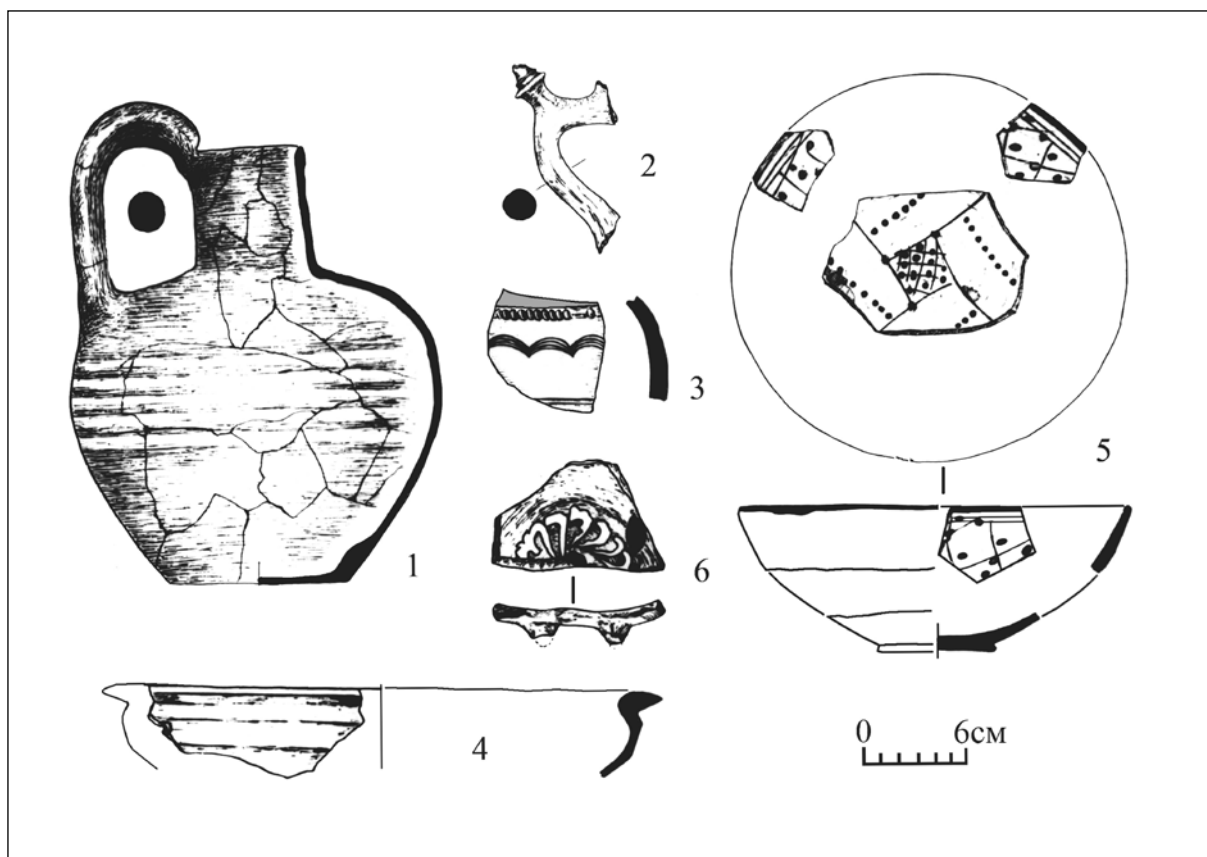

Рис. 11. Аджибай, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика I, II группы

толщина стенок 0,4–0,5 см. Сосуды изготавливались на гончарном круге из предварительно отмученной формовочной массы, хорошо промешанной, с примесью небольшого количества отощителя, в качестве которого использованы дресва и гипс. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе серый. Поверхности облицованы темно-серым ангобом.

Описанная форма керамики хорошо известна по раскопкам хорезмийских археологических памятников эпохи Великих Хорезмшахов [Вактурская, 1959. С. 38; Неразик, 1976. С. 117, рис. 68, 15].

Группа II.

Находки керамики этой группы очень немногочисленны. Все они представлены единственной формой – чашами сегментовидной формы на дисковидном поддоне (рис. 11, 5) или на трёх

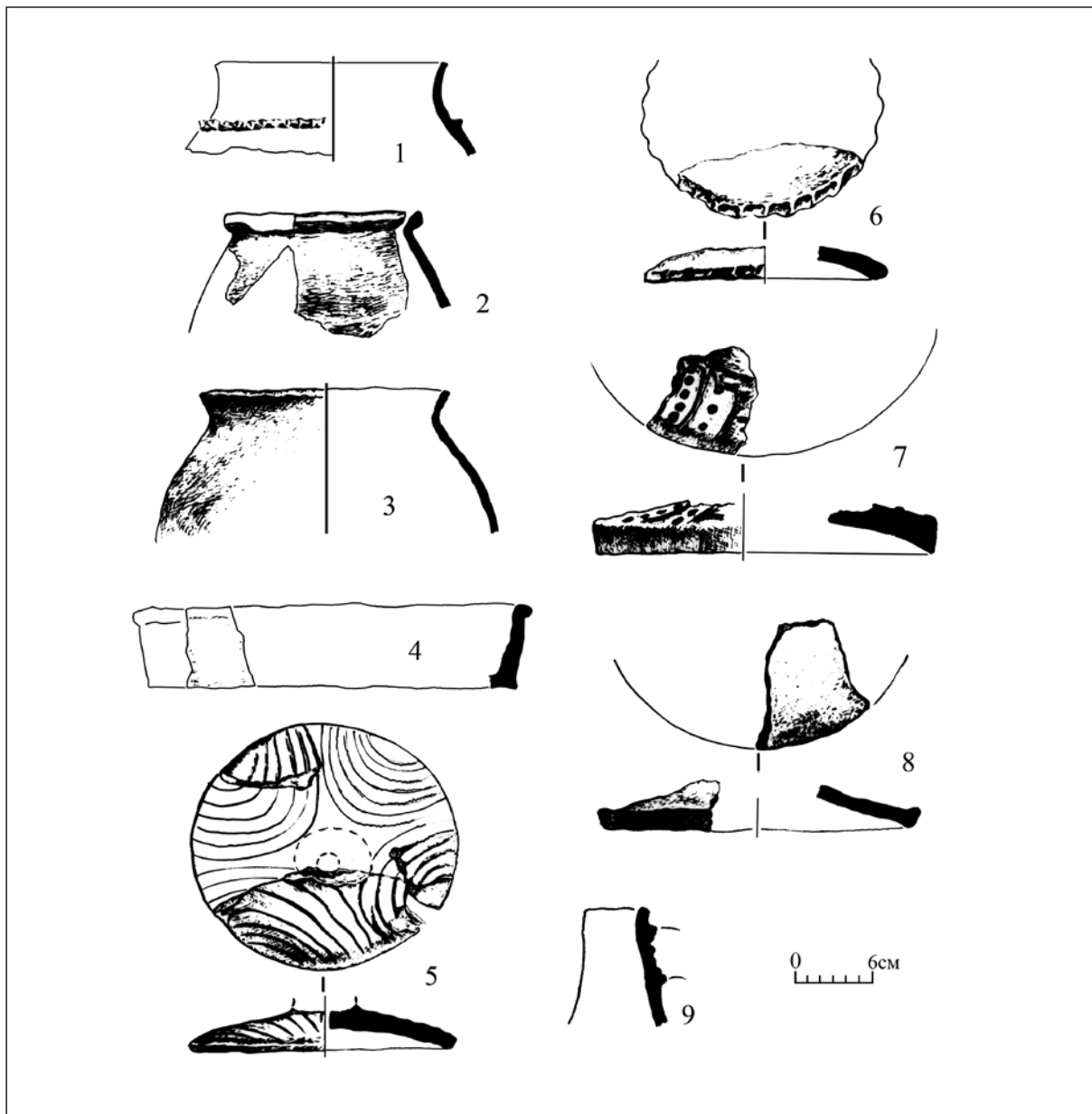

Рис. 12. Аджибай, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика III группы.

коротких ножках-выступах (рис. 11, 6). Сохранившийся экземпляр чаши имеет диаметр по устью 21,0 см, диаметр поддона 6,5 см, высота сосуда 8 см, толщина стенок 0,5–0,6 см.

Сосуды изготавливались на гончарном круге из предварительно отмученной, без видимых примесей отощителя, формовочной массы. Обжиг горновой, равномерный, черепок в изломе кирпично-красный. На одном из сосудов на внутренней поверхности полихромная роспись на желтоватой ангобной подгрунтовке. Роспись в виде рядов точек коричневого и расплывчато-зелёного цвета. Роспись дополнена тонкой гравировкой, состоящей из комбинации прямых линий, которые пересекаясь, образуют косую ромбическую сетку. Поверху сплошная облицовка прозрачной поливой. Внешняя сторона облицована белым ангобом, поливы нет (рис. 11, 5).

Чаши описанной разновидности находят аналогии в хорезмийских керамических комплексах эпохи великих Хорезмшахов [Вактурская, 1959. С. 316, рис. 27].

Чаши другой разновидности, на трёх ножках-выступах которых имеет на внутренней стороне дна роспись белой краской в виде стилизованной куфической надписи идущей по кругу, а также следы неясной росписи красной краской. В данном случае мы имеем дело, с какой-то единичной формой, поскольку аналогичных чаш в известных нам хорезмийских комплексах нет.

Группа III.

Находки этой керамики довольно многочисленны, однако, представлена она небольшим количеством форм.

Горшки и горшковидные сосуды (рис. 12, 1, 2). Сосуды с низкой, широкой горловиной, со слегка расходящимися наружу стенками, обычно без венчика. Только в одном случае (рис. 12, 2) утолщённый край образует грубый воротничковый венчик. На одном из экземпляров (рис. 12, 1) горловина по основанию опоясана валиком с поперечными насечками.

Сосуды формовались вручную, без применения гончарного круга из неотмученной, плохо промешанной формовочной массы с примесями отощителя в виде грубодробленого шамота и белых гипсовых включений. Формовка производилась ленточным способом, на внутренней поверхности сосудов видны следы сращивания лент. Формовка обычно грубая, поверхности бугристые, на внешней поверхности часто видны идущие в разных направлениях следы заглаживания широким плоским инструментом. Обжиг костровый, слабый, черепок в изломе имеет местами черный, местами красный цвет. Внешняя поверхность горшков обычно сильно закопчена.

Горшок с валиком с защипами под шейкой аналогичный описанному известен в комплексе XII – начала XIII вв. городища Пулжай [Ягодин, 1963, рис. 10, 7].

Горшки с шейкой, опоясанной налепным валиком с пальцевыми вдавлениями, часто встречаются на поселениях Нижней Сырдарьи XII–XIV вв. [Вактурская, 1979. С. 129]. По наблюдениям Н. Н. Вактурской появление в нижнесырдарьинских керамических комплексах «... лепных горшков с шейкой опоясанной налепным валиком с вдавлениями — археологически свидетельствует о проникновении в среду местного огузского населения пришлых элементов. Ими, как свидетельствуют письменные источники, были кипчаки, уничтожившие в середине XI в. государство огузских ябгу и расселившихся на их землях» [Вактурская, 1979. С. 132].

Кувшин (рис. 12, 9). Представлен единственным фрагментом высокой, узкой горловины без венчика с одной вертикальной ручкой. Сосуд изготовлен вручную из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями шамота в качестве отощителя. Сосуд грубобугристый. Обжиг костровый, на поверхностях ярко-красные и углисто-серые пятна кострового обжига. Излом черепка красный.

Находки фрагментов аналогичных кувшинов имеются в керамическом комплексе городища Хантерсек XII – начала XIII вв. (см. ниже) и в смешанном керамическом комплексе IX – начала XIII вв. городища Куланлы (см. ниже).

Сковорода. Представлена единственным экземпляром (рис. 12, 4). Сосуд с широким, плоским дном, низкими, слегка расходящимися в стороны прямыми бортами и грубо выделанным, валикообразным венчиком. Диаметр по венчику 33 см, по дну 30 см, высота сосуда около 6,5 см. Сковорода вылеплена вручную из плохо промешанной формовочной массы с обильными белыми известковыми или гипсовыми примесями в качестве отощителя. Обжиг костровый, слабый, черепок в изломе черный.

Крышки (рис. 12, 5, 6, 7, 8). Находки многочисленны. Крышки низкокониической формы, на некоторых видны остатки находившейся вверху ручки, очевидно блоковидной формы (рис. 12, 5). Такая ручка найдена, в частности, при раскопках городища Баккал-кала. Она имеет сквозное отверстие в центре и украшен пальцевыми вдавлениями по верхнему краю, делающими его волнистым. Диаметр крышек 19–30 см. Крышки массивные, толстостенные. Вылеплены грубо, вручную, из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями шамота или белыми гипсовыми примесями. Обжиг костровый, слабый, черепок в изломе черный и красный. Крышки в большинстве случаев украшались по внешней поверхности, хотя имеются и неукрашенные экземпляры (рис. 12, 8). Одна из крышек украшена по краю поясом глубоких пальцевых вдавлений, делающих край крышки волнистым. На другой крышке на верхней поверхности прочерчен по сырой глине орнамент в виде четырех оппозитно расположенных блоков из вписанных одна в другую полукружий (рис. 12, 5). И, наконец, еще на одном экземпляре находился орнамент в виде вихревой розетки из глубоко прочер-

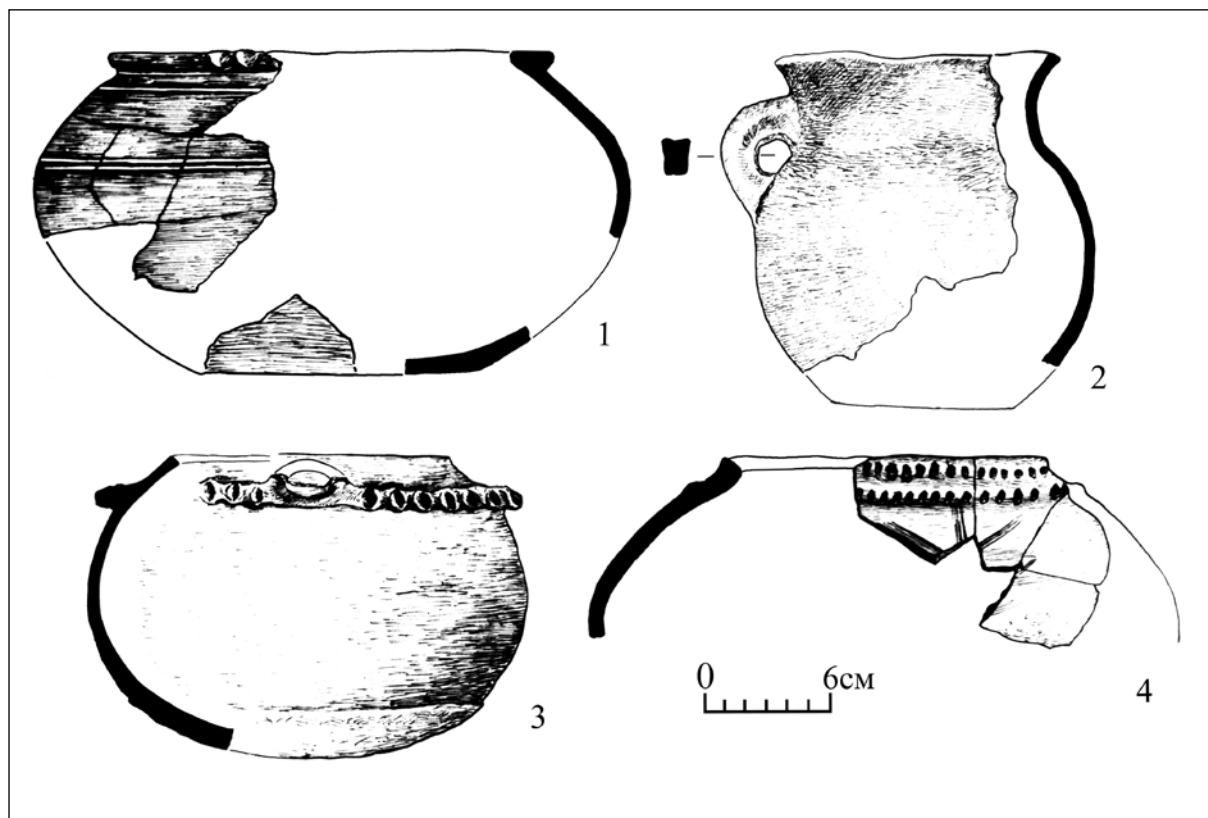

Рис. 13. Караумбет, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика I, III группы.

ченных линий с центром, вероятно, в виде ручки на крышке. Между прочерченными линиями ряды пуансонных вдавлений (рис. 12, 7). Нижняя поверхность всех крышек обычно сильно закопчена.

Большое количество типологически и по мотивам орнамента крышек аналогов имеется в культурных слоях IX–X вв. позднекердерских памятников Приаральской дельты р. Амударьи [Гудкова, 1964. С. 135, рис. 35, 17, 25, 26; Ягодин, 1981. С. 95, рис. 8, 13, 15]. Близкие по форме и орнаменту крышки распространены на нижнесырдарьинских поселениях XII–XIV вв. [Вактурская, 1979. С. 129, рис. 3, 16].

Караумбет, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв.

Происходит с верхних полов помещений в южном углу городища, повторно освоенных в то время, как остальная территория городища запустевает. Среди находок немногочисленные экземпляры керамики I группы, находок керамики II группы нет, довольно многочисленны находки керамики III группы.

Груша I.

Горшок или котел сплюснуто-шаровидной формы (рис. 13, 1). Дно плоское. Подтреугольный со скругленными углами венчик, с широким, плоским горизонтальным борозком, посажен не-

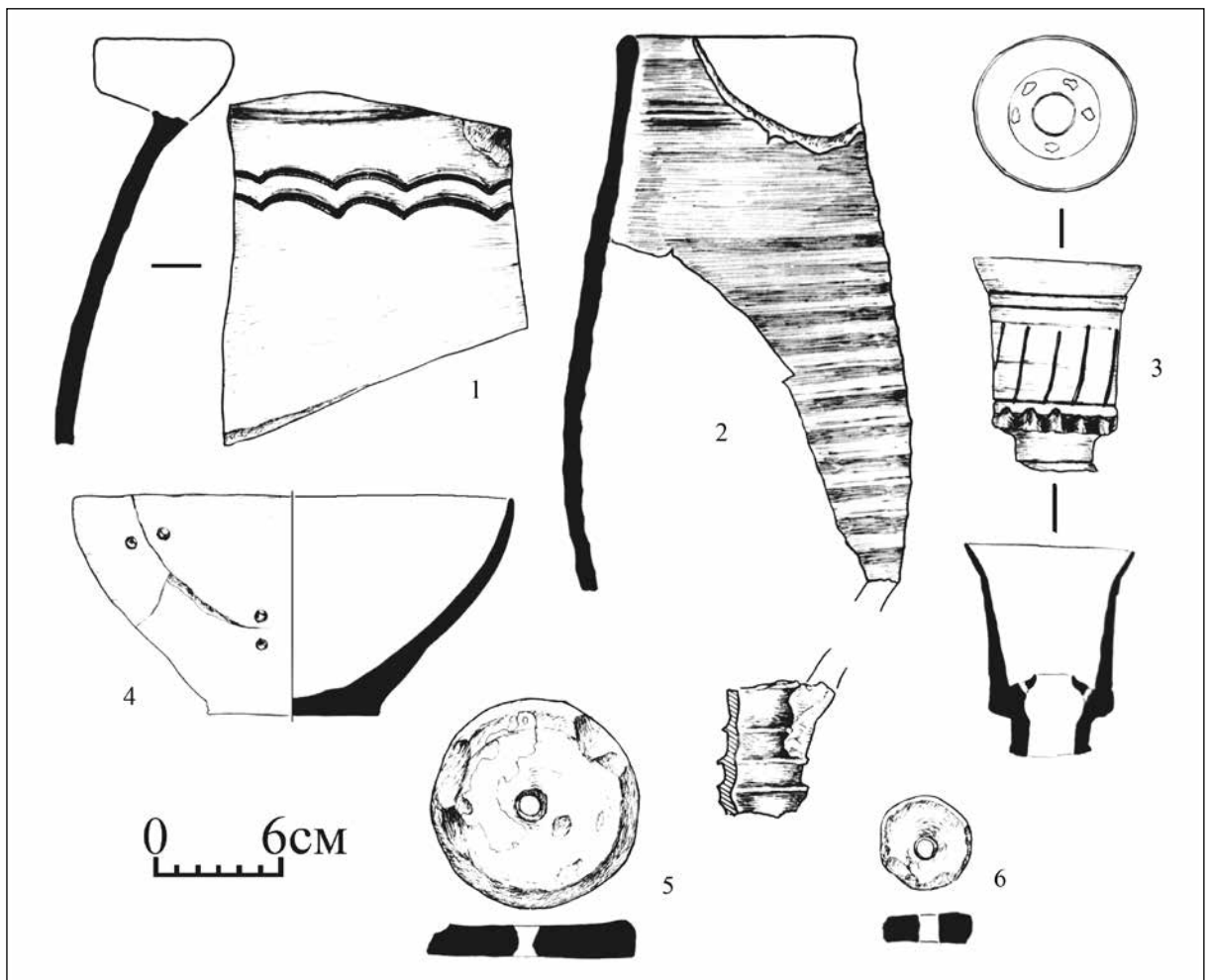

Рис. 14. Кияжол-1, 2 городища, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика I группы.

посредственно на плечики сосуда. Диаметр горловины 23 см, наибольший диаметр тулова 30 см, диаметр дна 14 см, высота сосуда 17 см.

Сосуд изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной и довольно хорошо промешанной формовочной массы с примесями отошителя в виде мелкодробленой дресвы. Формовка велась на подсыпке, из дресвы, оставившей отпечатки на плоскости дна. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе серый. Поверхности облицованы темно-серым, почти черным ангобом.

На внешней стороне венчика, в четырех местах оппозитно расположенные парные пальцевые вдавления. Под венчиком широкая прочерченная линия, посередине тулова такая же, но двойная линия.

Данная керамическая форма широко распространена в Хорезме XII – начала XIII вв. [Вактурская, 1959. С. 311, 313]. Столь же широко она была распространена в культурных слоях XII – начала XIII вв. городищ Восточного чинка Устюрта [Ягодин, 1963. С. 95, рис. 10, 4]. Особо следует отметить наличие в комплексах XII – начала XIII вв. городищ Восточного чинка Устюрта лепных котлов аналогичной формы сформованных по образцу описанных станковых. Подобный лепной котел, в частности, был обнаружен при раскопках помещения № 5 городища Баккал-кала.

Группа II.

Горшок. Плоскодонный, округлый, вертикально вытянутый, горловина относительно высокая со слегка расходящимися наружу стенками. Одна вертикальная петлеобразная ручка, подпрямоуголь-

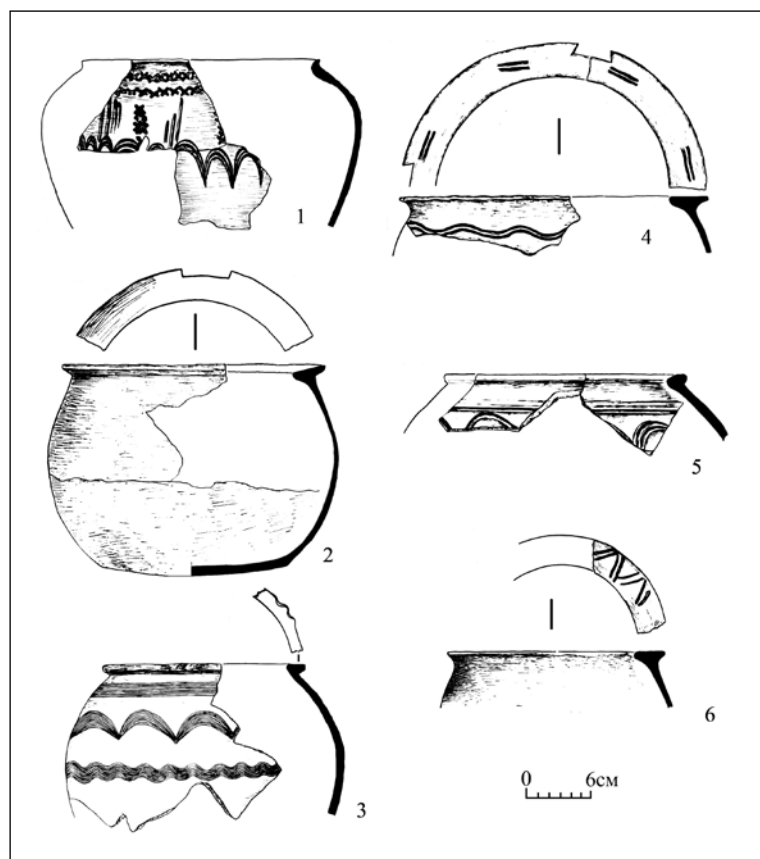

Рис. 15. Кияжол-1, 2 городища, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика I группы.

ная в поперечном сечении (рис. 13, 2). Диаметр устья 14 см, наибольший диаметр тулова 17 см. Сосуд сформован вручную из относительно хорошо промешанной формовочной массы с примесями шамота. Поверхности хорошо заглажены. Обжиг неравномерный, напольный, черепок в изломе местами красный. На внешней поверхности углисто-серые и ярко-красные пятна кострового обжига. Горловина и плечики закопчены.

Котлы. Шаровидно-сплюсненной формы. Венчик и шейка отсутствуют, дно круглое (рис. 13, 3, 4). На одном котле (рис. 13, 3) чуть ниже верхнего края наклепная толстая полоса — полочка с наклонными крупными вдавлениями. На верхней плоскости этой полосы — полочки, по обе стороны сосуда находятся вертикальные петлеобразные ручки. В нижней части сосуда имеется круговой выступ, образовавшийся за счет формовки дна сосуда на вогнутой подставке.

Диаметр устья 14 см, наибольший диаметр тулова 22 см, высота сосуда 16 см. Возможно, что данная форма является копией крупного металлического котла.

На другом котле ниже края сосуда рельефный, наклепной валик с поперечными овальными вдавлениями. Еще один поясок аналогичных вдавлений, но уже без валика расположен выше валика. На плечиках сосуда следы каких-то локальных композиций в виде системы узких гребенчатых полос. Диаметр устья 16 см, наибольший диаметр тулова 29 см.

Котлы формировались из неотмученной плохо промешанной формовочной массы с примесями отошителя, в качестве которого использовался шамот. Обжиг напольный, черепок в изломе черный, тяжелый, спекшийся. Внешняя поверхность естественного красного цвета обжига с углисто-серыми и ярко-красными пятнами кострового обжига. На внешней поверхности следы закопченности.

Один из котлов (рис. 13, 3) типологически близок к котлу XII – начала XIII вв. с городища Куланлы сформованному на круге. Вполне допустимо, что лепной котел изготовлен по образцу котла ремесленного, изготовленного на гончарном круге и в качестве такового должен датироваться так же, как и образец, по которому он изготовлен.

Кияжол-1, 2 городища, керамический комплекс XII – начала XIII вв.

Керамика представляет хронологический единый массив, поскольку культурные слои городищ относятся к единому периоду XII – начала XIII вв. Незначительное освоение городища Кияжол-2 во второй половине XIII–XIV вв. не сформировало сколько-нибудь существенного культурного слоя и не оставило практически никаких керамических материалов.

Группа I.

Хумы. Представлены единственной находкой с городища Кияжол-1. Фрагмент (рис. 14, 1) принадлежал крупному плоскодонному сосуду с яйцевидным туловом без шейки, по устью, обрамленному массивным полочковидным венчиком. Сосуд изготавливался частями на гончарном круге из предварительно отмученной хорошо промешанной формовочной массы без видимых невооруженным глазом примесей. Обжиг ровный, горновой, черепок в изломе серый. С наружной стороны облицован темно-серым ангобом. На плечиках, под венчиком, прочерченный по сырой глине орнамент в виде двойной волнистой линии. Аналогичные хумы известны в культурных слоях городов и сельских поселений Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов [Вактурская, 1959. С. 303–305, рис. 20].

Кувшины. Представлены двумя разновидностями. Первая представлена многочисленными фрагментами водоносных одноручных кувшинов серого обжига. Полностью сохранившийся экземпляр сосуда данного типа описан в керамическом комплексе XII – начала XIII вв. городища Аджибай, что освобождает нас от повторного описания.

Кувшины второй разновидности представлены фрагментом горловины одноручного узкогорлого кувшина, опоясанным по внешней поверхности тремя горизонтальными остроконечными валиками. Диаметр горловины около 4 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг ровный, горновой, черепок в изломе красноватый. На внешней поверхности облицовка светлым, желтоватым слабоукривистым ангобом. Принадлежит редкой разновидности хорезмийских станковых кувшинов XII – начала XIII вв. [Вактурская, 1959. С. 306, 308; Неразик, 1976. С. 117, рис. 68, 2].

Немногочисленные фрагменты кувшинов подобного типа отмечены в слоях XII – начала XIII вв. городищ Восточного и Юго-Восточного чинков Устюрта, таких как Аджибай и Хантерсек.

Котлы (рис. 15). Представлены большим количеством находок. Это сосуды обычно сплюснuto-шаровидной формы, единичные экземпляры яйцевидной формы (рис. 15, 1), со слабовыпуклым широким дном и полочковидным венчиком, посаженным прямо на плечики сосуда. В единичных случаях (рис. 15, 1) венчик отсутствует, заменяясь слегка утолщенной, отогнутой наружу стенкой с пристранным бережком. Диаметр горловины сосудов 18–28 см.

Сосуды данного типа изготавливались на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы с примесями отощителя, в качестве которого использовалась мелкомолотая дресва. Сосуды формовались видимо на слабовогнутой подставке, на подсыпке из мелкомолотой дресвы. После снятия с круга сосуды вероятно доформовывались вручную. Сосуды тонкостенные. Обжиг горновой, черепок в изломе серый, часто тяжелый, спекшийся. Внешние поверхности обычно облицованы темно-серым ангобом, сильно закопчены.

Большинство сосудов описанного типа орнаментированы. Сосуды без декора представлены единичными экземплярами (рис. 15, 2). Орнамент обычно расположен на плоском широком бережке венчика, он имеет вид двойной ломаной линии нанесенной отдельными отрезками или цепочки идущих по кругу парных штрихов (рис. 15, 4, 6). На плечиках орнамент в виде двойной волнистой (рис. 15, 4), или тройной прямой линии (рис. 15, 5), сочетающейся с расположенным ниже пояском гребенчатых арочек (рис. 15, 3, 5). На некоторых котлах пышный,

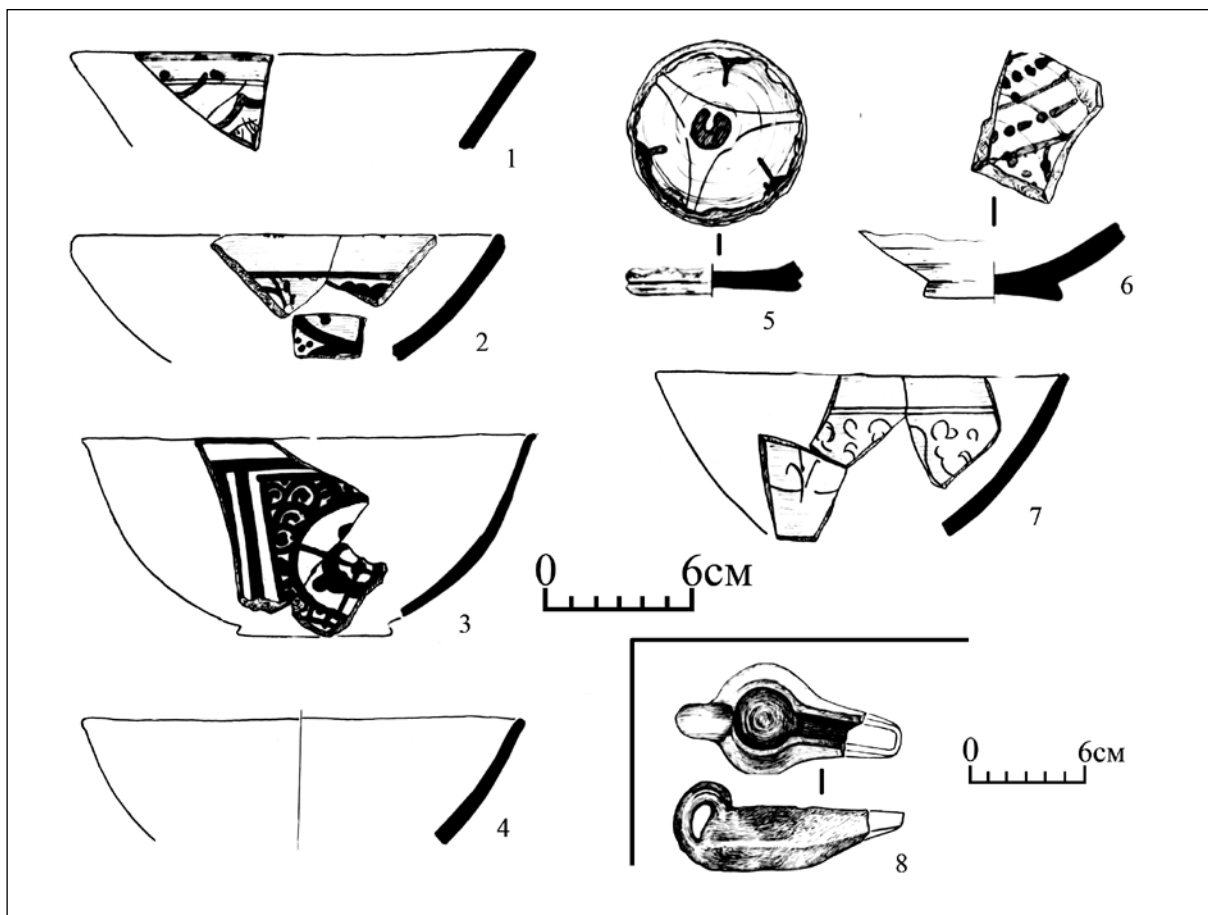

Рис. 16. Кияжол-1, 2 городища, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика II группы

сложный, многоэлементный орнамент (рис. 15, 1). Чуть ниже горловины двойной поясok из вдавленных крестиков. Под ним поверхность разделена на широкие полосы четырьмя или тремя вертикальными бороздками. Между ними вертикальный столбик из крестиков. Еще ниже расположен пояс арочек, прочерченных гребенкой.

Подобные сосуды известны в хорезмийских комплексах XII – начала XIII вв. где они описаны как «горшки без шейки» [Вактурская, 1959. С. 310, 313].

Дигири (рис. 14, 2). Находки фрагментов сосудов этого типа довольно многочисленны. Они представляют собой высокие, узкие сосуды веретенообразной формы с небольшим плоским дном, слегка стянутой внутрь горловиной без венчика. Придонная часть огранена в результате подрезки сосуда ножом во время формовки. Судя по отдельным находкам в верхней части сосудов имелась петлевидная ручка. Внешняя поверхность сосудов горизонтально-ребристая. Диаметр горловины наиболее сохранившегося экземпляра 11,5 см. Наибольший диаметр тулова 16–17 см. Сосуды изготавливались на гончарном круге из тонкоотмученной, тщательно промешанной формовочной массы, без видимых примесей. Обжиг горновой равномерный, черепок звонкий, в изломе розоватого цвета. Внешняя поверхность облицована желтоватым ангобом.

Полностью аналогичные сосуды отмечены в культурных слоях городищ Восточного чинка Устюрта предшествующего периода. В хорезмийских керамических комплексах сосуды данного типа описаны как «чигирные горшки» [Вактурская, 1959. С. 280]. Однако для устюртских городищ, расположенных вне зоны поливного земледелия необходимости в чигирных горшках не было. Поэтому вполне справедливо высказанное предположение, что здесь они использовались с другими целями. В частности, высказано предположение, что они использовались для хранения воды [Маньлов, 1978. С. 235, 264]. В салтово-маяцких комплексах сосуды аналогичные по форме, размерам и пропорциям определяются исследователями как маслoбойки [Плетнева, 1967. рис. 30, 6]. Учитывая скотоводческую направленность хозяйства населения городищ Восточного чинка Устюрта IX – начала XIII вв., подобное функциональное определение «дигирей» представляется наиболее вероятным.

Чилим (кальян), часть прибора для курения. Представляет собой стакан (емкость) для наркотических веществ (рис. 14, 3). Стакан имеет цилиндрическое тулово, раструбовидную горловину, внизу переходит в узкую шейку. На дне стакана выпуклая перегородка с большим круглым отверстием посередине и пятью небрежно проделанными в сырой глине отверстиями вокруг центрального. Диаметр устья 8 см, высота стакана 8 см.

Изделие сформовано на гончарном круге из тонкоотмученной хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе серый. Наружная поверхность облицована плотным, черным ангобом, поверх него вертикальное полосчатое лощение. Основание стакана с внешней стороны украшено пояском зашпиров, выше расположена прочерченная горизонтальная полоса. Наверху под закраиной, плоский рельефный поясok, ограниченный двумя прочерченными линиями. Между ними через равное расстояние наклонные слегка изогнутые линии.

Изделие имеет уникальный характер, в известных автору материалах аналогии отсутствуют.

Чаша (рис. 14, 4), плоскодонная. Форма близкая к усеченно-конической, однако, стенки слабоизогнуты. Венчика нет, бережок приострен. Диаметр дна 8,5 см, диаметр устья 12 см, высота сосуда 11 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной, хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг ровный, горновой, черепок в изломе розовато-кремовый. Внешние поверхности облицованы розоватым ангобом. Сосуд был разбит в древ-

ности и ремонтировался, имеются просверленные парные отверстия для металлических скреп. Форма индивидуальная.

Пряслица изготовлены из дисковидных поддонов поливных чаш или стенок красноглиняных станковых сосудов (рис. 14, 5–6).

Группа II.

Чаши. Подавляющая часть коллекции представлена этой формой керамики. По форме чаши усеченно-конические (рис. 16, 1, 7) или сегментовидные (рис. 16, 2, 3, 4). На внешней стороне закраины сосудов иногда слабовыделенный валикообразный венчик (рис. 16, 3, 4, 7). Все сосуды на дисковидном поддоне, слабо прогнутом посередине (рис. 16, 5, 6). Диаметр устья в пределах 18–20 см, диаметр поддона 6–8 см, высота сосудов 7,0–8,5 см. Все сосуды описываемого типа формовались на гончарном круге из тонкоотмученной и хорошо промешанной формовочной массы без видимых невооруженным глазом примесей. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе кремовый или красноватый.

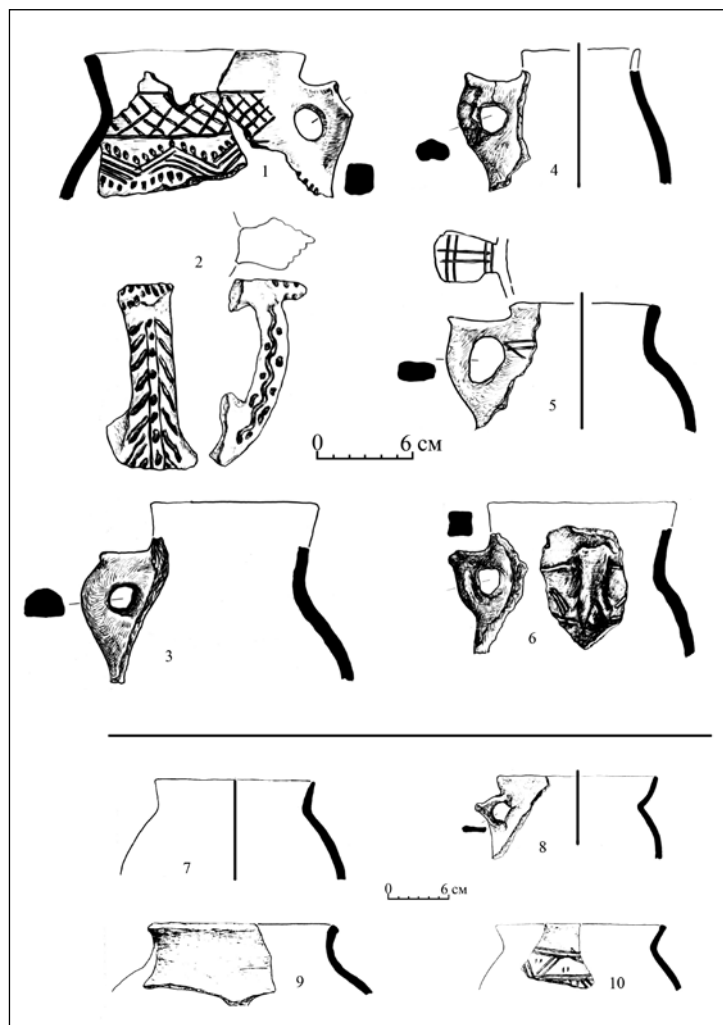

Рис. 17. Кияжол-1, 2 городища, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика III группы.

По характеру отделки внешней поверхности можно выделить две разновидности:

1) Роспись по внутренней поверхности сосуда по белой или желтоватой ангобной подгрунтовке коричневой, зеленой и черной краской. Мотивы орнамента растительные и геометрические, или зеленые неопределенные пятна и точки (рис. 16, 1, 3, 5, 6). Иногда орнамент дополняется тонкой гравировкой (рис. 16, 5). Все сосуды этой разновидности по внутренней поверхности облицованы прозрачной поливой.

Данная разновидность чаш аналогична хорезмийской керамике найденной в Замахшаре и Наринджане в слоях XII–XIII [Вактурская, 1959, рис. 27] и на сельских поселениях эпохи Великих Хорезмшахов Левобережного Хорезма. [Неразик, 1976. С. 117, рис. 69].

2) Сосуды по внутренней поверхности облицованные глухой зеленой поливой (рис. 16, 4, 7) иногда имеют тонкий гравированный подглазурный орнамент. Подобные сосуды известны по хорезмийским керамическим

комплексам XII – начала XIII вв. [Вактурская, 1959. С. 310, 319].

Светильник-чираг (рис. 16, 8). Представлен единственной находкой. Круглый резервуар с небольшой вертикальной, петельчатой ручкой и длинным, открытым сверху, носиком. На внешней стороне резервуара и носика четко выделены грани. Высота сосуда 3,5 см, длина 13 см, наибольший диаметр резервуара 6 см. Резервуар изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной и хорошо промешанной формовочной массы. Носик и ручка формировались вручную. Сосуд отличается четкостью форм, тщательностью выделки. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе кремовый. Внутренняя и внешняя поверхности за исключением дна облицованы глухой неравномерно окрашенной поливой зеленого цвета.

По форме — петлевидная ручка, резервуар не отделенный от носика — сосуд близок к светильникам, известным в хорезмийских керамических комплексах X–XI вв. [Вактурская, 1959, рис. 16, 5–6]. В то же время граненность поверхностей и зеленая полива, которая на хорезмийских светильниках появляется не ранее XII в. не позволяют датировать рассматриваемый чираг ранее этого времени.

Группа III.

Наиболее многочисленна и разнообразна по формам.

Кружки (рис. 17, 1–6). Видимо плоскодонные с округлым или слегка вытянутым вертикально туловом, довольно высокой раструбообразной горловиной без венчика, одной вертикальной петельчатой ручкой. В поперечном сечении ручки квадратные, уплощенные плоско-выпуклые или вогнуто-выпуклые. Сверху ручки обычно находится горизонтальная площадочка, образующая сильно развитый выступ. В одном случае выступу придана пятиугольная форма (рис. 17, 2). На одном из сосудов в средней части ручки имеется гребневидный выступ (рис. 17, 1).

Диаметр устья сосудов в пределах 10–15 см. Сосуды формировались вручную без использования гончарного круга, из неотмученной, плохо промешанной формовочной массы с примесями шамота,

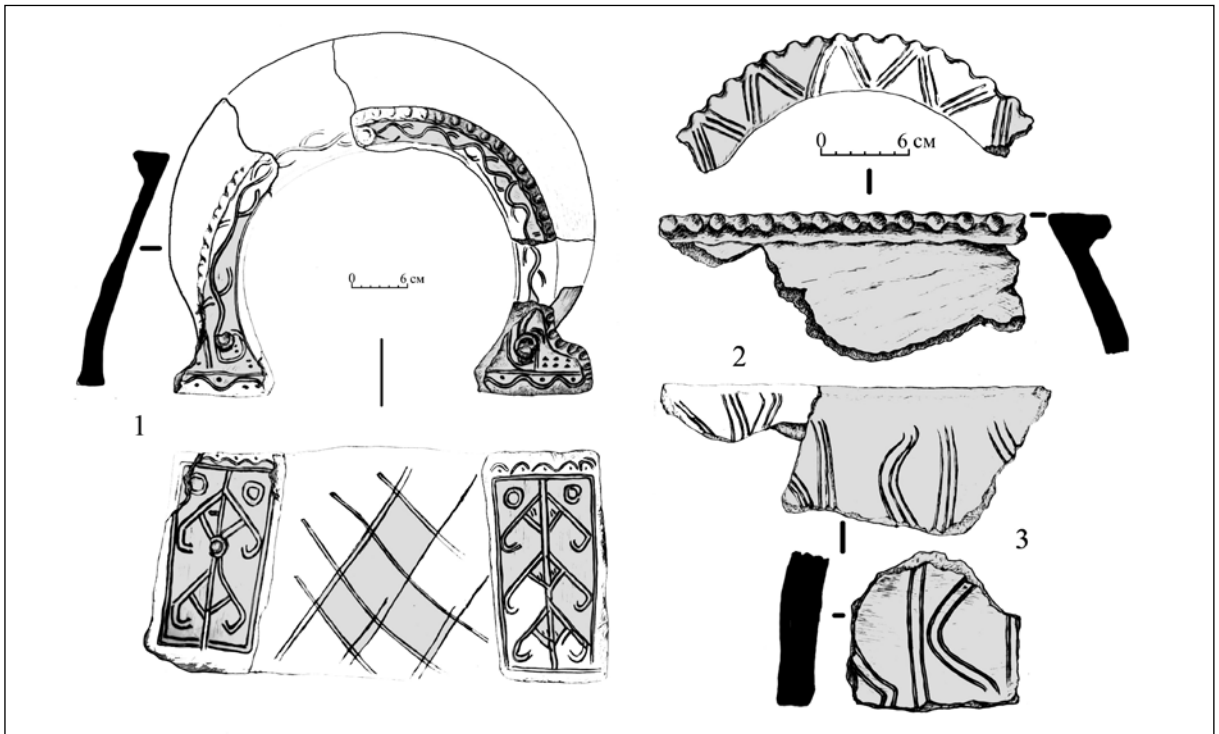

Рис. 18. Кияжол-1, 2 городища, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика III группы.

в единичных случаях дресвы или гипса. На некоторых экземплярах внешняя поверхность уплотнена заглаживанием. Поверхности сосудов обычно грубобугристые, трещиноватые в результате усадки сосуда при сушке и обжиге. Обжиг костровый, неравномерный, черепок в изломе обычно черный в середине и красноватый у поверхностей.

Сосуды, как правило, пышно орнаментированы по нижней части горловины, плечикам и ручке. Орнамент наносился прочерчиванием и вдавливанием. Выделяемые орнаментальные мотивы: пояс ромбической решетки между двумя прямыми линиями (рис. 17, 1), пояс угловато-волнистых линий, ограниченный сверху и снизу овальными вдавлениями (рис. 17, 1), «ёлочка» с центральной осью в виде двойной линии с точками-углублениями между ними (рис. 17, 2), волнистая линия — «змейка», ограниченная с обеих сторон бесформенными вдавлениями (рис. 17, 2), пересекающиеся под прямым углом линии (рис. 17, 5). Внешняя поверхность многих сосудов описанного типа имеет следы копти.

Близкие по форме и характеру орнаментации кружки известны в позднекердерских керамических комплексах IX–X вв. приаральской дельты р. Амударьи. Здесь уже сформировано характерное уплощение — выступ в верхней части ручки [Ягодин, 1981. С. 94, рис. 8]. С другой стороны, аналогичные формы лепной керамики отмечаются в керамических комплексах в низовьях Сырдарьи, которые исследователи справедливо считают кипчакскими [Вактурская, 1979. С. 132, рис. 3, 18, 4, 12, 14].

Горшки (рис. 17, 7, 8, 9, 10). Сосуды с плоским дном, яйцевидным вертикально вытянутым туловом, низкой суженой горловиной со слегка расходящимися в стороны стенками без венчиков. Диаметр горловины 16–20 см. Сосуды изготавливались вручную иногда с применением поворотной подставки, из плохо промешанной формовочной массы с примесями отошителя в виде шамота и белых известковых частиц. Поверхности грубо-бугристые, до обжига затертые жидкой глиной. На отдельных сосудах на внешней поверхности серый ангоб, в основном сосуды имеют естественный красный цвет обжига. Обжиг костровый, слабый, неравномерный, черепок в изломе серого, черного или красного цвета. Судя по некоторым фрагментам, горшки иногда орнаментировались. На некоторых горшках имеются петлевидные вертикальные ручки, возможно, их было две. На внешней стороне ручек — гребневидный выступ (рис. 17, 8). Ручки плоские в поперечном сечении. Внешняя поверхность закопчена.

Котел. Очевидно, имел выпуклое дно, округлое тулово без выделенной шейки. Верхняя часть стенок сосуда сведена внутрь, бережок уплощенный, горизонтальный. Диаметр горловины 20 см. На внешней стороне венчика четыре оппозитно расположенных прямоугольных выреза. Сосуд сформован вручную из неотмученной, грубо промешанной формовочной массы с обильными примесями шамота. Обжиг костровый, слабый, черепок в изломе черный. Внешняя поверхность сильно закопчена.

Сосуд является лепной копией станковых котлов, подобных описанным выше.

Чаша сегментовидной формы. Валикообразный венчик образован отгибанием края сосуда, на внешней стороне венчика хорошо выраженное ребро. Диаметр устья 16 см. Сосуд грубо сформован из плохо промешанной формовочной массы, неотмученной, с примесями шамота. Обжиг слабый, костровый, черепок в изломе красный или серый.

По форме сосуд является копией вышеописанных поливных чаш (рис. 16, 2–7).

Чилим-кальян, часть прибора для курения. стакан (емкость) для заполнения наркотическим веществом. Стенки стакана прямые слегка расходящиеся наружу. На дне сквозные отверстия по кругу и, видимо, большое центральное отверстие. Диаметр устья 6 см. Изделие сформовано вручную из неотмученной плохо промешанной формовочной массы с примесями шамота. Обжиг костровый, слабый, черепок в изломе красный. Поверхности грубобугристые.

Представляет собой копию аналогичного чилима изготовленного на гончарном круге (рис. 14, 3).

Сковорода. Изделие с широким, плоским дном, низкими слабо расходящимися наружу стенками, полочковидным широким венчиком образованным простым перегибом верхней части стенок сосуда. Диаметр по внешнему краю венчика 26 см, диаметр по дну 2,6–2,7 см.

Сосуд изготовлен вручную на песчаной подсыпке из неотмученной, плохо промешанной формовочной массы с примесями шамота и белых известковых частиц. Поверхности грубобугристые, сосуд ассиметричен. Обжиг костровый, слабый, черепок в изломе красный. По бережку венчик украшен орнаментом в виде прочерченной ломаной линии.

Лепные сковороды известны в позднекердерских керамических комплексах [Ягодин, 1981. С. 94–95, рис. 8, 12].

Очаги (рис. 18). Имеют ульевидную форму, в плане подковообразные, устье обрамлено массивным полочковидным, плоским сверху венчиком. С одной (фасадной) стороны открыты, по обе стороны проема находятся подпрямоугольные плоскости по всему полю украшенные орнаментом. Диаметр по внешнему краю венчика 30 см, по внутреннему 21 см по основанию очага 42 см, высота 25 см, толщина стенок 1,5–2,2 см.

Очаги изготавливались вручную из неотмученной, плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями отощителя, в качестве которого использован мелкомолотый шамот. Поверхности грубые, на внешней — наклонные полосы, оставленные после заглаживания каким-то плоским инструментом. Обжиг равномерный, костровый, излом и поверхности красные.

Очаг пышно орнаментирован по определенным зонам. Венчик по внешнему краю опоясан пальцевыми вдавлениями, формирующими волнистую линию края. Орнаментировалась верхняя плоскость (бережок) венчика. На имеющемся материале здесь отмечен орнамент в виде тройной ломаной линии (рис. 18, 2) или «плетенки» из двух взаимопересекающихся, местами прерывистых

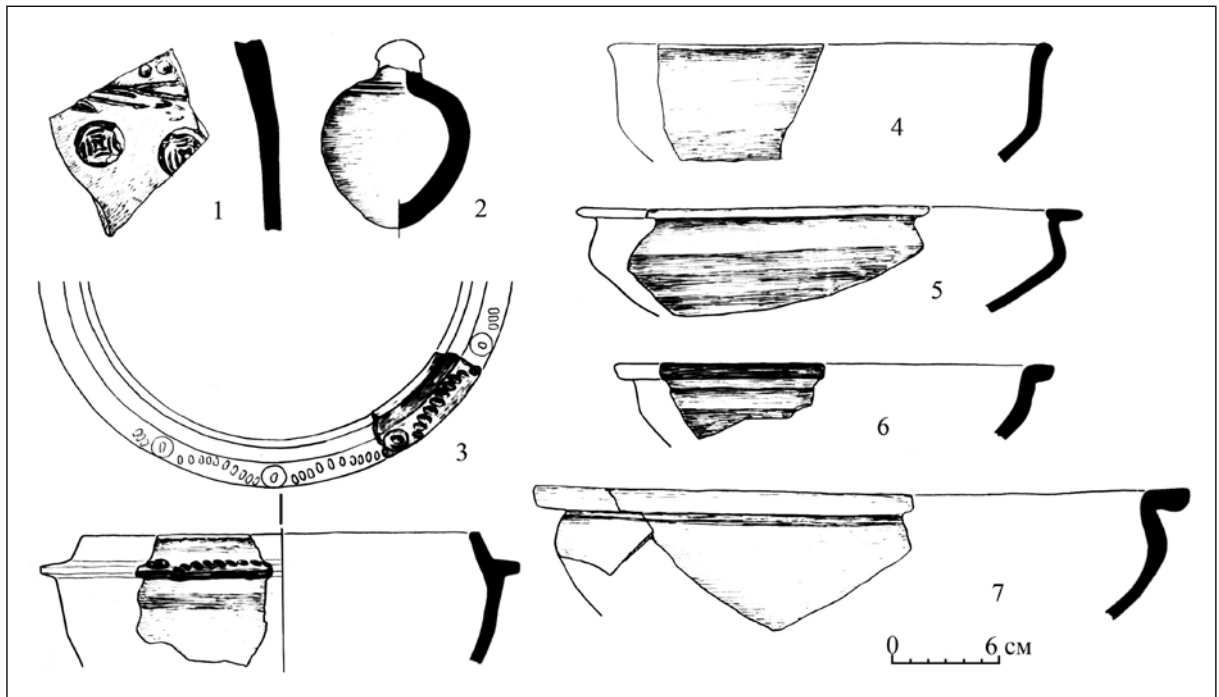

Рис. 19. Куланлы, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика I группы.

волнистых линий. Эта же зона украшалась дисковидными налепками продавленными посередине (рис. 18, 1). На фасадных плоскостях вертикально организованные композиции. Внутри прямоугольника из двойных прочерченных линий вертикальной оси столбик ромбов, две стороны которых продолжены вверх и вниз и завершаются завитками. В верхней части прямоугольного поля по обе стороны осевой линии две кольцевых фигуры. Над верхним краем прямоугольника волнистая линия («змейка») с точками в ее изгибах в одном случае сверху, в другом снизу. Композиция на осевой плоскости дополнена налипным диском в центре (рис. 18, 1). Внутренняя поверхность очага так же украшена. В одном случае это крупное ромбическая решетка (рис. 18, 1), в двух других двойные или тройные вертикальные волнистые и прямые линии (рис. 18, 2, 3).

Фрагменты аналогичных очагов отмечены в слоях XII – начала XIII вв. городищ Восточного чинка Устюрта: Аджибай, Баккал-кала, Хантерсек. Их находки имеются в Хорезме на памятниках эпохи Великих Хорезмшахов [Неразик, Савицкий, Манылов, 1972. С. 56–57].

В различных вариантах очаги подобного типа широко распространены в средневековой Средней Азии [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 153–154; Садиев, 1973. С. 96–97; Пугаченкова, Ремпель, 1972. С. 206–234; Вяткин, 1926. С. 53–54; Салтовская, 1956. С. 102–105; Кожемяко, 1967. С. 68–69, рис. 4–5; Заднепровский, 1959. С. 22; Брыкина, 1974. С. 40–41, рис. 24; Гайдукевич, 1974. С. 107]. Ю. П. Манылов, опубликовавший хорошо сохранившийся экземпляр подобного очага с городища Кияжол-2, отметил параллели, обнаруживаемые в системе орнаментации очага с традиционными орнаментами, используемыми в прикладном искусстве тюркоязычных народов Средней Азии в XIX–XX вв. [Манылов, 1976. С. 251], в ковроделии [Мошкова, 1970. С. 131, рис. 65, табл. XVI; табл. 1, 15], резьбе по дереву [Савицкий, 1965. С. 48, рис. 18].

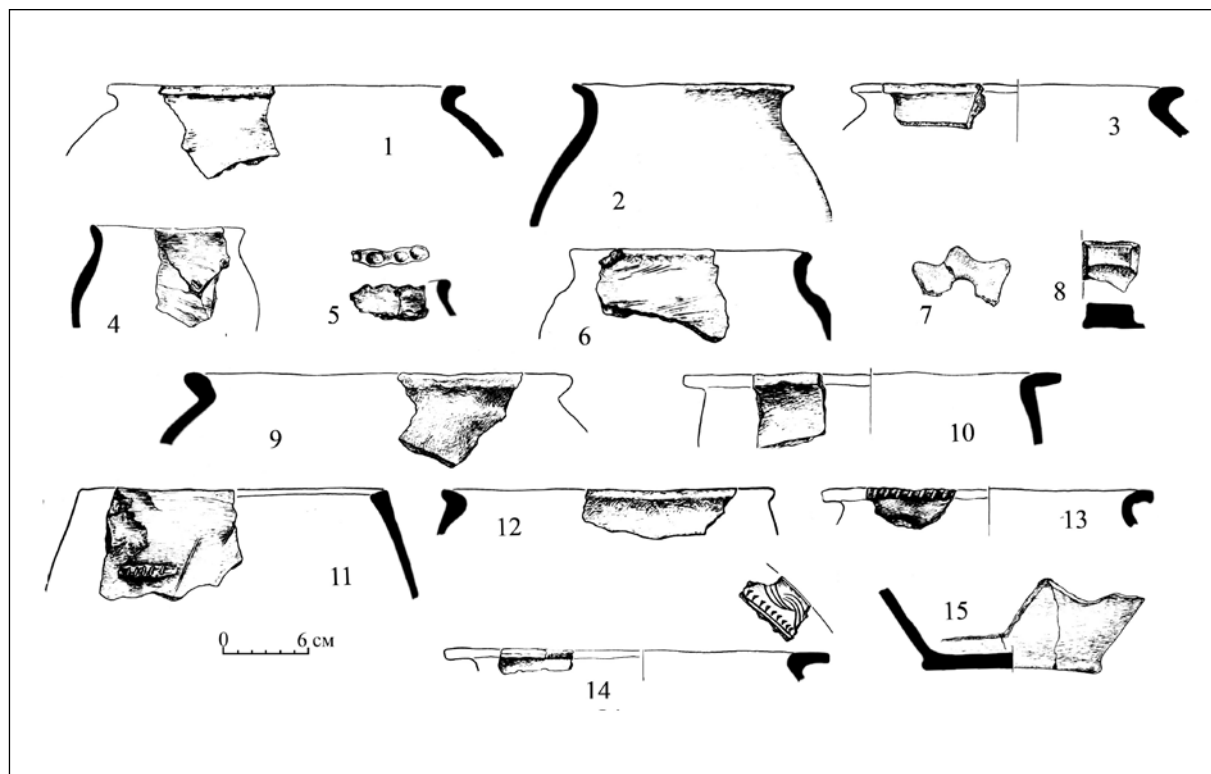

Рис. 20. Куланлы, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика III группы.

Куланлы, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв.

Как уже отмечалось, керамический комплекс Куланлы происходит из смешанного слоя двух периодов IX–XI вв. и XII – начала XIII вв. Типологический и сравнительный анализ позволяет всю массу керамики разделить на две хронологические группы. Некоторым исключением является керамика III группы. Часть ее находит аналогии в датированных керамических комплексах Восточного чинка Устюрта, что позволяет определить ее хронологическую позицию. Другая, не находящая аналогий, может быть датирована лишь в общих хронологических рамках IX – начала XIII вв.

Группа I.

Хумы (рис. 19, 1). Этот вид представлен единственной находкой фрагмента стенки. Изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы. Обжиг ровный, горновой, черепок в изломе серый. На внешней стороне комбинированный орнамент: штампованные розетки, валики с косыми насечками, округлые вдавления.

Технология и декор характерны для хорезмийских хумов и хумчей XII – начала XIII вв. [Вактурская, 1959. С. 302, 304].

Котел (рис. 19, 3). Устье широкое без венчика, стенки наклонены внутрь, прямо срезаны. Под устьем, с внешней стороны, сосуд опоясан узкой, горизонтальной, полочковидной полосой. Диаметр устья 23 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге из хорошо промешанной формовочной массы с добавлением отошителя в виде мелкодробленой дресвы. Обжиг горновой, равномерный, черепок в изломе серый, спекшийся, тяжелый, плотный.

По верхней поверхности полочковидный выступ украшен расположенными по дуге вдавлениями и разделяющими их круглыми налечами с вдавлениями в центре. Ниже уровня выступа поверхность сосуда закопчена. Сосуд, видимо, является разновидностью формы известной для керамических комплексов Хорезма XII – начала XIII вв. описанных под наименованием «горшки» [Вактурская, 1959. С. 310, 313; рис. 26, 1–2].

Сфероконус (рис. 19, 2). Толстостенный сосуд яйцевидной формы с узкой горловиной. На плечиках пояска из двух прочерченных полос. Наибольший диаметр тулова 8 см, высота 11–12 см, толщина стенок 1,3–1,4 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы, без видимых примесей. Обжиг горновой, особого режима, черепок в изломе зеленовато-серый, очень плотный, «лавовидный». Сосуды этого типа в Хорезме появляются в XII – начала XIII [Вактурская, 1959. С. 313–315, рис. 36, 64–65].

Миски (рис. 19, 4–7). В коллекции несколько разновидностей сосудов этого типа. К первой принадлежат сосуды с плоским дном, сильно раздутым в верхней части туловом. Нижняя часть сосуда имеет усеченно-коническую форму. Стенки сосудов в верхней части плавно сведены внутрь, а затем резко отогнуты наружу, формируя полочковидный венчик с широким, плоским, горизонтальным бережком. Переход от нижней части сосуда к верхней обозначен иногда резким, иногда плавным переломом (рис. 19, 5, 6, 7). На внешней поверхности встречается слабо выраженная горизонтальная ребристость (рис. 19, 6). Диаметр устья сосудов в интервале 24–36 см, толщина стенок 0,5–0,6 см.

Сосуды формовались на гончарном круге, из предварительно отмученной формовочной массы с примесями отошителя в виде мелкомолотой дресвы, иногда дополненной небольшим количеством гипса. Имеются экземпляры, где примеси отсутствуют вовсе. Внешняя поверхность сосудов облицовывалась темно-серым ангобом.

Аналогичные сосуды имеются в слоях XII – начала XIII вв. городищ Восточного чинка Устюрта: Аджибай (рис. 11, 4), Хантерсек (рис. 24, 8). Данная форма сосудов одна из наиболее широко распространенных в культурных слоях городов и сельских поселений, как Правобережного так и Левобережного Хорезма хорезмшахского периода [Вакурская, 1959. С. 38; Неразик, 1976. С. 117, рис. 68, 15; Мамбетуллаев, 1981, рис. 6, 5; Ходжаниязов, Доспанов, 1990. С. 140, рис. 3, 21].

Другая разновидность мисок (рис. 19, 4) представлена меньшим числом находок. Миски имеют общую цилиндроконическую форму, нижняя часть тулова имеет форму низкого опрокинутого усеченного конуса. Посередине высоты сосуда резкий перелом отделяет верхнюю часть от нижней. В верхней части стенки вертикальные, слабоизогнутые. Верхний край чуть утолщен и на внешней стороне образует ребро. Диаметр горловины 24 см, толщина стенок 0,5–0,6 см. Сосуд сформован на гончарном круге из предварительной отмученной, хорошо промешанной формовочной массы. Обжиг ровный, черпок в изломе светло-серый. Внешняя поверхность облицована темно-серым ангобом. Внутренняя естественного серого цвета обжига.

Подобные миски известны в Левобережном Хорезме в период XII – начала XIII вв., в частности, отмечены в керамическом комплексе поселения урочища Дарьялыккуль [Неразик, 1976. С. 117, рис. 68, 12, 13, 16].

Группа III.

Количественно преобладающая в коллекции и типологически наиболее разнообразная.

Горшки (рис. 20, 1–9). Многочисленная форма в коллекции. Тулово яйцевидной формы с плоским дном (рис. 20, 15), наибольшим диаметром тулова на 2/3 высоты сосуда, покатыми плечиками, низкой суженой горловиной без венчика со скругленным бережком (рис. 20, 4, 6) или с краем стенки, отогнутым наружу и образующим слабо развитый полочковидный венчик (рис. 20, 1, 2, 3). На некоторых экземплярах шейка отсутствует, а венчик в виде утолщенного края образован простым отгибанием стенок в стороны. Некоторые сосуды имели украшения в виде кольцевых вдавлений по бережку (рис. 20, 6, 5), некоторые имели ручки в виде прямоугольных

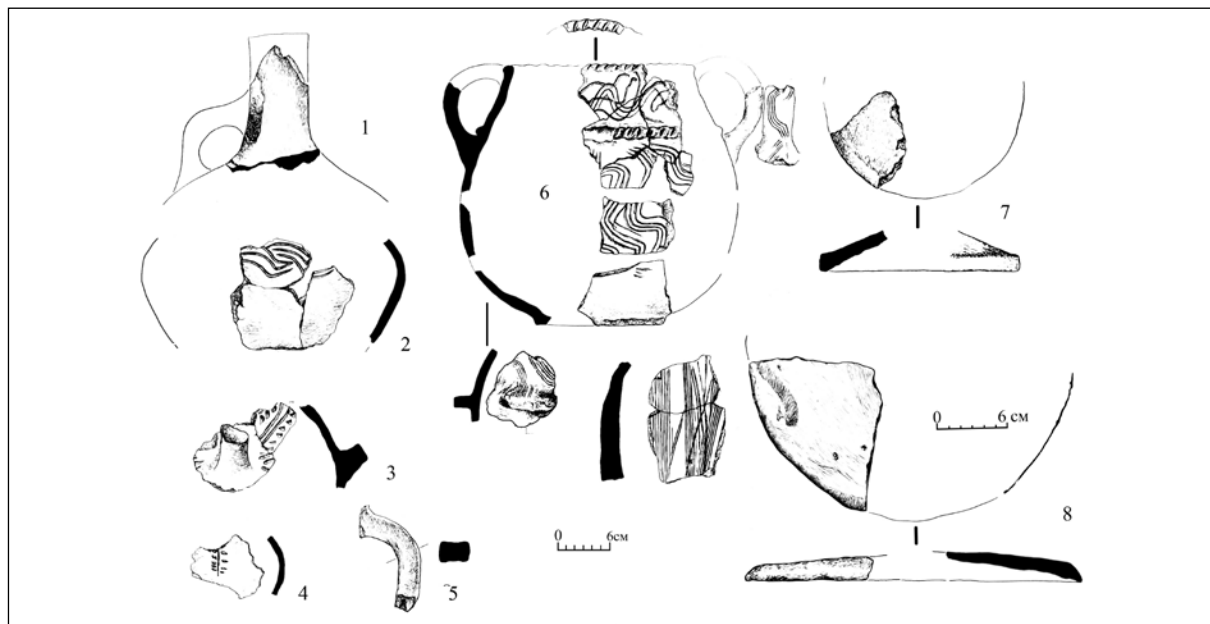

Рис. 21. Куланлы, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика III группы.

массивных выступов (рис. 21, 8) или трехрогих горизонтальных выступов с круглым отверстием посередине (рис. 20, 7).

Сосуды различны по величине, диаметр горловины колеблется в интервале 12–25 см, наибольший диаметр тулова 13–32 см. Сосуды изготовлены без применения гончарного круга из неотмученной, плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями шамота. В единичных случаях, наряду с шамотом в качестве отошителя использована дресва. Поверхности бугристые, иногда до обжига затирались жидкой глиной. Обжиг костровый слабый, черепки в изломе красного или черного цвета. Имеются единичные экземпляры с обжигом, доведенным до спекания формовочной массой. На внешней поверхности многих сосудов ярко-красные и углисто-серые пятна кострового обжига.

Типологически форма довольно неустойчива. Ее можно одинаково сблизить как с горшками из слоев IX–XI вв. городищ Восточного чинка (см. например, городище Караумбет, рис. 9, 1), так и с горшками из слоев XII – начала XIII вв. (см., например, городище Аджибай, рис. 12, 2, 3; Кияжол-2, рис. 17, 7, 9). Это обстоятельство не позволяет датировать данную группу керамики хронологическим периодом более узким, чем IX – начала XIII вв.

Котлы (рис. 20, 10–14). Также довольно многочисленная в коллекции форма. Представлена двумя разновидностями. К первой (рис. 20, 11) можно отнести тонкостенный котел, вероятно, с выпуклым дном, округлым туловом и широким устьем, без шейки и венчика. Стенки сосуда кверху заметно расширяются, бережок плоский, прямосрезанный. Диаметр устья 22 см. Сосуд изготовлен вручную, без использования гончарного круга, из неотмученной, плохо промешанной формовочной массы с примесями отошителя в виде шамота. Обжиг костровый, черепок слабо спекшийся, тяжелый, плотный, в изломе серый. На внешней поверхности сосуда следы копоти. На тулове с внешней стороны налепной валик с поперечными вдавлениями. Валик не сплошной, он нанесен отдельными отрезками.

Подобно аналогичному котлу с городища Кияжол — 2 (рис. 18, 1) описанный сосуд является лепной копией ремесленных хорезмийских котлов XII – начала XIII вв. и на этом основании может быть датирован указанным периодом.

Другая разновидность котлов (рис. 20, 10, 12, 13, 14) имеет очень широкое устье равное максимальному диаметру тулова или чуть меньше его, развитый полочковидный венчик (рис. 20, 10, 13, 14) или резко утолщенный верхний край со слабо развитым полочковидным венчиком (рис. 20, 12). Диаметр горловины 24–28 см, толщина стенок 0,7–0,9 см. Сосуды формовались вручную, без применения гончарного круга. Поверхности грубобугристые, до обжига внутренняя поверхность иногда уплотнялась заглаживанием, внешняя затиралась жидкой глиной. Формовочная масса неотмучена, плохо промешана. Использован отошитель в виде шамота, иногда вместе с белыми гипсовыми частицами. Обжиг костровый, слабый, черепок в изломе черный в середине, красноватый у поверхностей. На единичных экземплярах черепок плотный, тяжелый, спекшийся.

Сосуды украшались по венчику. На одном экземпляре плоский, широкий бережок венчика тщательно заглажен и уплотнен приемом «тусклого лощения». Затем его плоскость использована для нанесения орнаментального пояса в виде широкого пояска прочерченной «плетенки» по внешнему краю бережка, узкой двойной прочерченной линии по внутреннему краю и пояса подтреугольных или серповидных вдавлений между ними (рис. 20, 14). На другом экземпляре внешняя сторона полочковидного венчика украшена пояском наклонных вдавлений (рис. 20, 13).

Близкий по форме, но более пышно украшенный котел был обнаружен на стреловидной планировке Айбугир (рис. 6, 2). Следует отметить и использование в орнаментации мотива «плетенки»

широко применявшегося для украшения лепных сосудов городищ Восточного чинка Устюрта в XII – начале XIII вв. Он в частности, использован для украшения мисок в описываемом керамическом комплексе (рис. 22, 1, 2, 8), в керамическом комплексе XII – начала XIII вв. городища Кияжол-2. Кроме того, общая форма, наличие полочковидного венчика сближает описываемые котлы с хорезмийской станковой ремесленной керамикой XII – начала XIII вв. и позволяет предполагать, что они изготавливались по хорезмийским ремесленным образцам.

Кувшины (рис. 21, 1, 2, 3, 4, 5). Сосуды с высоким, узким горлом, раздутым в верхней части низким туловом и одной вертикальной петлевидной ручкой в месте перехода от плечиков к горловине. Ручка в поперечном сечении округлая (рис. 21, 3) или подпрямоугольная (рис. 21, 5). Диаметр горловины около 7 см, наибольший диаметр тулова 18–22 см, высота горловины 10 см.

Сосуды изготавливались вручную, без применения гончарного круга, вероятно, ленточным способом, из плохо промешанной неотмученной формовочной массы с обильными примесями отощителя в виде грубомолотого шамота. Внешняя поверхность сосудов уплотнялась заглаживанием, на некоторых экземплярах заглаживание произведено по методу «тусклого лощения». Обжиг костровый, слабый, черепок в изломе черный или красный, часто крошащийся.

Все сосуды орнаментированы. На одном по основанию горловины прочерчена двойная полоса с вертикальными серповидными вдавлениями между линиями (рис. 21, 1), на другом на плечиках орнамент в виде «плетенки» из двух волнистых взаимопереплетающихся полос, состоящих каждая из трех прочерченных линий (рис. 21, 2). На двух экземплярах фрагмент орнаментальных композиций из прочерченных прямых полос с обеих сторон ограниченных каплевидными, серповидными или треугольными вдавлениями (рис. 21, 3, 4).

Аналогичного типа сосуды имеются в слоях XII – начала XIII вв. других памятников Восточного чинка Устюрта городища Аджибай (рис. 12, 9), городища Хантерсек (рис. 24, 1). Близки и орнаментальные мотивы. «Плетенка» широко использована для орнаментации сосудов других форм в описываемом керамическом комплексе (рис. 23, 1, 2, 3; рис. 20, 14), а также в орнаментальных композициях на подковообразных керамических очагах XII – начала XIII вв. городища Кияжол-2 (рис. 18, 1). Орнамент с использованием такого элемента как прочерченные линии, окаймленные по обе стороны вдавлениями, отмечен в керамическом комплексе XII – начала XIII вв. городища Хантерсек (рис. 23, 1, 2), на сосудах других типов в описываемом керамическом комплексе (рис. 23, 3).

Эти наблюдения позволяют достаточно уверенно относить лепные кувшины в керамическом комплексе городища Куланлы к XII – началу XIII вв.

Хумча (рис. 21, 6) горшковидной формы. Сосуд с широким дном, раздутым туловом наибольшей ширины, достигающим на 1/3 высоты, покатыми плечиками без выделенной шейки. Широкое устье обрамлено слаборазвитым валикообразным венчиком. Сосуд имеет две вертикальные, неправильно овальные в поперечном сечении, ручки и горизонтальные ручки-выступы на тулове. Диаметр горловины 22 см, наибольший диаметр тулова 32 см, диаметр дна 16 см, высота сосуда 31 см.

Сосуд изготовлен вручную без применения гончарного круга. Формовочная масса приготовлена без предварительного отмучения, качество проминки невысокое. Отмечено использование в качестве отощителя грубомолотого шамота и крупных белых гипсовых частиц. Сосуд формировался поясами, на внутренней поверхности местами сохранились следы сращивания формовочных лент. Обжиг костровый, неравномерный, черепок в изломе красный или с черной недожженной полосой в середине. Поверхности имеют естественный, красный цвет обжига. На внешней поверхности углисто-серые пятна кострового обжига.

Сосуд пышно декорирован почти по всей внешней поверхности. По бережку венчик украшен пояском косых поперечных вдавлений. По плечикам сосуд опоясан налепным валиком, также разделенным наклонными поперечными вдавлениями. По всему тулову без видимой системы украшен волнистым гребенчатым орнаментом. Аналогичный гребенчато-волнистый орнамент украшает и внешнюю сторону ручек.

Прием украшения в виде наклонных вдавлений по бережку отмечен в керамических комплексах городищ Восточного чинка Устюрта в IX–XI вв., например, на городище Караумбет (рис. 9, 1). Пышный волнисто-гребенчатый орнамент и использование в формовочной массе крупных гипсовых частиц характерно для хорезмийских [Вактурская, 1959. С. 273–276] и позднекердерских хумов [Гудкова, 1964. С. 132; Ягодин, 1981. С. 86]. Все это дает основание предполагать, что описанная хумча может датироваться IX–XI вв.

Крышки (рис. 21, 7, 8). Изделия низкоконической формы возможно с ручками наверху. Диаметр 20–34 см. Формовались вручную из плохо промешанной формовочной массы с примесями отощителя в виде шамота. Внешняя поверхность грубобугристая со следами заглаживания по сырой глине по внешней стороне. Обжиг слабый, костровый, черепок в изломе черный в середине, красноватый у поверхностей. Имеются экземпляры с плотным спекшимся черепком. На крупных крышках нижняя поверхность покрыта плотным черным нагаром.

Аналогичные крышки без орнамента отмечены в керамическом комплексе XII – начала XIII вв. городища Аджибай (рис. 12, 8), что дает основание предполагать аналогичную дату и для описываемых крышек.

Очаги (рис. 22, 9). Представлены единственным фрагментом лепной стенки очага. На внутренней стороне орнамент в виде прочерченных вертикальных и наклонных полос, состоящих из множества тонких линий.

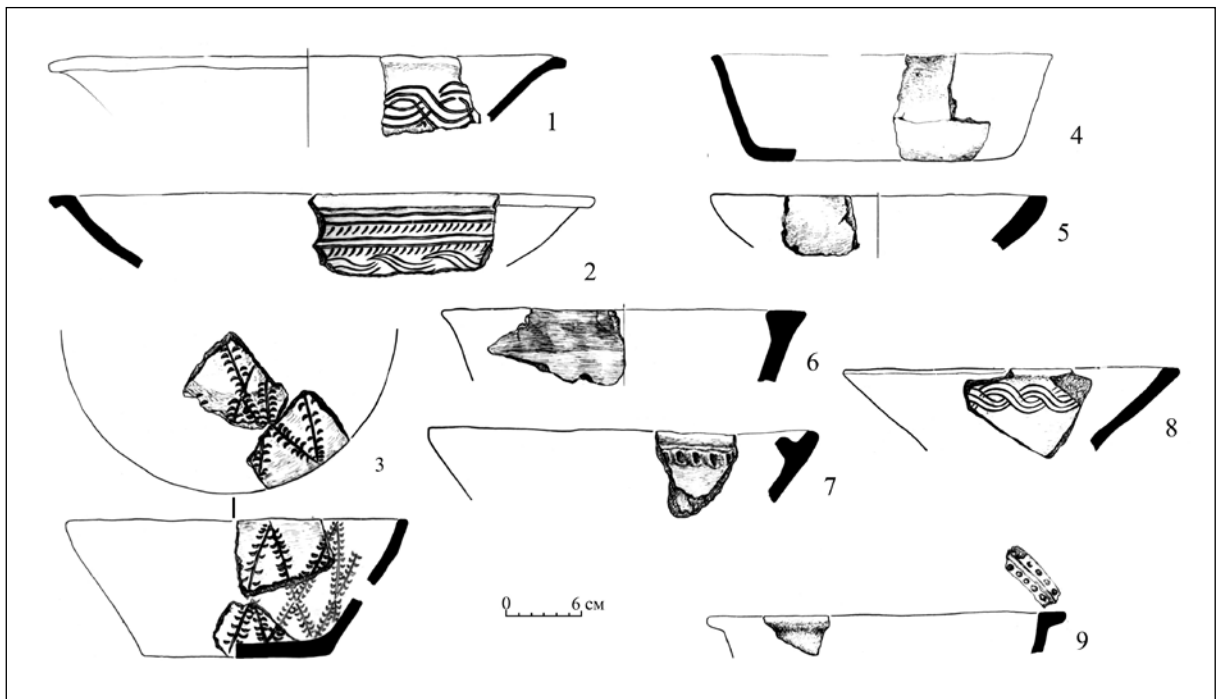

Рис. 22. Куланлы, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика III группы.

Очаги подобного типа отмечены в слоях XII – начала XIII вв. городищ Восточного и Юго-Восточного чинков Устюрта Кияжол-2 (рис. 19) и Хантерсек (рис. 24, 5). Интересующий нас фрагмент, поэтому мы можем отнести к этому же времени.

Миски, тазы (рис. 22). Тазом можно считать один сосуд (рис. 22, 4), имеющий усеченно-коническую форму, плоское дно с округлым переходом к прямым, расходящимся в стороны стенкам. Верхний край (бережок) прямо срезан. На внешней стороне слабовыделенный валикообразный венчик. Диаметр поверху 27 см, по дну 20 см, высота сосуда 8 см, толщина стенок 0,5 см.

Сосуд сформован вручную из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями грубомолотого шамота. Обжиг костровый, черепок в изломе черный, слабо спекшийся, тяжелый. Внешняя поверхность закопчена поверху, внутренняя по дну и низу стенок. Полностью аналогичный таз обнаружен в слое XII – начала XIII вв. городища Хантерсек (рис. 19, 4), что позволяет отнести к этому времени и описываемый сосуд. Миски образуют несколько разновидностей:

1) Миски усеченно-конической формы (рис. 22, 3, 6, 7, 8). Дно плоское, стенки прямые, расходящиеся в стороны. Венчик отсутствует, закраина (бережок) прямо срезана. В одном случае (рис. 22, 6) сосуд имеет венчик в виде подтреугольного двустороннего утолщения в верхней части стенок. Диаметр устья сосудов 26–30 см, диаметр дна 14 см, высота сосуда 0,5–1,2 см, толщина стенок обычно 0,9–1,1 см.

Сосуды изготавливались без круга из грубой плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями грубомолотого шамота иногда вместе с дресвой. Поверхности большей части сосудов до обжига затирались жидкой глиной и уплотнялись заглаживанием, иногда (рис. 22, 8) приобретавшем характер «тусклого лощения».

Обжиг костровый, у части сосудов слабый, черепок в изломе черный крошащийся (рис. 22, 7, 8). Однако на других экземплярах черепок спекшийся, плотный, тяжелый (рис. 22, 3, 6). Поверхности имеют или естественный красный цвет обжига (рис. 22, 8), или серый в результате обжига в задымленной атмосфере (рис. 22, 3), или облицованы серым ангобом (рис. 22, 6). Сосуды обычно украшались орнаментом и налепами. На одном экземпляре (рис. 22, 3) орнаментирована вся внутренняя поверхность сосуда стенки и дно. Орнамент представляет собой прочерченные до обжига прямые линии, образующие неровную ромбическую сетку. Линии «проросли» по обе стороны, на них нанесены ногтевые серповидные или подтреугольные вдавления. Этот орнаментальный прием неоднократно отмечен на керамике в слоях XII – начала XIII вв. других городищ Восточного чинка, например Хантерсек (рис. 23, 1, 2). Указанное обстоятельство позволяет датировать миску с этим орнаментом тем же временем.

На другом экземпляре (рис. 22, 7) миска имеет на внутренней стороне, чуть ниже края сосуда, толстый налепной валик с наклонными глубокими вдавлениями на внешней стороне.

И, наконец, на одной из мисок описываемой разновидности отмечен орнамент также расположенный поясом на внутренней поверхности, чуть ниже края сосуда (рис. 22, 8). Орнамент в виде двух перевитых тройных линий, прочерченных по сырой глине до обжига сосуда. Иначе говоря, в данном случае использован уже неоднократно отмечавшийся нами для комплексов XII – начала XIII вв. мотив «плетенки», что дает основание датировать указанным временем и описанный сосуд.

2) Миски с полочковидным венчиком (рис. 22, 1, 2, 9). Сосуды с туловом низкой усеченно-конической формы, широким плоским дном, слабовыпуклыми стенками, полочковидным венчиком, образованным простым перегибанием стенок сосуда. Диаметр по внешнему краю венчика 26–42 см, толщина стенок 0,6–0,8 см.

Сосуды формовались вручную, без использования гончарного круга, с использованием отошителя, в качестве которого применялся грубомолотый шамот. Внешняя поверхность грубобугристая, внутренняя уплотнена довольно тщательным заглаживанием. Поверхности имеют естественный

темно-коричневый или черный цвет обжига. Обжиг слабый, черепок часто крошится. Излом черный, или черный в середине и коричневый у поверхностей. Орнамент расположен на внутренней поверхности или по плоскому березку.

На одном из сосудов (рис. 22, 1) отмечен пояс, уже упоминавшейся выше, «плетенки», использование которой характерно для XII – начала XIII вв. На другом пышно орнаментирована вся внутренняя поверхность сосуда (рис. 23, 2). Между двойными линиями, опоясывающими сосуд, находятся насечки в виде запятых, ниже еще один поясик подобных насечек. Еще ниже пояс волнистых переплетающихся линий, уже неоднократно отмечавшийся выше мотив «плетенки». Орнамент прочерчивался по сырой глине.

На третьем экземпляре (рис. 22, 9) орнамент, в виде двойного ряда округлых вдавлений разделенных двойной прочерченной полоской, находится на плоском, широком березке полочковидного венчика.

Миски с полочковидным венчиком по форме близки к широко распространенным в Хорезме XII – начала XIII вв. станковым мискам с таким же венчиком [Вактурская, 1959. С. 308; Неразик, 1976, рис. 68, 15, 17] и, вероятно служившими образцом, по которому изготавливались описанные лепные миски с полочковидным венчиком.

3) Миски сегментовидной формы (рис. 22, 5). Представлены единственным экземпляром. Диаметр устья 26 см, толщина стенки 1,4 см.

Сосуд сформован без применения гончарного круга из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями отошителя в виде шамота и белых гипсовых частиц. Сосуд толстостенный, тяжелый. Поверхности заглажены и уплотнены (так. наз. «тусклое лощение»). Обжиг слабый, костровый, черепок в изломе черный, крошащийся.

Подводя итоги анализу керамики III группы городища Куланлы, необходимо, прежде всего, отметить, что основная масса ее, за редкими исключениями, датируется XII – началом XIII вв.

Кроме того, отмечается несомненное воздействие традиций хорезмийского гончарства, по хорезмским образцам изготавливались лепные копии.

Хантерсек, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв

Происходит из раскопок однослойного городища, где было раскопано три помещения. Находки керамики сравнительно немногочисленны.

Группа I.

Представлена ограниченным количеством форм.

Кувшины (рис. 23, 6, 7). Представлены двумя разновидностями.

1) Кувшин водоносный, одноручный с высокой прямой горловиной, яйцевидным туловом, плоским дном, высокой, массивной, круглой в сечении, вертикальной ручкой, высоко поднятой над горловиной. По устью горловина обрамлена венчиком в виде слабого утолщения стенки. Диаметр горловин 10 см, диаметр ручки 3,6–3,7 см, толщина стенок 0,5 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной, без видимых примесей, формовочной массы. Обжиг горновой, равномерный, черепок в изломе серый. Поверхности облицованы темно-серым ангобом.

Аналогичные сосуды во фрагментах присутствуют во всех керамических комплексах XII – начала XIII вв. городищ Восточного чинка Устюрта. Они отмечены, например, на городище Аджибай (рис. 11, 1). Многочисленные аналогии в хорезмийских керамических комплексах эпохи Великих Хорезмшахов, делают дату XII – начало XIII вв. для сосудов этого типа бесспорной [Вактурская, 1959. С. 304–306, рис. 97, 3].

2) Кувшин одноручный (рис. 23, 7) со слабо выделенным дисковидным поддоном вогнутым по середине, яйцевидным туловом, вероятно высоким цилиндрическим горлом и одной вертикальной, пластинчатой ручкой. Сосуд изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг ровный, горновой, черепок в изломе светло-желтого цвета. Внешняя поверхность облицована плотным желтым ангобом. На плечиках сосуда орнаментальный поясок в виде двух параллельных прочерченных линий с прочерченной ломаной линией между ними.

Фрагменты кувшинов данной разновидности обнаружены в керамических комплексах XII – начала XIII вв. многих городищ Восточного чинка Устюрта. Они известны на Аджибае (рис. 11, 2, 3), городище Кияжол-2. В качестве редко встречающейся формы отмечены в хорезмийских керамических комплексах XII – начала XIII вв. [Вактурская, 1959. С. 306, 308; Неразик, 1976. С. 117, рис. 68, 2].

Миски (рис. 23, 8). Сосуды плоскодонные с усеченно-коническим туловом, в верхней части стенки слабо сведены внутрь. Венчик полочковидный с округлым бережком и хорошо выраженным ребром на внешней поверхности. Диаметр поверху 28 см, толщина стенок 0,6 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной и тщательно промешанной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг ровный, черепок в изломе серый. Поверхности облицованы серым ангобом.

Аналогичные миски встречаются во многих керамических комплексах XII – начала XIII вв. городищ Восточного чинка Устюрта: Аджибай (рис. 11, 4), Куланлы (рис. 19, 5, 6, 7). Как уже отмечалось выше, данная форма широко распространена в слоях XII – начала XIII вв. городов и сельских поселений как Правобережного, так и Левобережного Хорезма.

Группа II.

Представлена единственной находкой происходящей из впускного погребения в слой XII – начала XIII вв.

Тувак (рис. 23, 9) горшок для детской люльки-бешика. Сосуд с цилиндрическим туловом, плоским дном и широко расходящимися краями. Диаметр устья 18 см, высота сосуда 20 см, толщина стенок 1 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной, хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг горновой, равномерный, черепок в изломе красноватый. Внутренняя поверхность облицована темно-зеленой, непрозрачной поливой, без подгрунтовки.

Изделия данного типа известны в хорезмийских керамических комплексах второй половины XIII–XIV вв. [Вактурская, 1959. С. 319, рис. 31, 17]. К комплексам керамики XII–XIII вв. отношения не имеет.

Группа III.

Количественно наиболее многочисленна.

Кувшины двух разновидностей (рис. 23, 1, 2).

1) Сосуд с узким высоким горлом, слегка расширяющимся кверху, сильно раздутым низким туловом и одной петлевидной вертикальной ручкой в месте перехода от плечиков к горловине. Наибольший диаметр тулова 22 см, диаметр горловины 4,5 см, высота горловины 9 см, толщина стенок 0,6–0,7 см. Сосуд изготовлен вручную без применения гончарного круга, способом нарушения лент. Горловина и ручка формовались отдельно и примазывались к уже готовому тулову. Внутренняя поверхность грубобугристая, со следами сращивания отдельных поясов-лент во время формовки; внешняя относительно ровно заглажена и затерта жидкой глиной до обжига. Формовочная масса без предварительного отмучивания с обильными примесями отошителя в виде шамота,

промешана плохо. Обжиг слабый, костровый, черепок в изломе черный, крошащийся. На внешней поверхности углисто-серые пятна кострового обжига. По плечикам и верхней части тулова сосуд украшен пышным, прорезанным до обжига орнаментом. По основанию горловины идут две параллельные линии. Между ними и по обе стороны от них — серповидные вертикальные насечки. По плечикам расположен пояс из вписанных друг в друга полукружий, в их центре серповидные или полукруглые насечки. Такими же насечками окаймлено снаружи большое полукружие. Между полукружиями трезубцы из трех прямых линий расходящиеся книзу. По обе стороны прямые линии окаймлены серповидными насечками, как бы «проросшими» из прямых линий.

Аналогичные кувшины известны в слоях XII – начала XIII вв. некоторых городищ Восточного чинка Устюрта: Куланлы (рис. 21, 1–4), Аджибай (рис. 12, 9). Близки и орнаментальные мотивы. На кувшинах городища Куланлы отмечены фрагменты орнаментальных композиций с прочерченными линиями и «проросшими» по обе стороны от них серповидными или треугольными вдавлениями (рис. 21, 1, 3–4). Такой же орнаментальный мотив отмечен в декоре мисок с указанного городища (рис. 22, 3).

2) Кувшин без ручки (рис. 23, 2) с сильно раздутым туловом с низкой прямой горловиной без венчика. Наибольший диаметр тулова 29 см, диаметр горловины 13 см, толщина стенок 0,7–0,8 см. Сосуд сформован вручную из неотмученной, плохо промешанной формовочной массы с примесью отошителя в виде мелкомолотого шамота. Поверхности грубобугристые, внешняя до обжига затерта жидкой глиной. Обжиг костровый, слабый, неравномерный, черепок в изломе местами черный, местами кирпично-красный. Внешняя поверхность лилово-серая. Сохранившаяся часть сосуда пышно орнаментирована. Орнамент прорезной и вдавленный, полностью повторяющий орнаментальную композицию на кувшине первой разновидности.

Горшки (рис. 23, 3) двуручные с относительно высокой горловиной со слегка расходящимися наружу стенками. Ручки вертикальные, угловатые, с вертикальным желобком на внешней стороне. Плечики крутые, тулово грушевидное. Диаметр горловины 20 см, наибольший диаметр тулова 27 см, толщина стенок 0,8–1,0 см. Сосуд сформован вручную, без применения гончарного круга. Внутренняя поверхность грубобугристая, видны линии сращивания глиняных лент. Внешняя поверхность затирались до обжига жидкой глиной и уплотнялась заглаживанием. Сосуд сформован из плохо промешанной формовочной массы с примесью шамота в качестве отошителя. Обжиг напольный, на внешней стороне углисто-серые и ярко-красные пятна кострового обжига. Поверхности естественного красного цвета обжига. Черепок в изломе плотный, тяжелый, красный.

Сосуд орнаментирован, орнаментальный пояс расположен на плечиках. Три линии, опоясывающие сосуд по горизонтам, разделяют две орнаментальные полосы. Верхняя — узкая, заполнена двойным рядом подпрямоугольных вдавлений. Нижний пояс орнамента, в виде тройной, волнистой линии с каплевидными или подпрямоугольными вдавлениями одинарными, двойными или тройными «волнами». С внешней стороны горловины сосуда частично закопчена.

Таз (рис. 23, 4) усеченно-конической формы. Дно плоское, переход к стенкам скруглен, стенки слабоизогнутые, расходящиеся в стороны. Плоский бережок скошен внутрь сосуда. На внешней стороне верхнего края сосуда слабообразный, валикообразный венчик. Диаметр дна 18 см, диаметр по верху сосуда 28 см, высота сосуда 11 см, толщина стенок 8–9 см.

Сосуд сформован без гончарного круга из неотмученной, плохо промешанной формовочной массы с примесью шамота. Поверхности грубо-бугристые, сосуд ассиметричен. Поверхности заглажены и уплотнены каким-то плоским инструментом по методу «тусклого лощения». Обжиг

слабый, костровый черепок в изломе черный у внутренней и красный у внешней поверхности. Поверхности естественного цвета обжига, внешние — красные, внутренние — черные.

Полностью аналогичный сосуд известен в керамическом комплексе городища Куланлы (рис. 22, 4).

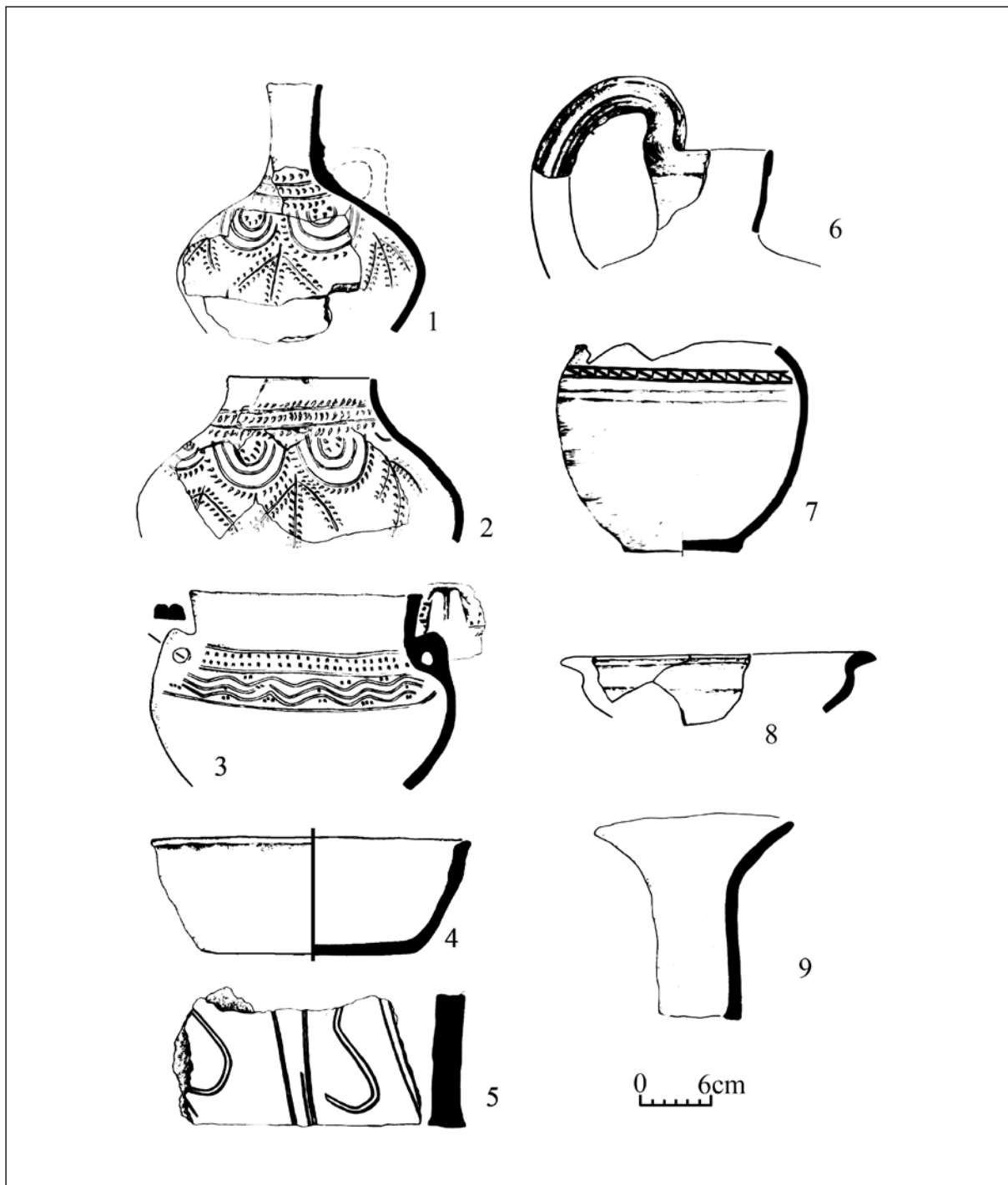

Рис. 23. Хантерсек, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Куланлы, городище, керамический комплекс XII – начала XIII вв. Керамика I, II, III группы

Очаг (рис. 23, 5) керамический. Изготовлен без гончарного круга из неотмученной, плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями шамота. Поверхности грубобугристые со следами обмазки глиной по уже обожженной поверхности. Обжиг костровый, на изломе и на поверхностях черепок кирпично-красный.

На внутренней поверхности орнамент, прочерченный по сырой глине. Поверхность разделена двойными линиями на ряд вертикальных полос, посередине которых по вертикали прочерчена одинарная извилистая линия.

Аналогичные очаги уже неоднократно описывались выше в керамических комплексах XII – начала XIII вв. Они отмечены на городищах Куланлы (рис. 22, 9), Кияжол (рис. 19). Причем на последнем городище имеются находки фрагментов очагов с аналогичным орнаментом на внутренней стороне (рис. 18, 2, 3).

Таким образом, на городище Куланлы мы имеем хронологически единый (XII – начало XIII вв.) комплекс, нарушенный лишь одним туваком второй половины XIII–XIV вв. попавшим в комплекс вместе со впускными погребениями.

Период второй половины XIII–XIV вв. — кипчакский, послемонгольский.

Керамические комплексы этого периода происходят в основном из караван-сараяв плато Устюрт и ханаки в кульгово-погребальном комплексе Айата на юго-восточном выступе плато. Керамика из раскопок средневековых городищ Западного чинка и Мангышлака, к сожалению, остается неопубликованной и не могла по этой причине быть вовлеченной в наш анализ. В курганах этого периода, изученных во время наших работ, керамика отсутствует полностью.

В связи с тем, что керамические комплексы из отдельных археологических объектов уже опубликованы [Маньлов, 1982; Юсупов, Маньлов, 1990] в данном случае ограничимся обобщенной характеристикой керамического комплекса Арало-Каспия в хронологических рамках анализируемого периода. Следует сразу же отметить, что в рассматриваемых комплексах полностью отсутствует лепная керамика, занимавшая значительное место в керамических комплексах предшествующих периодов. Публикации керамики Арало-Каспия XIII–XIV вв. крайне немногочисленны. Впервые характеристику керамического комплекса интересующего нас периода приводят Е. Бижанов и В. А. Лоховиц на небольшом материале из шурфов на некоторых караван-сараях [Бижанов, Лоховиц, 1969. С. 56–58, рис. 4, 5]. На более представительном материале вопрос о керамике XIII–XIV вв. Арало-Каспия рассматривали Ю. П. Маньлов и Н. Ю. Юсупов [Маньлов, 1982; Юсупов, Маньлов, 1990]. Однако, публикация керамики производилась выборочно, без систематизации существующих керамических форм, что сделало необходимым упорядочить накопленную информацию о керамическом материале и систематизировать формы керамики. В связи с этим, следуя принятому при изучении керамики предшествующих эпох принципу, в основу систематизации мы положили деление керамики на группы по технологическим признакам, выделив следующие группы:

I. Красноглиняная станковая, неполивная керамика;

II. Сероглиняная, станковая, неполивная керамика;

III. Поливная, разделенная на два отдела: А — красно и желтоглиняная; Б — кашинная. Внутри групп, а там где есть отделы и по отделам, керамика разбита на формы, которые, в свою очередь, делятся на типы.

Группа I.

Все сосуды этой группы изготовлены на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы без видимых невооруженным глазом примесей ото-

щителя. Обжиг равномерный, горновой, окислительный. Черепок в изломе красный, разных оттенков. Формы немногочисленны. Количественно преобладают кувшины, несколько меньше чаш, остальные формы: кувшинчики, кружки, крышки, представленные единичными экземплярами.

Кувшины. На имеющемся материале представляется возможным выделить по форме три типа кувшинов.

Тип 1. Одноручные, вертикально вытянутые сосуды с высокой подцилиндрической горловиной (рис. 24, 1, 2). Имеют плоское дно, обычно равное половине максимального диаметра тулова, относительно узкую (меньше диаметра дна) горловину, обрамленную по устью подтреугольным в сечении венчиком. Ручка пластинчатая или уплощенно-овальная в поперечном сечении, верхним корнем прикрепленная к середине высокой горловины. Для данного типа кувшинов характерно наличие рельефных валиков двойных на горловине (рис. 24, 2) или одинарных на плечиках (рис. 24, 6). По внешней поверхности сосуды облицовывались красным (рис. 24, 1, 2) или светлым желтоватым ангобом (рис. 24, 6).

Тип 2. Одноручные вертикально вытянутые плоскодонные сосуды, тулово более раздуто, чем у кувшинов первого типа (рис. 24, 3, 4, 5). Горловина широкая (равна или больше диаметра дна), невысокая, обычно раструбовидная. Верхний корень ручки закреплен на закраине горловины. Устье обрамлено валикообразным или подтреугольным венчиком в поперечном сечении (рис. 24, 3, 5).

Различаются сосуды 1 и 2 типов лишь по форме. На некоторых кувшинах, по преимуществу небольших размеров, на плечиках имелся трубчатый носик-слив. В исследуемом материале многочисленны находки фрагментов таких носиков-сливов. По красному ангобу обычно полосчатое

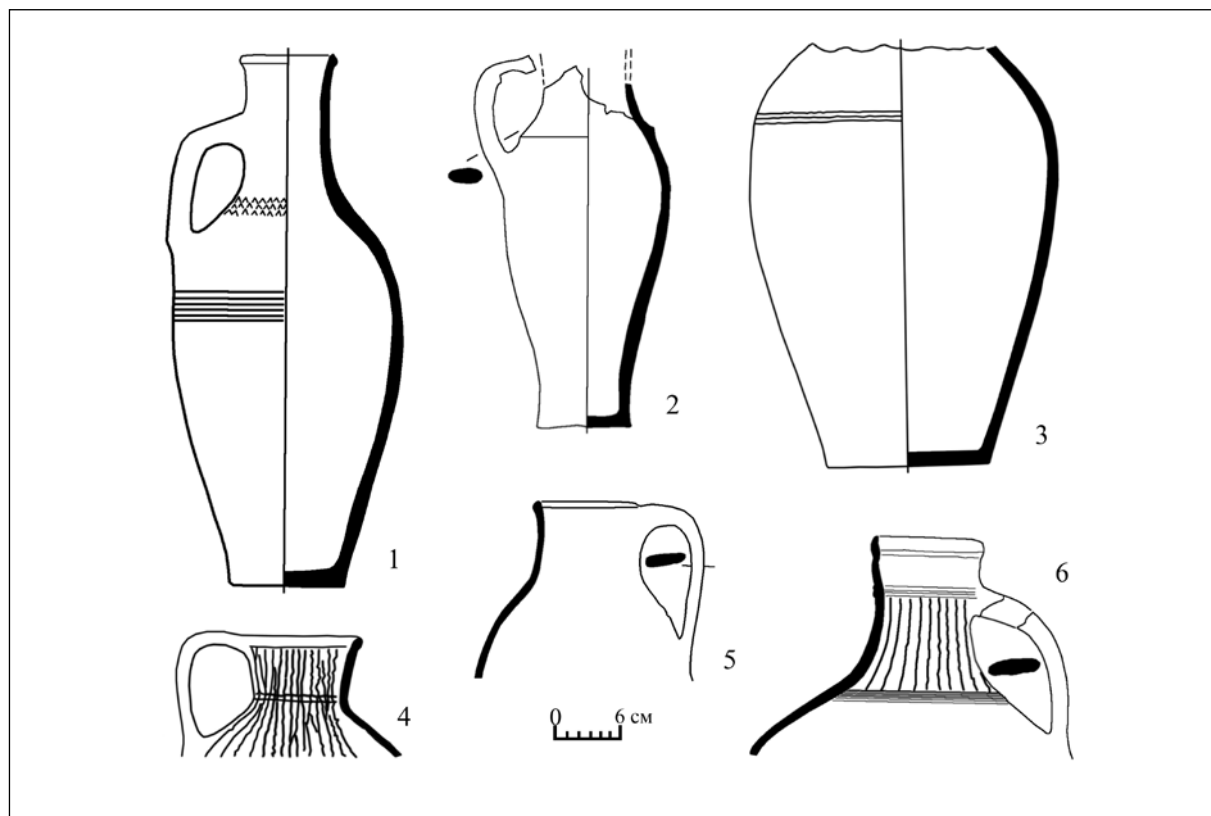

Рис. 24. Период второй половины XIII–XIV вв. — кипчакский, послемонгольский. Керамика I группы.

лощение в виде вертикальных полос (рис. 24, 2, 3; рис. 25, 1, 2). Лощение зональное: на горловине (рис. 24, 2, 3), на плечиках (рис. 25, 1, 2). Часто кувшины обеих типов украшались орнаментом. Орнаментальные пояса расположены обычно на плечиках. Мотивы орнамента немногочисленны: горизонтальные волнистые линии (мотив «бегущей волны») между двух линейных параллельных поясов, прочерченных затупленной палочкой (рис. 25, 1) или гребенкой (рис. 25, 2, 5), иногда «волна» заменяется поясом опрокинутых арочек (рис. 25, 6). Отмечен также мотив «волны», ограниченный двумя прямыми, но не одинарный, а многоярусный (рис. 25, 7), горизонтальная «ёлочка» нанесенная зубчатым штампом (рис. 25, 3), поясok из треугольных вдавлений (рис. 24, 1) или просто линейный пояс параллельных прочерченных линий (рис. 24, 4). Все перечисленные элементы декора сочетаются между собой в различных комбинациях.

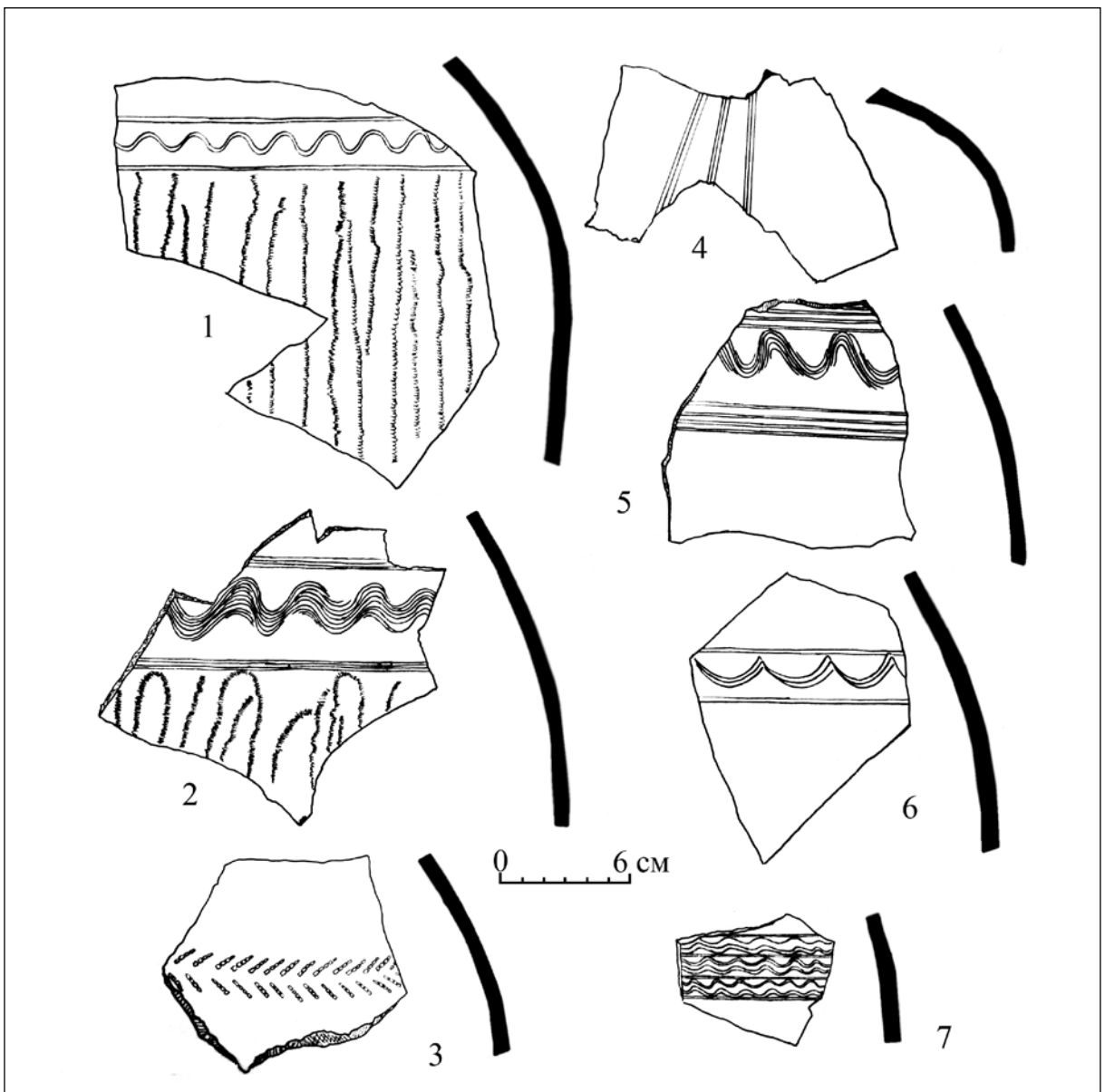

Рис. 25. Период второй половины XIII–XIV вв. — кипчакский, послемонгольский. Керамика I группы.

Описанные типы кувшинов находят массовые аналогии по всем признакам: технология, форма, декор в массовой неполивной красноглиняной керамике золотоордынских городов Поволжья [Михальченко, 1973. С. 118 и сл.; Федоров-Давыдов, 1981. С. 235, рис. 101, 7, 8, 9, 26]. Массовые аналогии отмечены также в материалах золотоордынских слоев городища Сарайчик в Западном Казахстане [Археологическая карта... 1960, табл. 1].

Тип. 3. Узкогорлые одноручные кувшины. Полностью аналогичны сероглиняным кувшинам того же типа. Изменен лишь режим обжига, восстановительный заменен на окислительный, в результате чего взамен серого получен красный черепок. Возможно, это происходило под влиянием гончарных традиций золотоордынских городов Поволжья.

Чашы. По форме разделены на три типа.

Тип 1. Полусферические чаши с плоским дном (рис. 26, 1, 3). Края чаш несколько стянуты внутрь. Высота сосудов примерно соответствует ширине дна. Поверхности облицованы ярко-красным ангобом.

Тип 2. Полусферические чаши на кольцевом поддоне (рис. 26, 6). У верхнего обреза, с внешней стороны, чашу опоясывает одна или две прочерченные затупленной палочкой по сырой глине линии. Внешняя поверхность сосудов облицована красным или желтоватым ангобом. Внутренняя облицована красным, по которому полосчатое лощение в виде концентрических кругов.

Большое количество подобных чаш обнаружено при раскопках ханаки второй половины XIV в. мавзолея Мазлумхан сулу на некрополе средневекового Миздахкана.

Тип 3. Чаши с плоским дном и полусферическим туловом (рис. 26, 2, 4). Кустью стенки сужаются, заканчиваясь массивным полочковидным венчиком. Под венчиком сосуд опоясан или широкой ложбинкой (рис. 26, 4), или двойной прочерченной затупленной палочкой полосой (рис. 26, 2). Внешняя поверхность сосудов облицовывалась желтоватым ангобом.

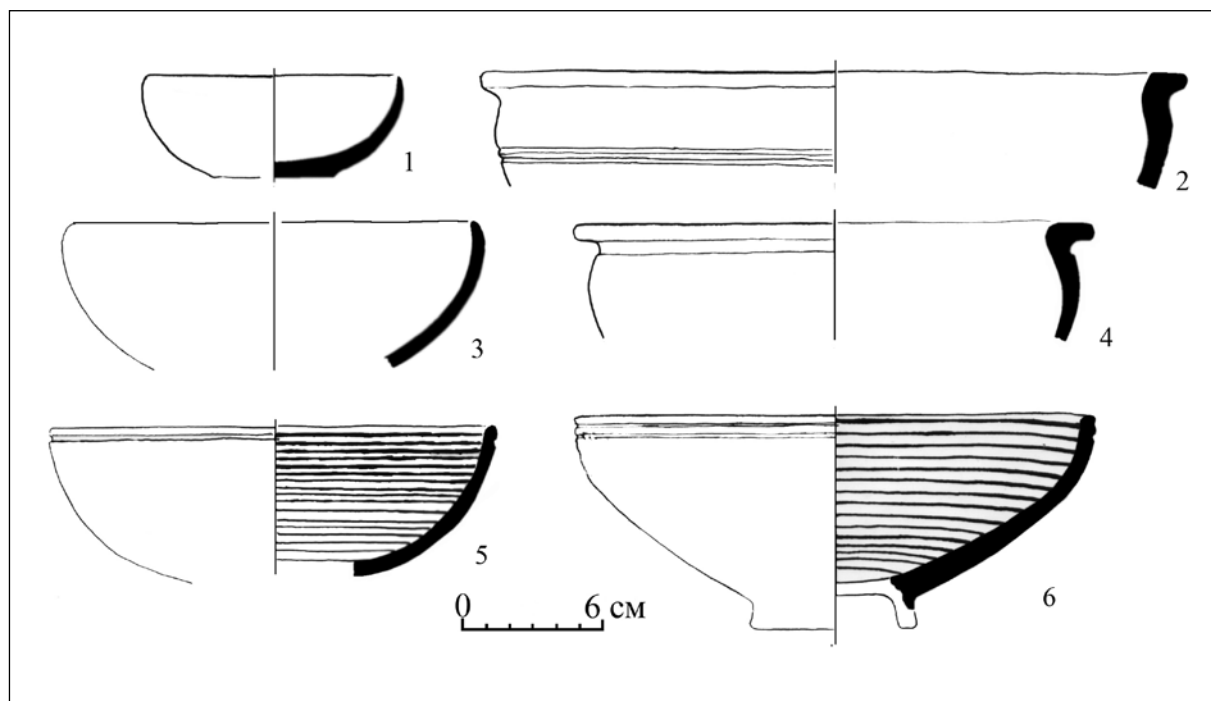

Рис. 26. Период второй половины XIII–XIV вв. — кипчакский, послемонгольский. Керамика I группы.

Аналогичные чаши имеются в материалах раскопок золотоордынских городов Поволжья. В классификации неполивной золотоордынской керамики они выделены в категорию 4, группу I [Михальченко, 1973. С. 127, рис. 3, 11]. Исследователями золотоордынской керамики уже отмечены аналогии этому типу чаш в керамике Каракорума в Монголии [Евтюхова, 1965. С. 255, рис. 135, 14; Михальченко, 1973. С. 127, рис. 3, 11]. В другой стороны аналогичные формы чаши имеются и в Хорезме, но для более раннего (XII в.) периода [Вактурская, 1959. С. 310, рис. 36, 44]. Последнее обстоятельство может свидетельствовать о традиционности данной формы в хорезмийском керамическом производстве, однако, выполненной в технологической традиции золотоордынских городов Поволжья.

Кружки (рис. 27, 3, 4). Сосуды с плоским дном, грушевидным туловом, низкой, широкой горловиной, диаметр которой чуть более или равен диаметру дна, и одной петлевидной ручкой. После формовки сосуды срезались с круга нитевой, на дне сохраняются следы срезания. Низ сосудов имеет слабо выраженную ограненность, появившуюся в результате вертикальной подрезки ножом при формовке. Сосуды по внешней поверхности облицовывались желтоватым ангобом.

Аналогичные по форме, но сероглиняные кружки известны в Правобережном Хорезме в слоях XIII–XIV вв. городища Джанпык-кала [Ходжаниязов, Кдырниязов, Доспанов, 1990, рис. 4, 11].

Кувшинчик (рис. 27, 1). Миниатюрный сосуд на высоком кольцевом поддоне. Тулово шаровидное, горловина широкая, подцилиндрическая, равна ширине поддона. От плечиков отделена

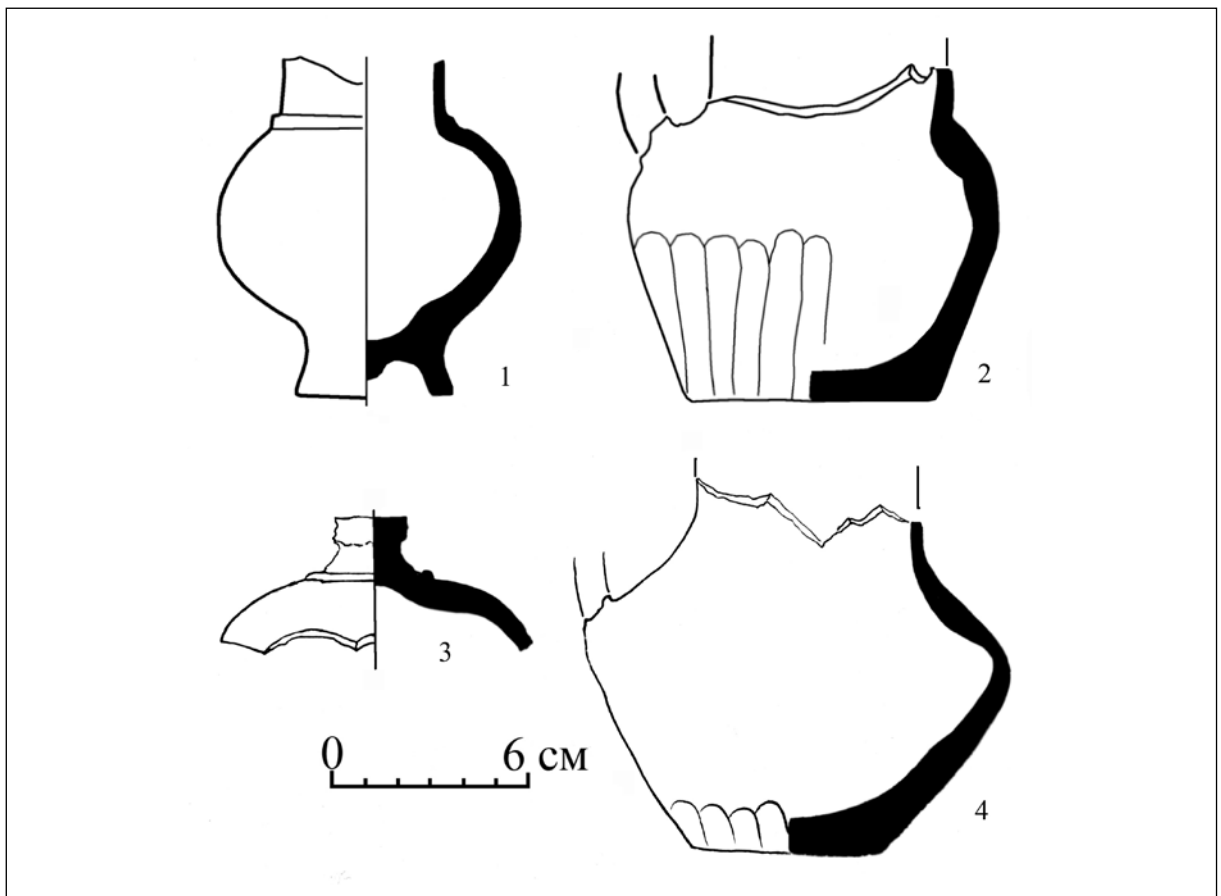

Рис. 27. Период второй половины XIII–XIV вв. — кипчакский, послемонгольский. Керамика I группы.

валиком. По внешней поверхности сосуд облицован желтоватым ангобом. Форма индивидуальная, аналогии отсутствуют как в керамических комплексах золотоордынских городов Поволжья, так и в керамике Хорезма XIII–XIV вв.

Крышка (рис 27, 2). Полусферическая с блоковидной ручкой наверху. По основанию ручки — рельефный валик. По внешней поверхности облицована светло-коричневым ангобом. Небольшая по размеру, диаметр не более 10–11 см.

Хотя крышки небольших размеров имеются среди красноглиняной золотоордынской керамики Поволжских городов [Михальченко, 1973. С. 130, рис. 3, 28], однако они другие по форме. Аналогичных крышек в золотоордынских комплексах автору не известно.

Группа II.

Все сосуды данной группы изготовлены на гончарном круге из предварительно отмученной, тщательно промешанной формовочной массы без видимых невооруженным глазом примесей отощителя. Обжиг равномерный, горновой, восстановительный, черепок в изломе серый. Представленные в материале формы немногочисленны. В количественном отношении преобладают кувшины, менее многочисленны миски и чаши, фрагментами представлены фляги, единичны находки сосудов типа кринок.

Кувшины. По форме выделено три типа кувшинов.

Тип 1. Водоносные одноручные кувшины (рис. 28). Дно плоское, широкое, тулово приземистое, обычно грушевидной формы, сильно раздутое, горловина подцилиндрическая, широкая, низкая с манжетообразным венчиком. Иногда по внешней стороне венчик опоясан вертикальными, серповидными защипами (рис. 28, 1, 4). Ручка петлевидная в сечении подкруглая, поднимается выше горловины, к закраине которой примыкает, образуя обычно хорошо выраженный уступ. По плечикам и верхней части тулова многие сосуды данного типа горизонтально каннелированы

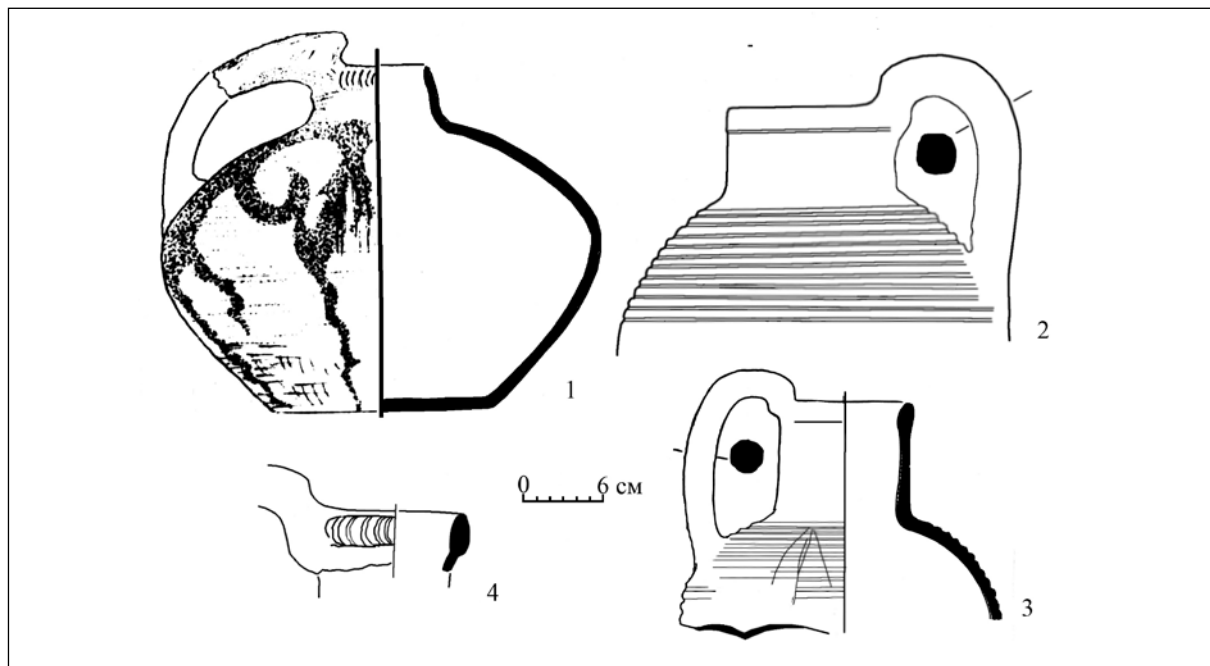

Рис. 28. Период второй половины XIII–XIV вв. — кипчакский, послемонгольский. Караван-сарай Белеули. Керамика II группы.

(рис. 28, 2, 3). На некоторых кувшинах роспись черным ангобом в виде полос, неясных спиралей и потеков (рис. 28, 1).

На кувшинах этого типа отмечены процарапанные по уже обожженному сосуду знаки (рис. 28, 3).

Некоторые кувшины данного типа, сохраняя все признаки формы, имеют красный обжиг и облицовку красным ангобом по внешней поверхности. Мы уже отмечали наличие в нашем материале таких кувшинов, описывая красноглиняную керамику и отметив их как третий тип красноглиняных кувшинов.

По форме кувшины данного типа обычны для керамических комплексов Хорезма второй половины XIII–XIV вв. [Вактурская, 1959. С. 304, 306, рис. 21, 4; Она же, 1963. С. 49, рис. 5, 25].

Появление подобных сосудов, традиционно хорезмийских по форме, но обожженных по новой нетрадиционной технологии, может свидетельствовать о заимствовании хорезмийскими гончарами некоторых технологий обжига сосудов у ремесленников золотоордынских городов Поволжья, где красный окислительный обжиг является преобладающим. Представляет значительный интерес знак в виде трех расходящихся из одной точки линий, процарапанный на плечиках одного из сосудов описанного типа (рис. 28, 3). Знак этот известный под названием «птичья лапка» или «казаяк» широко распространен в средневековом Арало-Каспии. Такой знак обнаружен процарапанным на одной стене помещения № 6 караван-сарая Белеули; на одном из камней в кладке тура на кургане 1 курганного комплекса Кутусем-4; в целом ряде мест на камнях курганного комплекса Карамола № 1 на Западном чинке Устюрта, на надмогильниках средневековых погребений Мангышлака и Балхан [Поляков, 1973, табл. XXII, 5] на сосудах из золотоордынского слоя городища Сарайчик [Археологическая карта... 1960, табл. 1]. Широко распространен знак «птичья лапка» на золотоордынской керамике Поволжья [Полубояринова, 1980. С. 181, рис. 1, 27–28]. Я опускаю перечень находок подобных знаков в других районах [см. Полубояринова, 1980. С. 181–182].

В конкретных условиях Арало-Каспия этот знак является тамгой огузо-туркменского племени салоров, как показал С. П. Поляков, широко расселившихся в XI–XIV вв. на Мангышлаке [Поляков, 1973. С. 129–138] и, как свидетельствуют наши материалы, кочевавших и по Устюрту. В известных списках огузо-туркменских племен Махмуда Кашгарского, Рашид-ад-Дина и Абульгази тамга типа «птичья лапка» или «казаяк» принадлежит салорам [МИТТ, 1939. С. 309; Рашид-ад-Дин, 1952. С. 89; Кононов, 1958. С. 53].

Тамга в виде трех параллельных прямых линий, отмеченная на том же кувшине из караван-сарая Белеули, является, вероятно, монгольской. Во всяком случае, Ринчен отмечает такую тамгу среди других монгольских тамг [Rintchen, 1954, XXII, 2/3, №№ 90, 91, 189].

Тип 2. Кувшины узкогорлые, одноручные (рис. 29). Дно плоское, широкое, тулово грушевидное, горловина узкая, сравнительно невысокая, подцилиндрическая или раструбообразная с манжетобразным венчиком. На некоторых экземплярах край горловины оттянут в слив (рис. 29, 3). Иногда горловина горизонтально каннелирована (рис. 29, 3). Ручка обычно круглая в сечении, хотя имеются экземпляры и с уплощенной ручкой (рис. 29, 2), верхним корнем прикреплялась к середине горловины, обычно не поднималась, в редких случаях поднималась слабо, над краем горловины (рис. 29, 2). В единичных случаях ручка крепилась к краю горловины (рис. 29, 3). На плечиках некоторых сосудов этого типа имеется носик-слив (рис. 29, 5).

Сосуды обычно облицовывались по внешней поверхности черным ангобом. На некоторых экземплярах тулово горизонтально каннелировано. Кувшины этого типа довольно часто украшались орнаментом, располагавшимся зонально, обычно на плечиках. Орнаментальные мотивы немногочисленны: горизонтальные пояса из прочерченных гребенчатых полос (рис. 29, 2); ли-

нейно-волнистый гребенчатый орнамент в виде двух параллельных полос и волнистой полосы между ними (рис. 29, 7); орнамент в виде прямых вертикальных и наклонных перекрещивающихся двойных или тройных линий (рис. 29, 6).

Сосуды данного типа являются продукцией хорезмийских гончаров. Многочисленные аналогии в Хорезме отмечаются для периода второй половины XIII–XIV вв. [Вактурская, 1959. С. 306, рис. 22, рис. 36, 24–26; Она же, 1963. С. 49, рис. 5, 21–23].

Тип 3. Кувшин одноручный, на высокой конической ножке (рис. 31, 3). В нашем материале нет ни одного целого экземпляра, описание, поэтому, возможно лишь на основе аналогий. Аналогичный кувшин происходит, например, из золотоордынского слоя городища Сарайчик [Археологическая карта..., 1960. С. 137, рис. 2]. На высокой конической ножке сильно раздутое, приземистое тулово, наибольший диаметр больше высоты. Горловина высокая, узкая, раструбообразная с высокой коленчатой ручкой. На всей внешней поверхности сосуда штампованный орнамент. Видимо часть фрагментов сероглиняной штампованной керамики в исследуемом комплексе (рис. 30) принадлежала подобным кувшинам.

Тип 4. Видимо существовали какие-то формы безручных кувшинов. Обнаружен единственный фрагмент подобного сосуда (рис. 31, 2). Он принадлежит кувшину с низкой цилиндрической горловиной с валикообразным венчиком. На внешней стороне венчика пояс глубоких серповидных

вдавлений. На плечиках прочерченный гребенчатый орнамент углов. Аналогичные сосуды в керамических комплексах золотоордынских городов Поволжья и Хорезма XIII–XIV вв. автору не известны.

Миски. Во второй группе керамики вторая по численности после кувшинов форма. Представлена единственным типом. Это низкие плоскодонные сосуды усеченно-конической формы с полочковидным венчиком, обычно со свисающим краем (рис. 32). Переход от плоского, широкого дна к расходящимся в стороны стенкам скруглен. Сосуды очень различаются по размерам, диаметр по верхнему краю от 28 до 41 см. Поверхности облицовывались черным ангобом, поверх которого обычно полосчатое лощение в виде концентрических кругов, иногда дополненных расходящимися из центра линиями (рис. 32, 1, 5).

Широко распространенная в Хорезме XIII–XIV вв. форма [Вактурская, 1959. С. 308, 310, рис. 36, 32, 39; она же, 1963. С. 49–50, рис. 5, 24, 27; Ягодин, 1963, рис. 3, 4].

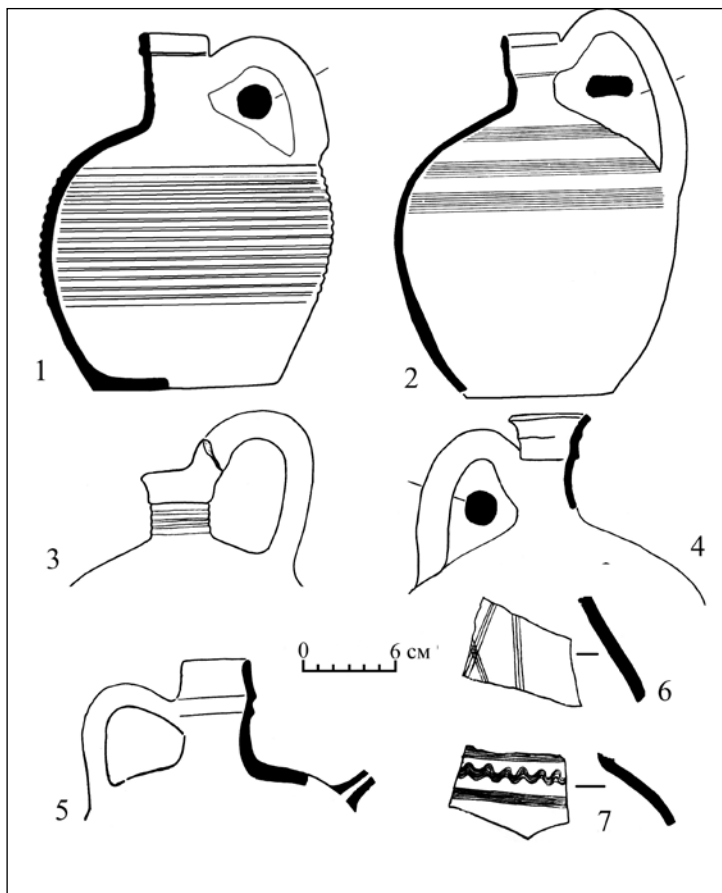

Рис. 29. Период второй половины XIII–XIV вв. — кипчакский, послемонгольский. Караван-сарай Белеули. Керамика II группы.

Чаши. Также довольно многочисленная и типологически разнообразная форма. На имеющемся материале по форме можно выделить четыре типа чаш.

Тип 1. Чаши цилиндроконической формы на кольцевом поддоне (рис. 33, 1–2). Верхний край чаш выделен или двумя глубокими прочерченными по внешней поверхности линиями опоясывающими сосуд (рис. 33, 1), или уступом, отделяющим плоский снаружи, выпуклый внутри венчик. Поверхности или имеют естественный серый цвет обжига (рис. 33, 1), или облицованы черным ангобом. На внутренней поверхности полосчатое лощение в виде концентрических кругов (рис. 33, 2).

Подобные чаши известны в слоях хорезмийских городов второй половины XIII–XIV вв. [Вактурская, 1959, рис. 36, 34–36, 41].

Тип 2. Чаши цилиндроконической формы на дисковидном поддоне (рис. 33, 3). На внутренней стороне облицованы темно-серым или черным ангобом и имеют полосчатое лощение в виде радиально расходящихся из центра линий. В принципе чаши этого типа аналогичны чашам 1 типа, отличаются они от них лишь формой поддона.

Тип 3. Чаша сегментовидной формы на кольцевом поддоне (рис. 33, 4). Поверхности облицованы черным ангобом. На внутренней поверхности орнамент полосчатым лощением в виде сужающихся книзу полос заполненных ромбической решеткой. Сверху и снизу орнаментальный пояс ограничен двойной лощеной линией.

Прием орнаментации лощением по черной ангобной подгрунтовке широко распространен в Хорезме XIII–XIV вв. Большое число сосудов открытых форм, отделанных подобным приемом, было обнаружено при раскопках 1966 г. ханаки второй половины XIV в. мавзолея Мазлумхан Сулу в археологическом комплексе некрополя средневекового Миздахкана¹.

Тип 4. Чаша усеченно-конической формы (рис. 33, 5). Стенки слабоизогнуты, верхний край отогнут наружу, и образует слаборазвитый полочковидный венчик. Поверхности облицованы черным ангобом. На внутренней поверхности орнамент, нанесенный полосчатым лощением. В верхней части сосуда пояс из нескольких концентрических линий, которые под разными углами пересекают вертикальные и наклонные линии.

Фляги. Целиком сохранившихся экземпляров нет. Однако есть фрагменты, позволяющие частично реконструировать данный вид сосуда (рис. 30, 6, 8). Он круглый, одна сторона слабовыпуклая, другая сильновыпуклая. Судя по аналогиям фляги, имели узкую, низкую горловину и две петельчатые ручки по обе ее стороны. Изготавливались сосуды частями. Тулово из двух половинок оттиснутых в форме, которые затем соединялись вместе. С внутренней стороны сохранилась четкая линия срачивания половин (рис. 30, 6, 8).

Аналогичные фляги имеются в материалах раскопок золотоордынских городов Поволжья, в частности, в доме 2 половины XIV в. на Водянском городище (Бельджамен) [Мухамадиев, 1974. С. 87, рис. 5]. В Хорезме фляги со штампованным орнаментом известны в комплексах XII – начала XIII вв. Можно, в частности, указать на флягу из поселения в урочище Дарьялык-куль в Левобережном Хорезме [Вишневская, 1963. С. 88, рис. 3 а, б]. Аналогичные орнаментальные композиции и отдельные элементы орнамента, отмечены в Левобережном Хорезме на штампованных сероглиняных кувшинах из гончарной мастерской второй половины XIII–XIV вв. у Ярбекира [Вактурская, 1959. С. 306, рис. 23, 5].

Кринки (рис. 31, 1). Представлены единственной находкой. Сосуд с плоским широким дном, вертикально вытянутым раздутым туловом с максимальным диаметром, расположенным ниже середины высоты сосуда, широкой (шире дна) горловиной с остросереберным венчиком, образованным отгибанием в стороны и расширением верхней части стенок. При формовке сосуда

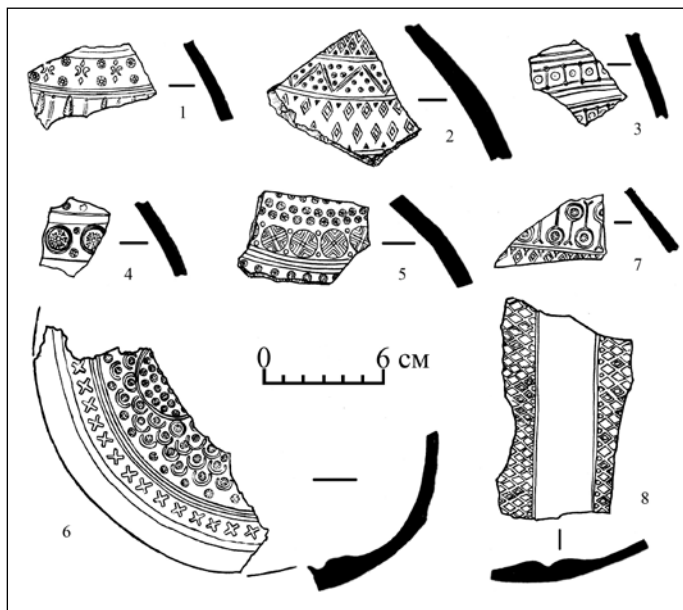

Рис. 30

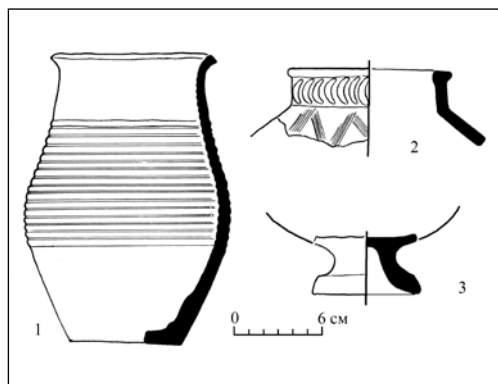

Рис. 31

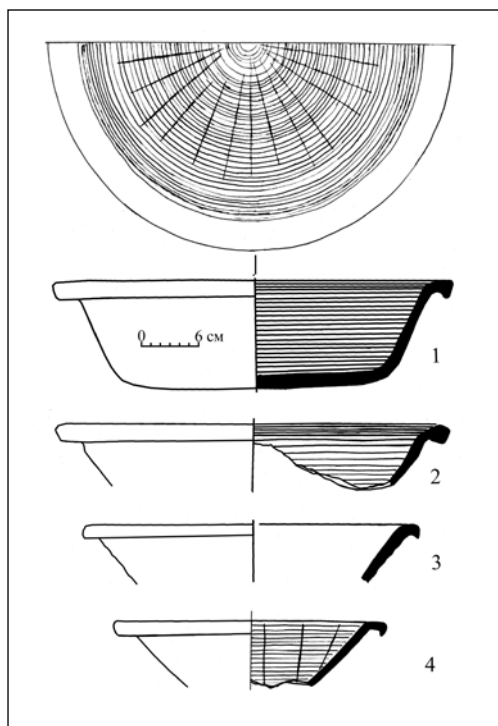

Рис. 32

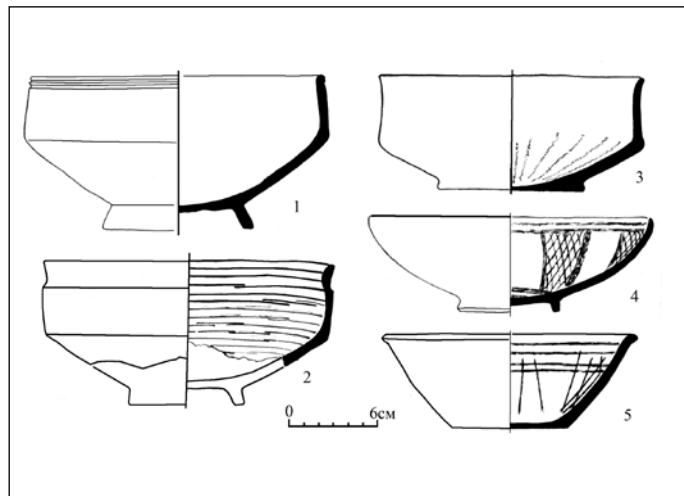

Рис. 33

Период второй половины XIII–XIV вв. — кипчакский, послемонгольский. Керамика II группы

использовалась песчаная подсыпка. Средняя часть тулова горизонтально каннелирована. Вся внешняя поверхность облицована черным ангобом. Хотя в целом сосуд выполнен в традициях хорезмийского гончарного дела, его форма индивидуальна.

Группа III.

Сосуды данной группы очень немногочисленны, в большинстве случаев найдены в сильно фрагментированном состоянии, часто не позволяющим реконструировать форму и систему орнамента. По характеру использованного материала, керамику этой группы можно разделить на два отдела: А — желтая или красноглиняная; Б — кашинная.

Отдел А. Представлен двумя формами чаш и одной светильников-чирагов.

Чаши. Можно выделить два типа этих сосудов.

Тип 1. Чаши полусферической формы на кольцевом поддоне (рис. 34, 2, 4). Бережок либо приострен (рис. 34, 4), либо на внешней стороне имеет слабо развитый валикообразный венчик с ребром на внешней стороне (рис. 34, 2). Внутренняя поверхность облицована глухой поливой. В одном случае темно-зеленого цвета (рис. 34, 2), в другом зеленовато-желтого, на березке цепочка пятен темно-зеленого цвета (рис. 34, 4).

Тип 2. Чаши или миски плоскодонные (рис. 34, 3). Представлены только фрагментами, не позволяющими восстановить форму. На внутренней поверхности сложная орнаментальная композиция, выполненная на желто-зеленой ангобной подгрунтовке черной и зеленой красками и перекрытая стекловидной поливой.

Чаши I типа находят многочисленные аналогии в хорезмских материалах XIII–XIV вв., они найдены, в частности, на городищах Ярбекир, Шемаха [Вактурская, 1959. С. 319, рис. 31], а затем при наших раскопках ханаки второй половины XIV в. мавзолея Мазлумхан Сулу.

Светильники-чираги (рис. 34, 5). Имеют цилиндрический резервуар с длинным оттянутым граненным носиком с одной стороны, и плоской в поперечном сечении петлевидной ручкой, с другой стороны. Резервуар имеет суженую низкую горловину. Стенки резервуара украшены овальными вертикально вытянутыми фасетками. Горловина от открытого сверху носика отделена глухой перемычкой. Внешняя поверхность чирага облицована глухой, зеленой поливой. Носик закопчен.

Аналогичные по форме светильники-чираги известны в Левобережном Хорезме в материалах раскопок городища Замахшар и Шемаха [Вактурская, 1959. С. 315, рис. 22, 1; 36, 136]. Зеленая глухая полива широко употреблялась в золотоордынском Хорезме [Вактурская, 1959. С. 319, рис. 31]. Употребление зеленой поливы на светильниках отмечено в материалах из раскопок городища Военган в Левобережном Хорезме [Мамбетуллаев, Кдырниязов, 1982. С. 90, рис. 4, 9].

Отдел Б. Находки кашинных сосудов немногочисленны, обычно они сильно фрагментированы. Представлен единственной формой — полусферическими чашами на кольцевом поддоне (рис. 34, 1). Роспись двусторонняя, по белой ангобной подгрунтовке, двухцветная в холодных черных и синих тонах, покрытая стекловидной поливой. Узоры носят геометрический и растительный характер. Практически полностью аналогичная чаша найдена в слое с золотоордынскими монетами на городище Шемаха-кала [Вактурская, 1959. С. 322, рис. 34, 2].

Некоторые итоги изучения средневековой керамики Арало-Каспия.

Попытаемся подвести некоторые итоги нашего анализа. Для периода VII–VIII вв. можно заключить, что, во-первых, керамика рассмотренных археологических объектов представляет единый в культурном отношении комплекс, по сумме признаков совпадающий с керамикой Джетыясарской культуры низовьев Сырдарьи на третьем этапе ее развития и Кердерской культуры Приаральской

дельты Амударьи на раннем этапе ее развития. Это дает основание полагать, что археологические памятники Устюрта VII–VIII вв. принадлежат Джетыясарской и Кердерской культурам и могут быть выделены как локальный Джетыясарско-Кердерский археологический комплекс Арало-Каспийского междуморья.

Во-вторых, в хронологическом отношении основная масса керамики может быть ограничена VII–VIII вв. Однако некоторые признаки свидетельствуют о возможности появления Джетыясарской культуры на Устюрте в более раннее время. Однако при современном уровне археологической изученности пустынь Арало-Каспия более определенно установить время первоначального появления Джетыясарской культуры на Устюрте не представляется возможным.

Керамический комплекс IX–XI вв., как показал проведенный анализ, на уровне отдельных памятников представляет собой органическое соединение двух различных по происхождению культурных элементов.

Во-первых, это собственно огузская керамика. Она лепная, представлена по преимуществу горшковидными формами, декор прорезной и накладной с защипами или пальцевыми вдавлениями. Круг известных сейчас огузских памятников достаточно велик: низовья Сырдарьи, Мангышлак, Приаральская дельта Амударьи. Прослеживается генетическая связь огузской керамики с более ранней Джетыясарской на третьем этапе ее развития и Кердерской на раннем этапе ее развития.

Во-вторых, это хорезмийская афригидо-саманидская керамика, в какой-то степени переработана под воздействием культуры огузов. Выявлены признаки, позволяющие говорить о том, что на кочевников-огузов, вероятно работал ряд хорезмийских гончарных центров, расположенных в его северо-западных районах. Нехарактерная для хорезмийской керамики система декора на некоторых сосудах делает это предположение достаточно обоснованным.

С аналогичным явлением мы сталкиваемся и при изучении огузских памятников в Приаральской дельте Амударьи. Здесь керамический комплекс так же представлен тремя группами керамики и является органическим соединением собственно огузского компонента, генетически связанного с раннекердерским керамическим комплексом, и хорезмийской керамики афригидо-саманидской культуры [Гудкова, 1964. С. 130–137; Ягодин, 1981. С. 84–95].

Насколько можно понять из единственного скупого описания огузского керамического комплекса в низовьях Сырдарьи (Инкардарья), здесь он также представлен тремя группами керамики: станковой неполивной, станковой поливной и лепной, и представляет то же соединение собственно огузской, лепной и хорезмийской станковой керамики. Приведенные описания лепной керамики (горшки, украшенные налепными валиками с защипами) [Толстов, 1962. С. 281], позволяют говорить о близости устюртской и нижнесырдарьинской лепной огузской керамики.

Определенные элементы близости обнаруживает лепная кочевническая керамика степей юга Восточной Европы, в частности керамика Саркела Белой Вежи [Плетнева, 1959. С. 177–178].

Анализ керамических комплексов XII – начала XIII вв., проанализированных на уровне отдельных комплексов, а затем на уровне территориально-хронологическом, позволяет сделать вывод, что перед нами определенное культурное единство, в котором, как и для керамики IX–XI вв., выделяются две основные составляющие этого единства. Во-первых, эта керамика, вышедшая из специализированных гончарных мастерских средневекового Хорезма, во-вторых, это керамика домашнего производства, «собственно кочевническая и, надо полагать, имеющая «этническую окраску». Соединение их и представляет керамический кипчакский комплекс Арало-Каспийского междуморья XII – начала XIII вв. Эти две составляющие единого керамического комплекса имеют

помимо типологических и технологических особенностей различия генетического порядка. Ремесленная керамика, как это уже отмечено, является хорезмийской по происхождению, лепная обнаруживает черты преемственности, восходящие еще к Джетыясарской керамике III этапа ее развития, а затем огузской керамике Арало-Каспия, низовий Сырдарьи и позднекердерской лепной керамике Приаральской дельты Амударьи.

На материалах Сырдарьи эту преемственность с керамикой предшествующего огузского периода, уже отметила Н. Н. Вактурская, связавшая комплекс лепной керамики XII – начала XIII вв. с городища Асанас с проникновением в местную огузскую среду нового кипчакского этнокомпонента [Вактурская, 1979. С. 129–130].

Производство лепной керамики, как показал вышеприведенный анализ, находилось под сильным воздействием ремесленного керамического производства средневекового Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов. Многие формы лепной керамики обнаруживают явную зависимость от своих ремесленных прототипов. Можно отметить и следы обратного влияния, когда в системе хорезмшахской орнаментики на керамических сосудах обнаруживается воздействие определенных кочевнических образцов.

Керамика III группы, будучи рассмотрена не на уровне отдельных комплексов, а на уровне территориально-хронологическом, обнаруживает черты определенного единства проявляющегося в типологическом, технологическом и орнаментальном отношениях. Что касается керамики I и II групп, то она резко отличается от керамических комплексов сельских поселений и городов Левобережного и Правобережного Хорезма XII – начала XIII вв. ограниченностью используемых керамических форм по сравнению с обычными для Правобережного Хорезма.

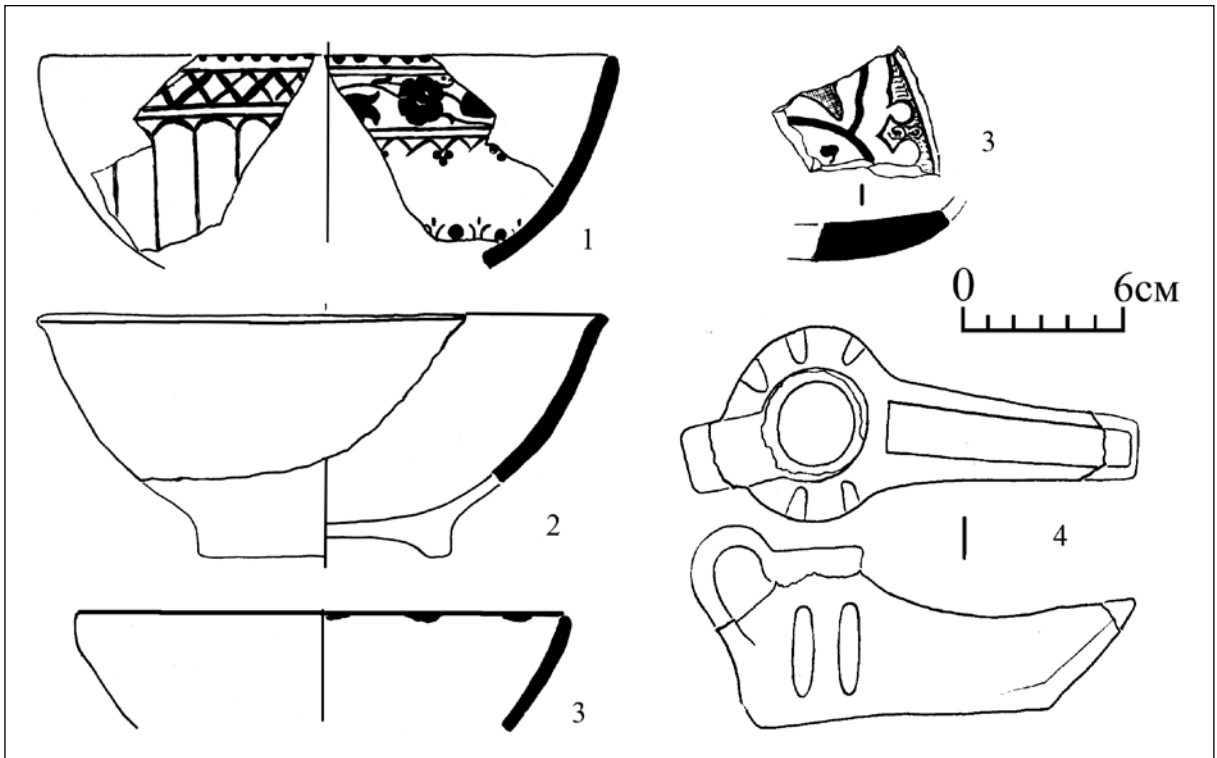

Рис. 34. Период второй половины XIII–XIV вв. — кипчакский, поселемонгольский. Керамика III группы

Отсутствие следов керамического производства в изучаемых огузских и кипчакских городищах, дает основание полагать, что ремесленная посуда поступала к кочевникам Устюрта из Хорезмийских ремесленных центров, вероятно, в основном находившихся в Западной части Приаральской дельты Амударьи, непосредственно под чинком Устюрта. Вероятно, здесь существовали ремесленные керамические производства, специализировавшиеся на производстве керамики для обмена с кочевниками. Впрочем, иногда хорезмийские гончары выносили свое производство далеко за пределы Хорезма, непосредственно в кочевую среду. Такое производство документировано, в частности исследованиями на городище Курганча, где за пределами городища была обнаружена гончарная печь для обжига керамики. Некоторые небезынтересные особенности позволяют выявить особенности типологического и количественного состава керамики I группы. В исследуемых керамических комплексах полностью отсутствуют или представлены скудными единичными находками крупные тяжелые сосуды типа ямов, хумов и хумчей. Они были широко распространены в оседлоземледельческих районах средневекового Хорезма и совершенно не приспособлены для транспортировки. В то же время обилие в составе находок небольших, легких, легко транспортирующихся форм, позволяет предполагать подвижный образ жизни и хозяйства.

И, наконец, должно быть отмечено еще одно обстоятельство, связанное с керамикой III группы. В массовых хорезмийских материалах она аналогий не находит. Тем не менее, отдельные находки подобной керамики отмечены в культурных слоях XII – начала XIII вв. хорезмийских памятников расположенных на территориях непосредственно примыкающих в Устюрту. Надо полагать, что эти признаки могут свидетельствовать о культурной, а возможно и инфильтрации в хорезмийский субстрат новых этнических элементов из пустынь Арало-Каспия.

В керамическом комплексе второй половины XIII–XIV вв. наблюдается соединение двух основных традиций. Во-первых, хорезмийского гончарного ремесла, в котором прослеживается преемственность с керамикой предшествующей эпохи XII – начала XIII вв. Исследователи отмечают, что в Хорезме, «В золотоордынский период гончарное производство восстановилось и даже, известным образом, продолжало развиваться, но почти исключительно в области усовершенствования технических достижений Хорезмшахского периода» [Вактурская, 1959. С. 341]. Во-вторых, развивались традиции гончарного производства золотоордынских городов Поволжья. Исследователи отмечают синкретичность керамического комплекса золотоордынских городов Поволжья и его генетической зависимости от целого ряда более ранних культур, выделяя, прежде всего алано-болгарский пласт [Михальченко, 1973. С. 131].

Впервые характеристику керамических комплексов Арало-Каспия XIII–XIV вв. приводят Е. Б. Бижанов и В. А. Лоховиц, на материалах небольших шурфов и поверхностных сборов на некоторых из Устюртских караван-сараев. Этими исследователями впервые выделены из общего массива золотоордынской керамики две группы неполивной станковой керамики. Одна из них, как полагают исследователи, генетически связана с производственными центрами золотоордынских городов Поволжья, другая является продукцией хорезмийских ремесленников [Бижанов, Лоховиц, 1969. С. 56–58, рис. 4, 5].

На значительно более представительном материале раскопок Устюртских караван-сараев это положение развил Ю. П. Маньлов. Он выделил некоторые формы красноглиняной керамики и подтвердил ее происхождение из поволжских, золотоордынских городов [Маньлов, 1982. С. 115]. Однако в последующем, этот исследователь отказался от мысли о поволжской природе красноглиняной, станковой, неполивной керамики Устюрта и попытался связать ее производство с Хорезмом [Юсупов, Маньлов, 1990. С. 157].

При рассмотрении этого вопроса необходимо учитывать, что в золотоордынских городах Поволжья эта керамика не появляется только в эпоху Золотой Орды. Еще А. Ю. Якубовским была высказана мысль о том, что неполивная керамика золотоордынских городов Поволжья была распространена здесь еще в домонгольский период и связана с керамикой Поволжья и Нижнего Дона [Якубовский, 1931. С. 48]. А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов, развивая гипотезу А. Ю. Якубовского, полагали, что неполивную красноглиняную золотоордынскую керамику генетически можно связывать с болгарской или аланской керамикой [Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959. С. 131]. Имеются находки этой керамики в горнах золотоордынских городов Поволжья, что, бесспорно, указывает на ее поволжское происхождение.

В Хорезме она не имеет подобно сероглиняной, генетической связи с предшествующими керамическими комплексами, нет пока ее надежно документированных находок и в керамических горнах. Все эти факты не позволяют принять мысль о хорезмийском происхождении красноглиняной керамики. В Хорезм она, вероятно, попадала по торговым путям. Не исключено, однако, что под влиянием керамических традиций золотоордынского Поволжья хорезмийские гончары в XIV в. возвращаются к ранее использовавшейся технологии производства красноглиняной керамики обогащая ее за счет поволжских влияний. Об этом, в частности, может свидетельствовать упомянутое выше изменение характера обжига для кувшинов традиционно хорезмийских форм. Тем не менее, массовой красноглиняной керамики в золотоордынском Хорезме не было, здесь господствовала сероглиняная керамика восстановительного обжига.

Примечания

¹ Материалы раскопок не опубликованы. Хранятся в фондах Гос. краеведческого музея Республики Каракалпакстан, г. Нукус.

Литература

- Археологическая Карта** — Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
- Беленицкий и др., 1973** — Беленицкий А. М. Бентович. Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.
- Бижанов, Лоховиц, 1969** — Бижанов Е. Б., Лоховиц В. А. Устюртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР, № 2.
- Брыкина, 1974** — Брыкина Г. А. Карабулак. М.
- Вактурская, 1959** — Вактурская Н. Н. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. IV. М.
- Вактурская, 1963** — Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. II. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 7. М.
- Вактурская, 1979** — Вактурская Н. Н. Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Вишневская, 1963** — Вишневская О. А. Археологическая разведка на средневековых поселениях Левобережного Хорезма. // Материалы Хорезмской экспедиции, в. 7. М.
- Вяткин, 1926** — Вяткин В. А. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Самарканд.

Гайдукевич, 1974 — Гайдукевич В. Ф. Работа Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. // Краткие сообщения о полевых исследованиях Института истории, материальной культуры. В. XIV. М.

Гудкова, 1964 — Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент.

Гудкова, Ягодин, 1963 — Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования в Правобережной части Приаральской дельты Амударьи в 1958–1959 гг. Гудкова А. В. // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. М.

Евтюхова, 1965 — Евтюхова Л. А. Керамика Каракорума // Древнемонгольские города. М.

Заднепровский, 1959 — Заднепровский Ю. А. Работы Южнокиргизского отряда в 1956 г. // Труды Института истории АН Киргизской ССР. Т. V. Фрунзе.

Кожемяко, 1967 — Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан IX–XII вв. на Краснореченском городище. // Древняя и средневековая культура Киргизстана. Фрунзе.

Кононов, 1958 — Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана Хивинского. М., Л.

Левина, 1971 — Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н. э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. VII. М.

Мамбетуллаев, 1981 — Мамбетуллаев М. Городище Кят (Левобережная) и Зарлык ишан бобо // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент.

Мамбетуллаев, Кдырниязов, 1982 — Мамбетуллаев М., Кдырниязов М. -Ш. Городище Военган // Археология Приаралья. Вып. I. Ташкент.

Маньлов, 1978 — Маньлов Ю. П. Средневековые хорезмийские памятники Восточного чинка // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент.

Маньлов, 1982 — Маньлов Ю. П. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1. Ташкент.

Михальченко, 1973 — Михальченко С. Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов. Советская археология № 3.

МИИТ, 1939 — Материалы и исследования по истории туркмен и Туркмении. М. — Л.

Мошкова, 1970 — Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX вв. Ташкент.

Мухамадиев, 1974 — Мухамадиев А. Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 году. Города Поволжья в средние века. М.

Неразик, 1976 — Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Т. IX. М.

Неразик, Савицкий, Маньлов, 1974 — Неразик Е. Е., Савицкий И. В., Маньлов Ю. П. Раскопки в зоне средневекового канала Гавхоре в 1970 году // Вестник Каракалпакского филиала АН Уз. ССР, № 2.

Плетнева, 1958 — Плетнева С. А. Печенеги, тюрки, половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Материалы и исследования по археологии СССР, № 68. М. — Л.

Полубояринова, 1980 — Полубояринова С. Д. Знаки на золотоордынской керамике. Средневековые древности Евразийских степей. М.

Поляков, 1973 — Поляков С. П. Этническая история северо-западной Туркмении в средние века. М.

Пугаченкова, Ремпель, 1972 — Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки // Из истории великого города. Ташкент.

- Рашид Ад Дин, 1952** — Сборник летописей. Т. I. М., Л.
- Савицкий, 1965** — Савицкий И. В. Резьба по дереву. Ташкент.
- Садиев, 1973** — Садиев М. Археологические наблюдения на территории строительства музея истории Самарканда. Афрасиаб, вып. II. Ташкент.
- Салтовская, 1956** — Салтовская Е. Д. Археологические работы близ кишлака Рохат // Археологические работы в Таджикистане в 1958 году. Сталинабад.
- Смирнов, Фёдоров-Давыдов, 1959** — Смирнов А. П., Фёдоров-Давыдов Г. А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // Советская археология № 4.
- Тереножкин, 1940** — Тереножкин А. И. О древнем гончарстве в Хорезме. // Известия Узбекского филиала АН СССР, №. 6. Ташкент.
- Толстов, 1947** — Толстов С. П. Из предыстории Руси // Советская этнография, VI/VII. М.
- Толстов, 1948** — Толстов С. П. Древний Хорезм. М.
- Толстов, 1962** — Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Федоров-Давыдов, 1981** — Федоров-Давыдов. Г. А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
- Ходжаниязов и др. 1990** — Ходжаниязов Г., Кдырниязов М. -Ш. Доспанов О. Раскопки жилого квартала в западной части Джанпик калы // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент.
- Юсупов, Маньолов, 1990** — Юсупов Н., Маньолов Ю. Исследования средневековых городищ Восточного чинка Устюрта (Гальгумбез, Куланлы. Айата). Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент.
- Ягодин, 1963** — Ягодин В. Н. Маршрутные археологические исследования в правобережной части Приаральской дельты Амударьи // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М.
- Ягодин, 1971** — Ягодин В. Н. К вопросу о связях древнего Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тысячелетия н. э. // Археология и этнография Башкирии. Уфа.
- Ягодин, 1973** — Ягодин В. Н. Кердерское поселение Курганча (К изучению исторической топографии и хронологии) // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент.
- Ягодин, 1981** — Ягодин В. Н. Хайван кала — раннесредневековый Кердер. // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент.
- Ягодин, Ходжаниязов, 1970** — Ягодин В. Н., Ходжаниязов Г. Х. Вал Дэвкескенский (к вопросу о функциях и хронологии) // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, № 3.
- Якубовский, 1932** — Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л.

Приаралье на перекрестке культур. — Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2013. — 196 стр.

Технический редактор Ильясова И.Я.

Дизайн и верстка: Холматов А. Д.

Подписано в печать __.07.2013 г.

Тираж ____ экз.

ISBN 978-9943-357-12-9 (МИЦАИ)

МИЦАИ: 140129, Самарканд, Университетский бульвар, 19

www.unesco-iicas.org

Отпечатано в типографии Mega Basim:

Baha Is Merkezi, Haramidere, Istanbul, Turkey

www.mega.com.tr

ISBN _____

© IICAS, 2013